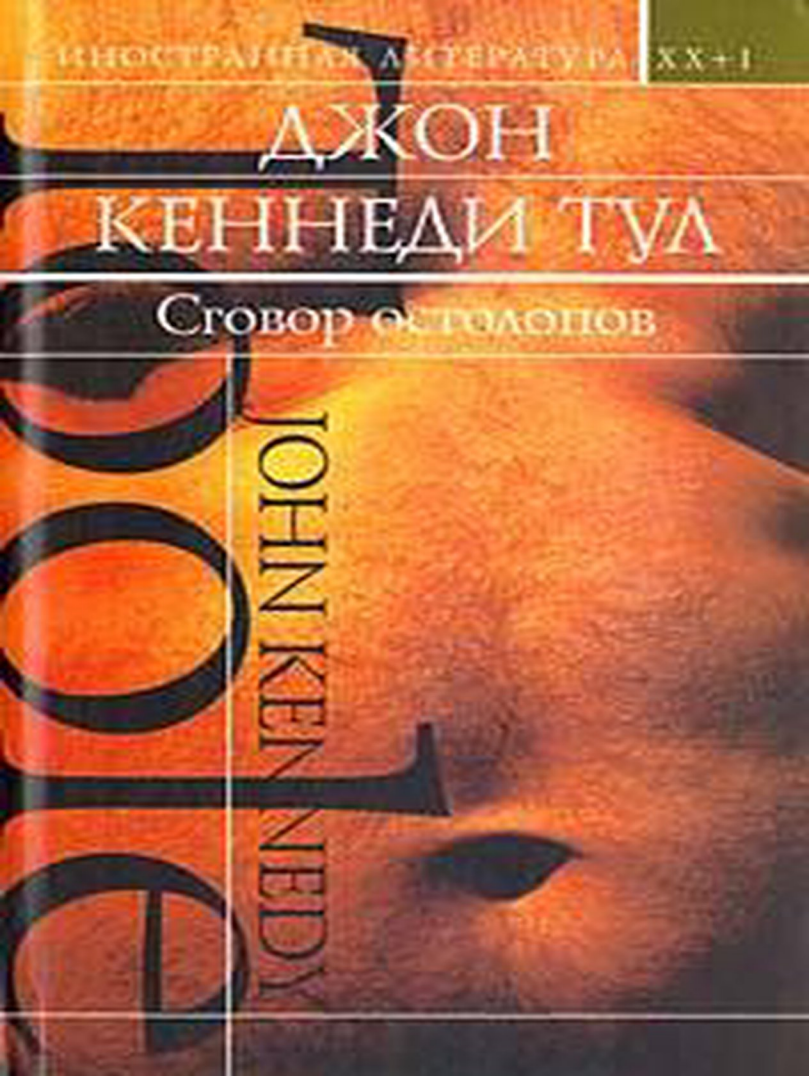
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА XX+1

ДЖОН КЕННЕДИ ТУЛ

Сговор остолопов

JOHN KENNEDY TOOLE



Сговор остолопов
Джон Кеннеди Тул

Аннотация
Уокер Перси. Предисловие к роману Джона Кеннеди Тула «Сговор остолопов»
Джон Кеннеди Тул. Сговор остолопов
ОДИН
ДВА
ТРИ
ЧЕТЫРЕ
ПЯТЬ
ШЕСТЬ
СЕМЬ
ВОСЕМЬ
ДЕВЯТЬ
ДЕСЯТЬ
ОДИННАДЦАТЬ
ДВЕНАДЦАТЬ
ТРИНАДЦАТЬ
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Аннотация

Игнациус Ж. Райлли — интеллектуал, идеолог, лодырь, посмешище, обжора. Гаргантюа, презирающий современность за недостаток должной теологии и геометрии. Опустившийся Фома Аквинский, который ведет свою безнадежную войну против всех: Фрейда, гомосексуалистов, гетеросексуалов, протестантов и всевозможных излишеств века, главным образом — междугородных автобусов. Литературный герой, не имеющий аналогов в мировой сатирической литературе.

Новоорлеанский писатель Джон Кеннеди Тул (1937-1969) не дожил до присуждения своему великому детищу Пулитцеровской премии (1981). И вот теперь «Сговор остолопов», самый оригинальный комический эпос XX века, — впервые на русском языке.

Уокер Перси. Предисловие к роману Джона Кеннеди Тула «Сговор остолопов»

Возможно, самый лучший способ представить читателю этот роман — который после третьего прочтения поражает меня еще сильнее, чем после первого, — просто рассказать, как я впервые с ним столкнулся. Когда я в 1976 году преподавал в Лойоле[1], мне начала звонить какая–то неизвестная дама. То, что она мне предлагала, противоречило здравому смыслу. Дело было не в том, что она накропала пару глав романа и теперь хотела записаться ко мне на занятия. Все заключалось в том, что ее сын, который уже умер, написал в начале шестидесятых годов целую книгу, большой роман, и ей хотелось, чтобы я его прочел. А зачем мне его читать? — спросил ее я. Потому что это великий роман, — ответила она.

За много лет мне стало очень хорошо удаваться избегать того, чего делать не хотелось. А если чего–то мне и не хотелось, так именно общаться

---

[1] notes: 1

Университет Ордена Иезуитов в Новом Орлеане. *(Здесь и далее примечания переводчика)*

с матерью покойного романиста и, хуже всего, читать рукопись, по ее утверждению, *великую*, которая, в довершение ко всему, оказалась смазанной и едва читаемой машинописной копией.

Но дама была настойчива, и вот так каким–то образом получилось, что она уже стояла у меня в кабинете и протягивала увесистую рукопись. Выхода не было; оставалась лишь одна надежда — я прочту несколько страниц, и они окажутся настолько плохи для меня, что я с чистой совестью смогу не читать дальше. Обычно я так и делаю. Да и первого абзаца, на самом деле, часто хватает. Боялся в этот раз я только одного: что эта книга окажется не настолько плохой или может оказаться настолько хорошей, что придется читать до конца.

В этом случае я продолжал читать дальше. И дальше. Сначала с тяжелым чувством, что роман не настолько плох, чтобы бросить, затем с покалыванием интереса, затем со всевозраставшим возбуждением и, наконец, с неверием: невероятно, чтобы роман был настолько хорош. Я устою против соблазна рассказывать, что именно впервые заставляло меня раскрывать от изумления рот, ухмыляться, хохотать, качать в изумлении головой. Пусть лучше читатель сам сделает для

себя эти открытия.

Как бы то ни было, вот перед вами Игнациус Райлли, персонаж без предков в какой бы то ни было известной мне литературе — экстраординарный неряха, безумный Оливер Харди[2], жирный Дон Кихот, извращенный Фома Аквинский в одном лице, который к тому же свирепо бунтует против всего современного века, валяется в своей байковой ночной сорочке в задней спальне на Константинопольской улице в Новом Орлеане, а между гигантскими припадками метеоризма и отрыжки заполняет десятки больших блокнотов «Великий Вождь» гневными инвективами.

Мать его считает, что ему нужно устроиться на работу. Он и устраивается — на несколько, одну за за другой. Каждое новое занятие быстро превращается в сумасшедшее приключение, полноформатное бедствие; однако каждое, как и у Дон Кихота, обладает своей жуткой логикой.

Его подруга, Мирна Минкофф из Бронкса, считает, что ему нужен секс. То, что происходит между Мирной и Игнациусом, на моей памяти совершенно не похоже ни на одну из историй, где

---

[2] notes: 2

Оливер Харди (род. в Гарлеме 18 января 1892 года, умер 23 февраля 1957 г.) — участник балаганного комического дуэта Лорела и Харди, одной из величайших голливудских комедийных трупп 20-30-х годов.

мальчики встречаются с девочками.

Никоим образом мне хочется умалять еще одного достоинства романа Тула — как он передает черты и особенности Нового Орлеана, его задних улочек, неприметных кварталов, его странной речи, его белых жителей — и одного черного, в котором Тулу удалось достичь почти невозможного: создать великолепный комический персонаж необъятного остроумия и находчивости, причем без малейшего следа растаманской менестрельности.

Однако, самое выдающее достижение Тула — сам Игнациус Райлли, интеллектуал, идеолог, лодырь, посмешище, обжора, который должен бы отталкивать читателя своими гаргантюанскими вздутиями, громоподобным презрением и своей войной одного против всех — против Фрейда, гомосексуалистов, гетеросексуалов, протестантов и всевозможных излишеств современности. Представьте себе опустившегося Аквинского, которого перевезли в Новый Орлеан, откуда он совершает дикую вылазку по болотам в Луизианский Университет в Батон–Руже, где у него крадут куртку лесоруба — в мужском туалете для преподавателей, где он уселся, сраженный гигантскими желудочно–кишечными проблема-

ми. Его пилорический клапан[3] периодически закрывается в ответ на нехватку «должной геометрии и теологии» в современном мире.

Меня смущает употребление слова *комедия* — хотя это и комедия, — поскольку оно подразумевает просто смешную книжку, в то время как этот роман — нечто гораздо большее. Великий раскатистый фарс фальстафовских пропорций — вот, наверное, описание получше; *коммедиа* — будет еще ближе.

Роман, к тому же, печален. Никогда до конца не понятно, откуда приходит печаль — от трагедии ли в сердцевине великих газоиспускательных неистовств Игнациуса и безумных авантюр, или от трагедии, окружающей саму книгу.

Трагедия книги — трагедия ее автора: его самоубийство в 1969 году в возрасте 32 лет. Другая трагедия — те труды, которых мы никогда уже не прочтем[4].

Очень и очень жаль, что Джона Кеннеди Тула нет сейчас среди живых, здравствующих и пи-

---

[3] notes: 3

Клапан привратника желудка (*мед.*)

[4] notes: 4

Известна еще одна книга Джона Кеннеди Тула — повесть «Неоновая Библия», написанная им в 16 лет, но опубликованная только в в 1989 году. Телевизионный фильм по ней поставлен Теренсом Дэйвисом.

шущих. Но это так, и с этим ничего не поделать, если не считать того, чтобы эту гаргантюанскую бурную человеческую трагикомедию по меньше мере представить миру читателей.

Джон Кеннеди Тул. Сговор остолопов

Когда на свете появляется истинный гений, вы можете узнать его вот по этому признаку: все остолопы вступают против него в сговор.

Джонатан Свифт. «Мысли по различным поводам, как поучительным, так и забавным»

Существует новоорлеанский городской выговор..., который ассоциируется с самым центром Нового Орлеана, в особенности — с немецким и ирландским Третьим Округом; его трудно отличить от акцентов Хобокена, Нью-Джерси, и Астории, Лонг-Айленд, куда перебралась вымершая в Манхэттене инфлексия Эла Смита. Причина, как вы могли бы ожидать, заключается в том, что Новому Орлеану этот выговор достался из тех же самых корней, от которых он попал на Манхэттен.

— Вот тут ты прав. Мы — средизем-

номорская нация. Я ни разу в жизни не был ни в Греции, ни в Италии, но уверен, что стоит мне сойти там на берег, и я почувствую себя как дома.

Еще бы, подумал я. Новый Орлеан напоминает Геную или Марсель, Бейрут или египетскую Александрию больше, чем Нью-Йорк, хотя все морские порты похожи друг на друга больше, чем на какие-либо другие места в глубине суши. Как Гавана и Порт-о-Пренс, Новый Орлеан попадает в охват орбиты эллинистического мира, который так никогда и не коснулся Северной Атлантики. Средиземное, Карибское моря и Мексиканский залив образуют однородное, хотя и разорванное, море.

А. Дж. Либлинг «Граф Луизианы»

ОДИН

Зеленая охотничья шапочка стискивала верхушку мясистого пузыря головы. По обе стороны поворотными огнями, указывая в два противоположных направления сразу, торчали зеленые наушники, нашпигованные самими крупными локаторами, а также нестриженными космами и нежной щетиной, произраставшей непосредственно в слуховых отверстиях. Из-под кустистых черных усов выпирали пухлые, укоризненно поджатые губы, к уголкам своим постепенно утопавшие в складках, переполненных неодобрением и крошками картофельных чипсов. Из тени зеленого козырька, ища признаков дурновкусия в платье, надменные изжелта-небесные буркалы Игнациуса Ж. Райлли снисходительно озирали народ, в ожидании толпившийся под часами универсального магазина Д.Г.Холмса. Некоторые наряды, отмечал Игнациус, достаточно новы и дороги, чтобы должным образом считаться преступлением против вкуса и пристойности. Владение чем угодно новым или дорогим лишь отражает нехватку у данного лица теологии и геометрии; и даже может накинуть тень сомне-

ния на душу человеческую.

Сам же Игнациус был обряжен комфортабельно и разумно. Охотничья шапочка предотвращала простуду головы. Объемистые твидовые брюки долговременного пользования были прочны и позволяли необычайно широкую свободу маневра. В их перекатах и укромных уголках всегда можно было отыскать карманы теплого затхлого воздуха, так умиротворявшего Игнациуса. Толстая фланелевая рубашка в клетку отменяла необходимость куртки, а кашне защищало неприкрытую кожу между наушниками и воротником. Подобный наряд можно было считать приемлемым по любым теологическим и геометрическим стандартам, сколь бы невразумительным он ни казался: он предполагал наличие богатой внутренней жизни.

По-слоновьи громоздко переместив вес с одного бедра на другое, Игнациус под твидом и фланелью прогнал телесные валы, разбив их о швы и застежки. Перегруппировавшись таким образом, он подверг созерцанию тот долгий промежуток времени, который истратил на ожидание матери. Обдумывал он, главным образом, одно неудобство, которое уже начинал испытывать: казалось, все его существо готово вырваться из разбухших

замшевых сапог пустынной модели, — и, как бы удостоверяясь в этом, Игнациус обратил свои исключительные зенки к ногам. Ноги в самом деле выглядели распухшими. Это зрелище готовых лопнуть сапог он изготовился предложить матери — как свидетельство ее эгоизма. Подняв голову, Игнациус увидел, как солнце начинает опускаться над Миссисипи в конце Канальной улицы. Часы Холмса утверждали, что уже почти пять. Мысленно Игнациус оттачивал несколько тщательно фразированных обвинений, призванных низвести мать к покаянию или, по крайней мере, повергнуть ее в смятение. Ему частенько приходилось указывать матери ее место.

Она привезла его в центр города на древнем «плимуте», и пока пребывала у врача на предмет артрита, Игнациус купил у Верлайна кое-какие ноты для трубы и новую струну к лютне. Потом забрел в Грошовую Аркаду на Королевской улице проверить, не установили ли там новых игр. Его разочаровало исчезновение миниатюрного механического бейсбола. Возможно, просто убрали в починку. В последний раз отбивающий игрок не работал, и после некоторых споров управляющие вернули ему никель, хотя людишки из Грошовой Аркады настолько низки, что предположили,

мол, Игнациус сам своротил бейсбольную машину, пнув ее неоднократно.

Сосредоточившись на судьбе маленького бейсбольного автомата, Игнациус отвлек свое естество от физической реальности Канальной улицы и людей вокруг и, следовательно, не обратил внимания на пару глаз, пожиравших его из-за одного из столбов Д.Г.Холмса, — пару печальных окуляров, сиявших надеждой и желанием.

Возможно ли отремонтировать машину в Новом Орлеане? Вероятно. Однако, быть может, придется отправлять ее куда-нибудь вроде Милуоки или Чикаго, или в какой-нибудь другой город, чье название связывалось у Игнациуса с эффективными ремонтными мастерскими и непрерывно дымящими фабриками. Игнациус тешил себя надеждой, что с машиной при перевозке будут обращаться аккуратно, и что ни одного из ее крохотных игроков не поцарапают или не покалечат грубые железнодорожные служащие, полные решимости навсегда разорить железную дорогу исками грузоперевозчиков, — те железнодорожные служащие, что устроят впоследствии забастовку и уничтожат Центральную Иллинойскую линию.

Пока Игнациус мысленно созерцал тот восторг,

который дозволяла испытывать человечеству маленькая бейсбольная машинка, пара печальных и алкавших окуляров продвигалась сквозь толпу в его направлении, подобно паре торпед, нацеленных на смутный силуэт огромного танкера. Полицейский ущипнул Игнациуса за сумку с нотами.

— У вас какое-нибудь удостоверение личности есть, мистер? — спросил он тоном, преисполенным надежды, что Игнациус официально никак не удостоверен.

— Что? — Игнациус опустил взор на полицейскую кокарду, красовавшуюся на фуражке. — Вы кто такой?

— Разрешите ваши водительские права?

— Я не вожу. Будьте любезны, ступайте прочь. Я жду маму.

— А что это у вас из сумки болтается?

— А что, вы думаете, это такое, глупое создание? Струна для моей лютни.

— Это еще что такое? — Полицейский слегка отпрянул. — Вы местный?

— Это входит в обязанности департамента полиции — домогаться меня в то время, как сам этот город — вопиющая столица порока всего цивилизованного мира? — взревел Игнациус, перекры-

вая шум толпы у входа в магазин. — Этот город знаменит своими шулерами, проститутками, эксгибиционистами, антихристами, алкоголиками, содомитами, наркоманами, фетишистами, онанистами, порнографами, жуликами, девками, любителями мусорить и лесбиянками, и все они чересчур хорошо защищены взятками. Если у вас найдется свободная минутка, я пущусь с вами в дискуссию о проблеме преступности, но попробуйте только сделать ошибку и побеспокоить *меня*.

Полицейский схватил Игнациуса за руку и немедленно получил по фуражке нотами. Болтавшаяся лютневая струна хлестнула его по уху.

— Э-эй, — обалдело произнес полицейский.

— Заполучите! — вскричал Игнациус, заметив, что вокруг начал собираться контингент заинтересованных покупателей.

Внутри же Д.Г.Холмса миссис Райлли находилась в булочном отделе и прижимала свою материнскую грудь к стеклянному ящику с макаронами. Одним пальцем, стертым от многолетней стирки гигантских пожелтевших кальсон сына, она постучала по стеклу, привлекая продавщицу.

— О, мисс Инез, — выкликнула миссис Райлли

на том наречии, которое к югу от Нью-Джерси встречается только в Новом Орлеане, этом Хобокене возле Мексиканского залива. — Сюда-сюда, лапуся.

— Эй, как оно ваше? — отозвалась мисс Инез. — Как вы себе чувствуете, дорогуша?

— Не то чтобы очень, — правдиво ответила миссис Райлли.

— Нет, ну как обидно, а? — Мисс Инез перегнулась через стеклянный ящик и начисто забыла про свои кексы. — Мне тоже не то чтобы очень. Ноги, знаете ли.

— Боже-Сусе, вот бы мне так повезло. У меня в локт*е*артюрит.

— Ой, только не это! — воскликнула мисс Инез с искренним сочувствием. — У моего старикана бедненького такое. Мы его заставляем в горячую ванную садиться с кипяченой водой.

— А мой-то мальчонка цельный день так и плавает в нашей ванной, так и плавает. Я уже в собственную ванну и зайти больше нет возможности.

— А я думала, он у вас женился, золотко.

— Игнациус-то? Э-э-ла-ла, — грустно вздохнула миссис Райлли. — Миленькая вы моя, не хотите ли выбить мне две дюжины вот этой чудн*о*й

смеси?

— А я-то думала, вы мне говорили, что он женился у вас, — сказала мисс Инез, укладывая в коробку смесь для кексов.

— Да и не приметил даже никого. Та девчоночка, подружка, что он себе завел, так и та же ж хвостом вильнула.

— Ну что ж, куда ему спешить-то?

— Да уж, наверное, — вяло ответила миссис Райлли. — Послушайте, а полдюжины винных кэксов впридачу мне выбить не хотите? Игнациус таким гадким становится, если у нас кэксы кончаются.

— Мальчонка ваш, значит, кэксики любит, э?

— Ох, ты ж Боже-Сусе, локоть меня щас доконает, — ответила миссис Райлли.

В центре толпы, собравшейся перед универмагом, яростно подпрыгивала охотничья шапочка, зеленый центр людского круга.

— Я выйду на связь с мэром, — орал Игнациус.

— Оставьте мальчонку в покое, — раздался голос из толпы.

— Идите ловить стриптизок на Коньячную улицу, — добавил какой-то старик. — А это хороший парнишка. Он свою мамочку ждет.

— Благодарю вас, — надменно произнес Игна-

циус. — Я надеюсь, вы все засвидетельствуете это безобразие.

— Ты пойдешь со мной, — сказал полицейский Игнациусу со сходящей на убыль самоуверенностью. Толпа постепенно превращалась в какое-то стадо, а дорожной полицией и не пахло. — Идем в участок.

— Что — хороший мальчик даже не может мамочку свою дождаться возле Д.Г.Холмса? — Это снова открыл рот старик. — Говорю вам, никогда раньше в городе такого не бывало. А все — комунясы.

— Это вы *меня* комунясом назвали? — переспросил полицейский старика, одновременно пытаясь увернуться от рассекавшей воздух лютневой струны. — Вас я тоже привлеку. Смотреть надо, кого комунясом называешь.

— Да тебе меня заарестовать — кишка тонка, — заголосил старик. — Я член Клуба «Золотые Седины», под началом у Новоорлеанского Департамента Отдыха.

— Оставь старика в покое, фараон паршивый, — заорала какая-то тетка. — Может, он чей-нибудь дедуля.

— А я и так дедуля, — ответил старик. — Шестеро внучков, и все у святых сестер учатся. Они у

меня еще и мозговитые.

Поверх людских голов Игнациус разглядел, как из вестибюля универмага медленно выплывает мать, волоча в кильватере хлебобулочные изделия, будто мешки с цементом.

— Мамаша! — воззвал он. — А вы пораньше не могли? Меня тут сцапали.

Проталкиваясь сквозь народ, миссис Райлли отвечала:

— Игнациус! Это чего тут происходит? Это чего ты уже натворил? Эй, убери лапы от моего мальчонки!

— Да не трогаю я его, дамочка, — оправдывался полицейский. — Этот вот тут вот — сын ваш?

Миссис Райлли выхватила свистевшую в воздухе струну.

— Разумеется, я ее отпрыск, — произнес Игнациус. — Разве вы не видите ее материнской нежности?

— Вишь, как любит своно парнишку, — добавил старик.

— Чего это ты пытаисси с моим несчастным ребенком сделать? — спросила миссис Райлли у полицейского. Игнациус потрепал крашенные хной материнские волосы своей огромной лапой. — Занятий нет — тока на бедных детках

отыгрываисси, а тут такие гады по улицам бегают. Мамочку ждет, подумать тока, а его уже арэстовать хочут.

— Предельно ясно, что это дело подлежит рассмотрению Союзом Гражданских Свобод, — заметил Игнациус, хватаясь лапой за поникшее мамочкино плечо. — Мы должны выйти на Мирну Минкофф, мою утраченную любовь. Она про такие вещи знает.

— А все комунясы, — перебил его старик.

— Сколько ему лет? — спросил полицейский миссис Райлли.

— Мне — тридцать, — снисходительно промолвил Игнациус.

— Работаешь?

— Игнациус помогает мне по дому, — вмешалась миссис Райлли. Ее первоначальное мужество слегка пошатнулось, и она стала накручивать струну от лютни на бечевку, которой ей перевязали коробки с кексами. — У меня ужасный артюрит.

— Я сметаю пыль, — сообщил Игнациус полицейскому. — А помимо этого, в настоящее время я сочиняю продолжительное обвинение нашему веку. Когда мозг мой терзается литературными трудами, я развлекаю себя сырной пастой.

— Игнациус готовит восхитительные сырные пасты, — гордо встряла миссис Райлли.

— Очень мило с его стороны, — сказал старик. — Мальчишки нонче тока и знают, что гонять по улице.

— Почему бы вам не заткнуться? — осведомился полицейский у старика.

— Игнациус, — дрожащим голосом спросила миссис Райлли, — чего ты натворил, дуся?

— В действительности, мамаша, я полагаю, что всё начал именно он. — И Игнациус показал на старика, державшего его сумку с нотами. — Я просто стоял тут, дожидался вас, молясь, чтобы доктор вселил в вас надежду.

— Убери отсюдова этого баламута, — велела миссис Райлли полицейскому. — Он безобразия чинит. Как такие еще по улицам шастают.

— Вся полиция — комунясы, — сказал старик.

— Я разве не для тебя сказал заткнуться? — разозлился полицай.

— Я на коленки кажный вечер падаю и Боженьке спасибо грю, что у нас защитники такие, — сообщила миссис Райлли всему сборищу. — Без полиции мы бы все уже давно на том свете в постелях лежали с перерезанным горлом от уха до уха.

— Истинная правда, девочка, — ответила ей какая-то женщина из толпы.

— Помолимся за органы полиции. — Миссис Райлли теперь адресовала свои замечания всей толпе. Игнациус шепотом ободрял ее, неистово поглаживая по плечам. — А за комунясов вы бы стали молиться?

— Нет! — рьяно отозвалось несколько голосов. Старика кто-то толкнул.

— Как есть правда, дамочка, — вскричал старик. — Он хотел вашего парнишку заарестовать. Прям как в России. Они все тут комунясы.

— Пошли, — сказал полицай старику и грубо схватил его за холку пиджака.

— О Боже мой! — простонал Игнациус, наблюдая, как чахлый маленький полицейский старается управиться со стариком. — Теперь мои нервы совершенно расходились.

— На помощь! — взывал к толпе старик. — Это переворот! Конституцию нарушают!

— Он самашедший, Игнациус, — произнесла миссис Райлли. — Пойдем-ка лучше отсюдова, дуся. — Она обратилась к толпе: — Бегите, люди. Он может нас всех укокошить. Лично мне кажется, что он, может быть, *сам* — комуняс.

— Совершенно не нужно утрировать, мама-

ша, — сказал Игнациус, когда они пробрались через редеющую толпу и споро зашагали вниз по Канальной улице. Оглянувшись, он увидел, как старик сцепился с распетушившимся фараоном под часами универмага. — Не будете ли вы так добры чуть-чуть притормозить? Мне кажется, у меня шумы в сердце.

— Ох, закрой рот. А мне, думаешь, каково? Мне в моем возрассе ваапще так бегать низзя.

— Боюсь, сердечный орган важен в любом возрасте.

— С твоим серцем ничего не происходит.

— Произойдет, если мы не сбавим обороты. — Твидовые брюки на ходу вздымались на гаргантюанском крестце Игнациуса. — Моя струна для лютни еще у вас?

Миссис Райлли затянула его за угол на Коньячную улицу, и они углубились во Французский Квартал.

— Как случилось, что этот полицай к тебе прицепился, дуся?

— Почем мне знать? Вероятно, через несколько мгновений он пустится в погоню за нами — как только усмирит этого пожилого фашиста.

— Ты так думаешь? — нервно переспросила миссис Райлли.

— Могу себе вообразить… Мне кажется, он был полон решимости меня арестовать. Должно быть, им задают какую-то норму или что-то в этом роде. Я серьезно сомневаюсь, что он позволит мне так легко избежать его тисков.

— Нет, ну какой ужас! Ты ведь тогда же во всех газетах будешь, Игнациус. Стыд-то какой! Ты все-таки что-то натворил, пока меня ждал, Игнациус. Я ведь тебя знаю, дуся.

— Если там кто-то и занимался своим делом, так это я, — выдохнул Игнациус. — Я вас умоляю. Мы должны остановиться. Мне кажется, у меня сейчас откроется кровотечение.

— Ладно. — Миссис Райлли поглядела на побагровевшую физиономию сына и поняла, что он очень радостно может грохнуться у ее ног исключительно в доказательство своей правоты. Раньше так уже бывало. Последний раз, когда она заставила его сопровождать себя к воскресной мессе, он дважды валился наземь по пути в церковь и один раз рухнул на пол прямо посреди проповеди о праздности, вывалившись в центральный проход и неприлично всех потревожив. — Давай вот сюда заглянем и присядем.

Одной из коробок с кексами она пропихнула его в двери бара «Ночь Утех». Во тьме, провоняв-

шейся бурбоном и окурками, они взгромоздились на два табурета. Пока миссис Райлли расставляла свои коробки по стойке, Игнациус расправил экспансивные ноздри и вымолвил:

— Мой Бог, мамаша, смердит здесь ужасно. У меня аж в животе заурчало.

— Назад на улицу хочешь? Чтобы этот полицай тебя заграбастал?

Игнациус не ответил: он громко принюхивался и корчил рожи. Бармен, наблюдавший за парочкой, вопросительно осведомился из теней:

— Да?

— Я изопью кофе, — величественно произнес Игнациус. — Кофе с цикорием и кипяченым молоком.

— Только растворимый, — ответил бармен.

— Такое мне пить никак не возможно, — сообщил Игнациус матери. — Это гнусность.

— Так возьми себе пива, Игнациус. Пиво тебя не убьет.

— Меня может раздуть.

— Я возьму «Дикси-45», — обратилась миссис Райлли к бармену.

— А джентльмен? — осведомился бармен богатым, уверенным голосом. — Чего ему будет угодно?

— И ему тоже «Дикси».

— Я могу его не допить, — запротестовал Игнациус, когда бармен отправился открывать бутылки.

— Но мы же здесь не можем сидеть за просто так, Игнациус.

— Почему бы и нет? Мы — единственные клиенты. Они должны радоваться нашему появлению.

— А у них тут по ночам стриптиз есть, а-а? — подначила сына миссис Райлли.

— Могу себе вообразить, — ледяным тоном отреагировал Игнациус. Ему явно было не по себе. — Могли бы и еще куда-нибудь заглянуть. Подозреваю, что сюда в любой момент полиция с облавой нагрянет. — Он громко фыркнул и прочистил горло. — Слава Богу, мои усы фильтруют хоть какую-то часть этого смрада. Мои органы обоняния уже шлют сигналы тревоги.

Казалось, прошла целая вечность, по ходу которой где-то слышалось лишь громкое звяканье стекла и хлопанье крышек от ящиков со льдом, потом из теней снова возник бармен и поставил перед ними стаканы, сделав вид, что Игнациусу он сейчас опрокинет пиво на колени. Семейство Райлли в «Ночи Утех» обслуживалось по низшему разряду — такой сервис приберегали для особо

нежелательной клиентуры.

— А у вас совершенно случайно холодного «Доктора Орешка» не найдется? — поинтересовался Игнациус.

— Нет.

— Мой сын обожает «Доктор Орешек», — объяснила миссис Райлли. — Я вынуждена покупать его цельными ящики. Иногда он усаживается и выпивает два, три «Доктора Орешка» зараз.

— Я уверен, что этого человека подробности особо не интересуют, — сказал ей Игнациус.

— Колпак снять не угодно? — поинтересовался бармен.

— Нет, не угодно! — громогласно рявкнул Игнациус. — Здесь зябко.

— Как пожелаете, — пожал плечами бармен и отчалил в тень на другом конце стойки.

— Это уж точно!

— Успокойся, — сказала ему мать.

Игнациус задрал наушник на шапочке с той стороны, где сидела мать.

— Так уж и быть, я его подниму, чтобы вам надсаживаться не приходилось. Ну и что врач сказал вам про локоть или что там у вас?

— Его нужно массажировать.

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы этим занимал-

ся я. Вы же знаете, каково мне дотрагиваться до других людей.

— Еще он велел мне как можно меньше бывать на холоде.

— Если бы я умел водить машину, то смог бы помогать вам больше, я полагаю.

— Ой, да это ничего, голубчик.

— На самом деле, даже простая поездка в автомобиле достаточно на меня действует. Разумеется, хуже нет, чем ездить на верхушках этих туристических «грейхаундов». Так высоко. Вы помните, как я в таком в Батон-Руж ездил? Меня рвало несколько раз. Водителю пришлось остановить автобус где-то в болотах, чтобы я смог выйти и немного побродить вокруг. Остальные пассажиры были значительно недовольны. Должно быть, у них железные кишечники, если они могут ездить на таких ужасных машинах. Необходимость покинуть Новый Орлеан тоже меня весьма напугала. За городскими кварталами начинается сердце тьмы, подлинная пустыня.

— Я помню это, Игнациус, — отсутствующе произнесла миссис Райлли, отхлебывая пиво большими глотками. — Ты действительно прихворнул, когда домой вернулся.

— *Тогда* мне уже было лучше. Хуже всего было

прибытие в Батон-Руж. Я осознал, что у меня куплен билет в оба конца, и возвращаться придется тоже автобусом.

— Ты мне уже рассказывал это, дуся.

— Такси назад в Новый Орлеан стоило мне сорок долларов, но, по крайней мере, в поездке мне не было так неистово плохо, хотя несколько раз я чувствовал позывы к тошноте. Я заставил шофера ехать очень медленно — и в этом ему не повезло. Полиция штата останавливала его два раза за то, что тащился по шоссе медленнее разрешенного. Когда нас остановили в третий раз, у него забрали права. Понимаете, они отслеживали нас радаром всю дорогу.

Внимание миссис Райлли металось между сыном и пивом. Она слушала эту историю уже третий год.

— Разумеется, — продолжал Игнациус, по ошибке принимая увлеченный взгляд матери за интерес, — то был единственный раз в моей жизни, когда я уезжал из Нового Орлеана. Возможно, меня мог расстроить недостаток центра ориентации. Гнать на полной скорости в этом автобусе — это как в пропасть бросаться. К тому времени, как мы выехали из болот и достигли тех пологих холмов возле Батон-Ружа, я уже начал бояться,

что какие-нибудь деревенские жлобы закидают автобус бомбами. Они обожают нападать на транспортные средства, являющиеся символом прогресса, я полагаю.

— Ну что ж, я рада, что ты не взялся за ту работу, — автоматически отреагировала миссис Райлли, *догадавшись*, что настал момент для ее реплики.

— Да мне никак не возможно было взяться за эту работу. Когда я увидел декана Отделения Средневековой Культуры, у меня все руки пошли маленькими белыми пупырышками. Абсолютно бездушный тип. Потом он что-то заметил по поводу того, что я не ношу галстука, самодовольно ухмыльнулся насчет моей куртки лесоруба. Я пришел в ужас от того, что такая бессмысленная личность осмеливается на подобное бесстыдство. Куртка лесоруба — одна из немногих утех существа, к которым я был когда-либо по-настоящему привязан, и если мне случится найти того психа, который ее спер, я непременно доложу о нем соответствующим властям.

Перед глазами миссис Райлли снова встала кошмарная, заляпанная кофе куртка лесоруба, которую ей всегда втайне хотелось отдать Добровольцам Америки вместе с некоторыми другими

любимыми предметами гардероба Игнациуса.

— Видите ли, я был настолько ошеломлен омерзительностью этого насквозь фальшивого «декана», что выбежал из кабинета прямо посреди его кретинистического бреда и поспешно удалился в ближайшую уборную, которая оказалась уборной «Для Преподавательского Состава». Как бы то ни было, я сидел в одной из кабинок, удобно разместив куртку на дверце. Внезапно на моих глазах куртку с дверцы сорвали. Я услыхал шаги. Дверь в комнату отдыха захлопнулась. В тот момент я был не в состоянии преследовать бесстыжего вора, и поэтому заорал. В уборную кто-то вошел и постучал в дверь моей кабинки. Оказалось, что это работник службы безопасности университета — так он представился, по крайней мере. Через дверь я объяснил ему, *что* только что произошло. Он пообещал отыскать мою куртку и ушел. На самом деле, как я уже вам об этом упоминал, я всегда подозревал, что он и «декан» — одно и то же лицо. Голоса у них звучали несколько похоже.

— В наши дни никому нельзя доверять, дуся, это уж точно.

— Как только смог, я бежал из уборной, стремясь лишь к одному — поскорее оказаться подаль-

ше от кошмарного места. Разумеется, я чуть не околел, торча возле этого вымершего университета в попытках поймать такси. Наконец, одно остановить удалось, и шофер согласился довезти меня до Нового Орлеана за сорок долларов — к тому же, он оказался настолько бескорыстен, что одолжил мне свою куртку. К тому времени, как мы прибыли, однако, выглядел он довольно угрюмо — его достаточно сильно угнетала утрата водительских прав. К тому же, если судить по частоте его чихов, у него развился сильнейший насморк. В конце концов, мы провели на шоссе почти два часа.

— Я, пожалуй, себе еще одно пиво выпью, Игнациус.

— Мамаша! В этом презренном заведении?

— Всего лишь одно, дуся. Ну давай же, мне еще хочется.

— Эти стаканы, вероятно, кишат заразой. Однако, если вы так настаиваете, возьмите мне бренди.

Миссис Райлли просигналила бармену, который выполз из теней и спросил:

— Так что там с тобой в том автобусе стряслось, кореш? Я конец прослушал.

— Не будете ли вы настолько любезны следить

за своим баром как полагается? — яростно поинтересовался Игнациус. — Ваша обязанность — молча обслуживать, когда мы вас об этом попросим. Если бы нам хотелось включить вас в свой разговор, мы бы уже дали вам это понять. На самом деле, мы обсуждаем довольно настоятельные личные вопросы.

— Да человек же просто хотит быть милым, Игнациус. Как не стыдно?

— Здесь в самих определениях содержится противоречие. Никому не возможно быть милым в таком притоне.

— Мы хотим еще два пива.

— Одно пиво и один бренди, — поправил ее Игнациус.

— Чистые стаканы закончились, — ответил бармен.

— Подумать только, жалость-то какая, — отозвалась миссис Райлли. — Ну ничего, вы нам вот в эти налейте.

Бармен пожал плечами и вновь скрылся в тенях.

* * *

В участке старик сидел на скамье вместе с остальным сбродом — в большинстве, магазин-

ными воришками, — составлявшим весь дневной улов. У себя на колене он аккуратно выложил в ряд: карточку Социального Обеспечения, членскую карточку Общества Святого Имени Св. Одо из Клюни, значок Клуба «Золотые Седины» и клочок бумаги, идентифицировавший его как члена Американского Легиона. Молодой чернокожий, безглазый за солнцезащитными очками космического века, долго изучал это маленькое досье на ляжке рядом со своею.

— В-во! — произнес он, ухмыляясь. — Слышь, ты, наверно, везде член.

Старик методично переложил карточки в другой последовательности и ничего не ответил.

— Как это они тока таких за шкворень берут? — Темные очки выдохнули дымом по всем стариковским карточкам. — У них тут, в падлиции, наверно, полная безнадега.

— Я нахожусь здесь в нарушение моих конституционных прав, — отчеканил старик, внезапно разгневавшись.

— Ага, так они тебе и поверят. Лучше чё-нить другое придумай. — Темная рука потянулась к одной из карточек. — Эй, а эт чё значит — «Запитые Седины»?

Старик выхватил у него из рук карточку и вер-

нул себе на ляжку.

— Эти картонки твои ни фига не помогут. Все равно упекут. Они всех упекают.

— Вы так считаете? — поинтересовался старик у облака дыма.

— Еще бы. — К потолку вознеслась новая тучка. — А ты как тут очутился, чувак?

— Не знаю.

— Не зна-аешь? В-во! С ума сойти. Должно быть, есть за чё. Это цветные народы часто ни за чё грабастают, а вы, мистер, вы, должно быть, тут за чё.

— Я на самом деле не знаю, — угрюмо ответил старик. — Стоял себе в толпе перед Д.Г.Холмсом.

— И слямзил чей-нить бамажник.

— Нет, полицейского обозвал.

— И как же ты его обозвал?

— Комунясом.

— Каму-нясом! Вуу-ооу. Да если я назову падлицая каму-нясом, мою жопу тут же в Анголу сплавят, точно. Хотя хорошо б кого-ньть из этих засранцев камунясом назвать. Типа сегодня днем стою это я в «Вулворте» себе, а какое-то чучело тырит кулек рахиса из «Орехово Домика», да орать начинает, будто в нее пикой тычут. Э-эй! Тут сразу охрана меня цап, и падлицаи, засрань,

уже наружу тащат. Ни одного шанса у чувака нету. В-во! — Его губы всосались в сигарету. — Никто рахиса этого на мне не нашел, а падлицаи все едино тянут. Так я думаю, что эта охрана и есть камунясы. Гнусное уёбище.

Старик прочистил горло и поиграл своими карточками.

— Тебя, наверно, отпустят, — сказали черные очки. — Меня — наверно, тока побазарят чутка, думают, попугают, хоть и знают, что у меня этого рахиса и в помине нет. Но, наверно, попробуют доказать, что есть. Наверно, сами купят кулек, сунут втихаря мне в карман. «Вулворт», наверно, меня на пожизненное засадить хочет.

Негр, казалось, уже смирился со своей судьбой и выдул новую тучу синего дыма, которая обволокла и его, и старика, и маленькие карточки. Потом задумчиво произнес:

— А интересно, кто все-таки стырил эти орехи. Наверно, сама охрана и сперла.

Полицейский призвал старика к столу в центре комнаты; за столом сидел сержант. Патрульный стоял рядом.

— Ваше имя? — спросил сержант старика.

— Клод Робишо, — ответил тот и выложил все свои маленькие карточки на стол перед сер-

жантом.

Сержант их осмотрел и произнес:

— Вот тут патрульный Манкузо утверждает, что вы оказывали при аресте сопротивление и называли его комунясом.

— Я не хотел, — печально ответил старик, заметив, как яростно сержант обращается с карточками.

— Манкузо утверждает, что вы утверждаете, что что все полицейские — комунясы.

— Ууу-иии, — протянул негр с другого конца комнаты.

— Джоунз, заткнись, будь добр? — крикнул ему сержант.

— Ладна, — ответил Джоунз.

— Я до тебя чуть попозже доберусь.

— Слышь, я ж никого камунясом не обзывал, — вскинулся Джоунз. — Меня ж эта охрана в «Вулворте» подставила. А я рахис ващще не люблю.

— Заткни пасть себе.

— Ладна, — бодро отозвался Джоунз и испустил грозовую тучу дыма.

— Я совсем не это имел в виду, — объяснял мистер Робишо сержанту. — Я просто занервничал. Я увлекся. Этот полицейский хотел арессовать

несчастного мальчонку, который возле Холмса маму ждал.

— Что? — сержант развернулся к тщедушному полицаю. — Ты *что* хотел сделать?

— Да никакой он не мальчонка, — ответил Манкузо. — Здоровенный жирный мужик, к тому же одет смешно. Выглядел подозрительной личностью. Я пытался осуществить обычную проверку документов, а он начал оказывать сопротивление. Сказать по правде, он был похож на взрослого извращенца.

— На извращенца, значит, а? — алчно спросил сержант.

— Да, — воспрял духом Манкузо. — На большого взрослого извращенца.

— Насколько большого?

— На самого большого в моей жизни, — сказал Манкузо, разводя руками так, будто хвастался уловом. Глаза сержанта засияли. — Первым делом я заметил на нем зеленую охотничью шапочку.

Джоунз где-то в глубине своего облака прислушивался, внимательно и отрешенно.

— Ну, и что произошло, Манкузо? Как случилось, что он сейчас не стоит здесь, передо мной?

— Он убежал. Из магазина вышла эта женщина и все запутала, и они с ним убежали за угол,

прямо в Квартал.

— О-о, да это типчики из Квартала, — внезапно обрадовался сержант.

— Нет, сэр, — перебил его старик. — Она на самом деле его мамочка. Славная симпатичная дама. Я их в городе и раньше видел. Этот полицейский ее напугал.

— Нет, ты послушай только, Манкузо! — завопил вдруг сержант. — Ты — единственный во всех наших органах, кто попробовал арестовать кого-то у мамочки. А зачем ты сюда еще и дедулю приволок? Сейчас же позвони его домашним, пусть приедут заберут его отсюда.

— Прошу вас, — взмолился мистер Робишо. — Не делайте этого. Дочка у меня с детишками возится. Меня за всю жизнь ни разу не арессовывали. Она за мной приехать не сможет. А что подумают мои внучки? Они все у святых сестер учатся.

— Позвони его дочери, Манкузо. Будет знать, как нас комунясами обзывать!

— Пожалуйста! — Мистер Робишо уже чуть не плакал. — Мои внучки меня уважают.

— Господи ты боже мой! — вздохнул сержант. — Сначала он пытается мальчика с мамой арестовать, потом чьего-то дедулю притаскивает.

Пошел отсюда к чертовой матери, Манкузо, и деда с собой забирай. Хочешь подозрительных субъектов задерживать? Ты у нас будешь это делать.

— Есть, сэр, — слабо отозвался Манкузо, уводя рыдающего старика.

— Ууу-иии! — из уединенности дымного облака раздался голос Джоунза.

* * *

Сумерки оседали вокруг бара «Ночь Утех». Коньячная улица снаружи начала освещаться. Перемигивались неоновые вывески, отражаясь в мостовых, смоченных легкой моросью, опадавшей уже некоторое время. Таксомоторы, привозившие первых вечерних клиентов — туристов со Среднего Запада и участников конвенций, — слегка пошлепывали шинами в холодных сумерках.

Теперь в «Ночи Утех» сидело еще несколько клиентов: мужчина, водивший пальцем по формуляру скачек, унылая блондинка, казалось, неким образом связанная с этим баром, и элегантно одетый молодой человек, куривший один за другим «Сэлемы» и пивший замороженные дайкири большими глотками.

— Игнациус, может, пойдем уже, а? — спросила

миссис Райлли и рыгнула.

— Чего-о? — проревел Игнациус. — Мы должны пребывать здесь и стать свидетелями разложения. Оно уже начинает проникать сюда.

Элегантный молодой человек от неожиданности выплеснул свой дайкири на бутылочно-зеленый бархатный пиджак.

— Эй, бармен! — позвала миссис Райлли. — Несите тряпку. Один клиент у вас тут замарался.

— Да все в *полном* порядке, дорогуша, — зло ответил молодой человек. Он покосился на Игнациуса и его мать, изогнув дугой бровь. — Я, видимо, просто не в тот бар зашел.

— Не нужно так *реагирывать*, голубчик, — посоветовала ему миссис Райлли. — Чего это вы пьете там такое? Похоже на ананасный снежок.

— Если бы я даже описал вам его в красках, сомневаюсь, что вы бы поняли.

— Вы как смеете разговаривать в таком тоне с моей дорогой, любимой мамочкой?

— Ох, да потише ты, громила! — рявкнул в ответ молодой человек. — Ты на пиджак мой посмотри.

— Он абсолютно гротесков.

— Ладно, ладно вам. Давайте останемся друзьями, — произнесла миссис Райлли сквозь пену,

осевшую на губах. — У нас и без этого и бомбов, и прочей пакости навалом.

— А вашего сына, кажется, приводит в восторг их сбрасывать, я должен заметить.

— Ладно вам. Тут мы в таком месте сидим, где всем повеселиться не грех. — Миссис Райлли улыбнулась молодому человеку. — Давай я тебе еще выпить куплю, малыш, за тот, что ты разлил. А сама, наверно, себе еще «Дикси» возьму.

— Да нет, мне в самом деле пора бежать, — вздохнул молодой человек. — Но все равно спасибо.

— Это в такой-то вечер? — спросила миссис Райлли. — Ох, да не обращай ты внимания, Игнациус мой еще и не того скажет. Оставайся, да спенктанкль посмотришь, а?

Молодой человек закатил глаза к небесам.

— Ага, — нарушила молчание блондинка. — Кой-какой попки да сисек увидишь.

— Мамаша, — холодно промолвил Игнациус. — Я в самом деле полагаю, что вы поощряете этих абсурдных людишек.

— Так это же ж ты остаться хотел, Игнациус.

— Да, хотел — как наблюдатель. Я не особо стремлюсь с ними общаться.

— Дуся, сказать по правде, так я сегодня больше

уже не могу эту твою историю про автобус слушать. Ты мне же ее уже ж четыре раза рассказал, как мы тут сели.

Игнациуса это задело.

— Я едва ли подозревал, что наскучил вам. В конечном итоге, та автобусная поездка была одним из наиболее решающих переживаний в моей жизни. Как мать вас должны интересовать травмы, определившие мое мировоззрение.

— А чего там у тебя с автобусом-то было? — заинтересовалась блондинка, пересаживаясь поближе к Игнациусу. — Меня Дарлина зовут. Мне нравятся хорошие истории. В твоей перчику есть?

Бармен грохнул пивом и дайкири о стойку как раз в тот момент, когда автобус отчалил в свой водоворот приключений.

— Вот, чистый стакан возьмите, — рявкнул он миссис Райлли.

— Нет, ну как любезно. Эй, Игнациус, а мне чистенький стакан дали.

Но сыну ее было не до того: его слишком поглотило свое прибытие в Батон-Руж.

— А знаете, голубчик, — обратилась миссис Райлли к молодому человеку, — мы же с мальчиком моим сегодня в историю попали. Полиция

его арессовать хотела.

— Ох ты ж. Полицейские такие упертые всегда, правда?

— Да-а, а ведь Игнациус и магистерскую степень получил, и все остальное.

— Так что ж он, во имя всего святого, натворил?

— Ничего. Стоял и ждал свою бедную дорогую мамочку.

— Наряд у него несколько… странноват. Я, как вошел, сразу подумал: он тут— какой-нибудь артист, хотя природы его выступлений и вообразить себе не пытался.

— Да я уж говорю ему, говорю про одёжу, а он не слушает. — Миссис Райлли бросила взгляд на кокетку фланелевой рубашки сына и волосы, обкудрявившие его затылок. — А на вас костюмчик-то хорошенький такой.

— Ах, этот? — переспросил молодой человек, ощупывая свой бархатный рукав. — Не стану от вас скрывать — он стоил мне целого состояния. Я отыскал его в дорогом маленьком магазинчике в Деревне.

— Не похожи вы на деревенского, я погляжу.

— Господи, — вздохнул молодой человек и поджег «Сэлем» могучим щелчком зажигалки. — Я

имел в виду Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке, дорогуша. Кстати, где вы такую шляпку себе отхватили? Фантастично!

— Ой, Боже-Сусе, да у меня ж она с тех пор, как Игнациус к первому причастию пошел.

— А не думали ее продать?

— Это чего ж ради?

— Я, видите ли, комиссионной одеждой торгую. Я вам за нее десять долларов дам.

— Ой, да ладно вам. Вот за это?

— Пятнадцать?

— В самом деле? — Миссис Райлли отделила шляпку от головы. — Конечно, голубчик.

Молодой человек раскрыл бумажник и вручил миссис Райлли три бумажки по пять долларов. Опустошив свой бокал с дайкири, он встал и сказал:

— Вот теперь мне действительно пора бежать.

— Так скоро?

— Знакомство с вами было совершенно восхитительным.

— Вы там потише, смотрите, на холоде, да в сырости.

Молодой человек улыбнулся, аккуратно разместил шляпку у себя под шинелью и вышел из бара.

— Радарное патрулирование, — между тем повествовал Игнациус Дарлине, — очевидно, достаточно защищено от дурака. Повидимому, мой таксист и я оставляли на их экране след маленькими точками от самого Батон-Ружа.

— Так ты и на экран попал, — зевнула Дарлина. — Подумать только.

— Игнациус, нам пора, — вмешалась миссис Райлли. — У меня уже в животе урчит.

Она повернулась и сбросила свою бутылку из-под пива на пол, где та и разлетелась фонтаном коричневых зубастых стеклышек.

— Мамаша, вы что — мне сцену устраиваете? — раздраженно осведомился Игнациус. — Неужели вы не видите, что мисс Дарлина и я разговариваем? У вас же с собой есть кексы. Вот и жуйте их. Вы вечно жалуетесь, что никогда никуда не выходите. Полагаю, вы должны наслаждаться вечерним городом.

Игнациус вернулся к радару, поэтому миссис Райлли залезла в одну из коробок и съела шоколадный кексик.

— Хотите? — предложила она бармену. — Миленькие такие. У меня и славные винные кэксики тоже есть.

Бармен сделал вид, будто ищет что-то у себя

на полках.

— Я уже носом чую винные кексики, — вскричала вдруг Дарлина, глядя мимо Игнациуса.

— А и возьми, голубушка, — протянула ей выпечку миссис Райлли.

— Я, наверное, тоже один скушаю, — сказал Игнациус. — Могу себе вообразить, вкус у них довольно неплох — особенно с бренди.

Миссис Райлли разложила коробку на стойке. Даже мужчина с формуляром согласился взять миндальный.

— Вы где такие славные винные кексы брали, дама? — спросила миссис Райлли Дарлина. — Хорошие и сочные.

— А вон там, у Холмса, голубушка. У них хороший выбор. Много разнобразия.

— Они довольно вкусны, — снизошел Игнациус, запуская свой вялый розовый язык в усы в поисках крошек. — Я, вероятно, один-другой миндальный еще съем. А кокосовые я всегда считал питательными кормами.

И он целенаправленно зарылся в коробку.

— Что же до меня, то мне всегда после еды кэкс подавай, — сообщила миссис Райлли бармену, который повернулся к ней спиной.

— Спорнём, вы хорошо готовите, а? — спросила

Дарлина.

— Мамаша не готовит, — догматически изрек Игнациус. — Она испепеляет.

— А я вот готовила, когда замужем была, — сказала им Дарлина. — Хотя я как бы много таких консервированных штучек брала. Мне вот такой вот испанский рис нравится, у них всегда бывает, и спагеты такие с подливой.

— Консервированная пища — извращение, — вымолвил Игнациус. — Подозреваю, что в конечном итоге она крайне вредна для души.

— Х-хосподи, опять у меня локоть начинается, — вздохнула миссис Райлли.

— Прошу вас, сейчас *я* говорю, — вспылил ее сын. — Я никогда не ем консервированной пищи. Однажды поел, так сразу почувствовал, как у меня атрофирование всех внутренностей наступает.

— У тебя хорошее образование, — сказала Дарлина.

— Игнациус кол*еж* кончил. А потом еще четыре года там ошивался, магистра получал. Игнациус кончил башковито.

— «Башковито кончил», — с вызовом повторил Игнациус. — Определяйте, пожалуйста, свои понятия четче. Что именно вы имеете в виду под «башковито кончил»?

— Не смей с мамой так разговаривать! — возмутилась Дарлина.

— Ох, да он ко мне так плохо иногда относится, — провозгласила миссис Райлли и заплакала. — Вы просто не знаете. Когда я думаю, сколько всего я для этого мальчика сделала…

— Мамаша, что вы мелете?

— Ты меня не ценишь.

— Прекратите сейчас же. Боюсь, вы слишком много пива потребили.

— Я для тебя как мусор. А я такая хорошая, — всхлипнула миссис Райлли и повернулась к Дарлине. — Я всю страховку его бедного Дедушки Райлли спустила, только чтоб он в колеже восемь лет учился, а он с тех пор только дома валяется, да в чилевизер смотрит.

— Постыдился бы, — сказала Дарлина Игнациусу. — Такой здоровый мужик. Погляди только на свою бедную мамочку.

Миссис Райлли, рыдая, рухнула на стойку, зажав в кулаке стакан с пивом.

— Это смехотворно. Мамаша, сейчас же прекратите.

— Если б я знала, что ты такой жестокий, мистер, я б ни за какие коврижки не стала твоих сумасшедших россказней про автобусы слушать.

— Вставайте, мамаша.

— Да ты, похоже, и чокнутый к тому ж, — продолжала Дарлина. — Сразу можно было догадаться. Посмотри только, как бедная женщина плачет.

Дарлина попыталась столкнуть Игнациуса с табурета, но тот лишь повалился на мать. Миссис Райлли неожиданно перестала рыдать и ахнула:

— У меня ж локоть!

— Что тут происходит? — В дверях бара, обитых зеленовато-желтым, цвета шартреза, кожемитом, стояла женщина. Статная, почти средних лет, прекрасное тело затянуто в черное кожаное пальто, блестевшее от мороси. — Стоит оставить заведение на пару часов по магазинам прошвырнуться, и поглядите только. Каждую минуту надо сидеть, наверное, чтоб вы, народ, мне всю мою инвестицию не испохабили.

— Просто двое пьянчуг, — пожаловался бармен. — Я им от ворот поворот пытался дать с тех пор, как они сюда зашли, а они липучие, что твои мухи.

— А ты, Дарлина, — повернулась к блондинке женщина, — вы с ними — большие друзья, а? На табуретках тут в бирюльки с этими субчиками играешь, как я погляжу?

— Этот парняга свою мамочку гнобит, — объяснила Дарлина.

— Мамочку? У нас тут теперь еще и мамочки завелись? Бизнес совсем завонялся.

— Прошу прощения? — встрял Игнациус.

Женщина его проигнорировала и вперилась взглядом в разломанную пустую коробку из-под кексов на стойке:

— Кто-то здесь пикник себе устроил. Черт побери. Я вам, народ, уже говорила про муравьев и крыс.

— Прошу прощения, — снова встрял Игнациус. — Здесь присутствует моя мать.

— Мне просто повезло, что вы здесь всей этой срани понаразбивали, — я как раз себе уборщицу ищу. — Женщина посмотрела на бармена. — Выставь эту парочку отсюда.

— Слушаюсь, мисс Ли.

— А вы не волнуйтесь так, — сказала миссис Райлли. — Мы уже уходим.

— Совершенно определенно уходим, — подтвердил Игнациус, ковыляя к двери и оставив мать позади сползать с табурета в одиночестве. — Поторопитесь, мамаша. Эта женщина похожа на фашистского коменданта. Она может нас ударить.

— А ну постойте! — завопила мисс Ли, хватая Игнациуса за рукав. — Сколько эти субчики нам должны?

— Восемь долларов, — ответил бармен.

— Да это же разбой с большой дороги! — загрохотал Игнациус. — Вы услышите от наших адвокатов.

Миссис Райлли расплатилась двумя из трех банкнот, отданных ей молодым человеком, и, качнувшись мимо мисс Ли, проговорила:

— Мы-то знаем, когда нас не хочут. Мы свои дела в других местах вести будем.

— И правильно, — отозвалась мисс Ли. — И валите. Дела с такими типами — сплошной поцелуй смерти.

После того, как набивная дверь закрылась за семейством Райлли, мисс Ли изрекла:

— Мамочки мне никогда не нравились. Даже моя собственная.

— А моя была шлюхой, — вымолвил мужчина с формуляром, не отрываясь от газеты.

— В мамочках дерьма навалом, — поделилась житейским наблюдением мисс Ли, стаскивая кожаное пальто. — Так, а теперь мы с тобою немножко побеседуем, Дарлина.

За дверью миссис Райлли, ища опоры, вцепи-

лась в руку сына, но, сколько бы ни старались, вперед они продвигались очень медленно, хотя казалось, что боковые движения даются им легче. В их походке стал прослеживаться рисунок: три быстрых шага влево, пауза, три быстрых шага вправо, пауза.

— То была ужжасная женщщина, — выговорила миссис Райлли.

— Отрицание всех человеческих качеств, — прибавил Игнациус. — Кстати, насколько далеко мы от автомобиля? Я очень устал.

— На Святой Анне, милый. Пара кварталов — рукой подать.

— Вы оставили в баре свою шляпку.

— О. А я продала ее тому молодому человеку.

— Вы ее продали? Но почему? А вы меня спросили, желаю ли я, чтобы вы ее продавали? Я был очень привязан к этой шляпке.

— Прости, Игнациус. Я ж и не знала, что она тебе так нравится. Ты про это ж ничего никогда не говорил.

— У меня к ней была невысказанная привязанность. То был контакт с моим детством, связь с прошлым.

— Но он же дал мне за нее пятнадцать долларов, Игнациус.

— Прошу вас. Не упоминайте об этом больше. Вся эта сделка — святотатство. Одному провидению известно, какие дегенеративные применения найдет он этой шляпке. У вас пятнадцать долларов при себе?

— Еще семь осталось.

— Так почему же мы не остановимся и не потребим чего-нибудь съестного? — Игнациус указал на тележку, стоявшую на углу: та изображала сосиску в тесте на колесах. — Я полагаю, они здесь торгуют «горячими собаками» длиною в фут.

— Горячие собаки? Дуся ты мой, мы что, по такому дождю, по такому холоду будем стоять на улице и есть сосыски?

— Я просто высказал предложение.

— Нет, — отвечала миссис Райлли с мужеством, несколько вдохновленным выпитым пивом. — Поехали домой. Я все равно ни за какие пряники не стану есть ничего с этих грязных таратаек. Ими сплошные бродяги управляют.

— Ну, если вы настаиваете, — надувшись, промолвил Игнациус. — Хотя я довольно-таки голоден, а вы, в конце концов, только что продали реликвию моего детства за тридцать сребреников, так сказать.

Они продолжали выписывать свои узоры по

мокрой брусчатке Коньячной улицы. Ископаемый «плимут» на улице Святой Анны обнаружился легко. Его высокая крыша торчала над всеми остальными машинами — самая лучшая его черта, поскольку «плимут» всегда легко было отыскать на стоянках больших универмагов. Миссис Райлли два раза заползала на тротуар, пытаясь силком извлечь машину из парковочной щели, и оставила отпечаток бампера образца 1946 года на капоте стоявшего позади «фольксвагена».

— Мои нервы! — только и сказал Игнациус. Он съежился так, что в окне торчала только зеленая охотничья шапочка, напоминая верхушку многообещающего арбуза. С заднего сиденья, где он обычно располагался, прочтя где-то, что место рядом с водителем наиболее опасно, Игнациус неодобрительно наблюдал за судорожными и непрофессиональными движениями матери. — Я имею подозрение, что вы весьма эффективно уничтожили маленький автомобиль, невинно припаркованный кем-то вон за тем автобусом. Теперь вам лучше преуспеть в скорейшей ретираде с этого места, пока не объявился законный владелец.

— Прикрой рот, Игнациус. Ты давишь мне на

невры, — отвечала миссис Райлли охотничьей шапочке в зеркальце заднего вида.

Игнациус приподнялся на сиденье и выглянул в заднее окно.

— Та машина подверглась краху. Ваши водительские права, ежели у вас они в самом деле имеются, вне всякого сомнения, отберут. Я определенно не стал бы обвинять служителей законности.

— Лучше ложись вздремни, — ответила мать, снова дернув машиной назад.

— Вы полагаете, я мог бы сейчас уснуть? Да я в тревоге за свою жизнь. Вы уверены, что вращаете руль в нужном направлении?

Внезапно автомобиль выпрыгнул из ловушки и юзом заскользил по мокрой мостовой к столбу, поддерживавшему витой чугунный балкон. Столб отвалился в одну сторону, а «плимут» с хрустом врезался в здание.

— О Боже мой! — заверещал с заднего сиденья Игнациус. — Что вы совершили на этот раз?

— Зови священника!

— Я не думаю, что нас ранило, мамаша. Однако, моему желудку вы только что нанесли ущерб на последующие несколько дней. — Игнациус открутил одно из задних окон и стал изучать кры-

ло, вжатое в стену. — Полагаю, нам потребуется новая фара с этой стороны.

— Что же нам делать?

— Если бы я управлял этим транспортным средством, я бы включил в автомобиле задний ход и грациозно покинул сцену. Кто-нибудь определенно выдвинет против нас обвинения. Владельцы этой развалюхи много лет ждали подобной возможности. После заката они наверняка намазывают улицу жиром в надежде на то, что таких автолюбителей, как вы, понесет в сторону их лачуги. — Тут он рыгнул. — Мое пищеварение уничтожено. Мне кажется, меня начинает раздувать!

Миссис Райлли подергала за стертые рычаги и дюйм за дюймом стала подавать машину назад. Стоило «плимуту» зашевелиться, как у них над головами раздался скрип дерева — скрип, постепенно переросший в треск ломающихся досок и скрежет металла. Балкон обрушился на них огромными секциями, бомбя крышу автомобиля с тупым, тяжелым грохотом разрывающихся ручных гранат. «Плимут» застыл, как обдолбанный чувак, и кусок декоративной чугунной решетки вдребезги расколошматил заднее стекло.

— Дуся, ты здоров? — неистово вопросила мис-

сис Райлли, едва канонада стихла.

В ответ Игнациус издал надсадный звук. Из желто-небесных глаз струились слезы.

— Скажи что-нибудь, Игнациус! — взмолилась его мать, обернувшись как раз в тот момент, когда сын высунул голову из окна и стравил прямо на помятый борт автомобиля.

Патрульный Манкузо медленно прогуливался по улице Шартр, одетый в балетное трико и желтый свитер — такой наряд, по замыслу сержанта, должен был помочь ему привлекать к ответственности подлинных, достоверных подозрительных субъектов вместо дедуль и мальчиков, ожидающих мамочек. Костюм этот был сержантским наказанием. Сержант объяснил Манкузо, что отныне и впредь тот будет нести единоличную ответственность только за привлечение подозрительных субъектов, а гардероб полицейского управления настолько богат, что Манкузо сможет выступать в новой роли каждый божий день. С обреченным видом Манкузо натянул трико прямо перед сержантом, и тот сразу же выпихнул его из участка на улицу, на прощанье велев подтянуться — или вон из полиции.

За два часа крейсирования по Французскому Кварталу Манкузо не схватил никого. Дважды

мелькала надежда. Он остановил мужчину в берете и попросил закурить, но мужчина пригрозил, что сейчас его арестует. Затем он привязался к молодому человеку в шинели с дамской шляпкой на голове, но молодой человек заехал ему ладонью по физиономии и рванулся прочь.

Патрульный Манкузо брел по улице Щартр и потирал щеку, которую до сих пор жгла пощечина, и тут услышал что-то похожее на взрыв. Надеясь, что какой-нибудь подозрительный субъект только что бросил бомбу или застрелился, он забежал за угол Святой Анны и увидел, как зеленая охотничья шапочка испускает среди развалин потоки рвоты.

ДВА

«С распадом Средневековой Системы боги Хаоса, Безумия и Дурновкусия обрели господство,» — писал Игнациус в одном из своих больших блокнотов «Великий Вождь».

По окончании периода, в котором западный мир наслаждался порядком, покоем, согласием и единением со своим Истинным Богом и Троицей, задули ветры перемен, несшие с собою порочные дни впереди. Злой ветер никому добра не принесет. Светлые дни Абеляра, Фомы Беккета и Рядового Человека угасли и стали тщетой; колесо Фортуны отвратилось от человечества, сокрушив его ключицы, раздробив ему череп, свернув туловище, проткнув почечную лоханку, опечалив душу. Вознесясь когда-то столь высоко, человечество пало столь низко. Посвященное некогда душе ныне посвятилось торжищу.

— Это довольно прекрасно, — сказал Игнациус себе и продолжил скоропись.

Торгаши и шарлатаны захватили контроль над Европой, называя свое вероломное Евангелие

«Просвещением». День саранчи близился, однако из золы человечества никакого Феникса не восстало. Смиренный и благочестивый крестьянин Пьер Пахарь отправился в город продавать своих детей лордам Нового Порядка с намерениями, которые мы в лучшем случае можем назвать сомнительными. (См. Райлли, Игнациус Ж., *Кровь на их руках: Преступность всего этого, Исследование избранных злоупотреблений в Европе шестнадцатого века*, Монография, 2 стр., 1950, Зал Редкой Книги, Левый Коридор, Третий Этаж, Мемориальная Бибилиотека Ховарда-Тилтона, Университет Тулэйн, Новый Орлеан, 18, Луизиана. *Примечание* : Я отправил эту исключительную монографию почтой в дар библиотеке; тем не менее, в действительности я не очень уверен, была ли она вообще принята. Ее могли запросто выбросить, поскольку написана она всего-навсего простым карандашом на линованной блокнотной бумаге.) Коловращение расширилось; Великая Цепь Бытия лопнула подобно множеству канцелярских скрепок, нанизываемых одна на другую каким-нибудь слюнявым идиотом; смерть, разруха, анархия, прогресс, честолюбие и самоусовершенствование — вот чему суждено было стать новым роком Пьера. Причем, роком

прежестоким: теперь ему пришлось столкнуться с извращением необходимости ИДТИ РАБОТАТЬ.

Его видение истории на мгновение померкло, и Игнациус внизу страницы набросал карандашом петлю. Рядом изобразил револьвер и небольшую коробочку, на которой аккуратно вывел печатными буквами: ГАЗОВАЯ КАМЕРА. Поелозил грифелем по бумаге взад-вперед и подписал: АПОКАЛИПСИС. Закончив украшать страницу, он отшвырнул блокнот на пол, где уже было разбросано множество таких же блокнотов. Сегодня очень продуктивное утро, подумал он. Я столько не свершал неделями. Глядя на десятки «Великих Вождей», образовавших около кровати ковер из индейских головных уборов, Игнациус самодовольно думал, что на их пожелтелых страницах и широких линейках — семена колоссального исследования сравнительной истории. Весьма неупорядоченные, разумеется. Но настанет день, и он предпримет сию задачу: отредактировать фрагменты своей ментальности и составить из них головоломку грандиознейшего замысла; будучи сложенной, она явит образованным людям тот катастрофический курс, коему следовала история последние четыре столетия. За те пять лет, что он посвятил этой работе, в среднем ежеме-

сячно им производилось лишь шесть абзацев. Он даже не мог припомнить, что написано в некоторых блокнотах, а несколько, осознавал он, и вообще заполнено главным образом каракулями. Тем не менее, спокойно размышлял Игнациус, Рим не сразу строился.

Игнациус задрал свою фланелевую ночную сорочку и поглядел на вспухший живот. Его часто раздувало подобным образом, когда он залеживался по утрам в постели, созерцая плачевный поворот, принятый событиями со времен Реформации. Дорис Дэй[5] и туристические «грейхаунды», стоило им прийти на ум, вызывали расширение его центральной части еще скорее. Однако после попытки ареста и автомобильной аварии его раздувало практически без всякой причины, пилорический клапан захлопывался без разбору и наполнял желудок пойманным в ловушку газом — газом, что обладал и собственным характером, и собственным бытием, и терпеть не мог своего заточения. Игнациус задавался вопросом: а не пытается ли его пилорический клапан, подобно Кассандре, сообщить ему нечто.

---

[5] notes: 5

Сценическое имя певицы и киноактрисы Дорис фон Каппельхофф (р.1924), звезды романтических голливудских комедий 1950-60-х годов.

Как медиевист, Игнациус верил в *rota Fortunae* или «колесо судьбы» — основополагающую концепцию трактата *De Consolatione Philosophiae*[6], философской работы, заложившей фундамент всего средневекового мышления. Боэций, покойный римлянин, написавший *Consolatione,* будучи несправедливо заточенным в узилище императором, сказал, что слепая богиня крутит нас на колесе, и невезение наше случается циклами. Не стала ли смехотворная попытка арестовать его началом плохого цикла? Не ускоряется ли его колесо вниз? Авария тоже была дурным знаком. Игнациуса это встревожило. Философия философией, но Боэция все равно пытали и убили. Тут клапан Игнациуса захлопнулся снова, и он перекатился на левый бок, чтобы под давлением тела клапан открылся опять.

— О, Фортуна, слепая, невнимательная богиня, я пристегнут к твоему колесу, — рыгнул Игнациус. — Не сокрушай меня под своими спицами. Вознеси меня повыше, божество.

— Ты чего там бормочешь, дуся? — спросила

---

[6] notes: 6

«Об утешении философией» (лат.) — трактат римского философа и государственного деятеля Аниция Манлия Северина Боэция (480?—524?), написанный им около 523 года в тюремном заключении по ложному обвинению в государственной измене. Боэций был казнен своим бывшим патроном, королем остготов Теодориком без суда и следствия.

мать через закрытую дверь.

— Я молюсь, — сердито ответил Игнациус.

— Сегодня ко мне заглянет патрульный Манкузо насчет аварии. Прочел бы немножко «Славься-Марий» за меня, голубчик.

— Ох ты ж Господи, — пробормотал Игнациус.

— По-моему — так чудесно, что ты молитвы читаешь, дуся. А я все кумекаю, чего ж ты там, запершись, все время делаешь.

— Уйдите, я вас умоляю! — заорал в ответ Игнациус. — Вы сокрушаете мой религиозный экстаз.

Энергично подскакивая на одном боку, Игнациус ощущал, как в горле вздымается мощная отрыжка, но стоило в ожидании открыть рот — и он испустил лишь крошечный рыг. Тем не менее, подскоки на месте возымели некое физиологическое действие. Игнациус потрогал маленькую эрекцию, указывавшую вниз, в сторону простыни, подержался за нее и затих, пытаясь решить, что же ему делать дальше. В этом положении, с красной фланелевой сорочкой, закатанной до груди, и массивным животом, вдавившимся в матрац, он несколько печально размышлял о том, что после восемнадцати лет вожделения оно стало всего-навсего механическим физическим актом, лишенным полетов фантазии и

изобретательности, на которые он некогда был вдохновенно способен. Было время, когда он почти превратил его в форму искусства, предаваясь ему мастерски, со рвением художника и философа, ученого и джентльмена. Где-то в комнате до сих пор погребено несколько аксессуаров, которыми он когда-то пользовался: резиновая перчатка, лоскут ткани от шелкового зонтика, склянка «Ноземы». Уборка их в самом финале действа со временем стала слишком угнетать.

Игнациус манипулировал и сосредотачивался. Наконец, возникло видение: знакомая фигура большой и преданной колли, его любимца в старших классах. «Гав!» — почти уже слышал Игнациус голос Рекса. — «Гав! Гав! Р-раф!» Рекс снова выглядел таким живым. Одно ухо висело. Он шумно дышал. Привидение перепрыгнуло через забор и помчалось за палкой, неким образом приземлившейся прямо посреди одеяла Игнациуса. Пока белая с рыжими подпалинами шерсть приближалась, глаза Игнациуса расширились, сошлись к переносице и закрылись, и он немощно откинулся на спину, провалившись во все свои четыре подушки, с надеждой только на то, что где-нибудь в комнате завалялась пачка «Клинексов».

* * *

— Я тут насчет работы швицара пришел, по объяве.

— Н-да? — взглянула Лана Ли на солнечные очки. — А какие-нибудь рекомендации у тебя имеются?

— Мне падлицаи комендацыю выписали. Грят, мне ж лучше, ежли я свое очко по найму устрою, — ответил Джоунз и выпустил реактивную струю дыма поперек пустующего бара.

— Прошу прощения. Никаких полицейских субчиков. Только не в таком бизнесе, как тут. Мне за инвестицией следить нужно.

— А я еще покудова не супчик, но уже могу точно сказать, чего мне впаяют: бомж без видимых срецв сущщества. Так и сказали. — Джоунз весь ушел в собиравшуюся тучу. — Я и думаю себе: мож, «Ночью Тех» обрадывается, ежли дадут кому-то членом опчества стать — ежли бедного цветного паренька от тюряги удержут. Из-за меня суда пикеты не полезут, я «Ночью Тех» путацию дам: как хорошо тут граждамские права бдют.

— Хватит чушь пороть.

— Э-эй! В-во как!

— У тебя есть опыт работы швейцаром?

— Чё? Веником да шваброй махать, и прочее говно для нигеров?

— Ты за языком следи, мальчонка. У меня тут чистый бизнес.

— Черт, да это ж как два пальца облюзать, особливо цветному народу.

— Я искала, — произнесла Лана Ли, становясь суровым начальником отдела кадров, — на эту работу подходящего мальчонку на несколько дней. — Она сунула руки в карманы реглана и всмотрелась в солнечные очки напротив. В самом деле отличная сделка — как подарок, оставленный на крыльце. Цветной парень, которого арестуют за бродяжничество, если он работать не будет. У нее появится крепостной швейцар, которым она сможет помыкать почти за так. Превосходно. Лана почувствовала себя лучше впервые с тех пор, как застукала эту парочку субчиков, гадивших в ее баре. — Зарплата двадцать долларов в неделю.

— Эй! То-то я гляжу, что подходящий так и не объявился. Ууу-иии. Слуш, а чё с минималой заплатой стало?

— Тебе работа нужна, так? А мне — швейцар. Бизнес завонялся. Отсюда и считай!

— Последний чувак, что тут батрачил, должно

быть, с голодухи помер.

— Работаешь шесть дней в неделю с десяти до трех. Если будешь регулярно ходить, кто знает? Может, маленькую надбавку получишь.

— Не волнуйсь. Я легулярно ходить буду — чё хошь, лишь бы на пару-другу часиков очко от падлицаев прикрыть, — ответил Джоунз, овевая дымом Лану Ли. — Где тут вы свою швабру, к ебенемаме, держишь?

— Первое, что нам нужно понять: рты мы тут держим чистыми.

— Есть, *мэ-эм*. Уж я точно не хочу такому прекрасному месту вывеску портить, как «Ночью Тех». В-во!

Открылась дверь, и вошла Дарлина в коротком атласном платье как на коктейль и цветочной шляпке, изящно поддергивая на ходу подол.

— Явилась наконец? — заорала ей Лана. — Я сказала тебе сегодня к часу быть.

— У меня вчера вечером какаду слег с простудой, Лана. Просто ужас. Всю ночь кашлял, мне в самое ухо.

— И где ты только такие отговорки придумываешь?

— Да так и было же ж, — обиженно пробурчала Дарлина. Она водрузила свою громадную шляпку

на стойку и вскарабкалась на табурет, прямо в тучу дыма, выпущенную Джоунзом. — Я ж его к ветеринару сёдни утром должна была свозить, укол витамина сделать. Я ж не хочу, чтоб бедная пташка мне все мебеля обкашляла.

— Чего это тебе вчера в голову взбрело тех двух субчиков привечать? Каждый день, каждый же день, Дарлина, я пытаюсь тебе объяснить, какая нам тут клиентура нужна. А тут захожу и вижу, как ты всякую дрянь с моего бара пожираешь с какой-то старой каргой и какой-то жирной говняшкой. Ты что — хочешь мой бизнес прикрыть? Люди сюда сунутся, увидят эдакую комбинацию — и в другой бар отвалят. Ну что еще нужно сделать, чтобы ты *зарубила себе на носу*, Дарлина? Как еще нормальному человеку достучаться до таких мозгов, как у тебя?

— Ну я же ж вам уже сказала — мне стало жалко несчастную женщину, Лана. Вы б видели, как ее сын третирует. Вы б слышали, какую историю он мне про «грейхаунд» рассказывал. Покуда эта милая старушка сидит и платит за всю его выпивку. Я ж *не могу* не взять хоть один из ее кексиков, чтобы ей приятное сделать.

— В следующий раз поймаю, как ты таких людей поощряешь и мне всю инвестицию гро-

бишь, пинка отсюда прямо под зад получишь. Это ясно?

— Да, мэм.

— Ты хорошо поняла, что я сказала?

— Да, мэм.

— Ладно. Теперь покажи этому мальчонке, где мы швабры и прочую срань держим и убери бутылку, которую старушенция раскокала. Ты отвечаешь за то, чтобы все это чертово заведение сверкало как стеклышко из-за того, что ты мне вчера вечером тут натворила. Я за покупками. — Лана дошла до дверей и обернулась. — И я не хочу, чтобы кто-нибудь дурака валял с ящиком под стойкой.

— Вот те крест, — сказала Дарлина Джоунзу после того, как Лана хлопнула за собой дверью, — тут хуже, чем в армии. Она тебя только сегодня наняла?

— Ага, — ответил Джоунз. — Тока не совсем *наняла*. Она меня как бы с подставки на укционе купила.

— Ты, по крайней мере, жалованье получать будешь. А я на одни проценты вкалываю с того, скока тут народ вылакает. Думаешь, легко? Попробуй убеди кого-нить купить вторую рюмашку того, что они тут набодяжат. Голимая вода. Да

чтоб хоть как-то торкнуло, надо десять, пятнадцать долларов спустить. Вот те крест, работа аховая. Лана даже в шампаньское воду спускает. Поди сам попробуй. А еще скулит, что бизнес завонялся. А с бара небось не берет ничего, а то знала бы. Пусть у ней хоть пять человек дует, она башли гребет. Вода ж ничё не стоит.

— А чо она покупать пошла? Кнут?

— Хрен ее поймешь. Лана мне никогда ничего не говорит. С прибабахом она, эта Лана. — Дарлина изысканно высморкалась. — А я на самом деле хочу стать экзотикой. Я уж и движения дома репетирывала. Развести бы Лану, чтоб я тут по вечерам танцевала, тогда и регулярная зарплата мне будет, и можно бросить водичку за проценты толкать. А кстати, хорошо, что вспомнила: мне с того, что эти тут выдули вчера, кое-какие проценты капают. Старушка-то порядком пива насосалась, точно. Прям и не знаю, чего Лана разгунделась. Бизнес как бизнес. Жирик этот с мамашкой ничуть не хуже других, кого сюда заносит. Я так думаю, Лану эта смешная зеленая шапочка заела, что он на макушку себе напялил. Он когда говорил — наушники натягивал, а когда слушал — снова их подымал. А как Лана подвалила, так на него уже все орали, поэтому ушки

на шапке у него торчали, что твои крылышки. И смех, и грех.

— Так ты говоришь, чувак этот тут со своей мамашей шибался? — спросил Джоунз, мысленно что-то сопоставляя.

— Ага. — Дарлина сложила носовой платок и запихнула себе в декольте. — Только б им в голову не взбрело снова сюда зарулить. Тогда уж мне наверняка туго придется. Х-хосподи. — Дарлина тревожно огляделась. — Слышь, нам тут чего-то сделать надо, пока Лана не вернулась. Только ты это. Не шибко напрягайся чистить эту помойку. По-моему, тут чисто никогда не было — сколько себя тут помню. К тому же все время тут хоть глах выколи — никто ничего и не заметит. Лану послушать, так эта дыра у нее — прямо «Ритц» да и только.

Джоунз пульнул в нее свежей тучей. Через очки ему вообще едва ли что-то было видно.

* * *

Патрульному Манкузо нравилось ездить на мотоцикле по Проспекту Св. Чарльза. В участке он позаимствовал самый большой и громкий — сплошь хром и небесная голубизна, он по мановению переключателя весь вспыхивал и мигал

китайским бильярдом красных и белых огней. Сирены — какофонии дюжины ополоумевших котов — хватало на то, чтобы все подозрительные субъекты в радиусе полумили испражнялись от ужаса и неслись в укрытие. Любовь патрульного Манкузо к мотоциклу была платонически интенсивна.

Хотя силы зла, генерируемые отвратительным — и, очевидно, невозможным для раскрытия — подпольем подозрительных субъектов, в этот день казались ему очень далекими. Древние дубы Проспекта Св. Чарльза арками склоняли ветви над проезжей частью, укрывая ее будто тентом и охраняя патрульного Манкузо от мягкого зимнего солнца, плескавшегося и искрившегося на хроме мотоцикла. Хотя последние дни были холодны и промозглы, этот неожиданно оказался на удивление теплым — такое тепло и смягчает новоорлеанские зимы. Патрульный Манкузо ценил эту мягкость, поскольку на нем были лишь майка да бермуды — на таком гардеробе остановился сегодня сержант. Длинная рыжая борода, закрепленная за ушами посредством проволоки, в действительности несколько согревала ему грудь; он умудрился выхватить бороду из шкафчика, когда сержант отвернулся.

Патрульный Манкузо вдыхал полной грудью прелый запах дубов и думал, романтически отклоняясь от темы, что Проспект Св. Чарльза — наверное, самое славное место на свете. Время от времени он обгонял медленно качавшиеся трамваи, казалось, лениво не направлявшиеся ни к одной определенной конечной остановке, следуя своему маршруту меж старых особняков по обе стороны проспекта. Все выглядело таким спокойным, таким процветающим, таким неподозрительным. В свое нерабочее время он едет проведать эту несчастную вдову Райлли. Она казалась такой жалкой, когда рыдала среди обломков. Ну, по крайней мере, он попробует ей хоть как-то помочь.

На Константинопольской улице он свернул к реке, треща и рыча по обветшавшему району, пока не поравнялся с кварталом домов, выстроенных в 1880-х и 90-х годах, — деревянных реликтов готики и Позолоченного Века, с которых осыпались резьба и завитки орнаментов. Стандартные пригородные строения боссов в твидовых костюмах, разделенные тупичками настолько узенькими, что стены можно соединить школьной линейкой, и огороженные острыми железными частоколами и низенькими стенами из кроша-

щегося кирпича. Здания побольше становились импровизированно многоквартирными, причем веранды превращались в дополнительные комнаты. В некоторых двориках блестели алюминиевые гаражи, а к одному-двум домам уже были приделаны сверкавшие алюминием навесы. Весь район деградировал от викторианского до никакого в особенности, квартал переехал в двадцатый век беззаботно и небрежно, причем — с весьма ограниченными средствами.

Адрес, который искал патрульный Манкузо, оказался самой крохотной постройкой квартала, не считая гаражей, — эдакий лиллипут восьмидесятых. Замерзшее банановое дерево, бурое и битое, чахло перед крыльцом, вот-вот готовое рухнуть под собственным весом, подобно железной ограде, уже опередившей его давным-давно. Возле мертвого дерева горбился земляной холмик, в котором наискось торчал кельтский крест, вырезанный из фанеры. «Плимут» 1946 года был запаркован во дворике, упираясь бампером в ступеньки крыльца, а выступавшими хвостовыми огнями перегораживая всю кирпичную дорожку. Тем не менее, если б не «плимут», не потемневший от непогоды крест и не мумифицировавшееся банановое дерево, дворик был бы

совершенно гол. В нем не было кустарника. В нем не росла трава. И не пели никакие птицы.

Патрульный Манкузо взглянул на «плимут» и увидел глубокую вмятину на крыше, а крыло, все измятое кругами, отстояло от корпуса на добрых три или четыре дюйма. СВИНИНА С БОБАМИ ВАН КАМПА было напечатано на куске картона, который прикрывал дыру, некогда служившую задним окном. Остановившись около могилки, Манкузо прочел выцветшие буквы на кресте: РЕКС. Затем поднялся по стертым кирпичным ступенькам и услышал из-за наглухо закрытых ставней раскатистое пение:

Большие девочки не плачут.

Большие девочки не плачут.

Большие девочки, они не пла-а-чу-ут.

Они не плачут.

Большие девочки, они не плачу-у-… ут.

Дожидаясь, пока кто-нибудь выйдет на звонок, он прочел выцветшую наклейку на дверном стекле: «От излишней болтовни в море тонут корабли». Под надписью ВОЛНА прижимала палец к губам, уже побуревшим от времени.

Многие особи квартала выползли на веранды поглазеть на него и на мотоцикл. Жалюзи в до-

ме напротив, медленно шевелившиеся вверх и вниз, чтобы установился должный фокус, явно свидетельствовали и о значительной невидимой аудитории, поскольку полицейский мотоцикл в окрестностях сам по себе — событие, а особенно — если его водитель носит шорты и рыжую бороду. Квартал был, разумеется, беден, но честен. Неожиданно смутившись, патрульный Манкузо позвонил в колокольчик еще раз и принял, по его мнению, официальную стойку. Он явил миру свой средиземноморский профиль, однако публика узрела лишь щупленькую фигурку землистого цвета: шорты неуклюже болтались в промежности, паучьи ножки, слишком голые под форменными подвязками и над нейлоновыми носками, гармошкой спускавшимися на лодыжки. Публика взирала с прежним любопытством, но без должного эффекта; а некоторые и вообще давно ожидали явления в это миниатюрное строение чего-то подобного.

Большие девочки не плачут.

Большие девочки не плачут.

Патрульный Манкузо свирепо забарабанил в ставни.

Большие девочки не плачут.

— Дома они, тута, — завопила какая-то тетка из-за ставней соседнего дома — фантазии архитектора о поместье Джея Гулда [7]. — Мисс Райлли наверно на кухне. Сзаду зайдите. А вы кто, мистер? Фараон?

— Патрульный Манкузо. Работаю под прикрытием, — сурово ответил он.

— Во как? — Повисла капля молчания. — А вам кого надо — мальчишку или мамашу?

— Мамашу.

— Ну, тогда хорошо. А то его ни в жисть не сцапаешь. Он телевизер смотрит. Вы вот это слышите? У меня ж от него уже ум за разум заходит. Никаких нервов не хватает.

Патрульный Манкузо поблагодарил теткин голос и вошел в отсыревший проулок. На заднем дворе он и обнаружил миссис Райлли — та развешивала пожелтевшие переметы простыни на веревке, растянутой между голыми фиговыми деревцами.

— О, это вы, — через минуту произнесла она, едва не взвизгнув при виде рыжебородого мужчины

---

[7] notes: 7

(1836-1892) — крупный американский финансист и спекулянт недвижимостью.

у себя во дворе. — Как ваше ничего, мистер Манкузо? И чего там люди сказали? — Она осторожно переступила своими коричневыми фетровыми шлепанцами через выбоину в кирпичной кладке дорожки. — А вы заходите, заходите, чашечку кофия славно выпьем.

Кухня оказалась просторной, с высоким потолком — самая большая комната в доме; в ней пахло кофе и старыми газетами. Как и повсюду в доме, там было темно; засаленные обои и коричневые деревянные плинтусы омрачали любое подобие света, выползавшего из тупичка. Хотя интерьеры патрульного Манкузо не интересовали, он не обошел вниманием, как и любой на его месте, антикварную печь с высокой духовкой и холодильник с цилиндрическим мотором на верхушке. Припомнив электрические жаровни, газовые сушилки, механические миксеры и взбивалки, вафельницы и моторизованные шашлычницы, которые постоянно жужжали, мололи, взбивали, охлаждали, шипели и жарили в космической кухне его жены Риты, Манкузо даже не осознал сперва, чем миссис Райлли занимается в таком скудном помещении. Как только по телевидению рекламировали новый прибор, миссис Манкузо немедленно его покупала, сколь

загадочным бы ни было его предназначение.

— Так расскажите ж, чего он сказал. — Миссис Райлли поставила кипятиться кастрюльку с молоком на свою эдвардианскую газовую печь. — Сколько с меня причитается? Вы сказали ему, что я — бедная вдова с ребеночком на руках, а?

— Да, это я ему сказал, — ответил патрульный Манкузо, неестественно выпрямившись на стуле и с вожделением поглядывая на кухонный стол, покрытый клеенкой. — Вы не станете возражать, если я положу сюда свою бороду? Тут у вас жарковато, а она мне лицо колет.

— Конечно, не стесняетесь, голубчик. Нате. Скушайте пончика с желе. Я свеженьких только сегодня прикупила на Журнальной улице. Игнациус мне утром и говорит: «Мамуля, уж так мне пончиков с желе хочется». Сами знаете. И я пошла по Германской и купила ему две дюжины. Смотрите, еще осталось несколько.

Она предложила патрульному Манкузо изодранную и замасленную коробку из-под пончиков, которая выглядела так, будто подверглась необычайному надругательству — ее явно пытались сожрать вместе с содержимым. На донышке патрульный Манкузо обнаружил два сморщенных кусочка, из которых, судя по влажным краям,

желе уже высосали.

— В любом случае, спасибо, мисс Райлли, я довольно плотно пообедал.

— Ай как жалко-то. — Она наполнила густым холодным кофе две чашки наполовину и сверху до краев добавила вскипевшего молока. — Игнациус любит свои пончики. Так и говорит мне: «Мамуля, люблю я свои пончики». — Миссис Райлли прихлебнула от края чашки. — Он сейчас в гостиной, на чилевизер смотрит. Каждый день, как по часам, одну и ту же передачу глядит, где детишки эти танцуют. — В кухне музыка звучала несколько потише, чем на крыльце. Патрульный Манкузо вообразил себе зеленую охотничью шапочку, омытую молочно-голубым мерцанием телевизионного экрана. — Да и передача-то ему совсем не нравится, однако пропускать не хочет. Вы бы слыхали, как он об этих детках бедных выражается.

— Я разговаривал сегодня утром с человеком, — сказал патрульный Манкузо, надеясь, что миссис Райлли истощила тему своего сына.

— Да что вы? — В свою чашку она положила три ложки сахару и, придерживая ложечку большим пальцем так, что грозила выткнуть себе глаз, отхлебнула еще маленько. — Что же он сказал,

голубчик?

— Я сообщил ему, что провел расследование аварии, и что вас просто занесло на мокрой мостовой.

— Неплохо сказано. И что он на это ответил, голубчик?

— Он сказал, что до суда дело доводить не хочет. А хочет все урегулировать немедленно.

— О Боже мой! — проревел Игнациус из передней части дома. — Что за вопиющее оскорбление хорошего вкуса!

— Не берите вы его в голову, — посоветовала миссис Райлли вздрогнувшему полицейскому. — Он так все время делает, когда на чилевизер смотрит. «Урегулировать». Значит, ему денег подавай, а?

— У него даже есть подрядчик, убытки оценить. Нате, вот эта оценка.

Миссис Райлли приняла от него листок бумаги и на бланке подрядчика прочла отпечатанную колонку цифр, разнесенных по пунктам.

— Царю небесный! Тыща и двадцать долларов. Какой кошмар. Как же ж я это заплачу? — Она уронила листок на клеенку. — А тут точно все правильно?

— Да, мэм. У него и юрист еще старается. И цена

все растет и растет.

— Но где ж мне тыщу долларов взять, а? У нас с Игнациусом ведь только страховка, что от моего бедного мужа осталась, да грошовая пенсия, а это ведь совсем пшик.

— Верю ли я тому тотальному извращению, коему становлюсь свидетелем? — возопил Игнациус из гостиной. Музыка набрала неистовый, первобытный темп; хор фальцетов вкрадчиво затянул про любовь всю ночь напролет.

— Простите, — сказал патрульный Манкузо, почти убитый финансовыми затруднениями миссис Райлли.

— Ай, да вы тут при чем, голубчик, — уныло отозвалась та. — Может дом заложить получится. С этим-то ничего уже не поделаешь, а?

— Нет, мэм, — ответил патрульный Манкузо, прислушиваясь к некоему топоту надвигавшегося панического бегства.

— Всех детей из этой программы следует отправить в газовую камеру, — изрек Игнациус, прошагав в кухню в одной сорочке. Тут он заметил гостя и холодно произнес: — О.

— Игнациус, ты же знаешь мистера Манкузо. Скажи «здрасьте».

— Я действительно полагаю, что где-то видел

его, — ответил Игнациус и выглянул в заднюю дверь.

Патрульный Манкузо был слишком перепуган чудовищной фланелевой ночной сорочкой, чтобы ответить на любезность Игнациуса.

— Игнациус, дуся, этот человек хочет больше тыщи долларов за то, что я сделала с его домом.

— Тысячу долларов? Он не получит ни цента. Мы привлечем его к суду немедленно. Свяжитесь с нашими адвокатами, мамаша.

— С нашими адвокатами? У него уже ж оценка подрядчика есть. Мистер Манкузо говорит, что я тут уже ничего сделать не могу.

— О. Ну что ж, тогда вам придется ему заплатить.

— Я могла бы это дело и до суда довести, если ты думаешь что так будет лучше.

— Вождение в нетрезвом состоянии, — спокойно ответил Игнациус. — У вас нет ни единого шанса.

Миссис Райлли выглядела подавленно:

— Но, Игнациус, — тыща и двадцать долларов.

— Я уверен, что вы сможете обеспечить некоторые фонды, — сказал он ей. — Кофе еще остался, или вы отдали последний этому балаганному паяцу?

— Мы можем заложить дом.

— Заложить дом? Разумеется, мы этого делать не станем.

— А что же нам еще делать, Игнациус?

— Средства имеются, — рассеянно ответил Игнациус. — Я желал бы, чтобы вы меня больше с этим не беспокоили. Эта программа и так постоянно усиливает мое беспокойство. — Он понюхал молоко прежде, чем налить его в кастрюльку. — Я бы предложил вам телефонировать молочнику немедленно. Его молоко довольно-таки устарело.

— Я могу получить тыщу долларов по гомстеду[8], — тихонько сообщила миссис Райлли молчавшему патрульному. — Дом — хорошее обеспечение. Мне тут агент по недвижности в прошлом году семь тыщ предлагал.

— Ирония этой программы, — вещал Игнациус, вперившись одним глазом в кастрюльку, чтобы успеть схватить ее с плиты, как только молоко поднимется, — заключается в том, что она долж-

---

[8] notes: 8

Имеется в виду «Гомстед-Акт» — принятый в 1862 году акт Конгресса США, о бесплатном выделении 160 акров общественных земель поселенцам, обязующимся возделывать эту землю в течение пяти лет с момента подачи заявки. Поскольку к 1935 году общественные земли на территории США практически истощились, действие его было свернуто, однако во многих штатах были приняты законы о гомстедах, освобождающие их владельцев от ареста имущества или принудительной продажи с целью выплаты долгов.

на служить *экзэмплюмом*[9] для молодежи нашей нации. Мне бы весьма и весьма любопытственно было узнать, что бы сказали Отцы-Основатели, если б смогли увидеть этих детей, растлеваемых во имя упрочения «Клирасила». Однако, я всегда предполагал, что демократия к этому и придет. — Он скрупулезно нацедил молока в свою чашку с портретом Ширли Темпл[10]. — На нашу нацию должно наложить твердую руку, пока нация себя не изничтожила. Соединенным Штатам требуются теология и геометрия, вкус и благопристойность. Я подозреваю, что мы балансируем на краю пропасти.

— Игнациус, я завтра схожу и получу по гомстеду.

— Мы не станем иметь дела с этими ростовщиками, мамаша. — Игнациус шарил в жестянке от печенья. — Что-то непременно представится.

— Игнациус, но меня же ж в турму посадют.

— Хо-хмм. Если вы сейчас собираетесь представить нам одну из своих истерик, я буду вынужден

---

[9] notes: 9

Примером (искаж.лат.)

[10] notes: 10

(р. 1928) — детская звезда американского кино 1930-х годов. Отойдя от кинематографа в 1949 году, стала известна в 1970-х активной политической деятельностью в Республиканской партии.

вернуться в жилую комнату. Пожалуй, я так и сделаю.

Его туша ринулась по направлению к музыке, и шлепанцы для душа громко захлопали по огромным пяткам.

— Ну что же мне делать с таким мальчиком? — сокрушенно спросила миссис Райлли патрульного Манкузо. — Он совсем не думает о своей бедной мамочке. Наверно, ему будет все равно, если меня упекут. У этого мальчишки сердце ледяное,.

— Вы его разбаловали, — произнес патрульный Манкузо. — Женщина следить же должна, чтобы своих детей не разбаловать.

— А у вас дятей скока, мистер Манкузо?

— Трое. Розали, Антуанетта и Анджело-младший.

— Ай, ну какая ж красота. Милашечки, наверно, а? Не как Игнациус мой. — Миссис Райлли покачала головой. — Игнациус у меня ну не ребеночек, а просто золото был. Прямо не знаю, какая муха его укусила. Бывало, говорил мне: «Мамулечка, я тебя люблю». А вот теперь уже не подойдет, не скажет.

— О-ох, да не плачьте вы, — сказал патрульный Манкузо, растроганный до глубины. — Давайте, я

вам еще кофе сделаю.

— Ему наплевать, запрут меня в турму или нет, — всхлипнула миссис Райлли. Она открыла духовку и вытащила оттуда бутылочку мускателя. — Хотите хорошего винца, мистер Манкузо?

— Нет, спасибо. Поскольку я в органах служу, надо впечатление производить. К тому же, и с людьми начеку надо.

— Не возражаете? — риторически спросила миссис Райлли и хорошенько отхлебнула прямо из бутылки. Патрульный Манкузо поставил кипеть молоко, по-домашнему хлопоча над плитой. — Иногда такая тоска прям берет. Трудно жить. Но я и работала так работала. Заслужила.

— Вам надо на светлую сторону тоже смотреть, — посоветовал патрульный Манкузо.

— Уж наверно, — ответила миссис Райлли. — Другим-то крепче достаётся. Вон сестра моя двоюродная, изюмительная женщина. Всю свою жизнь, кажный день к службе ходила. И что вы думаете — сбило трамваем в аккурат на Журнальной улице, в такую рань, как раз к заутрене шла, еще темень стояла.

— Лично я никогда не даю себе опускаться, — соврал патрульный Манкузо. — Надо ж хвост пистолетом держать. Понимаете, что я хочу ска-

зать? Опасная у меня служба.

— Так вы ж и убиться можете.

— Иногда целый день никого не задерживаю. Иногда попадается кто-то не тот.

— Вроде того старичка перед Д.Г.Холмсом. Это я виновата, мистер Манкузо. Мне бы сообразить, что Игнациус кругом неправ. Это так на него похоже. Все время тылдычу ему: «Игнациус, на вот, одень эту красивую рубашку. Свитер красивый одень, я ж спецально тебе покупала». А он не слушает. Ничего слушать не хочет. Лоб каменный.

— А потом еще иногда дома свистопляска. Детки жену доводят — нервная она у меня.

— Невры — это ужасно. Мисс Энни, бедняжка, соседка моя — так у нее невры. Кричит, что Игнациус у меня слишком шумит.

— Вот и моя тоже. Бывает, хоть *из* дому беги. Будь я не я, давно бы пошел и надрался. Только это между нами.

— А мне надо выпить малёхо. Хлебнешь — и отпускает. Понимаете?

— А я вот что — я хожу в кегли играть.

Миссис Райлли попыталась вообразить маленького патрульного Манкузо с большим кегельным шаром и сказала:

— И вам нравится, а?

— Кегли — это чудесно, миссис Райлли. Так хорошо отвлекает, что можно не думать.

— О, небеса! — возопил голос из гостиной. — Эти девочки, без сомнения, — уже проститутки. Как можно представлять такие ужасы публике?

— Вот мне бы такую радость в жизни.

— Вам, знаете, следует попробовать в кегли.

— Ай-яй-яй. У меня ж уже и так в локте артюрит. Я уже старая играться с этими шарами. Я себе спину вывихну.

— А у меня есть тетушка, ей шестьдесят пять, уже бабуся, так она все время в кегли ходит. И даже в команде участвует.

— Есть такие женщины. А я — я никогда сильно спортом не увлекалась.

— Кегли — это больше, чем спорт, — запальчиво возвразил патрульный Манкузо. — На кегельбане можно много людей встретить. Приятных людей. Можно с кем-нибудь себе подружиться.

— Ага, да только мне так повезет, что обязательно шар себе на пальцы уроню. У меня и так уже ж ноги хромые.

— В следующий раз как пойду на кегельбан, я дам вам знать. И тетушку с собой возьму. Вы и я, и моя тетушка — мы вместе на кегельбан пойдем. Ладно?

— Мамаша, когда этот кофе заваривали? — требовательно вопросил Игнациус, снова прохлопав шлепанцами в кухню.

— Да вот только час назад. А что?

— Он определенно противен на вкус.

— А мне показалось, очень хороший, — вмешался Манкузо. — Совсем как на Французском рынке подают. Я себе еще сделаю. Хотите чашечку?

— Прошу прощения, — ответил Игнациус. — Мамаша, вы что — собираетесь развлекать этого джентльмена весь день? Мне бы хотелось вам напомнить, что я сегодня вечером отправляюсь в кино и должен прибыть в кинотеатр ровно в семь, чтобы успеть к мультфильму. Я бы предложил вам немедленно начать подготовку какой-либо еды.

— Я лучше пойду, — сказал патрульный Манкузо.

— Игнациус, как не стыдно? — сердито вымолвила миссис Райлли. — Мы с мистером Манкузо тут просто кофий пьем. А ты весь день куксишься. Тебе наплевать, где я деньги искать буду. Тебе наплевать, запрут меня или нет. Тебе на все наплевать.

— Я что — буду подвергаться нападкам в моем собственном доме, да еще и перед посторонним с

фальшивой бородой?

— У меня сердце рвется.

— О, вот как? — Игнациус повернулся к патрульному Манкузо. — Не будете ли вы любезны уйти? Вы подстрекаете мою маму.

— Мистер Манкузо ничего такого не делает, он просто милый человек.

— Я лучше пойду, — извиняющимся тоном повторил патрульный Манкузо.

— А я этих денег достану, — закричала миссис Райлли. — Я дом этот продам. Я продам его прямо из-под тебя, дуся. А сама в богадельню пойду.

Она схватила за край клеенку и вытерла ею глаза.

— Если вы не уйдете, — сказал Игнациус патрульному Манкузо, уже прицеплявшего обратно бороду, — я вызову полицию.

— Он и *есть* полиция, глупый.

— Это тотально абсурдно, — сказал Игнациус и зашлепал задниками прочь. — Я ухожу в свою комнату.

Он хлопнул за собой дверью и схватил с пола блокнот «Великий Вождь». Бросившись спиной на подушки кровати, он начал рисовать каракули на пожелтевшей странице. Почти полчаса он дергал себя за волосы и жевал карандаш, после

чего приступил к сочинению абзаца:

Будь с нами сегодня Хросвита[11], мы бы все обратились к ней за советом и указанием. Из суровости и безмятежности ее средневекового мира один пронизывающий взгляд этой легендарной Сивиллы святых монахинь изгнал бы ужасы, материализовавшиеся перед нашим взором в облике телевидения. Если б можно было только совместить одно глазное яблоко этой священной женщины и телевизионную трубку — при том, что оба предмета, грубо говоря, одной формы и устройства, — что за фантасмагория взрывающихся электродов произойдет тогда. Образы тех сладострастно вертящихся детей дезинтегрируются во столько ионов и молекул, тем самым производя катарсис, коего трагедия развращения невинных по необходимости требует.

Миссис Райлли стояла в коридорчике и рассматривала надпись НЕ БЕСПОКОИТЬ, выведенную печатными буквами на листе «Великого Вождя», прицепленного к двери полоской старого лейкопластыря телесного цвета.

---

[11] notes: 11

Хросвита (Росвита) фон Гандерсхим (ок. 935 — ок. 1000 гг.) — немецкая монахиня, писавшая религиозные эпические поэмы на латыни и прозаические комедии на христианские темы, основанные на работах римского драматурга Теренция.

— Игнациус, пусти меня вовнутрь, дуся, — вопила она.

— «Впустить вас вовнутрь»? — отвечал из-за двери Игнациус. — Разумеется, не стану. В данный момент я занят особенно компактным пассажем.

— Пусти меня сейчас же.

— Вы же знаете, что вам входить сюда не позволяется никогда.

Миссис Райлли забарабанила в дверь.

— Я не знаю, что в вас вселилось, мамаша, но подозреваю, что вы в данный момент психически неуравновешенны. Задумавшись сейчас об этом, я осознаю, что слишком испуган, чтобы открыть вам дверь. У вас в руке может оказаться нож или разбитая винная бутылка.

— Сейчас же открой дверь, Игнациус.

— О мой клапан! Он закрывается! — громко простонал Игнациус. — Ну что — теперь вы удовлетворены тем, что погубили меня на весь оставшийся вечер?

Миссис Райлли всем телом бросилась на некрашенное дерево.

— Ну, только дверь не ломайте, — в конце концов произнес он и через несколько мгновений задвижка отползла в сторону.

— Игнациус, что это за дрянь на полу?

— То, что вы видите, — это мое мировоззрение. Оно все еще должно быть инкорпорировано в целое, поэтому ступайте осторожнее.

— Да еще и ставни все закрыл. Игнациус! На улице еще светло.

— Существо мое — не без своих прустианских элементов, — ответил Игнациус с постели, в которую быстренько вернулся. — О мой желудок!

— Тут ужасно воняет.

— Ну, а чего вы ожидали? Человеческое тело, пребывая в заточении, производит определенные ароматы, о которых мы склонны забывать в эпоху дезодорантов и прочих извращений. В действительности, я нахожу атмосферу этой комнаты довольно утешительной. Для того, чтобы писать, Шиллеру необходим был запах яблок, гниющих у него в ящике стола. У меня тоже есть свои потребности. Вы можете припомнить, что Марк Твен предпочитал лежать распростертым в постели, сочиняя свои довольно устаревшие и скучные потуги, которые, как пытаются доказать современные ученые, имеют какой-то смысл. Поклонение Марку Твену — один из корней нашего нынешнего интеллектуального застоя.

— Кабы я знала, что так у тебя получится, давно

б сюда зашла.

— Достаточно того, что я не понимаю, почему вы здесь *сейчас* или почему вам взбрел в голову этот неожиданный порыв вторгнуться в мое святилище. Сомневаюсь, что оно когда-либо будет прежним после травмы этой интервенции чуждого духа.

— Я пришла с тобой поговорить, дуся. Вылезай из этих подушек, я твоего лица не вижу.

— Должно быть, это всё — воздействие того смехотворного представителя законности. Он, кажется, настроил вас против собственного ребенка. Кстати, он уже покинул нас, не так ли?

— Да, и я извинилась за тебя.

— Мамаша, вы стоите на моих блокнотах. Будьте любезны, сдвиньтесь немного? Неужели недостаточно того, что вы уничтожили мое пищеварение, и теперь нужно уничтожать плоды моего мышления?

— Ну где же мне тогда встать, Игнациус? Или ты хочешь, чтобы я в кровать к тебе легла? — сердито осведомилась миссис Райлли.

— Прошу вас — смотрите, куда ступаете! — прогрохотал Игнациус. — Бог мой, никого никогда доселе столь тотально не осаждали и не штурмовали. Да что же там такое пригнало вас сюда

в этом состоянии законченной мании? Не в этой ли вони дешевого мускателя, что оскорбляет мои ноздри, дело?

— Я все решила. Ты пойдешь и найдешь себе работу.

О, что еще за низкую шутку играла с ним сейчас Фортуна? Арест, авария, работа. Когда же, наконец, завершится этот кошмарный цикл?

— Понимаю, — ответил Игнациус спокойно. — Осознавая, что вы врожденно неспособны прийти к заключению подобной важности, я могу себе вообразить, что такую идею вбил вам в голову этот монголоидный офицер охраны правопорядка.

— Мы с мистером Манкузо говорили, как я, бывало, с твоим папочкой разговаривала. А папочка твой всегда советовал мне, что делать. Если б он только жив был сейчас.

— Манкузо и мой отец сходны только в том, что оба производят впечатление довольно-таки незначительных человеческих существ. Однако, ваш нынешний ментор, очевидно, принадлежит к тому типу личностей, которые полагают, что всё будет хорошо, если только все беспрерывно работают.

— Мистер Манкузо прилежно трудится. Ему на участке трудно.

— Я убежден, что он поддерживает нескольких нежеланных отпрысков, которые все надеются вырасти и тоже стать полицейскими, включая девочек.

— У него трое милых дятишек.

— Могу себе вообразить. — Игнациус начал медленно подпрыгивать на кровати. — Ох!

— Что ты делаешь? Опять с этим своим клапом дурака валяешь? Ни у кого больше клапов этих нету, только у тебя. У *меня* клапа никакого нету.

— Клапан есть у *всех*! — заорал Игнациус. — Просто мой более развит. Я пытаюсь открыть проход, который вам благополучно удалось блокировать. Теперь он может остаться закрытым навсегда, между прочим.

— Мистер Манкузо говорит, что если будешь работать, то поможешь мне с этим человеком расплатиться. Ему кажется, человек может и частями деньги брать.

— Вашему другу-патрульному много чего кажется. Вы определенно притягиваете к себе людей, как говорится. Я никогда не подозревал, что он может быть столь словоохотлив или что он способен на подобные проницательные замечания. Неужели вы не осознаете, что он пытается разрушить наш дом? С того самого момента, как

он сделал попытку грубо арестовать меня перед Д.Г. Холмсом. Хоть вы и слишком ограниченны, чтобы охватить всё, мамаша, но человек этот — наша немезида. Он вращает наше колесо вниз.

— Колесо? Мистер Манкузо — хороший человек. Радовался бы, что он тебя не упёк.

— В моем приватном апокалипсисе он будет насажен на собственную дубинку. В любом случае, немыслимо, чтобы я устраивался на работу. Я в данный момент очень занят своими делом и чувствую, что вступаю в весьма плодотворную стадию. Вероятно, авария сотрясла и высвободила мою мысль. Как бы то ни было, сегодня я совершил много.

— Мы должны заплатить тому человеку, Игнациус. Тебе хочется меня в турме видеть? Разве тебе стыдно не будет, что твоя родная мамуля — за решеткой?

— Не будете ли вы любезны прекратить все эти разговоры о тюремном заключении? Вы, кажется, одержимы этой мыслью. Фактически, вы, кажется, наслаждаетесь, думая об этом. Мученичество бессмысленно в наш век. — Он тихонько рыгнул. — Я бы предложил соблюдать в доме определенные экономии. Неким образом вскоре вы увидите, что требуемая сумма имеется.

— Да я все деньги трачу на еду для тебя и на всё остальное.

— В последнее время я обнаружил несколько бутылок из-под вина, содержимое которых я совершенно точно не потреблял.

— Игнациус!

— Я допустил ошибку, нагрев духовку как-то на днях, прежде чем должным образом осмотрел ее. Когда я открыл дверцу, чтобы поставить внутрь свою замороженную пиццу, меня чуть не оставила без глаз бутылка жареного вина, уже готовая взорваться. Я предлагаю вам направлять в другую сторону некоторое количество денежных средств, вливаемых вами в алкогольную промышленность.

— Постыдись. Игнациус. Несколько бутылочек мускателя «Галло» — и все эти твои побрякушки.

— Не будете ли столь добры пояснить значение слова *«побрякушки»*? — рявкнул Игнациус.

— Да все книжки эти твои. Грамафон этот. Трубу, что я тебе в запрошлом месяце купила.

— Я расцениваю трубу хорошим вложением капитала, несмотря на то, что соседка наша, мисс Энни, так не считает. Если она снова начнет колотить мне в ставни, я оболью ее водой.

— Завтра же смотрим в газете явления про

найм. Ты хорошенько оденешься и найдешь себе работу.

— Мне боязно даже спрашивать, каково ваше представление об «одеваться хорошенько». Я, вероятно, буду превращен в совершеннейшее посмешище.

— Я поглажу тебе красивую белую рубашку, и ты наденешь красивый папочкин галстук.

— Верю ли я своим ушам? — осведомился Игнациус у своей подушки.

— Или так, Игнациус, или я под залог беру. Ты что — хочешь крышу над головой потерять?

— Нет! Вы не заложите этот дом, — обрушил он огромную лапу на матрац. — Все ощущение безопасности, которое я пытался в себе выработать, рухнет. Я не потерплю, чтобы какая-либо незаинтересованная сторона контролировала мое местожительство. Я этого не вынесу. От одной мысли об этом у меня руки обметывает.

И он протянул матери лапу, чтобы та смогла удостовериться в сыпи.

— Об этом не может быть и речи, — продолжал он. — От этого шага все мои латентные беспокойства прильют к голове, и результат, боюсь, окажется в самом деле довольно уродливым. Мне бы не хотелось, чтобы весь остаток своей жизни

вы ухаживали за полоумным сыном, запертым где-нибудь на чердаке. Мы не станем закладывать дом. У вас же должны быть где-то какие-то фонды.

— У меня сто пятьдесят в банке «Гиберния».

— Боже мой, и это всё? Я едва ли мог подозревать, что мы существуем, перебиваясь столь сомнительно. Тем не менее, вышло удачно, что вы от меня это скрыли. Знай я, насколько близко мы подошли к тотальной нужде, мои нервы бы не выдержали уже давно. — Игнациус почесал себе лапы. — Хотя я должен признать, что альтернатива для меня довольно мрачна. Я весьма серьезно сомневаюсь, что кто-либо меня наймет.

— Ты что хочешь сказать, дуся? Ты — прекрасный мальчонка с хорошим обрызаванием.

— Работодатели ощущают во мне отрицание своих ценностей. — Он перекатился на спину. — Они боятся меня. Я подозреваю, им это видно: я вынужден функционировать в столетии, которое глубоко презираю. Это было так, даже когда я работал на Новоорлеанскую Публичную Библиотеку.

— Но, Игнациус, тогда ты ж вообще единственный раз работал, как коллеж закончил, да и продержался всего две недели.

— Именно это я и имею в виду, — ответил Игнациус, целясь скатанным бумажным шариком в абажур молочного стекла.

— Дак ты ж там только эти бумажки в книжки наклеивал.

— Да, но у меня имелась собственная эстетика вклеивания этих бумажек. Бывали дни, когда я мог вклеить только три или четыре таких бумажки, однако бывал вполне удовлетворен качеством своей работы. Библиотечные же власти терпеть не могли моей целостности по поводу всего этого. Им требовалось лишь еще одно животное, которое могло ляпать клеем на их бестселлеры.

— А ты бы не мог снова там работу получить?

— Я серьезно в этом сомневаюсь. В то время я высказал несколько колких замечаний даме, заведовавшей отделом обработки. Меня даже лишили библиотечной карточки. Вы должны представлять себе весь страх и ненависть, которые в людях возбуждает мое *weltanschauung*[12]. — Игнациус рыгнул. — Я уже не стану упоминать своего недальновидного путешествия в Батон-Руж. Тот инцидент, я убежден, послужил причиной формирования во мне ментального блока на работу.

---

[12] notes: 12
Мировоззрение (нем.)

— С тобой мило обошлись в коллеже, Игнациус. Скажи по-правде. Тебе же долго разрешили там болтаться. Даже урок вести дали.

— О, да это в сущности своей то же самое. Какой-то жалкий беломазый из Миссисиппи насплетничал декану, что я — пропагандист Римского Папы, что есть, вне всяких сомнений, неправда. Я не поддерживаю нынешнего Папу. Он совершенно не соответствует моей концепции милостивого авторитарного Папы. В действительности, я выступаю в оппозиции релятивизму современного католицизма довольно яростно. Тем не менее, наглость этого невежественного, расистского, быдловатого фундаменталиста привела остальных моих студентов к тому, чтобы сформировать комитет и потребовать, дабы я оценил и вернул им накопившиеся у меня сочинения и экзаменационные работы. За окном моего кабинета даже прошла небольшая демонстрация. Это было довольно драматично. Для таких простых невежественных детей, как они, это удалось им сравнительно неплохо. Когда демонстрация достигла своего апогея, я вывалил все их старые бумажки — непроверенные, разумеется, — из окна прямо на головы студентов. Колледж был довольно мал для того, чтобы принять подобный

акт вызова бездне современной академии.

— Игнациус! Ты никогда мне этого не рассказывал.

— Я не хотел вас в то время ажитировать. К тому же, я заявил студентам, что во имя будущего человечества мне бы хотелось, чтобы их всех стерилизовали. — Игнациус поправил подушки вокруг головы. — Мне претила необходимость читать и перечитывать безграмотности и недоразумения, выбалтываемые темным разумом этих студентов. И где бы я ни работал, все будет точно так же.

— Ты же можешь заполучить себе хорошую работу. Погоди, пока они не увидят мальчика с магистерной дипломой.

Игнациус тяжко вздохнул и ответил:

— Я не вижу альтернативы. — Его лицо скукожилось в страдальческую маску. Бесполезно бороться с Фортуной, пока не завершится цикл. — Вы, разумеется, отдаете себе отчет, что во всем этом — ваша вина. Прогресс моей работы окажется в высшей степени затянут. Я бы предложил вам сходить к своему исповеднику и слегка покаяться, мамаша. Пообещайте ему, что будете в дальшейшем избегать тропы греха и пьянства. Расскажите ему, каковы последствия вашей

моральной несостоятельности. Сообщите, что вы задержали завершение монументального обличения всего нашего общества. Возможно, он и осознает всю глубину вашего падения. Если он относится к моему типу священнослужителей, епитимья ваша безусловно окажется довольно суровой. Тем не менее, я уже научился не ожидать многого от сегодняшнего духовенства.

— Я буду себя хорошо вести, Игнациус. Вот увидишь.

— Ладно, ладно, я найду себе службу, хотя она не обязательно будет отвечать вашим представлениям о *хорошей* работе. Со мной может случиться несколько ценных озарений, идущих на благо моему нанимателю. Возможно, опыт придаст манере моего письма новое измерение. Быть активно вовлеченным в саму систему, которую я критикую, окажется интересной иронией само по себе. — Игнациус громко отрыгнул. — Видела бы Мирна Минкофф, как низко я пал.

— А чем сейчас занимается эта вертихвостка? — с подозрением поинтересовалась миссис Райлли. — Я выложила хорошие денежки, чтобы ты только в колл*е*ж попал, а тебе приспичило с такой связаться.

— Мирна по-прежнему в Нью-Йорке, своей

родной среде обитания. Вне всякого сомнения, прямо сейчас пытается спровоцировать полицию на то, чтобы ее арестовали на какой-нибудь демонстрации.

— Да уж, действовала она мне на нервы, когда на этой своей гитаре по всему дому бренчала. Если у нее деньжата водятся, как ты говоришь, может, тебе на ней жениться надо? Обустроились бы вдвоем, дятенка себе завели или еще чего?

— Верю ли я, что подобная непристойность и грязь слетает с губ моей собственной матери? — проревел Игнациус. — Поспешите же и приготовьте мне какой-нибудь ужин. Я должен быть в театре вовремя. Это цирковой мюзикл, разрекламированное излишество, просмотра которого я уже некоторое время дожидался. Изучим объявления о найме завтра.

— Я так горжусь, что ты, наконец, начнешь работать, дуся, — взволнованно произнесла миссис Райлли и поцеловала сына куда-то во влажные усы.

* * *

— Ты гля-ка на эту бабусю, — в раздумье бормотал Джоунз своей душе, пока автобус подскакивал на ухабах, то и дело швыряя его на женщину,

сидевшую рядом. — Она думает, раз я цветной, то щас же ее снасилую. Ща же свою бабусью задницу из окна выкинет. В-во! А никого я снасиловать не собираюсь.

Он благоразумно отодвинулся от нее подальше и закинул ногу на ногу, жалея, что в автобусе нельзя курить. Интересно, думал он, что это за жирный кошак в зеленой шапчонке, который вдруг по всему городу оказался. Где эта толстая мамка в следующий раз всплывет? Просто призрак какой-то, этот придурок в зеленой шапчонке.

— Ладна, скажу падлицаям, что я по найму устроил, с горба его скину хоть, скажу, что с гуманитарием познакомился, и она мне двацать дохларов в неделю башляет. Он скажет: «Это прекрасно, мальчик. Я рад видеть, что ты выправляисси.» А я скажу: «Хей!» А он скажет: «Теперь, мож, ты станешь членом опчества.» А я скажу: «Ага, я тут себе работу негритосскую устроил, с негритосской платой. Теперь я точно член. Я теперь настоящий негритос. Не бомж. Просто негритос.» В-во! Не мелочь по карманам.

Старушенция дернула за шнурок звонка и выкарабкалась с сиденья, неловко пытаясь избегать любого контакта с анатомией Джоунза, наблю-

давшего за ее корчами сквозь отслоения своих зеленых линз.

— Гля-ка. Думает, у меня сифлис с тэ-бэ, да еще и стоит на нее впридачу, и щас бритвой ее порежу и бамажник слямзю. Ууу-иии.

Солнечные очки проводили женщину, сползшую с автобуса в толпу, стоявшую на остановке. Где-то на задворках этой толпы происходило какое-то препирательство. Мужчина колотил свернутой в трубочку газетой другого человека — с длинной рыжей бородой и в бермудских шортах. Человек в бороде выглядел знакомо. Джоунзу поплохело. Сначала этот крендель в зеленой шапочке, а теперь еще и субъект, личность которого он не мог удостоверить.

Джоунз отвернулся от окна, когда рыжебородый позорно сбежал с поля битвы, и уткнулся в журнал *«Лайф»*, одолженный ему Дарлиной. По крайней мере, Дарлина приятно с ним обошлась в «Ночи Утех». Дарлина выписывала *«Лайф»* в целях самоусовершенствования и, одалживая его Джоунзу, предположила, что он тоже найдет его полезным для себя. Джоунз попытался пропахать глазами редакционную статью про американское вмешательство в дела Дальнего Востока, но на середине остановился, недоумевая, как нечто

подобное может помочь Дарлине стать экзотикой — именно на эту цель жизни она ссылалась снова и снова. Он снова вернулся к рекламным объявлениям, ибо они интересовали его в журналах превыше всего остального. Их подборка в этом номере была превосходна. Ему нравилась реклама Страхования Жизни «Этна» с картинкой славного домишки, только что приобретенного семейной парой. Мужчины Лосьона Для Бритья «Ярдли» выглядели бесстрастно и богато. Вот как журнал может помочь *ему*. Он хотел быть похожим на этих мужчин.

* * *

Когда Фортуна откручивает тебя вниз, иди в кино и постарайся получить от жизни всё, что можно. Игнациус уже был готов сказать это самому себе и тут вспомнил, что ходил в кино почти каждый вечер вне зависимости от того, куда крутила его Фортуна.

Он сидел, весь обратившись в слух и зрение во тьме «Притании» лишь в нескольких рядах от экрана. Тело его заполняло всё кресло и выпирало в два соседние. На сиденье справа он разместил пальто, три шоколадки «Млечный путь» и два вспомогательных пакета воздушной кукурузы,

верх которых был аккуратно закручен, чтобы содержимое оставалось теплым и хрустящим. Игнациус поглощал свой текущий кулек попкорна и самозабвенно всматривался в рекламные ролики грядущих развлечений. Один из фильмов выглядит настолько удручающе, думал он, что приведет его в «Пританию» через несколько дней снова. Затем полотно засияло ярким широкоэкранным техниколором, проревел лев, и перед его дивным изжелта-голубым взором замелькали титры излишества. Лицо его заиндевело, и мешок попкорна в руке затрясся. При входе в театр он тщательно пристегнул наушники к макушке шапочки, и теперь пронзительная партитура мюзикла атаковала его незащищенные уши изо всей батареи динамиков. Он прислушивался к музыке, распознавая две популярные песни, которые не любил в особенности, и пристально изучал титры в поисках фамилий исполнителей, от которых его, как правило, тошнило.

Когда титры закончились, и Игнациус отметил, что несколько актеров, композитор, режиссер, художник по прическам и ассистент продюсера — люди, чьи старания уже оскорбляли его ранее, — на экране в полном цвете возникла сцена: множество участников массовки бесцельно топ-

тались по цирку-шапито. Он алчно всматривался в толпу и, наконец, обнаружил главную героиню, наблюдавшую какую-то интермедию.

— О мой Бог! — возопил он. — Вот она.

Дети на передних рядах обернулись и вытаращились на него, однако Игнациус их не замечал. Желто-небесные буркалы следовали за героиней, жизнерадостно тащившей ведро воды тому, что оказалось ее слоном.

— Это будет еще хуже, чем я думал, — произнес Игнациус, увидев слона.

Он поднес пустой пакет из-под кукурузы к полным губам, надул его и приготовился; его глаза сверкали отраженным техниколором. Грохнули литавры, и звуковая дорожка наполнилась скрипками. Героиня и Игнациус раскрыли рты одновременно: она — запеть, он — застонать. Во тьме неистово сошлись две дрожащие руки. Пакет из-под кукурузы оглушительно взорвался. Дети завизжали.

— Чё там за шум? — спросила управляющего женщина за конфетным прилавком.

— Сегодня он здесь, — ответил управляющий, указывая через весь зал на сгорбившийся силуэт в самом низу экрана. Управляющий двинулся по проходу к передним рядам, где нарастал дикий

визг. Страх рассеялся сам собой, и дети теперь просто состязались в визге. Игнациус вслушивался в трели и улюлюканье маленьких дискантов, от которых сворачивалась кровь, и злорадствовал в своей темной берлоге. Несколькими мягкими угрозами менеджеру удалось утихомирить передние ряды, и он бросил взгляд вдоль того ряда, на котором, точно громадное чудище среди детских головок, вздымалась одинокая фигура Игнациуса. Однако, удостоился он лишь одутловатого профиля. Глаза, сверкавшие из-под зеленого козырька, неотрывно следовали за героиней и ее слоном через весь широкий экран прямо в цирковой шатер.

Некоторое время Игнациус оставался относительно спокоен, то и дело реагируя на разворачивавшийся сюжет лишь сдавленным фырканьем. Затем весь актерский состав фильма оказался под куполом на тросах. На переднем плане на трапеции висела героиня. Она раскачивалась взад и вперед под мелодию вальса. Гигантским крупным планом она улыбнулась. Игнациус осмотрел ее зубы в поисках дупел и пломб. Она вытянула одну ногу. Игнациус поспешно обозрел ее контуры на предмет структурных дефектов. Она запела о том, чтобы стараться снова и сно-

ва, пока не придет успех. Игнациус затрепетал, когда философия слов песни стала окончательно ясна. Он изучал ее хватку, пока она держалась за трапецию, в надежде, что камера зафиксирует ее смертельное падение на опилки арены далеко внизу.

На втором припеве в песню вступил весь актерский ансамбль — они щерились и похотливо распевали об окончательном успехе, одновременно раскачиваясь, болтаясь в воздухе, вертясь и то и дело взмывая вверх.

— О милостивые небеса! — заорал Игнациус, не в силах долее сдерживать себя. Кукуруза высыпалась ему на рубашку и забилась в складки брюк. — Какой дегенерат произвел на свет это недоношенное страшилище?

— Заткнись, — произнес сзади чей-то голос.

— Только посмотрите на этих осклабившихся идиотов! Если бы только все эти тросы лопнули! — Игнациус потряс несколькими оставшимися зернышками попкорна в последнем пакете. — Хвала Всевышнему, что эта сцена окончена!

Когда, по всей видимости, начала развиваться любовная сцена, он вскочил из своего кресла и протопал по проходу к прилавку за новыми па-

кетами кукурузы, однако, вернувшись на место, обнаружил, что две огромные розовые фигуры уже совсем приготовились целоваться.

— У них, должно быть, халитоз, — объявил Игнациус поверх детских голов. — Я содрогаюсь при одной мысли о тех непристойных местах, где эти рты, без сомнения, побывали!

— Вы должны что-то сделать, — лаконично сообщила конфетная женщина управляющему. — Сегодня он хуже обычного.

Управляющий вздохнул и направился по проходу к тому месту, где Игнациус бормотал себе под нос:

— О мой Бог, их языки, должно быть, облизывают все коронки и гнилые зубы друг друга.

ТРИ

Игнациус проковылял по кирпичной дорожке к дому, мучительно преодолел ступеньки и позвонил. Один из стеблей засохшего банана давно издох и окоченело рухнул на капот «плимута».

— Игнациус, дуся, — вскричала миссис Райлли, открыв дверь. — Что с тобой? Ты как при смерти.

— Мой клапан захлопнулся в трамвае.

— Боже-Сусе, заходи скорей в тепло.

Игнациус с несчастным видом прошаркал в кухню и плюхнулся на стул.

— Инспектор отдела кадров в этой страховой компании отнесся ко мне весьма оскорбительно.

— Тебе не дали работу?

— Разумеется, мне не дали работу.

— Что случилось?

— Я бы предпочел не обсуждать этого.

— А в другие места ты ходил?

— Очевидно, что нет. Неужели состояние, в котором я пребываю, адекватно воздействует на потенциальных работодателей? Мне хватило здравого смысла вернуться домой как можно скорее.

— Ну не грусти, дуся, не грусти.

— «Грустить»? Боюсь, я никогда не «грущу».

— Ну, не будь таким гадким. Тебе дадут славную работу. Ты же только несколько дней по улицам ходишь, — сказала мать и посмотрела на него. — Игнациус, а когда ты с инспэктыром разговаривал, ты эту шапочку снимал?

— Ну разумеется, нет. Контора отапливалась недолжным образом. Понятия не имею, как работникам компании удается остаться в живых после пребывания в такой стуже каждый день. К тому же, там висят эти флюоресцентные трубки, поджаривающие им мозги и лишающие зрения. Мне все жутко не понравилось. Я пытался объяснить всю неполноценность этого заведения инспектору отдела кадров, но он казался довольно безразличным. И вообще был настроен весьма враждебно. — Игнациус испустил чудовищную отрыжку. — Тем не менее, я же говорил вам, что так все и выйдет. Я — анахронизм. Люди это осознают и презирают меня.

— Господи-Сусе, дуся, да держи ж ты хвост пистолэтом.

— «Держать хвост пистолетом»? — свирепо переспросил Игнациус. — Кто удобрял ваш разум этим неестественным мусором?

— Мистер Манкузо.

— О мой Бог! Мне следовало догадаться. Он что — может служить примером того, как «держать хвост пистолетом»?

— Послушал бы ты все, что с бедняжкой в жизни приключилось. Слышал бы, как сержан у него на участке старается…

— Довольно! — Игнациус заткнул одно ухо и грохнул кулаком по столу. — Я не желаю слышать больше ни единого слова об этом субъекте. На протяжении столетий именно манкузо этого мира развязывали войны и разносили болезни. И вот дух такого пагубного субъекта поселяется у меня в доме. Да он стал вашим Свенгали[13]!

— Игнациус, возьми себя в руки.

— Я отказываюсь «держать хвост пистолетом». От оптимизма меня тошнит. Это извращение. Со времен грехопадения должный удел человека во вселенной — удел страданий.

— А я вот не страдаю.

— *Страдаете*.

— Нет, не страдаю.

— Нет, страдаете.

— Игнациус, я *не страдаю*. Если б я страдала, я б тебе так и сказала.

---

[13] notes: 13
Зловещий гипнотизер из романа Джорджа дю Морье «Трильби».

— Если бы я разгромил чужую частную собственность, находясь в состоянии интоксикации, тем самым швырнув свое дитя на растерзание волкам, я бил бы себя кулаками в грудь и вопил. Я бы каялся, пока не сбил в кровь колени. Кстати, какую епитимью наложил на вас священнослужитель за ваши прегрешения?

— Три Славья-Марии и Отче-Наш.

— И это всё? — возопил Игнациус. — А вы сообщили ему, что наделали, прервав критически сущностную работу изрядного великолепия?

— Я сходила к исповеди, Игнациус. Сказала отцу про все. Он грит: «Не похоже, чтоб вы тут виноваты были, милочка. Похоже, вас просто немного на мокрой улице занесло.» Поэтому я ему и про тебя сказала. Я грю: «А мальчик мой грит, что это я не даю ему писать в тетрадках. Он этот рассказ уже почти пять лет пишет.» А отец грит: «Вот как? Ну, мне кажется, это не столь важно. Скажите ему, что хватит дома сидеть, пускай на работу идет.»

— Не удивительно, что я не могу поддерживать Церковь, — проревел Игнациус. — Да вас следовало бичевать прямо в исповедальне.

— А завтра, Игнациус, ты пойдешь попробываешь в каком-нибудь другом месте. В городе

целая куча работы. Я тут с мисс Мари-Луизой разговаривала, старушка эта, которая у Джермана работает. Так у нее брат-линвалит, с наушником ходит. Ну глуховатый вроде, понимаешь? Так он себе хорошей работой устроился, на заводе «Доброй Воли».

— Возможно, мне следует попытать судьбу там.

— Игнациус! Они ж только слепых туда берут, да дурачков всяких — веники вязать и все такое.

— Я убежден, что эти люди окажутся приятными сотрудниками.

— Давай в дневной газете поглядим. Может, там славная работка найдется.

— Если я должен вообще завтра выходить, то уж не собираюсь покидать дом в столь ранний час. Все время, пребывая сегодня в центре города, я ощущал себя дезориентированным.

— Дак ты ж и вышел-то после обеда.

— И тем не менее, я не функционировал должным образом. Ночью мне пришлось пережить несколько плохих снов. Я пробудился избитым и бормоча.

— Вот, послушай-ка сюда. Я это пробъявленье в газете кажный день вижу, — сказала миссис Райлли, поднеся газету к самому носу. — «Опрят-

ный, грудолюбивый мужчина…»

— « *Трудо* —любивый».

— «Опрятный, трудолюбивый мужчина, надежный, покойного склада…»

— « *Спокойного* склада». Дайте сюда, — рявкнул Игнациус, выхватывая у матери газету. — Прискорбно, что вы так и не смогли завершить свое образование.

— Папуля очень бедствовал.

— Я вас умоляю! В данный момент я не вынесу прослушивания этой мрачной истории еще раз. «Опрятный, трудолюбивый мужчина, надежный, спокойного склада.» Боже милостивый! Что же это за чудовище им требуется. Боюсь, я никогда не смогу работать на концерн с подобным мировоззрением.

— Ты ж до конца дочитай, дуся.

— «Конторская работа. 25-35 лет. Заявления принимаются в „Штаны Леви“, угол Индустриально-Канальной и Речной, между 8 и 9 часами ежедневно.» Что ж, это не подойдет. Я никогда не смогу там появиться до девяти утра.

— Дуся, если же ты работать пойдешь, так надо ж раненько вставать.

— Нет, мамаша. — Игнациус швырнул газету на духовку. — Я слишком высоко установил

прицельную планку. Мне ни за что не пережить подобного типа работы. Я подозреваю, что нечто вроде маршрута доставки газет окажется довольно приемлемым.

— Игнациус, стыдно такому большому мальчику пендали крутить, да газеты развозить.

— Вероятно, вы сможете возить меня в машине, а я буду разбрасывать газеты из заднего окна.

— Слушай меня, мальчик мой, — рассердилась миссис Райлли. — Завтра же пойдешь и чего-нибудь попробуешь. Я тут не шутки шучу. Первым делом сходишь по этому вот пробъявленью. Ты мне голову морочишь, Игнациус. Я тебя знаю.

— Хо-хмм, — зевнул Игнациус, являя на свет вялый розовый язычок. — «Штаны Леви» на слух воспринимается так же плохо, если не хуже, чем наименования иных организаций, с которыми я вступал в контакт. Очевидно, я уже начинаю скрести по дну рынка наемного труда.

— Ты погоди, дуся. Ты хорошо добьешься.

— О Боже мой!

* * *

У патрульного Манкузо появилась хорошая мысль, которую ему подсказал не кто иной, как Игнациус Райлли. Патрульный давеча телефони-

ровал им домой осведомиться у миссис Райлли, когда та сможет пойти в кегельбан с ним и его тетушкой. Однако трубку снял Игнациус и завопил:

— Прекратите досаждать нам, монголоид. Если б у вас имелась хоть толика разума, вы бы расследовали притоны, подобные «Ночи Утех», в котором мою возлюбленную матушку и меня унизили и ограбили. Я, к несчастью, пал жертвой порочной, растленной проститутки, явно нанятой этим баром. В довершение ко всему, его владелица — нацистка. Нам едва удалось спасти свои жизни. Ступайте расследовать эту банду и оставьте нас в покое, разрушитель чужих домов.

В этот момент миссис Райлли удалось вырвать трубку из рук сына.

Сержант обрадуется, узнав про такой притон. Рассчитывая на благодарность в приказе за полученный донос, патрульный Манкузо прочистил горло и вытянулся перед сержантом:

— У меня есть верные сведения о месте, где нанимают проституток.

— У тебя есть верные сведения? — переспросил сержант. — И кто дал тебе эти верные сведения?

Патрульный Манкузо решил, что в это дело Игнациуса впутывать не стоит по нескольким

причинам, и остановил свой выбор на миссис Райлли.

— Одна знакомая дама, — ответил он.

— И откуда этой знакомой даме известно это место? — снова спросил сержант. — И кто ее в это место привел?

Патрульный Манкузо не мог ответить: «ее сын». Могли открыться кое-какие старые раны. Ну почему разговоры с сержантом никогда не проходят гладко?

— Она была там одна, — наконец, выдавил патрульный Манкузо, пытаясь спасти допрос от полного провала.

— Знакомая дама в таком месте одна? — заорал сержант. — Что ж у тебя за знакомые дамы? Она, наверно, сама — наемная проститутка. Убирайся отсюда, Манкузо, и приведи мне настоящего подозрительного субъекта. Ты мне никого еще не привел. И никаких больше верных сведений от проституток. Сходи загляни в свой шкафчик. Ты сегодня солдат. Вали.

Патрульный Манкузо сокрушенно отчалил к шкафчикам, задаваясь вопросом, почему у него с сержантом никогда не выходит, как надо. Едва он вышел, сержант повернулся к детективу и сказал:

— Отправь-ка парочку наших людей в «Ночь Утех» как-нибудь вечерком. Там кто-то нашел с этим тупицей общий язык. Только ему ничего не говори. Я не хочу, чтобы вся слава досталась этому болвану. Пусть ряженым ходит, пока на него никто не клюнет.

— Знаешь, а ведь нам сегодня еще одна жалоба на Манкузо поступила: дамочка жалуется, что какой-то заморыш в сомбреро прижимался к ней вчера вечером в автобусе, — сказал детектив.

— Дело серьезное, — задумчиво ответил сержант. — Что ж, еще одна такая жалоба — и мы арестуем *Манкузо*.

* * *

Мистер Гонзалес включил свет в небольшой конторе и зажег газовую грелку около своего стола. Все двадцать лет, что он проработал в «Штанах Леви», он всегда приходил на работу самым первым.

— Было еще темно, когда я сегодня утром прибыл, — говорил он мистеру Леви в тех редких случаях, когда мистер Леви был вынужден навещать «Штаны Леви».

— Вы, должно быть, слишком рано из дому выходите, — отвечал мистер Леви.

— Я стоял на ступеньках конторы сегодня утром и беседовал с молочником.

— Ох, помолчите, Гонзалес. Вы получили мои билеты на самолет до Чикаго на игру «Медведей» с «Шулерами»?

— Я уже обогрел всю контору к тому времени, как на работу прибыли остальные.

— Вы жжете мой газ. Сидите в холоде. Вам полезно.

— Я сделал две страницы в гроссбухе за сегодняшнее утро, пока находился здесь один. Смотрите, я поймал крысу у водяной колонки. Она думала, что еще никого нет, а я пристукнул ее пресс-папье.

— Да уберите же от меня эту чертову крысу. Это место меня и так угнетает. Садитесь-ка на телефон и закажите мне гостиницу на Дерби.

Однако, мерила усердия в «Штанах Леви» были весьма низки. Исполнительность являлась достаточным поводом к повышению. Мистер Гонзалес дослужился до заведующего конторой и принял на себя командование несколькими удрученными клерками. Он никогда не мог в точности припомнить фамилий ни клерков, ни машинисток. Временами казалось, что они приходят и уходят чуть ли не ежедневно, — за исключением

мисс Трикси, восьмидесятилетней помощницы бухгалтера, которая с ошибками переписывала цифирь в гроссбухи Леви вот уже почти полвека. Даже свой зеленый целлулоидный козырек она не снимала по пути на работу и домой, что мистером Гонзалесом истолковывалось как символ лояльности «Штанам Леви». По воскресеньям она иногда надевала козырек и в церковь, по ошибке принимая его за шляпку. Надела она его и на похороны брата, где он был сорван с ее головы более бдительной золовкой слегка помоложе. Однако Миссис Леви некогда отдала приказ мисс Трикси на работе держать несмотря ни на что.

Мистер Гонзалес повозил по своему столу тряпкой, думая, как это с ним бывало каждое утро именно в это время, когда в конторе еще зябко и пустынно, а причальные крысы в стенах играют сами с собой в свои исступленные игры, о том счастье, подаренном ему союзом со «Штанами Леви». На реке сухогрузы, скользившие сквозь расползавшийся утренний туман, ревели что-то один другому, и низкие звуки их сирен эхом отдавались среди ржавевших шкафов-регистраторов конторы. Под боком у него щелкал и потрескивал маленький обогреватель — детали его разогревались и расширялись. Закуривая первую из десяти

своих ежедневных сигарет, мистер Гонзалес бессознательно внимал всем звукам, начинавшим его рабочие дни все двадцать лет. Докурив ее до фильтра, он погасил окурок и вытряхнул пепельницу в мусорную корзину. Ему всегда нравилось поражать мистера Леви чистотой своего стола.

Рядом с его столом стояла конторка мисс Трикси. Каждый из полуоткрытых ящиков был набит старыми газетами. Среди маленьких сферических образований пыли под конторкой лежал кусок картона, подоткнутый под один из углов, чтобы стояло ровнее. Вместо мисс Трикси стул ее занимали пакет из коричневой бумаги, наполненный ветхими лоскутами, и моток бечевки. Окурки переваливались через края пепельницы прямо на стол. Эту загадку мистеру Гонзалесу никогда не удавалось разгадать: мисс Трикси не курила. Он допрашивал ее на этот предмет несколько раз, но связного ответа не добился. В рабочем месте мисс Трикси было нечто магнетическое. Оно притягивало к себе все конторские отходы, и кто бы ни терял ручек, очков, кошельков или зажигалок, находили их обычно где-нибудь в недрах ее конторки. Мисс Трикси также копила все телефонные справочники, которые припрятывались в одном из набитых под завязку ящиков.

Мистер Гонзалес собирался было обыскать рабочее место мисс Трикси, рассчитывая найти пропавшую подушечку для печатей, когда дверь открылась, и в контору вползла сама мисс Трикси, шаркая по деревянному полу туфлями на резиновой подошве. При ней находился другой бумажный пакет, кажется, содержавший тот же ассортимент лоскутов и бечевки, если не считать подушечки для печатей, выглядывавшей сверху. Уже два или три года мисс Трикси таскала с собой эти пакеты, и иногда под ее конторкой скапливалось три или четыре — их смысла или назначения она никогда никому не открывала.

— Доброе утро, мисс Трикси, — выкрикнул Гонзалес своим искрометным тенорком. — И как мы сегодня поживаем?

— Кого? О, здрасьте, Гомес, — немощно отозвалась мисс Трикси и галсами подрейфовала в сторону дамской комнаты, будто вступая в единоборство с бурей. Мисс Трикси никогда не принимала идеально вертикального положения: они с полом постоянно держали друг друга в состоянии некоторого наклона.

Мистер Гонзалес воспользовался ее исчезновением, чтоб изъять свою подушечку из ее пакета, и обнаружил, что она вся покрыта тем, что на

ощупь и по запаху казалось жиром копченой грудинки. Интересно, размышлял он, вытирая подушечку, сколько остальных сотрудников появится сегодня. Как-то год назад на работу пришли только они с мисс Трикси, но это случилось еще до того, как компания ввела пятидолларовую месячную надбавку. Но все равно конторские помощники в «Штанах Леви» частенько бросали работу, даже не позвонив мистеру Гонзалесу. Это служило постоянным источником беспокойства, и после прибытия мисс Трикси он всегда с надеждой поглядывал на дверь, а особенно — теперь, когда фабрика должна была вот-вот начать поставки партий весенне-летнего сезона. Если говорить наверняка, помощь в конторе ему нужна была до крайности.

За дверью мистер Гонзалес приметил зеленый козырек. Неужели мисс Трикси вышла через фабричный цех и решила вернуться сквозь парадную дверь? С нее станется. Однажды утром она удалилась в дамскую комнату и была обнаружена мистером Гонзалесом в конце рабочего дня на верхнем складском этаже спящей на кипе товара. Но тут дверь открылась, и в конторе обозначилась одна из самых крупных фигур, что мистер Гонзалес видел в жизни. Мужчина удалил

с головы зеленую шапочку и явил густые черные волосы, приклеенные к черепу вазелином по моде двадцатых годов. Когда с фигуры слезла куртка, мистер Гонзалес обратил внимание на складки жира, затянутые в узкую белую рубашку, вертикально разделенную широким цветастым галстуком. Похоже, вазелин применялся и к усам, поскольку блестели они очень ярко. Выше наблюдались невероятные изжелта-небесные глаза, обрамленные тончайшей вязью розоватеньких сосудов. Мистер Гонзалес чуть ли не вслух взмолился, чтобы этот библейский бегемот оказался претендентом на должность. Он был поражен и ошеломлен.

Игнациус же оказался, наверное, в самой сомнительной конторе, куда ему только доводилось заглядывать. Голые лампочки, свисавшие с покрытого пятнами потолка через неравные интервалы, отбрасывали слабый желтый свет на вздутые половицы. Старые шкафы для бумаг делили комнату на несколько маленьких закутков, в каждом из которых стояло по столу, некогда покрытому своеобразным оранжевым лаком. Сквозь пыльные конторские окна открывался серый вид на причалы Польского проспекта, Армейский Терминал, Миссиссиппи и в отдале-

нии — на сухие доки и крыши Алжира на другом берегу. В комнату бочком проковыляла очень старая женщина и немедленно столкнулась со стенкой шкафчиков. Вся атмосфера тут напомнила Игнациусу его собственную комнату, и клапан его согласился с этим выводом, радостно открывшись. Игнациус чуть ли не вслух взмолился, чтобы его на работу приняли. Он был поражен и ошеломлен.

— Да? — жизнерадостно осведомился резвый человечек, сидевший за чистым столом.

— О, я просто подумал, что здесь заправляет всем эта дама, — ответил Игнациус самым своим громоподобным голосом, решив про себя, что этот живчик отравляет всю контору. — Я пришел в ответ на ваше рекламное объявление.

— О, чудесно. На которое? — восторженно вскричал человечек. — Мы публикуем в газетах два — для мужчины и для женщины.

— А по которому, вы считаете, я пришел? — возопил Игнациус.

— Ох, — ответил мистер Гонзалес в великом смятении. — Я очень извиняюсь. Я не подумал. Я имею в виду, что пол значения не имеет. Вы могли бы справиться с любой работой. Я имею в виду, что пол меня не интересует.

— Пожалуйста, не стоит об этом, — промолвил Игнациус. Он с интересом заметил, что старушка за своим столом уже начала клевать носом. Условия работы выглядели превосходно.

— Заходите, садитесь, прошу вас. Мисс Трикси возьмет ваши куртку и шляпу и повесит их в гардероб для служащих. Нам хочется, чтобы в «Штанах Леви» вы чувствовали себя как дома.

— Но я же с вами даже не поговорил.

— Это ничего. Я уверен, что наши взгляды совпадают. Мисс Трикси. Мисс Трикси!

— Кого? — вскрикнула та, сшибая свою заряженную пепельницу на пол.

— Ладно, я сам отнесу ваши вещи. — Мистеру Гонзалесу слегка досталось по руке, когда он потянулся за шапочкой, но куртку взять ему позволили. — Какой прекрасный у вас галстук. Такие сейчас очень редко встречаются.

— Он принадлежал моему усопшему отцу.

— Мне жаль это слышать, — сказал мистер Гонзалес и поместил куртку в старый металлический гардероб, где Игнациус заметил пакет, похожий на те два, что стояли рядом с конторкой старушки. — Кстати. Это мисс Трикси, наша старейшая сотрудница. Вы с удовольствием познакомитесь с нею.

Мисс Трикси уже спала, уронив седую голову в старые газеты на своем столе.

— Да, — наконец отозвалась она со вздохом. — Ох, это вы, Гомес. Уже пора идти домой?

— Мисс Трикси, это один из наших новых работников.

— Прекрасный большой мальчик, — ответила та, обратив слезящиеся глаза на Игнациуса. — Хорошо кушает.

— Мисс Трикси с нами уже больше пятидесяти лет. Этот факт даст вам некоторое представление о том удовлетворении, которое испытывают наши работники от сотрудничества со «Штанами Леви». Мисс Трикси работала еще при покойном отце мистера Леви, прекрасном старом джентльмене.

— Да, прекрасный старый джентльмен, — произнесла мисс Трикси, уже совершенно не в состоянии припомнить старшего мистера Леви. — Хорошо ко мне относился. Любил наградить меня добрым словом, такой человек был.

— Благодарю вас, мисс Трикси, — поспешно прервал ее мистер Гонзалес, точно конферансье, старающийся завершить с треском провалившийся номер варьете.

— Компания обещала подарить мне славный

вареный окорок на Пасху, — сообщила мисс Трикси Игнациусу. — Я очень на него надеюсь. О моей индюшке на День Благодарения совсем забыли.

— Мисс Трикси хранит верность компании уже много лет, — объяснил заведующий конторой, пока древняя помощница бухгалтера лопотала еще что-то про индюшку.

— Я уж пенсии жду не дождусь, но каждый год говорят, надо бы еще годик поработать. Урабатывают, покуда не свалишься, — сипела мисс Трикси. Затем, потеряв всякий интерес к пенсии, добавила: — Мне бы эта индюшка как раз пришлась.

И она приступила к сортировке содержимого одного из своих пакетов.

— Вы можете приступить к работе сегодня? — спросил мистер Гонзалес Игнациуса.

— Я полагаю, мы еще не обсудили вопросов, касающихся жалованья и так далее. Разве не такова нормальная процедура в нынешнее время? — снисходительно поинтересовался Игнациус.

— Ну, работа у нас — по систематизации документов, именно этим вам и придется заниматься, поскольку нам сейчас весьма необходим человек в архив, оплата — шестьдесят долларов в неделю. Любые дни вашего отсутствия по болезни и

прочее вычитаются из вашего недельного жалованья.

— Это, определенно, значительно ниже того оклада, на который я рассчитывал. — Слова Игнациуса звучали аномально весомо. — Я располагаю клапаном, подверженным разного рода превратностям, которые могут вынудить меня проводить определенные дни прикованным к постели. Несколько более привлекательных организаций в настоящее время состязаются за получение моих услуг. Я должен рассмотреть их предложения в первую очередь.

— Но послушайте, — конфиденциально произнес заведующий конторой. — Вон мисс Трикси зарабатывает лишь сорок долларов в неделю, а ведь определенным старшинством она обладает.

— Она действительно выглядит довольно изможденной, — подтвердил Игнациус, наблюдая, как мисс Трикси раскладывает содержимое своего пакета по столу и роется в лоскутах. — Она разве еще не достигла пенсионного возраста?

— Шшш, — прошипел мистер Гонзалес. — Миссис Леви не дает нам отправить ее на пенсию. Она считает, что мисс Трикси лучше поддерживать активную жизнь. Миссис Леви — блестящая, образованнейшая женщина. Она заочно окончила

курс психологии. — Мистер Гонзалес позволил Игнациусу осознать этот факт. — Итак, возвращаясь к вашим перспективам: вам очень повезло начинать с того оклада, который я вам привел. Все это входит в План «Штанов Леви» по вливанию в компанию новой крови. Мисс Трикси, к прискорбию, была нанята задолго до того, как план внедрили. Он не имел обратного действия, а поэтому на нее не распространяется.

— Мне очень не хотелось бы разочаровывать вас, сэр, но боюсь, что жалованье неадекватно. Один нефтяной магнат в настоящее время помахивает перед моим носом тысячами, пытаясь искусить меня на должность личного секретаря. И в данный момент я стараюсь решить только одно: смогу ли я разделить материалистическое мировоззрение этого человека. Подозреваю, что в конечном итоге мне придется сказать ему «да».

— Мы включим двадцать центов в день на транспортные расходы, — взмолился мистер Гонзалес.

— Н-ну. Это действительно многое меняет, — снизошел Игнациус. — Я приму эту должность временно. Должен признать, что План «Штанов Леви» меня довольно привлекает.

— О, это великолепно, — выпалил мистер Гон-

залес. — Ему здесь очень понравится, не так ли, мисс Трикси?

Мисс Трикси, однако, была слишком озабочена своими лоскутами и не ответила.

— Я нахожу странным, что вы даже не поинтересовались моей фамилией, — фыркнул Игнациус.

— Ох, господи. Я совершенно об этом позабыл. Итак, кто вы такой?

В тот день еще появилась только одна сотрудница — стенографистка. Одна женщина позвонила сообщить, что она решила бросить работу и уйти на пособие. Остальные не побеспокоились связаться со «Штанами Леви» вовсе.

* * *

— Сними очки. Да как ты, к чертовой матери, тогда увидишь всю эту дрянь на полу?

— А кому надо на всю эту дрянь смотреть?

— Я сказала — снимай очки, Джоунз.

— Очки не *сымаются*. — Джоунз влепил шваброй по табурету у стойки. — За двацать дохларов в неделю вы тут не плантацию заправляешь.

Лана Ли щелкала резинками, перетягивая пачки банкнот, и выкладывала кучки никелей,

которые доставала из кассы.

— И хватит стучать своей шваброй по стойке, — заорала она. — Дьявол тебя задери, ты действуешь мне на нервы.

— Хочете, чтоб тихо подметал, бери себе бабусю. А я мету *молодо*.

Швабра стукнулась о стойку еще несколько раз. Затем туча дыма вместе со шваброй переместились на другой конец комнаты.

— Вы своих клеёных научила бы пепельницы пользовать, сказала бы, что гоняешь тут человека ниже минималой заплаты. Может, тогда чутка тактичней будут.

— Радовался бы, что я тебе вообще шанс даю, мальчонка, — сказала Лана Ли. — Там нынче столько цветных мальчонок работу себе ищут.

— Ага, и стока цветных мальчонков бомжами идут тож, када видят, какую заплату людям плотют. Я иногда думаю: коли цветной, так лучше бомжом ходить.

— Радовался бы, что вообще работаешь.

— Гажную ночь на коленки падаю.

Швабра шваркнула о стол.

— Дай мне знать, когда мести закончишь, — сказала Лана Ли. — У меня к тебе есть маленькое поручение.

— Помрачение? Э-эй! Я думал, тут работы тока подметать да подтирать. — Джоунз выдохнул формацию кучевых облаков. — Чё там за говно с помрачением?

— Слушай сюда, Джоунз. — Лана Ли смахнула горку никелей в ящичек кассы и записала цифру на листке бумаги. — Один звонок в полицию — сообщить им, что тебя уволили. Ты меня понял?

— А я скажу падлицаям, что «Ночью Тех» — прославный бордель. И я в капкан запопал, када сюда работать пришел. В-во! Я теперя тока жду улики собрать кой-какие. А када соберу, уж я точно все в ухрястке выложу.

— За языком следи.

— Времена другие пошли, — изрек Джоунз, поправляя солнечные очки. — Фигу цветных народов пугать получится. Позову себе людей, они вам дверь гуманной цепью перегородют, бизнес отгонют, в телевизер попадете в новости. Цветные народы и так уже навозу наелись, а за двацать дохларов в неделю с верхом навалить уже шиш. Я уже шибко устал на бану шибаться, да ниже минималой заплаты калымить. Пущай вам кто другой помрачения гоняет.

— А-а, хватит давай, да пол мне заканчивай. Отправлю Дарлину.

— Беньдяшка. — Джоунз как раз исследовал шваброй кабинку. — Воду втюхивает, помрачения гоняет. В-во!

— Так настучи в участок на нее. Она клиентов разводит.

— Я погодю, пока на *вас* в ухрясток не настучу. Дарлина не *хотит* клеёных разводить, а *вымождена*. Она на истраду попасть хотит.

— О как? Ну что ж, с такими мозгами ей вообще повезло, что в психушку до сих пор не спровадили.

— Там бы ей точно лучше было.

— Ей лучше будет, если она в эти свои мозги вобьет, как получше мои напитки торговать, да выбросит срань эту с танцами. Могу себе представить эту шмару у меня на сцене. Такие, как Дарлина, запросто инвестицию угробить могут — за ней глаз да глаз нужен.

Обитая дверь бара с грохотом распахнулась, и внутрь пистоном влетел молодой пацан, царапнув половицы стальными набойками своих цыганских сапог.

— Ну, ты вовремя, — сказала ему Лана.

— У тебя новый парняга, а? — Мальчишка метнул на Джоунза взгляд из-под набриолиненных кудрей. — А прежний куда девался? Помер или

чё?

— Дорогуша, — вкрадчиво ответила Лана.

Пацан распахнул пижонский бумажник ручной выделки и протянул Лане несколько банкнот.

— Все прошло нормально, Джордж? — спросила та. — Сироткам понравились?

— Им понравилась та, где на парте и в очках. Они подумали, что это учителка или типа того. Мне сейчас только такую давай.

— Думаешь, им еще захочется? — с интересом осведомилась Лана.

— Ага. А чё бы нет? Может только с доской и учебником. Ну типа знаешь. Чтобы чё-нибудь с мелом делала.

Пацан и Лана улыбнулись друг другу.

— Картинка ясна, — сказала Лана и улыбнулась.

— Эй, ты торчок? — окликнул пацан Джоунза. — По мне, так прям вылитый торчок.

— Ты по мне так тоже прям вылитый торчок будешь, коли швабра «Ночью Тех» у тебя из очка заторчит, — очень медленно выговорил Джоунз. — А швабры тут старые, хорошие, заносистые.

— Хорош, хорош, — заорала Лана Ли. — Расовых беспорядков только тут еще не хватало. Мне надо

инвестицию беречь.

— Вы лучше скажи своему беломазому корешку, чтоб шевелил отсюдова костями. — Джоунз окутал парочку дымом. — Я на такой работе оскорбений не беру.

— На, Джордж, — сказала Лана. Она открыла шкафчик под стойкой и протянула пацану пакетик из оберточной бумаги. — Это та, что ты хотел. А теперь давай. Вали.

Джордж подмигнул ей и громыхнул за собой дверью.

— И это считается сиротский гонец? — спросил Джоунз. — Поглядел бы я на сироток, которым он гоняет. Спорнём, Еднёные Нации ни шиша про этих сироток не знают.

— Что ты там, к чертовой матери, мелешь? — разозлилась Лана. Она всмотрелась было в лицо Джоунза, но очки не дали ей ничего в нем прочесть. — Чуток благотворительности и что с того? А теперь марш мои полы мести.

Над купюрами, прибывшими с пацаном, у Ланы начали вырываться звуки, похожие на анафемы колдуньи. Шепот, в котором различались цифры и слова, поднимался от ее коралловых губ, и, полузакрыв глаза, она переписывала некоторые цифры в блокнотик. Ее превосходное тело, за годы

само по себе ставшее инвестицией, почтительно изгибалось над алтарем из жаростойкого пластика. Дым фимиамом курился над сигаретой в пепельнице у ее локтя, клубясь к потолку вместе с молитвами, над гостией, которую она приподнимала к свету рассмотреть получше дату чеканки, над одиноким серебряным долларом, лежавшим среди подношений. Браслет ее позвякивал, призывая к алтарю причастников, но единственный, находившийся в храме, от Церкви был отлучен по своему происхождению и поэтому продолжал махать шваброй. Подношение упало на пол, гостия, и Лана опустилась на колени, благоговея и пытаясь его достать.

— Эй, потише там, — окликнул ее Джоунз, нарушая святость ритуала. — Вы там свою прибыль с сироток роняешь, растяпа.

— Ты видел, куда она закатилась, Джоунз? — спросила она. — Погляди, может, найдешь?

Джоунз прислонил швабру к стойке бара и тоже полез за монетой, щурясь сквозь очки и сигаретный дым.

— Во говно же, а? — бормотал он про себя, пока оба они ползали по полу. — Ууу-иии!

— Нашла! — с чувством объявила Лана. — Вот она.

— В-во! Ну, я рад, что нашла. Э-эй! Лучше серебряными дохларами по полу так не швыряться, «Ночью Тех» тада обаротится. Как тада такую большую заплату платить?

— А почему бы тебе не постараться держать рот закрытым, мальчонка?

— Слуш, это вы кого мальчонкаешь? — Джоунз схватил швабру за рукоятку и решительно зашаркал ею к алтарю. — Карла О-Харя нашлась, тож мне.

* * *

Игнациус усадил себя в такси и дал шоферу адрес на Константинопольской улице. Из кармана куртки он извлек листок конторской бумаги «Штанов Леви» и, позаимствовав шоферский планшет вместо подставки, начал писать, а такси тем временем влилось в плотный поток движения по проспекту Св.Клода.

Я довольно утомлен сейчас, когда мой первый рабочий день близится к концу. Тем не менее, я не желаю намекать, что обескуражен, подавлен или разгромлен. Впервые в жизни я встретился с системой лицом к лицу, в полной мере решившись функционировать в ее контексте в качестве наблюдателя и критика под личиной, так сказать.

Существуй больше фирм, подобных «Штанам Леви», я действительно полагаю, американские рабочие силы были бы лучше приспособлены для выполнения своих задач. Очевидно надежный работник оставлен в полном покое. М-р Гонзалес, мой «босс», — довольно-таки кретин, но, вместе с тем, достаточно приятен. Он, кажется, вечно предчувствует недоброе и уж наверняка чересчур опаслив для того, чтобы критиковать исполнение любым работником своих обязанностей. В действительности, он одобряет все — почти все, — и вследствие этого обаятельно демократичен в своей умственно-отсталой манере. В качестве примера: мисс Трикси, наша Мать-Земля мира коммерции, непреднамеренно подожгла некие важные заказы в процессе включения обогревателя. М-р Гонзалес довольно терпимо отнесся к этой *gaffe*[14], если учесть, что в последнее время компания получала все меньше и меньше подобных заказов, а вышеупомянутые поступили из Канзас-Сити на стоимость пятисот долларов ($500!) нашей продукции. Вместе с тем, мы должны помнить, что м-р Гонзалес подчиняется приказам этой таинственной магнатессы, по

[14] notes: 14
Оплошности (фр.)

общему мнению, блистательной и ученой миссис Леви, относиться к мисс Трикси хорошо и делать так, чтобы она чувствовала себя активной и нужной. Но и ко мне он был исключительно учтив, позволив распоряжаться архивными папками по моему усмотрению.

Я намереваюсь обрисовать мисс Трикси в довольно скором времени; я подозреваю, что эта Медуза капитализма обладает множеством ценных соображений и более чем одним точным наблюдением, которыми могла бы поделиться.

Единственной фальшивой нотой — и здесь я вынужден дегенерировать до жаргона, дабы должным образом воссоздать настроение для восприятия существа, к обсуждению коего я сейчас приступлю, — явилась Глория, стенографистка, молодая и наглая прошмандовка. Разум ее поколеблен неверными представлениями и крайне ужасными ценностными суждениями. После одного или двух ее дерзких и непрошенных комментариев по поводу моей персоны и манеры держаться, я отозвал м-ра Гонзалеса в сторону, дабы сообщить ему, что вышеуказанная Глория планирует уйти без уведомления до окончания рабочего дня. М-р Гонзалес вслед за этим впал в некоторое неистовство и немедленно Глорию

уволил, позволив себе возможность воспользоваться властью, которой, насколько я мог видеть, наслаждался он редко. На самом деле к тому, что я совершил, меня вынудил кошмарный стук высоких колоподобных каблуков Глории. Еще один день такого грохота — и клапан мой запечатался бы навечно. Ну и, к тому же, вся эта маскара, помада и прочие вульгарности, которые я бы предпочел не каталогизировать.

У меня имеется множество планов для моего архивного департамента, и я занял — из многих пустующих — стол у окна. Там я и просидел, зажегши свою маленькую газовую грелку на полную мощность, весь день, наблюдая, как корабли из множества экзотических портов на всех парах идут по холодным темным водам гавани. Легкое похрапывание мисс Трикси и неистовый треск пишущей машинки м-ра Гонзалеса сообщали приятный контрапункт моим размышленьям.

М— р Леви сегодня не появился; мне дали понять, что он навещает предприятие редко и на самом деле, по выражению м-ра Гонзалеса, «пытается сбыть его с рук как можно скорее». Возможно, мы втроем (ибо я приложу усилия к тому, чтобы заставить м-ра Гонзалеса уволить остальных служащих, если они придут на работу

завтра: слишком большое количество людей в конторе, возможно, будет чересчур отвлекать) сможем вдохнуть в предприятие новую жизнь и восстановить веру м-ра Леви-Младшего. У меня уже есть несколько превосходных идей, и я знаю, что я сам, например, в конечном итоге, смогу подвигнуть м-ра Леви к тому, чтобы он вложил в фирму сердце и душу.

Я, между прочим, заключил с м-ром Гонзалесом весьма тонкую сделку: я убедил его в том, что, поскольку помог ему сберечь расходы на жалованье Глории, он мог бы отплатить мне транспортировкой меня на работу и с работы на такси. Последовавшие за этим пререкания стали единственным пятном, омрачившим во всем остальном приятный день, но я, в конце концов, выиграл спор, объяснив этому человеку все опасности, кои представляет мой клапан, и общее состояние моего здоровья.

Итак мы видим, что даже когда Фортуна вращает нас вниз, колесо ее иногда останавливается на миг, и мы оказываемся в хорошем кратком цикле среди более продолжительного плохого. Вселенная, разумеется, основана на принципе одних кругов внутри других. В данный момент я нахожусь во внутреннем круге. Еще меньшие круги

внутри настоящего, конечно, тоже возможны.

Игнациус вернул таксисту планшет и дал целый набор инструкций касательно скорости, направления движения, и переключения сцепления. К тому времени, как они добрались до Константинопольской улицы, в машине повисло враждебное молчание, нарушенное лишь требованием шофера уплатить за проезд.

Рассерженно выкарабкиваясь из такси наверх и наружу, Игнациус увидел, как по тротуару к нему приближается мать. На ней было короткое розовое полупальто и крошечная красная шляпка, почти надвинутая на один глаз, что придавало ей сходство со старлеткой-беженкой из кинематографического сериала «Охотницы за приданым»[15]. Без всякой надежды Игнациус заметил, что она попыталась чуточку себя расцветить, воткнув в петлицу полупальто увядшую пойнсеттию. Ее коричневые танкетки скрипели с вызовом перечеркнутого ценника со скидкой, а она, вся пурпурная и розовая, шагала по крошившимся кирпичам тротуара. Хоть он и наблюдал

[15] notes: 15

Череда легких и глупых музыкальных комедий кинокомпании «Уорнер», начатая фильмом 1929 года «Бродвейские охотницы за приданым» и закончившаяся в 1938 году «Охотницами за приданым в Париже»

материнские наряды уже многие годы, вид ее при полном параде всегда приводил его клапан в легкий ужас.

— Ох, дуся, — едва переводя дух, вымолвила она, едва они встретились у заднего бампера «плимута», перегородившего все пешеходное движение по тротуару. — Ужыс чего тут было.

— О мой Бог. Ну что на этот раз?

Игнациус вообразил, что случилось что-то в семье матери — группе людей, склонных страдать от насилия и боли. У нее имелись престарелая тетушка, ограбленная на пятьдесят центов какими-то хулиганами, кузина, попавшая под трамвай на Журнальной улице, дядюшка, съевший прокисшее безе, крестный, схватившийся за оголенный провод, сорванный со столба ураганом.

— Эта бедняжка мисс Энни, что по соседству. Утром в обморок упала в переулке. А всё невры, дуся. Говорит, ты ее сегодня разбудил, когда на банджо заиграл.

— Это лютня, а не банджо, — прогрохотал Игнациус. — Она что — считает меня каким-то извращенцем из романа Марка Твена?

— Я тока-тока от нее. Она же ж к сыну перебралась, на улицу Св. Мэри.

— О, этот противный мальчишка. — Игнациус взобрался по ступеням к двери, опередив мать. — Ну, хвала Господу, что мисс Энни нас на некоторое время оставила. Теперь, возможно, я смогу играть на лютне, не слыша ее скрипучих денонсаций из соседнего дома.

— А по пути я к Ленни зашла и купила ей славненькую парочку четок с водой из Лурда.

— Боже мой! К Ленни. Ни разу в жизни не встречал я магазина, настолько набитого религиозной гексарией. Я подозреваю, что не пройдет много времени, и в этой ювелирной лавке случится чудо. Сам Ленни может вознестись.

— А мисс Энни эти четки очень понравились, мальчик мой. Сразу молитву же ж читать начала.

— Вне сомнения, это лучше, чем беседовать с вами.

— Уж садись, дуся, я тебе чего-нибудь поесть сготовлю.

— В смятении коллапса мисс Энни вы, кажется, позабыли, что сегодня утром сбагрили меня в «Штаны Леви».

— Ох, Игнациус, что ж там было-то? — спросила миссис Райлли, поднося спичку к горелке, которую открутила за несколько секунд до этого. На

печке случился локализованный взрыв. — Боже-Сусе, я чуть не сгорела.

— Я теперь — служащий «Штанов Леви».

— Игнациус! — вскричала его мать, охватывая его сальную голову неуклюжим розово-шерстяным объятием, расплющившим ему нос. Глаза ее застили слезы. — Я так гордюсь моим мальчиком.

— Я довольно-таки изможден. Атмосфера в этой конторе гипертензитивна.

— Я знала, что ты хорошо добьешься.

— Благодарю вас за вашу уверенность.

— А сколько «Штаны Леви» будут платить тебе, дуся?

— Шестьдесят американских долларов в неделю.

— Ай, и это все? Мож, тебе еще по сторонам поискать надо было?

— Там чудесные возможности для продвижения, чудесные планы для сметливого молодого человека. Жалованье может вскоре измениться.

— Ты думаешь? Ну, я все равно гордюсь, дуся. Снимай куртку. — Миссис Райлли открыла банку рагу «Либби» и вытряхнула ее в кастрюльку. — А у них там милашечки какие-нибудь работают?

Игнациус подумал о мисс Трикси и ответил:

— Да, одна имеется.

— Незамужняя?

— Похоже.

Миссис Райлли подмигнула Игнациусу и забросила его куртку на буфет.

— Слуш сюда, дуся, я огонь под рагу развела. Открой себе баночку горошка, и хлеб же ж где-то в леднике есть. Еще я кэксик у Джермана взяла, тока что-то не вспомню, куда его засунула. Посмотри в кухне. Мне идтить надо.

— И куда вы сейчас направляетесь?

— Мистер Манкузо с тетушкой, они меня через несколько минут подберут. Мы едем к Фаццио, в кегли играть.

— Что? — завопил Игнациус. — Правда ли это?

— Я рано вернусь. Я сказала мистеру Манкузо, что не могу поздно засиживаться. А тетушка его уже бабушка, ей, наверно, тож на боковую пора.

— Определенно, прекрасный прием мне оказывают после моего первого трудового дня, — яростно высказал Игнациус. — Вы не умеете играть в кегли. У вас артрит или что там у вас. Это смехотворно. Где вы собираетесь есть?

— Я могу себе чилю купить возле кегельбани. — Миссис Райлли уже направлялась к себе в комнату переодеться. — Ой, дуся, тебе ж еще

сёдни письмо с Нью-Йорку пришло. Я его за банку с кофиём засунула. Похоже, от этой Мирны-девочки, потому как кунверт грязный весь и размазанный. И как тока эта Мирна почту в таком виде посылает? Ты же мне сам говорил, что у ее папаши деньжата водятся?

— Вам нельзя играть в кегли, — проревел Игнациус. — Это самое абсурдное, что вы могли предпринять.

Дверь миссис Райлли захлопнулась. Игнациус отыскал конверт и, открывая, разодрал его в клочья. Он вытащил программку летнего кинофестиваля какого-то художественного театра годовой давности. На обороте измятой программы и было написано письмо — неровным угловатым почерком, составлявшим все минкоффское искусство каллиграфии. Привычка Мирны писать не друзьям, а редакторам всегда отражалось в ее приветствии:

Господа!

Что это за странное и пугающее письмо ты написал мне, Игнацус? Как могу я связываться с Союзом Гражданских Свобод, когда ты предоставил мне так мало улик? Я не могу вообразить себе, чего ради тебя мог пытаться арестовать полицейский. Ты же никуда не выходишь из своей

комнаты. Я, может, и поверила бы в арест, если б ты не написал об этой «автомобильной аварии». Если у тебя сломаны оба запястья, то как ты смог написать мне письмо?

Давай будем честны друг с другом, Игнациус. Я не верю ни единому слову, присланному тобой. Но мне страшно — страшно за тебя. В твоей фантазии об аресте есть все классические признаки паранойи. Ты, разумеется, отдаешь себе отчет, что Фрейд связывал паранойю с гомосексуальными наклонностями.

— Мерзость! — вскричал Игнациус.

Однако, мы не станем вдаваться именно в этот аспект фантазии, поскольку я знаю, насколько ты предан в своем неприятии какого бы то ни было секса. И все же эмоциональная твоя проблема довольно очевидна. С тех самых пор, как ты провалил то собеседование, когда тебя собирались взять на преподавательскую работу в Батон-Руж (обвинив во всем автобус и прочее — перенесение вины), ты, вероятно, страдаешь от ощущений неудачи. Эта твоя «автомобильная авария» — новый костыль для отговорок за свое бессмысленное, бессильное существование. Игнациус, тебе следует идентифицироваться с

чем-либо. Как я тебе уже неоднократно говорила, ты должен посвятить себя жизненно важным проблемам нашего времени.

— Хо-хмм, — зевнул Игнациус.

Подсознательно ты чувствуешь, что должен попытаться объяснить свою неудачу как интеллектуал и борец за идеи, должен активно участвовать в существенных социальных движениях. Помимо этого, приносящая удовлетворение сексуальная встреча очистит твои разум и тело. Тебе отчаянно нужна терапия сексом. Я боюсь — судя по тому, что я знаю о клинических случаях вроде твоего, — что в конце концов ты можешь превратиться в психосоматического инвалида, вроде Элизабет Б. Браунинг.

— Как невыразимо оскорбительно, — прошипел Игнациус.

Я не ощущаю к тебе большого сочувствия. Ты закрыл свой разум как любви, так и обществу. В настоящий момент каждый час моего бодрствования тратится на помощь одним моим чрезвычайно увлеченным друзьям в поиске денег на дерзкий и потрясающий фильм о межрасовом браке, который они собираются снимать. Хоть

это и будет низкобюджетная картина, сам сценарий под завязку полон тревожных истин, самых чарующих тональностей и ироний. Его написал Шмуэль, мальчик, которого я знаю еще со времен Тафтской средней школы. Шмуэль также сыграет в картине мужа. На улицах Гарлема мы нашли девочку на роль жены. Она настолько реальная, витальная персона, что я сделала ее своей самой ближайшей подругой. Я постоянно обсуждаю с ней ее расовые проблемы, вытягивая их из нее, несмотря даже на то, что ей не хочется их обсуждать, — и могу сказать, насколько пылко она ценит эти диалоги со мной.

В сценарии также есть мерзкий реакционный негодяй, ирландский домовладелец, отказывающийся сдать квартиру паре, которая к этому времени уже сочлась узами в такой скромной этически-культурной церемонии. Домовладелец живет в своей маленькой комнатке-утробе, стены которой покрыты изображениями Папы и тому подобного. Иными словами, зрители без труда поймут его, стоит им бросить на комнату единственный взгляд. На роль домовладельца мы еще никого не нашли. Ты, разумеется, фантастически подойдешь на эту роль. Видишь ли, Игнациус, если б ты только решился перерезать

пуповину, связывающую тебя с этим застойным городом, с этой своей матерью, с этой постелью, ты мог бы оказаться здесь с такими возможностями, как эта. Тебя интересует эта роль? Заплатить много мы не сможем, но остановиться можешь у меня.

Может быть, я буду играть на своей гитаре немного настроенческой музыки или музыки протеста для звуковой дорожки. Надеюсь, что нам, наконец, удастся перенести этот великолепный проект на пленку, поскольку Леола, эта невероятная девушка из Гарлема, начинает доставать нас по поводу своего жалованья. Я уже выдоила из папаши 1000 долларов, и он подозрительно (как обычно) относится ко всему нашему предприятию.

Игнациус, я достаточно долго потакала тебе в нашей переписке. Не пиши мне больше, покуда не согласишься на роль. Ненавижу трусов.

М.Минкофф

P.S. Напиши также, хотел бы ты сыграть домовладельца.

— Я проучу эту оскорбительную профурсетку, — пробормотал Игнациус, швыряя программу художественного театра в огонь, разведенный под кастрюлькой с рагу.

ЧЕТЫРЕ

«Штаны Леви» представляли собой две структуры, сплавленные в одно жуткое целое. Фасадом фабрики служило кирпичное торговое здание девятнадцатого века с мансардной крышей, выпиравшей несколькими слуховыми окнами в стиле рококо, большинство стекол которых были разбиты. В этой части контора занимала третий этаж, склад — второй, а мусорка — первый. К зданию, о котором мистер Гонзалес упоминал не иначе как о «мозговом центре», примыкала собственно фабрика — амбароподобный прототип самолетного ангара. Две дымовые трубы, возносившиеся с жестяной крыши фабрики, расходились друг от друга под таким углом, что получались гигантские заячьи уши телевизионной антенны — антенны, не принимавшей ни единого обнадеживающего электронного сигнала из внешнего мира, но зато время от времени изрыгавшей клубы дыма весьма тошнотворного оттенка. «Штаны Леви» горбились рядом с аккуратными серыми причальными складами, выстроившимися вдоль реки и канала по другую сторону железнодорожной ветки, молчаливой и

закопченной мольбой о перестройке всего городского хозяйства.

В самом же мозговом центре происходила деятельность, активная более, чем обычно. Игнациус кнопками прикреплял к столбику около своих шкафчиков раскидистую картонную табличку, гласившую жирыми синими готическими буквами:

ОТДЕЛ ИССЛЕДОВАНИЙ И СПРАВОК

И.Ж.РАЙЛЛИ, ХРАНИТЕЛЬ

Он пренебрег утренней систематизацией документов для того, чтобы изготовить эту табличку, распростершись на полу с куском картона и синей плакатной краской и более часа тщательно выписывая буквы. Мисс Трикси наступила на табличку во время одного из своих периодических бесцельных обходов конторы, но ущерб свелся лишь к маленькому отпечатку ее тапочка на одном из уголов картонки. Тем не менее, Игнациус счел крохотный след оскорбительным и зарисовал его драматичной стилизованной вариацией геральдической лилии.

— Как это мило, — сказал мистер Гонзалес, когда Игнациус закончил стучать. — Она придает

конторе определенную тональность.

— Что это значит? — вопросила мисс Трикси, остановившись непосредственно под табличкой и неистово всматриваясь в нее.

— Это всего лишь указательная веха, — гордо пояснил Игнациус.

— Мне все это непонятно, — заявила мисс Трикси. — Что здесь происходит? — Она повернулась к Игнациусу. — Гомес, кто эта личность?

— Мисс Трикси, вы же знаете мистера Райлли. Он уже неделю с нами работает.

— Райлли? Я думала, это Глория.

— Ступайте на место и займитесь цифрами, — велел ей мистер Гонзалес. — Мы должны отослать ведомость в банк до полудня.

— О, да, мы должны отослать эту ведомость, — согласилась мисс Трикси и зашаркала в дамскую уборную.

— Мистер Райлли, мне бы не хотелось оказывать на вас давление, — осторожно проговорил мистер Гонзалес, — но я не могу не заметить, что на вашем столе скопилась гора материалов, требующих систематизации.

— Ах, это. Да. Так вот, когда я сегодня утром выдвинул первый ящик, меня приветствовала довольно крупная крыса, которая, казалось,

пожирала папку «Мануфактуры Абельмана». Я счел благоразумным дождаться, пока она не насытится. Мне бы весьма не хотелось подцепить бубонную чуму и потом возлагать вину на «Штаны Леви».

— Вполне справедливо, — встревоженно произнес мистер Гонзалес, и вся его резвая натура затрепетала от такой перспективы несчастного случая на производстве.

— А в дополнение к этому, мой клапан плохо вел себя и препятствовал мне в попытках наклониться и достичь нижних ящиков.

— У меня на этот случай как раз кое-что имеется, — сказал мистер Гонзалес и исчез в конторском чуланчике, чтобы достать, как вообразил себе Игнациус, некое лекарство. Однако, вернулся он с миниатюрнейшей металлической табуреточкой — Игнациус никогда в жизни с такими дела не имел. — Вот. Человек, работавший с документацией, бывало, катался на ней взад-вперед вдоль нижних ящиков. Попробуйте.

— Я убежден, что особенности строения моего тела не так легко адаптируются к такого рода устройствам, — заметил Игнациус, пробуравив взглядом ржавую табуретку. У него всегда было неважное чувство равновесия, и с самого тучного

своего детства он был подвержен тенденции падать, поскальзываться и спотыкаться. До пяти лет, пока ему, наконец, не удалось пойти нормальным образом, он представлял собой сплошную массу синяков и шишек. — Тем не менее, ради «Штанов Леви» я попробую.

Игнациус стал приседать, все ниже и ниже, пока объемные его ягодицы не соприкоснулись с табуреткой, а колени не задрались почти до плеч. Когда он, наконец, утвердился на своем насесте, то стал походить на баклажан, балансирующий на канцелярской кнопке.

— Ничего не выйдет. Я чувствую себя довольно некомфортабельно.

— А вы попробуйте, — бодро произнес мистер Гонзалес.

Приведя себя в движение ногами, Игнациус тревожно пропутешествовал вдоль ряда выдвижных ящиков, пока одно из микроскопических колесиков не застряло в трещине. Табуретка накренилась, а затем опрокинулась, тяжело вывалив Игнациус на пол.

— О, мой Бог! — проревел он. — Мне кажется, я сломал себе спину.

— Держитесь, — возопил мистер Гонзалес преисполненным ужаса тенорком. — Я помогу вам

подняться.

— Нет! Никогда не следует перемещать лицо со сломанной спиной, если у вас нет носилок. Я не желаю остаться парализованным благодаря вашей некомпетентности.

— Прошу вас, попробуйте подняться, мистер Райлли. — Мистер Гонзалес смотрел на могильный курган, выросший у его ног. Сердце его ушло в пятки. — Я вам помогу. Мне кажется, вас не очень сильно ранило.

— Оставьте меня в покое, — взвизгнул Игнациус. — Вы олух. Я отказываюсь провести остаток жизни в инвалидной коляске.

Мистер Гонзалес почувствовал, как ноги у него холодеют и немеют.

Грохот игнациусова падения привлек из дамской уборной мисс Трикси: она обогнула конторские шкафчики и запнулась о гору распростертой плоти.

— Ох, батюшки, — немощно выдавила она. — Глория что — умирает, Гомес?

— Нет, — отрезал мистер Гонзалес.

— Ну что ж, я определенно этому рада, — произнесла мисс Трикси, наступая на вытянутую руку Игнациуса.

— Боже милосердный! — загремел тот, подска-

кивая и садясь. — Кости моей руки раздроблены. Я никогда не смогу ею пользоваться снова.

— Мисс Трикси легче пушинки, — сообщил Игнациусу заведующий конторой. — Мне кажется, она не смогла бы нанести вам тяжких увечий.

— А на вас она когда-нибудь наступала, идиот? Откуда вам знать?

Игнациус сидел у ног сослуживцев и изучал собственную руку.

— Подозреваю, что больше не смогу сегодня шевелить этой рукой. Мне лучше незамедлительно отправиться домой и сделать ей ванночку.

— Но ведь нужно систематизировать документацию. Смотрите, сколько папок у вас уже скопилось.

— И вы говорите о систематизации в такое время? Я уже подготовлен к тому, чтобы связаться со своими адвокатами и заставить их подать на вас в суд за то, что вы взгромоздили меня на этот непотребный табурет.

— Мы поможем тебе встать, Глория. — Мисс Трикси приняла стойку, очевидно, означавшую подъемное устройство. Она широко расставили туфли носками врозь и присела, как танцовщица с острова Бали.

— Поднимитесь, — рявкнул ей мистер Гонза-

лес. — Вы сейчас свалитесь.

— Нет, — едва разжала она увядшие губы. — Я помогу Глории. Зайдите вон с той стороны, Гомес. Мы сейчас поднимем Глорию за локти.

Игнациус покорно наблюдал, как Гонзалес присаживается на корточки с другого фланга.

— Вы неверно распределяете вес своего тела, — назидательно сообщил он им. — Если вы желаете предпринять попытку меня поднять, то такое положение не дает вам никакого упора. Я подозреваю, что все втроем мы можем получить травмы. Я предлагаю вам занять вертикальную позицию. Таким образом вы легко сможете нагнуться и поднять меня.

— Не нервничай, Глория, — выговорила мисс Трикси, встав на дыбы и раскачиваясь взад-вперед. И сразу же рухнула на Игнациуса, снова распростершегося на спине. Краешек ее целлулоидного козырька с размаху уперся ему в кадык.

— Оуф, — булькнуло где-то в глубинах игнациусовой глотки. — Браах.

— Глория! — захрипела мисс Трикси. Она вгляделась в полное лицо, оказавшееся непосредственно перед ее носом. — Гомес, зовите врача.

— Мисс Трикси, немедленно слезайте с мистера Райлли, — прошипел заведующий конторой, не

вставая с корточек возле своих подчиненных.

— Браах.

— Чем это вы занимаетесь у меня на полу? — раздался у дверей мужской голос. Бодренькое личико мистера Гонзалеса окаменело маской ужаса, и он пискнул:

— Доброе утро, мистер Леви. Мы так рады вас видеть.

— Просто зашел проверить личную корреспонденцию. И сразу же — назад на побережье. Зачем здесь эта огромная табличка? Об эту штуку кто-нибудь обязательно себе глаз выцарапает.

— Это мистер Леви? — вопросил с пола Игнациус. Из-за ряда конторских шкафов он не мог разглядеть говорившего. — Браах. Я желал встретиться с ним.

Стряхнув с себя мисс Трикси, немедленно осевшую на пол, Игнациус с трудом утвердился на ногах и увидел щегольски одетого человека средних лет, державшегося за дверную ручку, чтобы можно было сбежать из конторы так же быстро, как он сюда вошел.

— Здрасьте, — небрежно произнес мистер Леви. — У нас новый работник, Гонзалес?

— О, да, сэр. Мистер Леви, познакомьтесь — мистер Райлли. Очень расторопный. Талантливый

специалист. На самом деле, предоставил нам возможность обойтись без нескольких других сотрудников.

— Браах.

— О, да, фамилия на табличке. — Мистер Леви странно посмотрел на Игнациуса.

— Я проявляю необычайный интерес к вашей фирме, — сообщил Игнациус мистеру Леви. — Знак, замеченный вами при входе, — лишь первое из нескольких нововведений, которые я планирую. Браах. Я изменю ваше мнение об этой фирме, сэр. Попомните мои слова.

— Что вы говорите? — Мистер Леви присмотрелся к Игнациусу с некоторым любопытством. — Так как насчет корреспонденции, Гонзалес?

— Немного. Вы получили свои новые кредитные карты. «Трансглобальные Авиалинии» прислали вам свидетельство почетного пилота за то, что вы налетали с ними сто часов. — Мистер Гонзалес выдвинул ящик своего стола и вручил мистеру Леви почту. — Также пришла брошюра из гостиницы в Майами.

— Вы бы уже начинали заказывать бронь на мои весенние тренировки. Я ведь отдал вам свой маршрут тренировок в лагерях, не так ли?

— Да, сэр. Кстати, у меня есть несколько писем

к вашей подписи. Я вынужден был написать в «Мануфактуру Абельмана». У нас с ними всегда непорядок.

— Я знаю. Что этим жуликам на сей раз надо?

— Абельман утверждает, что последняя партия брюк, которую мы им отправили, была лишь двух футов длиной в брючине. Я пытаюсь уладить этот вопрос.

— Да? Ну что ж, здесь случались вещи и постраннее, — быстро ответил мистер Леви. Контора уже начала его угнетать. Нужно выбираться отсюда побыстрее. — Спросите лучше этого десятника на фабрике. Как его там зовут? Послушайте, а если вам самому эти письма подписать, как обычно? Мне нужно идти. — Мистер Леви потянул за ручку. — Не слишком перегружайте этих ребятишек работой, Гонзалес. Прощайте, мисс Трикси. Моя супруга о вас спрашивала.

Мисс Трикси сидела на полу и зашнуровывала одну туфлю.

— Мисс Трикси, — принзительно завопил мистер Гонзалес. — Мистер Леви с вами разговаривает.

— Кого? — огрызнулась мисс Трикси. — Вы разве не говорили, что он умер?

— Я надеюсь, вы увидите здесь неимоверные

перемены в следующий раз, когда заглянете к нам, — промолвил Игнациус. — Мы вольем и без того новые силы в ваше предприятие.

— Ладно. Не сильно увлекайтесь, — ответил мистер Леви и захлопнул за собой дверь.

— Изумительный человек, — истово сообщил Игнациусу мистер Гонзалес. В окно парочка наблюдала, как мистер Леви садится в свою спортивную машину. Мотор взревел, и мистер Леви умчался прочь через несколько секунд, оставив оседать за собой лишь тучку синего выхлопа.

— Вероятно, пора приступить к систематизации, — произнес Игнациус, когда поймал себя на том, что рассматривает лишь пустую улицу. — Вы не будете любезны подписать эту корреспонденцию, чтобы я мог подшить копии? Теперь, должно быть, к тому, что грызун оставил от папки Абельмана, приближаться безопасно.

Игнациус заглядывал через плечо, пока мистер Гонзалес старательно подделывал на письмах подпись — *Гас Леви*.

— Мистер Райлли, — произнес мистер Гонзалес, тщательно завинчивая колпачок своей двухдолларовой ручки, — я отправляюсь на фабрику побеседовать с десятником. Присматривайте тут, пожалуста, за всем.

Под *всем*, вообразил Игнациус, мистер Гонзалес имел в виду мисс Трикси, громко храпевшую на полу перед строем конторских шкафчиков.

— *Seguro*, — ответил Игнациус и улыбнулся. — Немного испанского в честь вашего благородного наследия.

Как только управляющий конторой вышел, Игнациус закатал листок почтовой бумаги «Леви» в высокую черную пишущую машинку мистера Гонзалеса. Если «Штаны Леви» собираются добиться успехов, первым делом следует наложить на хулителей тяжелую руку. «Штанам Леви» нужно стать более воинственными и авторитарными для того, чтобы выжить в джунглях современного торгашества. И Игнациус начал это первое дело печатать:

«Мануфактура Адельмана»
Канзас— Сити, Миссури
США
Г-ну И.Адельману, Монголоиду, Эск.:

Почтовой доставкой мы получили Ваши абсурдные замечания касательно наших брюк — замечания, обнаруживающие, как это и произошло в данном случае, тотальное отсутствие у Вас контакта

с реальностью. Обладай Вы большим пониманием, Вы бы знали или сообразили бы к настоящему моменту, что оскорбившие Вас брюки были отправлены Вам с нашего полнейшего ведома и с полным отчетом в неадекватности их длины.

«Почему? Почему?» — слышится Ваш невразумительный лепет, выказывающий неспособность к ассимиляции стимулирующих концепций коммерции Вашим умственно-отсталым и трущобным мировоззрением.

Брюки были Вам отправлены (1) как средство испытания Вашей инициативности (Умному и бдительному коммерческому концерну следовало бы иметь способности превратить брюки трех четвертей своей должной длины в олицетворение всей мужской моды. Ваши программы рекламы и сбыта очевидно порочны.) и (2) как средство проверки Вашей способности отвечать стандартам, требуемым от оптового распространителя нашей высококачественной продукции. (Преданные нам и надежные торговые точки способны находить сбыт

любым брюкам, несущим на себе марку Леви, какими бы отвратительными ни были их модели и пошив. Явно, вы — люди, не заслуживающие доверия.)

Мы не желаем, чтобы нам в будущем докучали подобными утомительными жалобами. Просьба отныне ограничивать свою корреспонденцию одними заказами. Мы — напряженно работающая и динамичная организация, чьей миссии излишнее бесстыдство и домогательства лишь препятствуют. Если Вы станете досаждать нам снова, сэр, то, вероятно, ощутите на своих жалких плечах обжигающий укус хлыста.

Ваш во гневе,
Гас Леви, През.

Довольно размышляя над тем, что мир понимает только силу и мощь, Игнациус срисовал на письмо подпись Леви авторучкой заведующего конторой, порвал письмо мистера Гонзалеса Абельману и подсунул свое в ящик Исходящей корреспонденции. Затем на цыпочках осторожно обошел инертную фигурку мисс Трикси, вернулся в отдел систематизации документации, взял в руки кипу еще не систематизированных матери-

алов и швырнул ее в мусорную корзину.

* * *

— Э-эй, мисс Ли, а эта толстая мамка, у которой еще такая шапчонка зеленая, — он что, сюда больше не ходок?

— Нет, слава Богу. Вот такие типы и гробят всю инвестицию.

— А когда ваш дружок-сиротка опять сюда придет? В-во! Разнюхать бы еще, чё там за дела с этими сиротками. Зуб даю, этими сиротками падлицаи первыми заинтересят.

— Я тебе сказала уже — я сироткам вещи отправляю. Чуток благотворительности никогда никому не повредит. От нее себя чувствуешь лучше.

— Вот уж точно благодарительнось как в «Ночью Тех» — када сироткам кучу бабок платить надо за то благо, что им дарют.

— Хватит за сироток беспокоиться, лучше иди за мой пол беспокойся. У меня и так проблем по горло. Дарлина хочет танцевать. Ты хочешь прибавку. А у меня и без того хлопот выше крыши. — Лана подумала о шпиках в штатском, внезапно зачастивших к ней в клуб по ночам. — Бизнес уже завонялся.

— Ага. Эт точно. Так и с голоду помереть недолго в этом борделе.

— Слушай, Джоунз, а ты в участке последний раз давно был? — с опаской поинтересовалась Лана, стараясь выяснить, не представилось ли Джоунзу какого-нибудь ничтожного шанса навести фараонов на заведение. Этот Джоунз уже начинал ее доставать, несмотря на свое ничтожное жалованье.

— Не-а, ни к каким друзьям-падлицаям я в гости не хожу. Я еще жду хорошенькие улики собрать. — Джоунз испустил нимбообразную формацию дыма. — Я погожду, пока дело с сиротками не расколется. Ууу-иии!

Лана скрутила в трубочку коралловые губы и попробовала вообразить, кто мог дать наколку полиции.

* * *

Миссис Райлли никак не могла поверить, что это с нею действительно произошло. Ни телевизора. Ни нытья. И в ванной никого. Даже тараканы, казалось, смотали удочки. Она села за кухонный стол, помаленьку прихлебывая мускатель, и сдула одного тараканьего младенца, пытавшегося пересечь столешницу. Крохотное тельце слетело

со стола и пропало, и миссис Райлли произнесла: «Прощай, дорогуша». Она нацедила себе вина еще на дюйм, впервые осознав, что и запахло в доме по-другому. То есть, вонь оставалась примерно такой же, как и раньше, но любопытный личный аромат ее сына, вечно напоминавший ей запах старых чайных пакетиков, казалось, рассеялся. Она поднесла стакан ко рту: наверное, «Штаны Леви» тоже уже начинают попахивать спитым пеко.

Неожиданно миссис Райлли припомнила тот кошмарный вечер, когда они с мистером Райлли отправились в «Пританию» посмотреть Кларка Гейбла и Джин Харлоу в «Красной пыли»[16]. В горячке и смятении того, что последовало за их возвращением домой, славный мистер Райлли испробовал один из своих непрямых подходов, в результате чего Игнациус и был зачат. Несчастный мистер Райлли. Ни разу за всю оставшуюся жизнь больше в кино не сходил.

Миссис Райлли вздохнула и осмотрела пол: уцелел ли тараканий младенец, не повреждены ли его жизненные функции. У нее было слишком благодушное настроение, чтобы причинять

---

[16] notes: 16
Сильная романтическая мелодрама Виктора Флеминга, 1932 г.

чему-либо вред. Когда она пристально изучала линолеум, в тесной прихожей зазвонил телефон. Миссис Райлли заткнула бутылку пробкой и поставила ее в остывшую духовку.

— Аллё, — произнесла она в трубку.

— Эй, Ирэна? — спросил хриплый женский голос. — Чего поделываешь, малыша? Это Санта Батталья.

— Как твое ничего, голуба?

— С ног сбилась. Только что четыре дюжины шустриц на заднем дворе раскокала, — поведала Санта шатким баритоном. — А это работа я тебя умоляю — колотить шустричным ножом да по кирпичам по этим, точно тебе говорю.

— Я б ни за что и пробовать-то не стала, — как на духу ответила миссис Райлли.

— Да мне-то что. Я, когда в девочках ходила, мамочке, помню, всегда шустриц открывала. Она ларек морепродуктов держала возле Рынка Лаутеншлагер. Бедненькая мамочка. Прямо с парахота. Еле-еле слово по-аглиски не говорила. А я, совсем мялявка еще, все, помню, шустриц ей колю. И ни в какую школу не ходила. Это не для меня, малыша. Сижу прямо там на тротуваре, знай по шустрицам колочу. А мамочка то и дело по мне за что-нибудь колотит. У нас в ларьке

вокруг всегда катавасия, такие мы.

— Мамочка у тебя очень возбудимая, значть, была, а?

— Бедняжечка. Стояла там под дождем, на холоде, и половины не понимала того, что ей говорят. Ох и трудно в те дни было. Ирэна. Так круто все, детка.

— И не говори, — вздохнула миссис Райлли. — Нам тоже ведь хлебнуть пришлось на улице Дофина. Папочка был очень бедный. Работа у него была на вагонном заводе, а потом как автомашины пошли, у него руку в ремень от вертилятора и затянуло. Уж сколько месяцев на голимой фасоли с рисом сидели.

— А меня с фасоли пучит.

— Меня тоже. Послушай, Санта, а чего это ты звонишь, солнышко?

— Ох да, чуть не забыла. Помнишь, мы в кегли играть как-то вечером ходили?

— Во вторник?

— Нет, это, кажись, в среду было. Как бы там ни было, это тогда Анджело заарестовали, и он с нами пойти не смог.

— Вот ужыс-то какой. Полиция своих же загребает.

— Ага. Бедненький Анджело. Такой славный.

Он в этом учаске точно не в своей тарелке. — Санта хрипло кашлянула в телефон. — Как бы там ни было, это в тот вечер вы за мной на этой своей машине заехали, и мы в кегелян одни отправились. А сегодня утром я на рыбный рынок пошла за шустрицами этими, и ко мне старичок этот подходит и спрашивает: «Это не вы как-то вечером в кегеляне были?» А я грю: «Ну, да, мистер. Я там частенько бываю.» А он грит: «Ну и я там был со своей дочью и мужем ейным, и видел вас с такой дамочкой, у нее еще как бы волосы такие рыжие.» Я грю: «Вы имеете в виду, что у дамочки волосы хной крашенные? Это моя подруга, мисс Райлли. Я ее в кегли научаю.» Вот и все, Ирэна. Он только честь отдал и ушел с рынка.

— Интересно, кто это может быть? — с большим интересом спросила миссис Райлли. — Вот смех-то. Как он выглядит, лапуся?

— Славный человек, в годах. Я его тут по-соседству примечала, детишек каких-то к обедне вел. Наверно, внуки его.

— Вот странность же ж, да? И кому это надо про меня спрашивать?

— И не знаю, детка, но уж лучше ты осторожней. Кто-то на тебя глаз положил.

— Ой, Санта! Я слишком старая, деушка.

— Нет, вы слыхали? Ты до сих пор еще хорошенькая, Ирэна. Я сколько мущин видела в кегеляне, как тебе глазки строили.

— Ай, ладно тебе.

— Правда-правда, детка. Вот те не вру. А то ты с этим своим сыночком слишком носиссься.

— Игнациус говорит, что он хорошо в «Штанах Леви» добивается, — оправдывалась миссис Райлли. — Не хочу я с ни с какими старичками путаться.

— И никакой он не *старичок* еще, — ответила Санта немного обиженно. — Послушай, Ирэна, мы с Анджело за тобой сегодня часиков около семи заглянем.

— Я даже не знаю, дорогуша. Игнациус мне велит больше дома сидеть надо.

— Зачем тебе больше дома сидеть, девушка? Анджело говорит, он у тебя большой мущина.

— А Игнациус говорит, что боится, когда я его одного тут оставляю по ночам. Ломщиков, грит, опасаюсь.

— Так ты и его с собой бери, и Анджело его тоже в кегли научит.

— Фуу! Игнациус не такой, как говорится, спортивный тип, — перебила ее миссис Райлли.

— Ну ты все равно же ж идешь, а?

— Ладно, — наконец, согласилась миссис Райлли. — Упражения, кажется, моему локтю помогают. Скажу Игнациусу, чтобы в комнате сам заперся.

— Конечно, — сказала Санта. — Никто его тута не обидит.

— А у нас и все равно красть нечего. Прям не знаю, откуда Игнациус эти свои идеи берет.

— Мы с Анджело будем в семь.

— Хорошо, и послушай, душечка, попробуй разузнать на рыбном рынке, кто это за старичок был.

* * *

Дом Леви стоял среди сосен на холмике, смотревшем на серые воды бухты Сент-Луис. Экстерьер его служил примером элегантной быдловатости; интерьер представлял собой успешную попытку не впускать деревенщину внутрь совершенно: утроба с неизменными семьюдесятью пятью градусами[17], соединенная с круглогодичным блоком кондиционеров пуповиной вентиляционных трактов и трубок, молча наполнявших комнаты профильтрованными и восстанов-

[17] notes: 17
По Фаренгейту. Примерно 35°С.

ленными бризами Мексиканского залива и выдыхавших двуокись углерода, сигаретный дым и скуку семейства Леви. Центральная машинерия огромного животворного аппарата вибрировала где-то в акустически изолированных плитками кишках дома, напоминая инструктора Красного Креста, задающего ритм на занятии по искусственному дыханию: « *Вдох* — хороший воздух, *выдох* — плохой, *вдох* — хороший воздух.»

Жилище было чувственно комфортабельно, насколько комфортабельной считается утроба. Каждое кресло утопало на несколько дюймов при малейшем касании, пена и пух подобострастно сдавались любому нажиму. Пучки нейлоновых ковров акриловых расцветок щекотали лодыжки любого, кто был достаточно добр, чтобы по ним пройти. Рядом с баром нечто, напоминавшее шкалу настройки радиоприемника, при повороте заливало все жилище светом мягким или ярким, как того требовало настроение. По всему дому, так, чтобы можно было без затруднений дойти пешком от одного до другого, располагались контурные кресла, массажный стол и моторизованная доска для упражнений, множество секций которой общупывали тело движениями одновременно нежными, но наводящими на

размышления. «Приют Леви», как гласил знак на прибрежной дороге, был Занаду[18] чувств; в его изолированных стенах было чем потворствовать чему угодно.

Мистер и миссис Леви, считавшие друг друга единственными предметами в доме, не способными ничему потворствовать, расположились перед своим телевизионным приемником, наблюдая, как на экране сливаются вместе краски.

— Лицо у Перри Комо[19] все зеленое, — с немалой враждебностью произнесла миссис Леви. — Он выглядит как труп. Лучше отправь этот приемник обратно в магазин.

— Я же только на этой неделе его из Нового Орлеана привез, — ответил мистер Леви, обдувая себе черные волосы на груди, видневшейся в вырезе махрового халата. Он только что вышел из парной и теперь хотел обсохнуть полностью. Даже с круглогодичным кондиционером и центральным отоплением в этом никогда нельзя быть до конца уверенным.

— Так забери его обратно. Я не собираюсь слеп-

---

[18] notes: 18

Райская долина в поэме Сэмюэла Кольриджа «Кубла Хан».

[19] notes: 19

Певец и руководитель эстрадного оркестра, род. Пьерино Комо (18 мая 1912 г.). Ведущий популярного в 50-60-х годах телевизионного шоу

нуть, глядя на сломанный телевизор.

— Ох, закрой рот. Нормально он выглядит.

— Он не выглядит нормально. Посмотри, какие зеленые у него губы.

— Все дело в гриме, которым эти люди пользуются.

— Ты хочешь сказать, что на губы Комо накладывают зеленый грим?

— Почем я знаю, что они делают?

— Разумеется, не знаешь, — ответила миссис Леви, обращая свои аквамариновекие глаза в сторону супруга, погруженного куда-то в пучины подушек желтой нейлоновой тахты. Она заметила краешек махры и резиновый сабо для душа на конце волосатой ноги.

— Не доставай меня, — произнес он. — Сходи поиграй со своей гимнастической доской.

— Я не могу взбираться сегодня на эту штуку. Мне сделали прическу.

Она коснулась высоко взбитых пластичных кудряшек платинового оттенка.

— Парикмахер сказал мне, что и парик понадобится.

— Ну к чему тебе парик? Посмотри, сколько у тебя волос и без того.

— Мне нужен парик брюнетки. Так я смогу

изменить свою личность.

— Послушай, ты ведь уже и так брюнетка, правильно? Отрастила бы себе волосы естественно и купила светлый.

— Об этом я не подумала.

— Ну так подумай немножко и посиди тихо. Я устал. Когда я ездил сегодня в город, то завернул в компанию. А это меня всегда угнетает.

— Что там происходит?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Я так и думала, — вздохнула миссис Леви. — Ты спустил дело своего отца в канализацию. Это трагедия твоей жизни.

— Господи, да кому нужна эта допотопная фабрика? Никто уже не покупает те штаны, которые они шьют. А во всем отец виноват. Когда в тридцатых в моду вошли защипы, он не захотел отказываться от обычных брюк. Он же был прямо Генри Форд швейной промышленности. Когда в пятидесятых простые брюки вернулись, он начал шить с защипами. Ты бы видела то, что Гонзалес называет «новой летней линией». Похожи на те шаровары, что клоуны в цирке носят. А уж ткань… Я б сам такой даже посуду мыть не стал.

— Когда мы поженились, Гас, я тебя боготворила. Мне казалось, в тебе есть напор. Ты мог

бы развернуться со «Штанами Леви» по-настоящему. Может, даже контору в Нью-Йорке бы открыл. Тебе все само в руки приплыло, а ты взял и выкинул.

— Ох, прекрати всю эту ахинею. Тебе удобно.

— У твоего папы был характер. Я его уважала.

— Мой папа был довольно мерзким сквалыгой, маленьким тираном. Когда я был молод, у меня имелся какой-то интерес к этой компании. Много интереса. Так вот — он своей тиранией уничтожил его без остатка. Насколько это касается меня, «Штаны Леви» — это *его* компания. Пускай идет псу под хвост. Любую мою хорошую идею для этой фирмы он душил только ради того, чтобы доказать, что он — отец, а я — сын. Если я говорил: «Защипы,» — он отвечал: «Никаких защипов! Никогда!» Если я говорил: «Давай попробуем какую-нибудь новую синтетику,» — он отвечал: «Синтетику? Только через мой труп.»

— Он начинал торговать брюками еще с фургона. И посмотри, во что это выросло. С такой форой ты мог бы сделать «Штаны Леви» национальной компанией.

— Нации повезло, поверь мне. Я все свое детство проходил в этих штанах. Как бы то ни было, я устал слушать твою болтовню. Точка.

— Хорошо. Давай помолчим. Смотри, губы у Комо становятся розовыми. Ты никогда не был хорошим отцом для Сьюзан и Сандры.

— Последний раз, когда Сандра приезжала домой, она открыла свою сумочку достать сигареты, и на пол падает пачка резинок — прямо к моим ногам.

— Я тебе то же самое пытаюсь сказать. Ты никогда не служил своим дочерям примером. Не удивительно, что они совсем сбились с пути. Я с ними и так, и этак.

— Слушай, давай не будем о Сандре и Сьюзан. Они в колледже. И нам повезло, что мы не знаем, что там происходит. Когда им надоест, они выскочат за какого-нибудь бедолагу, и все будет хорошо.

— И каким же ты будешь тогда дедушкой?

— Откуда я знаю? Оставь меня в покое. Залезь на свою гимнастическую доску, нырни в джакузи. Мне нравится эта передача.

— Как она тебе может нравиться, если у всех лица обесцвечены?

— Давай не будем снова.

— Мы в следующем месяце едем в Майами?

— Возможно. Может быть, и переселимся туда.

— И бросим все, что у нас есть?

— Что бросим? Твоя гимнастическая доска в фургон влезет.

— Но компания?

— Компания уже заработала все деньги, что сможет заработать. Пора ее продавать.

— Хорошо, что твой папа умер. Надо было дожить и посмотреть на все это. — Миссис Леви оделила резиновую туфлю трагическим взглядом. — Теперь ты, наверное, все время будешь проводить на Мировом Первенстве или на Дерби в Дэйтоне. Это подлинная трагедия, Гас. Подлинная трагедия.

— Не пытайся сделать из «Штанов Леви» великую пьесу Артура Миллера[20].

— Слава богу, есть я, чтобы за тобой присматривать. Слава богу, у *меня* есть интерес к компании. Как мисс Трикси? Надеюсь, она еще не утратила вкуса к жизни и активно функционирует.

— Она до сих пор жива, и одно это о многом говорит.

— По крайней мере, у меня к ней есть интерес. Ты бы вышвырнул ее на снег очень давно.

— Эта женщина давным-давно должна быть на пенсии.

---

[20] notes: 20

Американский драматург (род. 1915), чья пьеса «Смерть коммивояжера» (1949) получила Пулитцеровскую премию

— Я же говорила тебе — пенсия ее убьет. Нужно делать так, чтобы она чувствовала себя нужной, любимой. Эта женщина — подлинная перспектива психического омоложения. Я хочу, чтобы ты ее привез как-нибудь сюда. Мне бы хотелось по-настоящему над нею поработать.

— Притащить сюда эту рухлядь? Ты рехнулась? Я не желаю, чтобы напоминание о «Штанах Леви» храпело у меня в кабинете. Она обмочит тебе всю тахту. Можешь забавляться с нею на расстоянии.

— Как это типично, — вздохнула миссис Леви. — Как я терпела такое бессердечие все эти годы, мне никогда не понять.

— Я уже разрешил тебе держать мисс Трикси в конторе, где, насколько я знаю, она целыми днями сводит этого Гонзалеса с ума. Когда я сегодня утром туда зашел, все валялись на полу. Не спрашивай меня, чем они занимались. Это могло быть чем угодно. — Мистер Леви присвистнул сквозь зубы. — Гонзалес, как обычно, где-то на луне, но видела бы ты этого другого субъекта, что там работает. Не знаю, откуда они его выкопали. Ты не поверишь своим глазам, честное слово. Боюсь даже гадать, чем эти три шута гороховых весь день в конторе занимаются. Просто чудо, что там ничего еще не произошло.

* * *

Игнациус решил не ходить в «Пританию». Демонстрировавшаяся картина была широко разрекламированной шведской драмой о человеке, теряющем свою душу[21], и Игнациуса не особенно интересовало его смотреть. Следует побеседовать с управляющим кинотеатра: как он мог допустить в прокат такую скукотищу.

Он проверил засов на двери: интересно, когда вернется мамаша. Она вдруг стала уходить из дому чуть ли не каждый вечер. Однако, перед Игнациусом сейчас стояли другие заботы. Выдвинув ящик стола, он посмотрел на кипу статей, написанных им когда-то с учетом журнального рынка. Для серьезных общественных журналов там были «Наблюдения о Боэции» и «В защиту Хросвиты: тем, кто говорит, что ее никогда не было». Для семейных журналов он написал «Смерть Рекса» и «Дети, надежда мира». В попытке проникнуть на рынок воскресных приложений он сочинил «Задачу обеспечения безопасности воды», «Опасность восьмицилиндровых авто-

[21] notes: 21

Вполне возможно, речь идет о фильме Ингмара Бергмана «Зимний свет» (1962) с Максом фон Зюдовым в главной роли

мобилей», «Воздержание, безопаснейший метод контроля рождаемости» и «Новый Орлеан, город романтики и культуры». Просматривая старые рукописи, он недоумевал, почему так и не отправил их в редакции — каждая была по-своему великолепна.

Однако, сейчас перед ним маячил новый, крайне прибыльный проект. Игнациус быстро очистил стол, ловко смахнув одним движением лап все журнальные статьи и блокноты «Великий Вождь» на пол. Перед собой он положил новую папку со скоросшивателем и на ее грубой крышке медленно вывел печатными буквами красным карандашом: «ДНЕВНИК РАБОЧЕГО ПАРНИШКИ, ИЛИ ДОЛОЙ ПРАЗДНОСТЬ». Закончив этот труд, он содрал ленты с новых пачек линованной бумаги «Синий Конь» и сложил их в папку. Карандашом проткнул дырки в нескольких бланках «Штанов Леви», на которых уже имелись записи, и подшил их в начало. Взяв шариковую ручку «Штанов Леви», он начал писать на первом листке «Синего Коня»:

Любезный Читатель,

Книги — бессмертные сыновья, презирающие своих родителей.

— Платон

Я прихожу к выводу, любезный читатель, что уже привык к возбужденному темпу конторской жизни, — я сомневался, что когда-либо вообще смогу к нему приспособиться. Разумеется, это правда: за свою недолгую карьеру в «Штанах Леви, Лимитед» я преуспел в инициации нескольких методов экономии труда. Те из вас, кто являются моими собратьями по конторскому труду и оказываются читающими сей язвительный дневник во время перерыва на кофе, могут принять к сведению одно-два из моих нововведений. Наблюдения эти я адресую также управленцам и магнатам промышленности.

Мне пришлось по вкусу прибывать в контору на час позже, чем от меня ожидается. Следовательно, когда я действительно приезжаю, то приезжаю гораздо лучше отдохнувшим и освеженным и тем самым избегаю того первого унылого часа рабочего дня, за который мои по-прежнему вялые ощущения и тело превращают любое задание в епитимью. Я пришел к заключению, что с более поздним приездом работа, которую я выполняю, несет на себе печать гораздо лучшего качества.

Нововведение мое, связанное с ситематизаци-

ей документации, в данный момент вынуждено оставаться секретным, поскольку оно довольно-таки революционно, и я должен выяснить до конца, насколько оно эффективно. В теории же нововведение это — великолепно. Тем не менее, должен сказать, что хрупкие пожелтевшие листки бумаги в папках представляют собой пожарную угрозу. Более специальный аспект, который может оказаться и не применимым ко всем случаям, заключается в том, что папки мои, очевидно, служат приютом для разнообразных паразитов. Бубонная чума — вполне достойная участь в Средневековье; тем не менее, я полагаю, что подхватить чуму в нынешнем жутком столетии было бы просто смехотворно.

Сегодня на контору нашу, наконец, снизошла благодать в лице господина нашего и хозяина мистера Г.Леви. Если быть до конца честным, я обнаружил его довольно беспечным и равнодушным. Я привлек его внимание к табличке (Да, читатель, она, наконец, написана и вывешена; довольно великодержавная геральдическая лилия теперь придает ей дополнительную значимость.), но и это с его стороны вызвало не много интереса. Визит его был краток и отнюдь не деловит, но кто мы такие, чтобы сомневаться в

мотивах этих гигантов коммерции, чьи капризы управляют ходом всей нашей нации. Со временем он осознает всю мою преданность его фирме, всю мою увлеченность делом. Пример мой, в свою очередь, может снова привести его к вере в «Штаны Леви».

Ла Трикси по-прежнему помалкивает, доказывая тем самым, что она гораздо мудрее, чем я полагал. Я подозреваю, что женщине этой известно очень многое, и что апатия ее — лишь фасад ее кажущегося презрения к «Штанам Леви». Понимать ее становится легче, когда она заговаривает о пенсии. Я обратил внимание, что ей нужна новая пара белых носков, поскольку нынешние уже довольно посерели. Быть может, в ближайшем будущем я презентую ей пару впитывающих белых атлетических носков; этот жест может растрогать ее и вывести на беседу. Ей, кажется, довольно-таки полюбилась моя зеленая шапочка, поскольку время от времени ей нравится надевать ее вместо своего целлулоидного козырька.

Как я уже сообщал вам в предыдущих частях моего повествования, я следовал примеру поэта Мильтона в том, что юность свою провел в затворничестве, медитации и учении ради того, чтобы совершенствовать искусство своего

письма, как это сделал он; катаклизмическая невоздержанность моей матери вытолкнула меня в мир самым бесцеремонным образом; вся система моя до сих пор пребывает в состоянии непрерывной трансмутации. Следовательно, я по-прежнему в самой гуще процесса адаптации себя к напряженности рабочего мира. Как только система моя привыкнет к конторе, я предприму гигантский шаг и нанесу визит на фабрику — в самое взбудораженное сердце «Штанов Леви». До меня из-за фабричной двери доносилось больше, нежели легкое шипенье и рев, но нынешнее мое состояние, несколько обессиленное, в настоящий момент препятствует спуску в данный ад. Время от времени кто-нибудь из фабричных рабочих вваливается в контору с безграмотным прошением по какому-либо поводу (обычно — запой десятника, хронического пьяницы). Лишь только я снова обрету целостность, то навещу этот фабричный народ; у меня имеются глубокие и прочные убеждения касательно общественной работы. Я уверен, что, вероятно, смогу как-то помочь этим фабричным. Не выношу тех, кто трусит перед лицом социальной несправедливости. Я верю в дерзкую и сокрушительную преданность проблемам нашего времени.

Замечание об общественном здравии: Более чем единожды искал я укрытия в «Притании», привлеченный аттракционами каких-то техниколорных ужасов, заснятыми на пленку уродствами, являющимися оскорблением любых критериев вкуса и порядочности, многими роликами и катушками извращения и святотатства, что ошеломляли мой неверящий взор, шокировали мой девственный разум и запирали мне клапан.

Мать моя в настоящее время якшается с некими нежелательными элементами, пытающимися трансформировать ее в какого-то атлета, с растленными образчиками человечества, регулярно катающими кегельные шары по пути к забвению. Временами я нахожу собственное влачение успешной предпринимательской карьеры довольно болезненным при таких распрях, кои приходится претерпевать дома.

Замечание о здоровье: Сегодня днем клапан мой захлопнулся довольно яростно, стоило мистеру Гонзалесу попросить сложить ему столбик цифр. Когда он обратил внимание на то состояние, в которое повергла меня его просьба, он предусмотрительно сложил столбик сам. Я пытался не устраивать из этого сцены, но клапан

мой оказался сильнее. Этот управляющий конторы, между прочим, может со временем стать страшным занудой.

До следующей встречи,
Дэррил, Ваш Рабочий Парнишка

Игнациус перечел только что написанное с удовольствием. «Дневник» таил в себе множество возможностей. Он мог бы стать современным, жизненным, подлинным документом проблем молодого человека. Наконец он закрыл папку и стал размышлять об ответе Мирне — о бичующей, неистовой атаке на все ее бытие и мировоззрение. Лучше подождать, пока он не посетит фабрику и не увидит, какие общественные действия там можно предпринять. Такую наглость нужно обуздывать как должно; быть может, ему удастся сделать с фабричными рабочими нечто такое, от чего Мирна будет выглядеть реакционером в сфере общественной работы. Он должен доказать свое превосходство этой отвратительной распутнице.

Взяв в руки лютню, он решил на какой-то миг успокоить себя песней. Массивный язык его прокатился по усам в предвкушении и подготовке, и, перебирая струны, он запел:

— Не медли ни минуты, к наследью своему

Спеши дорогой ровной по сердцу и уму.

— Заткнись! — заверещала мисс Энни из-за своих наглухо закрытых ставней.

— Да как вы смеете! — загромыхал в ответ Игнациус, раздирая собственные ставни и высовываясь темный холодный проулок. — Откройтесь. Как смеете вы таиться за этими ставнями?

В неистовстве он вбежал на кухню, наполнил водой горшок и метнулся обратно в комнату. Он только прицелился, чтобы окатить водой по-прежнему закрытые ставни мисс Энни, как на улице хлопнула дверца автомобиля. По проулку кто-то шел. Игнациус закрыл ставни и выключил свет, прислушиваясь, как мать с кем-то разговаривает. Проходя под его окном, патрульный Манкузо что-то произнес, а хриплый женский голос ответил:

— Похоже, все чисто, Ирэна. Света нету. Наверно, картину пошел смотреть.

Игнациус натянул куртку и выбежал в прихожую, к передней двери как раз, когда они открывали дверь кухни. Он спустился по ступенькам и увидел перед домом белый «рэмблер»

патрульного Манкузо. С большим трудом Игнациус нагнулся и ткнул пальцем в клапан одной из покрышек, подождал, пока не перестанет шипеть и низ покрышки не растечется блином по кирпичам канавы. Затем прошел на задний двор своего дома по проулку, широкому ровно настолько, чтобы его туловище протиснулось.

В кухне ярко горел свет, и через закрытое окно он слышал дешевенькое радио матери. Игнациус тихо поднялся по ступенькам и заглянул в закопченное стекло задней двери. Мать и патрульный Манкузо сидели за столом за почти полной пинтой «Прежних Времен». Патрульный выглядел подавленнее обычного, однако миссис Райлли притопывала ногой по линолеуму и робко посмеивалась над тем, что наблюдала посередине комнаты. Коренастая женщина с седыми волосами в мелких завитушках танцевала на линолеуме одна, потряхивая маятниками грудей, болтавшимися под белой спортивной блузкой. Ее туфли для кегельбана решительно топотали по полу, перемещая раскачивавшиеся груди и вихлявшие бедра взад и вперед между столом и печкой.

Так значит, это и есть тетушка патрульного Манкузо. Только у патрульного Манкузо тетушкой может быть нечто подобное, фыркнул себе

под нос Игнациус.

— В-воо! — радостно орала миссис Райлли. — Санта!

— Смотрите, детки, — заорала в ответ седая тетка, точно рефери на поединке профессионалов, и затряслась в шейке все ниже и ниже, пока чуть было совсем не рухнула на пол.

— О, мой Бог! — сказал Игнациус ветерку.

— У тебя брюхо надорвется, — рассмеялась миссис Райлли. — Ты мне прямо в подпол провалиссься.

— Может, уже хватит, тетя Санта? — угрюмо промолвил патрульный Манкузо.

— К чертям, не хочу я останавливаться. Я только начала, — ответила женщина, ритмично подымаясь с пола. — Кто сказал, что бабуси больше танцевать не могут?

Раскрыв руки, тетка заскакала по взлетной полосе линолеума.

— Боже-Сусе! — греготнула миссис Райлли, опрокидывая бутылку виски себе в стакан. — А если Игнациус вернется и все это увидит?

— Игнациуса на хуй!

— Санта! — ахнула миссис Райлли, шокированная, но, как заметил Игнациус, слегка довольная.

— А ну прекращайте немедленно! — завопила

мисс Энни из-за своих ставней.

— Это еще кто? — спросила Санта у миссис Райлли.

— Прекратите, пока я легавым не позвонила, — донесся до них приглушенный крик мисс Энни.

— *Прошу* тебя, хватит, — нервно взмолился патрульный Манкузо.

ПЯТЬ

Дарлина за стойкой бара разливала воду по отполовиненным бутылям с напитками.

— Эй, Дарлина, послушай только, какое говно, — скомандовала Лана Ли, сворачивая газету и придавливая ее пепельницей. — «Фрида Клаб, Бетти Бампер и Лиз Стил, все проживающие по адресу ул. Св.Петра, 796, прошлой ночью были арестованы в салоне „Эль Кабалло“, дом 570 по улице Бургундии, и оштрафованы за нарушение спокойствия и создание угрозы общественному порядку. По словам офицеров полиции, производивших арест, инцидент разгорелся, когда одной из женщин сделал предложение неопознанный мужчина. Две спутницы женщины ударили мужчину, который бежал из салона. Женщина по фамилии Стил швырнула табурет в бармена, а две другие угрожали посетителям салона табуретами и разбитыми пивными бутылками. Посетители салона утверждают, что на сбежавшем мужчине были туфли для игры в кегли.» Ну что ты тут скажешь? Вот такие типы и похабят весь Квартал. Какой-нибудь честный Джо хочет позажигать с такой коблой, а они его за это лупят. Было время,

когда тут все славно и правильно было. А теперь — одни коблы с педиками. Не удивительно, что бизнес завонялся. Терпеть не могу кобел. Просто не перевариваю!

— А к нам по ночам таперича одни шпики и ходют, — сказала Дарлина. — И почему только шпиков на таких баб не насылают?

— Да это заведение уже просто в чертов участок превратилось. Я тут сплошной благотворительный концерт устраиваю для Ассоциации Полицейского Человеколюбия, — с отвращением произнесла Лана. — Пустой зал, да кучка легавых знаки друг другу подает. И полдороги за тобой следи, за недоумью, чтобы ты им бодяги не впарила.

— Ну, Лана, — взмолилась Дарлина. — Ну откуда ж мне знать, кто из них легавый? По мне так все едины. — Она высморкалась. — Я ж заработать на жизнь стараюсь.

— Легаша по глазам вычислить можно, Дарлина. Они очень самоуверенны. Я в этом бизнесе слишком долго. Я каждый легавый прихват знаю. Купюры меченые, костюмчики липовые. Если по глазам не можешь, смотри на деньги. На них полно черточек карандашных — крапленые.

— А как я деньги должна видеть? Тут так темно, что и глаз не разглядишь.

— Ну, нам с тобой что-то нужно будет делать. Я не хочу, чтобы ты у меня тут на табуретках рассиживала. Попробуешь как-нибудь вечером толкнуть двойной мартини начальнику полиции.

— Тогда дай я на сцену выйду и станцую. У меня потрясный номер есть.

— Ох, да заткнись же ты! — заверещала Лана. Если Джоунз прознает о полиции в заведении по вечерам — прощай, швейцар за полцены. — Послушай сюда, Дарлина, только не говори этому Джоунзу, что у нас тут вдруг весь департамент по ночам обретается. Ты же знаешь, как цветные на фараонов реагируют. Он может испугаться и сбежать. В смысле, я паренька выручить хочу, чтоб по улицам не околачивался.

— Ладно, — ответила Дарлина. — Только я так ни шиша не заработаю, если бояться буду, что чувак на соседней табуретке — из полиции. Знаешь, что там тут надо, чтоб бабок заколотить?

— Что? — зло осведомилась Лана.

— Нам тут надо животное.

— Что? Господи Иисусе.

— Ни за какими животами я тут подтирать не собираю, — высказался Джоунз, шумно стуча шваброй о ножки табуретов возле стойки.

— Иди сюда и хорошенько посмотри под этими табуретками, — позвала его Лана.

— О! В-во! Это где я кусок прохлопал? Эй!

— Посмотри в газету, Лана, — продолжала Дарлина. — Почти в каждом клубе на всей улице есть себе животное.

Лана перелистнула газету на страницу развлечений и сквозь туман Джоунза вгляделась в объявления ночных клубов.

— Ну, у маленькой Дарлины винтики заработали. Тебе бы, наверное, хотелось управлять этим клубом, а?

— Нет, мэм.

— Так вот, запомни, — произнесла Лана, пробегая пальцем по рекламам. — Смотри сюда. У Джерри завели себе змею, в 104 — голубков, тигренок, шимпанзюк…

— И вот туда-то люди и ходют, — сказала Дарлина. — Нужно же ж равняться на других в таком бизнесе.

— Большое спасибо. Поскольку это твоя идея, то предложения у тебя есть?

— А я предлагаю голым совать одногласно против того, чтоб зоопарк тута не заводить.

— Занимайся полом, — велела Лана.

— Можно взять моего попугайчика, — предло-

жила Дарлина. — Я с ним такой убойный танец репетировала. Птичка очень умненькая. Послушали б, как она разговаривает.

— А в цветных барах народы всяко птицев *вовнутр*ь не пускают.

— Ну пожалейте птичек, — взмолилась Дарлина.

— В-во! — произнес Джоунз. — Гляди-ка. Ваш дружок-сиротка тока подкатил. Пора гуманитарнось разводить.

Джордж сутуло протиснулся в дверь — мешковатый красный свитер, белые джинсы и бежевые цыганские сапоги с заостренными приплюснутыми носами. На обеих руках у него виднелись татуировки кинжалов, нарисованные синим пастовым карандашом.

— Извини, Джордж, для сироток сегодня ничего нет, — поспешно сказала Лана.

— Вишь как? Сироткам таперича лучше в Единенный Фон поддавать, — вымолвил Джоунз и подул дымом на кинжалы. — У нас и так финанцы поют романцы. Благодарительнось дома начинается.

— Чо? — переспросил Джордж.

— В наше время в приютах кого тока не держут, фулиганов всяких, — заметила Дарлина. — Я

б ничего им не давала, Лана. Он там какие-то шашли-машли крутит, точно тебе говорю. Если этот пацан — сиротка, то я — королева Англии.

— Поди сюда, — велела Лана Джорджу и вывела его на улицу.

— Чё такое? — спросил тот.

— Я не могу разговаривать, когда эти придурки рядом, — ответила Лана. — Слушай: наш новый швейцар — совсем не то, что было раньше. Этот умник у меня выспрашивать про сироток начал, как только тебя увидел. Я ему не верю. У меня уже и так с мусорами дела.

— Так возьми себе нового. Вон сколько чуваков вокруг.

— За те башли, что я ему плачу, я б даже слепого эскимоса нанять не смогла. Я с ним типа договорилась, как бы со скидкой. И он думает, что если попробует ноги склеить, его загребут за бродяжничество. Такая вот у нас сделка, в общем, Джордж. В смысле, в моем бизнесе всегда нужно ухо востро держать насчет выгоды. Понял?

— А чё со мной?

— Этот Джоунз уходит на обед с двенадцати до полпервого. Поэтому ты приходи без четверти час.

— И чё я должен делать с этими пакетами весь

день? Я ничё не могу сделать до трех часов. И не хочу это барахло с собой повсюду таскать.

— Сдай на автостанцию. Мне наплевать. Только сделай так, чтоб с ними ничего ни-ни. До завтра.

И Лана снова зашла в бар.

— Хорошо, если ты дала этому пацану от ворот поворот, — сказала Дарлина. — Сдать бы его в Бюро по Улучшению Бизнеса.

— В-во!

— Ну давай же, Лана. Дай же ж нам с птичкой выступить, а? У нас *такая* хохма.

— *Было время, когда* «киванисам»[22] старой школы нравилось приходить и смотреть, как симпатичная девчонка слегка потряхивает делами. Теперь же надо, чтоб какое-нибудь животное было. Знаете, что с людьми сейчас происходит? Они болеют. Трудно человеку честный бакс заработать. — Лана прикурила и выдула свое облако против облака Джоунза. — Ладно. Устроим птичке прослушивание. Наверное, тебе безопаснее будет с птичкой на сцене, чем с легавым у стойки.

---

[22] notes: 22

Члены международного клуба «Kiwanis International», сообщества бизнесменов и профессионалов, созданного в 1915 году в Детройте, Мичиган, для поддержания близости его членов и оказания различных услуг обществу. Название образовано от фразы североамериканских индейцев, означающей «собираемся вместе, шумим». В настоящее время клуб состоит из более чем 9,000 организаций на 6 континентах, насчитывающих более 300 000 человек.

Тащи свою проклятую птицу.

* * *

Мистер Гонзалес сидел около своей маленькой грелки, прислушиваясь к звукам реки, и его мирная душа зависала в нирване где-то гораздо выше двух антенн «Штанов Леви». Чувства его подсознательно впитывали крысиную возню, запах старой бумаги и дерева, а также то самообладание, что придавала ему собственная пара мешковатых штанов Леви. Он выдохнул тоненькую струйку фильтрованного дыма и, точно меткий стрелок, нацелил сигаретный пепел точно в середину пепельницы. Случилось невозможное: жизнь в «Штанах Леви» стала еще лучше. И причиной послужил мистер Райлли. Какая добрая фея обронила мистера Игнациуса Ж. Райлли на стертые и полусгнившие ступени «Штанов Леви»?

Он был четырьмя сотрудниками в одном. В умелых руках мистера Райлли систематизация документов, казалось, исчезла. Кроме этого, он был довольно-таки добр по отношению к мисс Трикси; в конторе едва ли остались какие-то трения. Мистер Гонзалес был тронут тем, что увидел вчера днем: мистер Райлли, опустившись на ко-

лени, менял мисс Трикси носки. Мистер Райлли, сплошное доброе сердце. Нет, отчасти, конечно, и клапан. Но с постоянными разговорами о клапане можно смириться. Это единственный недостаток.

Довольно оглядываясь, мистер Гонзалес отметил в конторе результаты рукоделия мистера Райлли. Над столом мисс Трикси была прикноплена большая табличка с надписью «МИСС ТРИКСИ» и старомодной бутоньеркой, нарисованной карандашами в одном углу. К его столу крепилась другая: «СЕНЬОР ГОНЗАЛЕС», — украшенная гербом короля Альфонсо. К конторскому столбу было прибито сложносоставное распятие, и надписи «ТОМАТНЫЙ СОК ЛИББИ» и «ЖЕЛЕ КРАФТА» еще виднелись на двух его секциях, ожидая, по уверению мистера Райлли, покраски в коричневый цвет с несколькими черными мазками, чтобы подчеркнуть текстуру дерева. В нескольких коробках из-под мороженого на конторских шкафах бобы уже пустили крохотные вьющиеся побеги. Лиловые занавеси из рогожки, висевшие на окне возле стола мистера Райлли, создавали в конторе созерцательную атмосферу. Там же солнце омывало сиянием кларета трехфутовую гипсовую статую Св. Антония, стоявшую

рядом с мусорной корзиной.

Таких работников, как мистер Райлли, еще надо поискать. Он так предан делу, так заинтересован в предприятии. Он даже планирует посетить фабрику — как только клапану станет лучше, — чтобы посмотреть, как можно будет улучшить условия там. Другие работники всегда были так равнодушны, так неаккуратны.

Дверь медленно приоткрылась, и мисс Трикси, предваряемая большим пакетом, совершила свой каждодневный заход внутрь.

— Мисс Трикси! — сказал мистер Гонзалес тем тоном, который для него звучал непривычно резко.

— Кого? — неистово вскричала мисс Трикси.

Она опустила взгляд и заметила свою драную ночнушку и байковый халат.

— Ох, батюшки, — прохрипела она. — То-то я думаю, почему на улице похолодало.

— Ступайте домой немедленно.

— На улице холодно, Гомес.

— Вам нельзя оставаться в таком виде в «Штанах Леви», извините.

— Я уже на пенсии? — с надеждой вопросила мисс Трикси.

— Нет! — пискнул мистер Гонзалес. — Я просто

хочу, чтобы сходили домой и переоделись. Вы ведь живете сразу за углом. Поторопитесь.

Мисс Трикси прошаркала за дверь, захлопнув ее за собой. Затем вернулась за пакетом, оставленным на полу, и хлопнула дверью снова.

К тому времени, как час спустя прибыл Игнациус, мисс Трикси не вернулась. Мистер Гонзалес прислушивался к тяжелой, медленной поступи мистера Райлли по лестнице. Дверь распахнулась от тычка, и появился изумительный Игнациус Ж.Райлли — вокруг шеи обмотан шарф из шотландки, огромный, как шаль, один конец его заткнут в куртку.

— Доброе утро, сэр, — величественно произнес он.

— Доброе утро, — с восторгом отозвался мистер Гонзалес. — Вы хорошо сюда доехали?

— Всего лишь средне. Я подозреваю, что водитель оказался латентным автогонщиком. Я вынужден был непрерывно его предостерегать. В действительности, мы расстались с определенной долей враждебности с обеих сторон. Где наш женский член коллектива сегодня?

— Я вынужден был услать ее домой. Она сегодня пришла на работу в ночной сорочке.

Игнациус нахмурился и произнес:

— Я не понимаю, зачем ее услали. В конечном итоге, мы все здесь довольно неформальны. Мы — одна большая семья. Я лишь надеюсь, что вы не нанесли урона ее моральному состоянию. — Он наполнил в питьевой колонке стакан, чтобы полить свои бобы. — Возможно, вас не удивит, если однажды утром я появлюсь в своей ночной рубашке. Я нахожу это одеяние довольно комфортабельным.

— Я определенно не намереваюсь диктовать, что вам следует носить, — встревоженно ответил мистер Гонзалес.

— Мне следует надеяться. Нашему с мисс Трикси терпению может прийти конец.

Мистер Гонзалес сделал вид, что ищет что-то у себя в ящиках стола, чтобы только избежать ужасного взора, вперенного в него Игнациусом.

— Я завершу распятие, — наконец, произнес Игнациус, извлекая из мешкообразных карманов куртки две кварты краски.

— Это чудесно.

— Распятие в настоящее время — наш самый первый приоритет. Систематизация, алфавитизация — все должно подождать, пока я не завершу этот проект. Затем, по окончании распятия, я намереваюсь посетить фабрику. Подозреваю,

что эти люди просто криком исходят, желая довериться сострадательному слуху, преданному вожаку. Я могу оказаться в силах помочь им.

— Разумеется. Не давайте мне собою помыкать.

— Не буду. — Игнациус уставился на управляющего конторой. — Наконец-то, мой клапан, кажется, позволяет мне нанести визит на фабрику. Я не должен упускать такой возможности. Если я помедлю, он может запечататься на несколько недель.

— Тогда вам следует идти на фабрику сегодня, — с энтузиазмом подхватил управляющий.

Мистер Гонзалес с надеждой посмотрел на Игнациуса, но ответа не получил. Игнациус систематизировал свою куртку, шарф и шапочку в один из шкафчиков и приступил к распятию. К одиннадцати часам он покрыл его первым слоем краски, тщательно размазывая ее маленькой акварельной кисточкой. Мисс Трикси по-прежнему пребывала в самоволке.

В полдень мистер Гонзалес поднял голову от стопки бумаг, над которыми работал, и произнес:

— Интересно, где может быть мисс Трикси?

— Вы, вероятно, сломили ее дух, — холодно

отозвался Игнациус. Он мазал кисточкой неровные края картона. — Тем не менее, она может появиться к обеду. Вчера я сообщил ей, что принесу бутерброд с мясным рулетом. Я обнаружил, что мисс Трикси находит мясной рулет довольно аппетитным деликатесом. Я бы и вам предложил такой бутерброд, однако боюсь, что хватит только нам с мисс Трикси.

— Не стоит беспокоиться. — Мистер Гонзалес выдавил изнуренную улыбку и стал смотреть, как Игнациус разворачивает жирный бумажный пакет. — Я все равно собирался работать весь обеденный перерыв и закончить эти ведомости и счета.

— Так и нужно. Мы не должны позволить «Штанам Леви» отстать в борьбе за выживание сильнейшего.

Игнациус вознил зубы в первый бутерброд, раздирая его напополам, и некоторое время удовлетворенно жевал.

— Я очень надеюсь, что мисс Трикси все же придет, — произнес он, разделавшись с первым бутербродом, и выпустил очередь отрыжек, звучавших так, точно расстреливали весь его пищеварительный тракт. — Боюсь, мой клапан не вынесет мясного рулета.

Как раз когда он отдирал зубами от хлеба начинку второго бутерброда, вошла мисс Трикси: зеленый целлулоидный козырек ее смотрел назад.

— Вот она, — сообщил Игнациус управляющему конторой сквозь большой лист вялого салата, свисавший у него изо рта.

— Ох, да, — немощно произнес мистер Гонзалес. — Мисс Трикси.

— Я воображал, что мясной рулет активизирует ее способности. Сюда, Мать Коммерция.

Мисс Трикси столкнулась со статуей Св. Антония.

— Я так и знала, что у меня на уме что-то было все утро, Глория, — сказала мисс Трикси, вцепившись когтями в бутерброд и уволакивая его к своему столу. Игнациус завороженно наблюдал за сложным процессом приведения челюстей, языка и губ в действие каждым куском бутерброда.

— Вы очень долго переодевались, — сказал управляющий мисс Трикси, с сожалением отмечая, что нынешний ее ансамбль лишь ненамного презентабельнее халата и ночнушки.

— Кого? — переспросила мисс Трикси, высунув язык, на котором громоздился пережеванный мясной рулет с хлебом.

— Я сказал, что вы долго переодевались.

— Я? Я только что вышла.

— Будьте любезны, прекратите третировать ее, — рассерженно вмешался Игнациус.

— Не было совершенно никакой надобности задерживаться так долго. Она живет где-то рядом с причалами, — ответил управляющий и вернулся к своим бумагам.

— Вам понравилось? — осведомился Игнациус у мисс Трикси, когда последняя гримаса сошла с ее губ.

Мисс Трикси кивнула и прилежно взялась за второй бутерброд. Но съев, наконец, половину, вдруг откинулась на стуле.

— Ох, я уже наелась, Глория. Очень вкусно.

— Мистер Гонзалес, не хотите ли кусочек бутерброда, который мисс Трикси уже не съесть?

— Нет, спасибо.

— Лучше, если б вы его взяли. Иначе крысы кинутся на нас штурмом *ан масс*[23].

— Да, Гомес, возьмите, — настойчиво произнесла мисс Трикси, роняя влажную половину недоеденного бутерброда прямо на кипу бумаг на столе управляющего.

---

[23] notes: 23

Искаж. фр. en masse — в массовых количествах

— Ну посмотрите, что вы наделали, старая идиотка! — заорал мистер Гонзалес. — Черт бы побрал миссис Леви. Это же ведомость для банка.

— Как смеете вы совершать нападки на сам дух благородной миссис Леви, — загрохотал Игнациус. — Я доложу о вас соответственно, сэр.

— Я готовил эту ведомость больше часа. Посмотрите, что она сделала.

— Я хочу той пасхальной ветчины! — прорычала мисс Трикси. — Где моя индюшка на День Благодарения? Я бросила чудесную должность кассирши в синематографе, чтобы прийти работать в эту компанию. Теперь я, наверное, так и помру в этой конторе. Должна сказать: к работникам тут относятся подло. Я ухожу на пенсию *прямо сейчас*.

— Почему бы вам не сходить вымыть руки? — предложил ей мистер Гонзалес.

— Это хорошая мысль, Гомес, — согласилась мисс Трикси и галсами пошаркала в дамскую уборную.

Игнациус чувствовал себя обманутым. Он надеялся на сцену. Когда управляющий конторой начал переписывать ведомость, он вновь обратился к кресту. Однако, сначала следовало поднять на ноги мисс Трикси, уже вернувшуюся

из уборной: теперь она стояла на коленях непосредственно под распятием и молилась — как раз там, где Игнациус красил крест. Мисс Трикси висела у него над душой все время, отходя лишь для того, чтобы заклеить мистеру Гонзалесу конверты, несколько раз в уборную, да вздремнуть. Единственный шум в конторе издавал своей пишущей машинкой и арифмометром управляющий — и то, и другое Игнациус находил слегка отвлекающим. К половине второго крест был почти завершен. Недоставало только букв из золотой фольги, гласивших БОГ И КОММЕРЦИЯ, которые Игнациус собирался приклеить к нижней части распятия. Когда девиз утвердился на месте, Игнациус отошел на шаг и сообщил мисс Трикси:

— Дело сделано.

— Ох, Глория, как красиво, — искренне ответила мисс Трикси. — Вы посмотрите, Гомес.

— Какая красота, — сказал мистер Гонзалес, изучая распятие усталыми глазами.

— Теперь — к систематизации, — деловито произнес Игнациус, — а потом — на фабрику. Я не могу терпеть социальной несправедливости.

— Да, вам следует сходить на фабрику, пока у вас еще функционирует клапан, — подтвердил

управляющий.

Игнациус зашел за стенку конторских шкафчиков, взял в руки скопившуюся стопку еще не разложенного по папкам материала и швырнул ее в мусорную корзину. Заметив, что управляющий сидит за своим столом, прикрыв глаза ладонью, Игнациус вытащил первый ящик с папками и, перевернув его, вывалил все его алфавитное содержимое туда же.

А после этого затопотал к фабричной двери, прогрохотав мимо мисс Трикси, снова молившейся на коленях перед распятием.

* * *

Патрульный Манкузо в попытках задержать кого-нибудь — хоть кого-нибудь для сержанта — пробовал левачить. Высадив тетушку возле дома после кегельбана, он решил самостоятельно зайти в бар и посмотреть, не перепадет ли ему чего-нибудь. Перепали же ему лишь три жуткого вида девахи, которые его же и побили. Он поправлял повязку на голове, входя в участок, куда его вызвал сержант.

— Что с тобой стряслось, Манкузо? — заорал сержант при виде повязки.

— Упал.

— Очень на тебя похоже. Если бы ты хоть что-то соображал в своей работе, ты бы сидел в барах и подавал нам информацию о таких субчиках, как те три девки, которых мы привезли сюда вчера вечером.

— Есть, сэр.

— Я не знаю, какая шлюха навела тебя на эту «Ночь Утех», но наши парни проводят там почти каждую ночь, и ничего им еще не попалось…

— Ну, я думал…

— Заткнись. Ты дал нам липовую наводку. А ты знаешь, что мы делаем с людьми, дающими нам липовую наводку?

— Нет.

— Мы отправляем их в комнату отдыха автобусной станции.

— Есть, сэр.

— Будешь дежурить там в кабинках по восемь часов в день, пока не приведешь нам кого-нибудь.

— Ладно.

— Не отвечай «ладно». Отвечай «есть, сэр». А теперь убирайся и загляни по дороге в свой шкафчик. Ты сегодня фермер.

* * *

Игнациус раскрыл «Дневник рабочего парнишки» на первой чистой странице «Синего Коня» и с нажимом выдвинул стержень. Кончик шариковой ручки «Штанов Леви» дал осечку при первом щелчке и скользнул обратно в пластиковый корпус. Игнациус пощелкал энергичнее, но кончик непослушно прятался. Яростно треснув ручкой по краю стола, Игнациус схватил с пола один из карандашей «Венера-Медалистка». Потыкал грифелем воск в ушах и начал соредотачиваться, прислушиваясь к тому, как мать собирается на весь вечер в кегельбан. Из ванной доносились дроби шагов, что, насколько он знал, означало одно: мать пытается завершить несколько фаз своего туалета одновременно. Затем раздались звуки, к которым за много лет он уже привык, — они сопровождали всякий выход матери из дома: щетка для волос плюхнулась в раковину, о пол ударилась пудреница, неожиданный вскрик смятения и хаоса.

— Ай! — в какой-то момент раздался материнский вопль.

Игнациус расценивал приглушенный одинокий шум в ванной как источник раздражения:

хоть бы она закончила побыстрее. Наконец, щелкнул выключатель. Она постучалась к нему.

— Игнациус, лапуся, я ухожу.

— Хорошо, — ледяным тоном ответствовал сын.

— Открой дверь, малыш, выйди чмокни меня на прощанье.

— Мамаша, я в данный момент довольно-таки занят.

— Ну не будь же ж таким, Игнациус. Открывай.

— Бегите к своим приятелям, я вас умоляю.

— Ой, Игнациус.

— Вот нужно же отвлекать меня на всех уровнях. Я работаю над одной вещью, имеющей чудесные перспективы для кинематографа. В высшей степени прибыльный проект.

Миссис Райлли пнула дверь кегельной туфлей.

— Это так вы портите ту пару абсурдной обуви, которая была приобретена на мои сбережения, заработанные потом и кровью?

— А? Что такое, сокровище?

Игнациус извлек из уха карандаш и открыл дверь. Материнские волосы цвета свеклы были взбиты ввысь надо лбом; скулы багровели от румян, нервно размазанных до самых глазных

яблок. Одно дикое дуновение пудры выбелило лицо миссис Райлли, перед ее платья и несколько отбившихся свекольных прядей.

— О, мой Бог! — вымолвил Игнациус. — У вас пудра по всему платью, хотя, возможно, вы следуете одному из косметических советов миссис Батталья.

— Ну почему ты всегда так тюкаешь Санту, Игнациус?

— Ее, кажется, жизнь и без меня тюкала предостаточно. Но скорее вверх, чем вниз. Однако, если она когда-нибудь приблизится ко мне, направление т*ю*ка может измениться.

— Игнациус!

— А кроме этого она вызывает в памяти вульгаризм «тютьки».

— Санта уже бабуся. Как не стыдно?

— Хвала Всевышнему, что грубые вопли мисс Энни тем вечером восстановили мир. Ни разу в своей жизни не видел столь бесстыдной оргии. И это — в моей собственной кухне. Если бы тот человек являлся хоть каким-то подобием стража законности, он бы арестовал бы эту «тетушку» на месте.

— И Анджело не тюкай. У него трудный путь, мальчик. Санта грит, он весь день просидел в

уборной на автобусной станции.

— О, мой Бог! Верю ли я своим ушам? Я вас умоляю — бегите скорее вместе со своими пособниками из Мафии и оставьте меня в покое.

— Не относись так к своей бедной мамочке.

— Бедной? Я не ослышался — бедной? Когда доллары от моих трудов буквально рекой льются в этот дом? И вытекают из него еще быстрее.

— Не надо снова начинать, Игнациус. Я у тебя тока двадцать долларов же взяла на этой неделе, да еще и чуть не на коленках пришлось упрашивать. Посмотри тока на все эти штукенции, которые ты себе покупаешь. Посмотри на эту кинекамору, что сегодня домой приволок.

— Кинокамера вскоре найдет себе применение. А гармоника была довольно дешева.

— Я ж так же ж никогда с этим человеком расплатицца не сумею.

— Это едва ли моя проблема. Я не вожу машину.

— Да, и тебе наплювать. Тебе всегда наплювать было, мальчик.

— Мне следовало предвидеть, что, всякий раз открывая дверь этой комнаты, я буквально открываю ящик Пандоры. Разве миссис Батталья не желает, чтобы вы поджидали их с ее рас-

тленным племянником на обочине, дабы ни одно бесценное мгновение игры в кегли не было упущено? — Игнациус изрыгнул газ дюжины шоколадных пирожных, пойманный в ловушку его клапаном. — Предоставьте мне хоть капельку мира. Неужели недостаточно того, что меня на работе весь день изводят? Мне казалось, что я адекватно описал вам те ужасы, с которыми мне приходится сталкиваться каждодневно.

— Ты же знаешь, как я тебя ценю, лапуся, — всхлипнула миссис Райлли. — Иди сюда и хорошенько чмокни мамочку на прощанье, будь умницей.

Игнациус склонился и слегка ткнулся ей в щеку.

— О, мой Бог, — вымолвил он, отплевываясь пудрой. — Теперь во рту у меня будет скрипеть всю ночь.

— На мне слишком много пудры?

— Нет, в самый раз. Разве у вас нет артрита или что там еще у вас есть? Как вы собираетесь играть в кегли?

— Мне кажется, упряжения мне помогают. Я себе лучше чувствую.

На улице забибикало.

— Очевидно, ваш приятель избежал-таки убор-

ной, — фыркнул Игнациус. — Околачиваться по автобусным станциям — это так на него похоже. Ему, вероятно, нравится смотреть, как прибывают и отправляются эти туристические кошмары с круговым обзором. В его мировоззрениии, очевидно, автобус — это хорошо. Это показывает, насколько умственно он отстал.

— Я вернусь пораньше, лапуся, — сказала миссис Райли, закрывая миниатюрную входную дверь.

— Мною, вероятно, уже злоупотребит какой-либо злоумышленник, — возопил ей вслед Игнациус.

Заперев на засов дверь своей комнаты, он схватил пустой чернильный пузырек и раздвинул ставни. Высунув наружу голову, он осмотрел весь проулок и отыскал в темноте на обочине белый «рэмблер». Изо всех сил он запустил пузырьком в его сторону и услышал, как тот взорвался на крыше машины со звуком, гораздо превосходившим все его ожидания.

Великий писатель — друг и благодетель своих читателей.

— *Маколей*[24]

---

[24] notes: 24

Томас Бабингтон Маколей (1800-1859) — английский историк, поэт, эссеист, государственный деятель

Еще один рабочий день окончен, мой любезный читатель. Как я уже сообщал тебе раньше, я преуспел в наложении, так сказать, печати на пертурбации и манию нашей конторы. Все избыточные виды деятельности постепенно сводятся на нет. В настоящий момент я занят украшением нашего улья для пчел с белыми воротничками (троих), в котором жизнь бьет ключом. Аналогия с тремя пчелами вызывает в памяти три *n*, которые наиболее надлежащим образом описывают мои действия в качестве конторского служащего: преодоление, процветание, преображение. Существуют и три *n*, наиболее надлежащим образом описывающие действия нашего придурка-управляющего: побирушка, порча, промах, прилипала, паскудство, паразит, провал, падаль, парша, подонок. (В данном случае, боюсь, список несколько выходит из-под контроля.) Я пришел к заключению, что наш управляющий конторой служит единственной цели, а именно — путаницы и помехи. Если бы не он, другая моя сослуживица (*La Dama del Commercio*) и я вполне пребывали бы в мире и довольстве, выполняя свои обязанности в атмосфере взаимной предупредительности. Я уверен, что его диктаторские методы отчасти служат причиной желания мисс Т. уйти на пенсию.

Наконец, я могу описать тебе саму фабрику. Сегодня днем, ощущая удовлетворение от завершения работы над распятием (Да! Оно завершено и сообщает конторе столь необходимое духовное измерение.), я решил нанести визит в лязг, жужжание и свист фабрики.

Сцена, открывшаяся моего взору, была одновременно притягательной и отталкивающей. Первоначальное потогонное предприятие в «Штанах Леви» сохранилось для потомства нетронутым. Если бы Смитсоновский Институт, это балаганное скопище национальных отходов, мог как-нибудь запечатать фабрику «Штанов Леви» в вакуумную упаковку и перенести в столицу Соединенных Штатов Америки со всеми до единого рабочими, замершими в позах своего труда, посетители этого сомнительного музея испражнялись бы прямо в свои безвкусные туристские наряды. Это сцена, сочетающая в себе худшее из «Хижины дяди Тома» и «Метрополиса» Фрица Ланга; это механизированное негритянское рабство; она представляет собой тот прогресс, которого добились негры — от сбора хлопка до пошива из него. (Оставаясь в своей эволюции на стадии сбора хлопка, они бы, по крайней мере, пребывали в целебной среде, распевая песни и

поедая арбузы[25].) Мои интенсивные и глубоко прочувствованные убеждения, касающиеся социальной несправедливости, моментально возбудились. Клапан мой отозвался энергичным толчком.

(В связи с арбузами я должен признаться, дабы никакая профессиональная организация по защите гражданских прав не сочла себя оскорбленной, что никогда не являлся наблюдателем американских народных обычаев. Я могу ошибаться. Можно себе вообразить, что в наши дни, протягивая одну руку за хлопком, другой рукой народ прижимает к уху транзисторный радиоприемник, изрыгающий прямо на его барабанные перепонки бюллетени о подержанных автомобилях, Размягчителе Волос «Мяхстиль», Приправе для Прически «Королевская Корона» и вине «Галло», а на нижней губе у него болтается ментоловая сигарета с фильтром, грозя спалить все хлопковое поле дотла. Сам проживая на бере-

[25] notes: 25

как они, насколько я полагаю, и должны поступать, находясь группами на лоне природы

гах реки Миссисиппи[26], я ни разу не видел, как произрастает хлопок, и не имею ни малейшего желания увидеть. Единственная экскурсия за пределы Нового Орлеана водоворотом повергла меня в пучину отчаянья: Батон-Руж. В одной из будущих частей настоящего повествования, в ретроспекции, я, быть может, опишу это паломничество сквозь топи, это странствие в пустыню, из которого я вернулся сломленным физически, умственно и духовно. С другой стороны, Новый Орлеан — комфортабельный метрополис, обладающий определенной апатией и застоем, которые я не нахожу противными моему естеству. По меньшей мере, климат его мягок; к тому же, именно здесь, в Городе Полумесяца, я пребываю уверенным в наличии крыши над моей

[26] notes: 26

Река эта прославлена в отвратительных песнях и стихах; преобладающим мотивом в них служат попытки представить реку эрзацем фигуры отца. В действительности, река Миссисиппи — подлая и зловещая водная артерия, чьи водовороты и течения ежегодно уносят множество жизней. Я не встречал ни единого человека, даже отдаленно пытавшегося бы обмакнуть большой палец ноги в ее зараженные бурые воды, кишащие нечистотами, промышленными стоками и смертельными инсектицидами. Даже рыба в ней дохнет. Следовательно, Миссисиппи как Отец-Господь-Моисей-Папаша-Фаллос-Старикан — мотив насквозь фальшивый, начатый, насколько я мог бы себе вообразить, этим жутким шарлатаном Марком Твеном. Эта неспособность вступить в контакт с реальностью, тем не менее, характерна для почти всего американского «искусства». Любая связь между американским искусством и американской природой чисто случайна, однако это лишь потому, что вся нация в целом с реальностью контакта не имеет. Сие — лишь

одна из причин того, почему я всегда вынужден был существовать на обочине ее общества, ограниченный Чистилищем, остающимся на долю тех, кто неспособен опознать реальность в лицо.

головой и «Д-ра Орешка» в желудке, несмотря на то, что определенные регионы Северной Африки[27] время от времени щекотали мой интерес. Путешествие кораблем, тем не менее, вероятно, расстроит всю мою нервную систему, и я не настолько извращен, чтобы предпринимать путешествие воздухом, даже имей я возможность позволить себе его. Автобусная линия «Грейхаунд» угрожающа в достаточной степени для того, чтобы я вынужден был смириться со своим статус-кво. Если бы только прекратили эти туристские автобусы с круговым обозрением; мне представляется, что одна их высота нарушает какие-то уложения национальных шоссейных дорог в той их части, которая касается дорожного просвета при езде по туннелям и тому подобному. Быть может, кто-то из вас, дорогие читатели, с присущей вам юридической хваткой может выудить из памяти соответствующий параграф. Эти вещи действительно следует убрать. Одного знания, что они снуют где-то этой темной ночью, довольно, чтобы меня охватили тревога и дурные предчувствия.)

Фабрика — большая, амбарообразная струк-

---

[27] notes: 27
Танжер и т.д.

тура, размещающая в себе рулоны материи, раскроечные столы, массивные швейные машины и печи, предоставляющие пар для глажки. Тотальный эффект достаточно сюрреален, особенно когда видишь передвигающихся повсюду *Les Africaines*, выполняющих свои задания в подобном механизированном интерьере. Присущая этому ирония захватила мое воображение, должен признать. В памяти всплыло что-то из Джозефа Конрада, хотя в тот момент я, кажется, был не в состоянии припомнить, чем оно было. Вероятно, я уподобился Курцу из «Сердца тьмы», когда вдали от контор торговой компании в Европе он лицом к лицу сталкивается с предельным ужасом. Я в самом деле припоминаю, что воображал себя в пробковом шлеме и белых джодпурах, и лицо мое оставалось загадочным под вуалью противомоскитной сетки.

Печи поддерживают в помещении достаточно тепла и духоты в эти промозглые дни, однако, летом, подозреваю я, рабочим суждено еще раз наслаждаться климатом своих предков — тропической жарой, несколько усугубляемой этими громадными углепожирающими пароизрыгающими приспособлениями. Я понимаю, что в данное время фабрика работает далеко не на

свою полную мощность, и не мог не заметить, что только один из этих приборов находился в действии, сжигая в себе уголь и то, что походило на один из раскроечных столов. Кроме этого, я стал свидетелем того, как была закончена одна пар брюк за то время, что я там провел, несмотря на то, что рабочие беспрерывно слонялись вокруг, сжимая в руках всевозможные лоскуты материи. Одна женщина, как я заметил, гладила какую-то детскую одежду, а другая на зависть быстро умудрялась на одной из больших швейных машин соединять друг с другом сегменты атласа цвета фуксии. Похоже было, что она выделывает довольно красочное, но вместе с тем распутное вечернее платье. Должен признать — я восхитился мастерству, с которым она продергивала материал взад и вперед под массивной электрической иглой. Женщина эта, очевидно, была умелой работницей, и мне представилось вдвойне бесчастным, что она не предоставляет своих талантов для создания пары штанов… Леви. На фабрике, очевидно, серьезна проблема морального состояния.

Я пустился на поиски мистера Палермо, фабричного десятника, который, между прочим, по своему обыкновения не отходит от бутылки

больше, чем на несколько шагов, как об этом свидетельствуют многочисленные ушибы, претерпеваемые им от падений между раскроечных столов и швейных машин, но безуспешно. Вероятно, он заглатывал свой жидкий обед в одной из многих таверн в непосредственной близости от нашей организации; бар имеется на каждом углу района, в котором располагаются «Штаны Леви», — показатель того, что уровень заработной платы в этом районе крайне низок. В особенно безнадежных кварталах — по три-четыре бара на каждом перекрестке.

В своей невинности я подозревал, что непристойный джаз, исторгавшийся громкоговорителями со стен фабрики, и лежит в корне той апатии среди рабочих, свидетелем которой я стал. Дух выдерживает бомбардировку этими ритмами лишь до определенного предела, за которым он начинает осыпаться и атрофироваться. Следовательно, я отыскал и повернул выключатель, контролировавший музыку. Это действие с моей стороны привело к довольно-таки громкому и вызывающе хамскому реву протеста со стороны коллектива работников, которые хмуро начали меня рассматривать. Поэтому я включил музыку снова, широко улыбаясь и дружелюб-

но помахивая рукой в попытках признать свое недальновидное решение и завоевать расположение рабочих. (Их огромные белые глаза уже окрестили меня «Мистером Чарли». Мне придется побороться за то, чтобы показать им свою поистине психотическую преданность в деле оказания им помощи.)

Очевидно, непрерывная реакция на музыку выработала в них почти павловский рефлекс на шум — рефлекс, полагаемый ими удовольствием. Проводя бессчетные часы своей жизни в наблюдениях за этими испорченными детьми по телевидению, где они танцуют под такого рода музыку, я представлял себе, какой физический спазм она должна вызывать, и предпринял собственную консервативную версию того же самого прямо на том же месте, в целях дальнейшего умиротворения рабочих. Должен признать, что тело мое двигалось с удивительным проворством; я не лишен внутреннего чувства ритма; предки мои, должно быть, выдающимся образом отплясывали джиги на вересковых пустошах. Не обращая внимания на взгляды рабочих, я зашоркал ногами под одним из громкоговорителей, изгибаясь и вскрикивая, безумно бормоча себе под нос: «Давай! Давай! Делай, крошка, делай! Я

тебе говорю. Вау!» Я понял, что снова отвоевываю у них территорию, когда некоторые стали показывать на меня пальцами и смеяться. Я смеялся им в ответ, чтобы продемонстрировать, что и я тоже разделяю их хорошее настроение. *De Casibus Virorum Illustrium!*[28] О Падении Мужей Великих! Мое падение состоялось. В буквальном смысле. Моя видная система, обессиленная круговращательными движениями (особенно в районе коленей), в конечном итоге, восстала, и я рухнул на пол в бессмысленной попытке изобразить один из тех вопиюще извращенных танцевальных па, которым я столько раз был свидетелем по телевидению. Рабочих, казалось, это довольно-таки озаботило, и они помогли мне подняться крайне вежливо, улыбаясь мне наидружелюбнейшим манером. Я понял, что мне больше не следует опасаться за свой *faux pas*[29] в выключении их музыки.

Несмотря на все, чему негры подвергались, они, тем не менее, — довольно приятный народец по большей части. В действительности, я мало имел с ними дела, поскольку вращаюсь либо в кругу

---

[28] notes: 28
Книга Джованни Боккаччо, изданная в Брюгге в 1476 году.

[29] notes: 29
Ложный шаг (фр.)

равных мне, либо вообще нигде. Побеседовав с несколькими работниками, причем все они, казалось, были не прочь поговорить со мной, я обнаружил, что получают они еще меньшее жалованье, чем мисс Трикси.

В каком— то смысле, я всегда ощущал нечто вроде сродства с цветной расой, поскольку положение ее сродни моему: мы оба существуем за пределами внутреннего царства американского общества. Мое изгнание, разумеется, добровольно. Тем не менее, очевидно, что многие негры желают стать активными членами американского среднего класса. Не могу даже вообразить себе, почему. Должен признаться, что стремление это с их стороны подводит меня к сомнению в их оценочных суждениях. Однако, если они желают влиться в буржуазию, меня это совершенно не касается. Они сами могут подписывать себе приговор. Лично я агитировал бы довольно непреклонно, заподозри я кого-либо в попытках подсадить меня повыше, в средний класс. То есть, я агитировал бы против озадаченного этим человека, предпринявшего бы такую попытку помочь мне. Агитация эта приняла бы форму множества маршей протеста вместе с полагающимися в таких случаях традиционными знаменами и

плакатами, но гласили бы они вот что: «Долой Средний Класс», «Средний Класс Должен Исчезнуть». Не стану возражать я и против того, чтобы швырнуть один-другой «коктейль Молотова». Помимо этого, я бы старательно избегал садиться рядом со средним классом в закусочных и общественном транспорте, поддерживая внутренне присущую мне честность и благородство моего бытия. Если же белый представитель среднего класса достаточно суициден, чтобы присесть рядом со мной, воображаю, что я бы крепко избил его по голове и плечам одной своей громадной рукой, другой же рукой одновременно и довольно-таки искусно швыряя один из своих «молотовых» в проезжающий мимо автобус, под завязку набитый другими белыми представителями американского среднего класса. Вне зависимости от того, месяц или год будет тянуться осада меня, я уверен, что в конечном итоге все оставят меня в покое -после тотального опустошения и разора мною уже оцененного имущества.

Я поистине восхищаюсь тем трепетом, который способны вселять негры в сердца отдельных членов белого пролетариата, и желаю только (Это довольно личное признание.) сам обладать способностью внушать такой же ужас. Негр

внушает ужас лишь тем, что остается самим собой; мне, однако, для достижения той же цели приходится прибегать к угрозам. Возможно, мне следовало быть негром. Подозреваю, что я был бы довольно крупным и устрашающим экземпляром, непрерывно прижимался бы своим полным бедром к увядшим лядвиям белых дам в средствах общественного транспорта, исторгая из них более чем один панический взвизг. Более того, будь я негром, моя мать не настаивала бы на том, чтобы я искал себе хорошую работу, поскольку для меня бы не существовало хорошей работы. Да и сама моя мать, изнуренная старая негритянка, была бы слишком сломлена годами низкооплачиваемого труда домашней прислуги, чтобы ходить по вечерам играть в кегли. Мы с нею могли бы с приятностью проживать в какой-нибудь заплесневелой лачуге трущоб в состоянии нечестолюбивого покоя, в довольстве осознавая, что мы нежеланны, что любые устремленья бессмысленны.

Вместе с тем, я не желаю созерцать ужасное зрелище того, как негры возвышаются до среднего класса. Я расцениваю это движение величайшим оскорблением их цельности как народа. Однако,

я уже начинаю говорить, как Бирды[30] и Паррингтоны[31], и скоро совершенно забуду «Штаны Леви», мою коммерческую музу в данных трудах. На будущее проект мог бы стать социальной историей Соединенных Штатов с моей точки зрения; если «Дневник рабочего парнишки» на книжных прилавках постигнет успех, я, быть может, своим пером отражу подобие нашей нации целиком. Нация наша требует пристального рассмотрения совершенно незинтересованного наблюдателя, подобного вашему Рабочему Парнишке, и у меня в архивах уже имеется достаточно солидная коллекция заметок и пометок, оценивающих всю современную сцену и сообщающих ей перспективу.

Поспешим же на крыльях прозы обратно к фабрике и ее народу, побудившего меня к столь обширному отступлению. Как я уже сообщил вам, меня только что подняли с пола, причем

---

[30] notes: 30

Чарлз Остин (1874-1948) и его супруга Мэри Риттер (1876-1958) Бирды — американские историки, исследовавшие экономические аспекты событий американской истории в таких трудах, как «Экономическая интерпретация Конституции» (1913) и «Подъем американской цивилизации» (первый том — 1927).

[31] notes: 31

Вернон Луис Паррингтон (1871-1929) — американский историк литературы и философ, главный образом известный трехтомным трудом «Основные течения американской мысли» (1927-1930).

представление мое с последовавшим за ним кунштюком послужили источником неимоверного ощущения товарищества. Я поблагодарил их сердечно, а они тем временем весьма заботливо вопрошали у меня с акцентами, свойственными английскому языку семнадцатого века, о моем состоянии. Я при падении не пострадал, а поскольку гордыня — Смертный Грех, которого я, в общем и целом, тщательно избегаю, то абсолютно никакого урона нанесено мне не было.

Затем я расспросил их о фабрике, ибо это и явилось причиной моего визита. Казалось, они довольно-таки жаждут поговорить со мной и даже весьма заинтересованы мною как личностью. Очевидно, что томительные часы, проводимые между раскроечных столов, делают каждого посетителя вдвойне желанным. Мы живо болтали, хотя рабочие в целом о работе говорили уклончиво. На самом деле, казалось, больше всего остального их интересую я; меня не беспокоили знаки их внимания, и я парировал все их вопросы блаженно, пока те, в конце концов, не стали слишком личными. Некоторые из тех, кто время от времени забредал в контору, задавали целенаправленные вопросы о распятии и сопутствующих ему украшениях; одна настой-

чивая дама попросила разрешения (которое, разумеется, было предоставлено) время отвремени собирать вокруг распятия некоторых своих собратьев и петь спиричуэлы. (Я питаю отвращение к спиричуэлам и всем этим смертоносным кальвинистским гимнам девятнадцатого века, однако с готовностью согласился страдать, жертвуя своими барабанными перепонками такой атаке, если припев-другой сделают этих рабочих счастливыми.) Когда же я начал расспрашивать их о заработной плате, то обнаружил, что конверт со средней еженедельной суммой содержит менее тридцати ($30) долларов. Мое взвешенное мнение заключается в том, что в смысле заработной платы кто-то заслуживает гораздо большего только лишь за то, что остается в таком месте, как фабрика вообще, на пять дней в неделю, а в особенности если фабрика — такая, как фабрика «Штанов Леви», где протекающая крыша грозит обрушиться в любой момент. И кто знает? У этих людей, возможно, есть занятия и получше, чем слоняться без толку по «Штанам Леви», — например, сочинять композиции джаза, или создавать новые танцы, или делать то, что бы они там ни делали с такой легкостью. Не удивительно, что на фабрике царит такая апатия. Но все равно неверо-

ятно, чтобы такое несоответствие между хандрой производственной линии и лихорадочной суетой конторы могло гнездиться в одной груди («Штанов Леви»). Будь я одним из фабричных рабочих (а я, возможно, составил бы довольно крупный и устрашающий экземпляр, как я говорил ранее), я бы уже давно взял приступом контору и потребовал приличной зарплаты.

Здесь я должен сделать одно замечание. Бесцельно посещая старшие классы средней школы, однажды в кофейне я познакомился с некоей мисс Мирной Минкофф, тоже старшеклассницей, громогласной неприятной девой из Бронкса. Этот знаток из мира Народных Сборищ был привлечен к столику, за которым я вершил свой суд одной лишь неповторимостью и магнетизмом собственного бытия. Как только великолепие и оригинальность моего мировоззрения стали очевидны через посредство беседы, распутница Минкофф принялась атаковать меня на всех уровнях, в одном месте даже пнув меня под столом довольно энергично. Я и очаровывал, и смущал ее одновременно; иными словами, я был для нее чересчур. Провинциальная узость и огра-

ниченность интересов гетто города Готама[32] не подготовила ее к уникальности Вашего Рабочего Паренька. Мирна, видите ли, искренне полагала, что все человеческие существа, проживающие к югу и западу от реки Гудзон, — неграмотные ковбои или же — что еще хуже — Белые Протестанты, тот класс человеческих существ, который как группа специализируется в невежестве, жестокости и пытках. (Я в особенности не горю желанием защищать Белых Протестантов; я сам их не очень долюбливаю.)

Вскоре брутальная манера поведения Мирны в обществе отпугнула всех моих придворных от столика, и мы были оставлены наедине — с остывшим кофе и пылкими словами. Когда я оказался неспособен согласиться с ее ослиным ревом и детским лепетом, она сообщила мне, что я, во всей видимости, — антисемит. Ее логика представляла собой смесь полуправд и клише, ее мировоззрение — кашу ложных представлений, извлеченных из истории нашей нации, написанной с перспективы тоннеля метрополитена. Она зарылась в свой огромный черный саквояж и

[32] notes: 32

Нью-Йорк. Это прозвище ввели и популяризовали Вашингтон Ирвинг и несколько его соавторов в серии сатирических очерков «Салмагунди» (1807-1808).

обрушила на меня (почти буквально) засаленные экземпляры «Мужчин и Масс», «Ну же!», «Прорванных Баррикад», «Всплеска», «Отвращения» и различных манифестов и памфлетов, имеющих отношение к организациям, самым рьяным активистом которых она являлась: Студенты за Свободу, Молодежь за Секс, Черные Мусульмане, Друзья Латвии, Дети за Смешанные Браки, Советы Белых Граждан. Мирна, как видите, была ужасно *ангажирована* своим обществом; я же, с другой стороны, будучи старше и мудрее, им *дезангажирован*.

Ей удалось выманить довольно много денег у своего отца, чтобы уехать и поступить в колледж с целью посмотреть, как это — «там, снаружи». К несчастью, обнаружила она — меня. Травма нашей первоначальной встречи вскормила наш мазохизм друг друга и привела к некоторым образом (платоническому) роману. (Мирна решительно мазохистка. Счастлива она лишь тогда, когда полицейская овчарка вонзает клыки в ее черные лосины, или когда ее тащат ногами вперед по ступенькам с какого-нибудь слушания в Сенате.) Должен признать, я всегда подозревал, что Мирна заинтересована во мне сенсуально; мое прижимистое отношение к сексу интригует

ее; в каком-то смысле я стал для нее еще одним проектом — некоторым образом. Мне, вместе с тем, удалось отразить все ее попытки штурма замка моего тела и разума. Поскольку и Мирна, и я повергали в смятение прочих студентов, пребывая порознь, то став парой, мы сбивали их с толку вдвойне — всех этих улыбчивых южан с куриными мозгами, которые, за редкими исключениями, и составляют наше студенчество. Общежитские слухи, насколько я понимаю, связывали нас с нею в совершенно невыразимо порочных интригах.

Панацея Мирны для всего — от рухнувших арок до депрессии — это секс. Она пропагандировала эту философию паре южных красоток, которых взяла под свое крылышко, чтобы отремонтировать их отсталый разум, с гибельным эффектом. Прислушавшись к советам Мирны, с охотной помощью различных молодых людей одна из симпатичных простушек пережила нервный срыв, другая безуспешно попыталась перерезать себе вены разбитой бутылкой от кока-колы. Объяснение Мирны свелось к тому, что обе девушки оказались для начала слишком реакционны, а после этого она с новым рвением продолжила свои проповеди секса в каждом классе и каждой пиццерии, едва не подвергшись изнасилова-

нию уборщиком Корпуса Общественных Наук. Я тем временем пытался наставить ее на путь истинный.

После нескольких семестров Мирна исчезла из колледжа, объявив в своей обычной оскорбительной манере, что «В этом месте меня не могут научить ничему, чего бы я не знала». Черные лосины, спутанная грива волос, монструозный саквояж — все пропало; разложенный по линиям ладони студенческий городок вернулся к своей традиционной летаргии и обжиманию. Я еще несколько раз видел эту эмансипированную прошмандовку с тех пор, поскольку время от времени она предпринимает «инспекционное турне» по всему югу, в конечном итоге останавливаясь в Новом Орлеане, чтобы завлекать меня страстными речами и пытаться соблазнить мрачными тюремными и каторжными песнями, которые тренькает на своей гитаре. Мирна очень искренняя; к сожалению, она также противна.

Когда я увидел ее в последнем ее «инспекционном турне», она была довольно-таки замызганна. Она проехала по всем деревням Юга, обучая негров народным песням, которые сама выучила в Библиотеке Конгресса. Негры же, казалось, предпочитали более современную музыку и

с вызовом включали транзисторы на полную громкость, стоило Мирне затянуть одну из своих мрачных панихид. Хоть негры и пытались ее игнорировать, белые проявляли к ней величайший интерес. Банды белых нищебродов и наемных работяг изгоняли ее из деревень, резали ей шины, секли по рукам. Ее травили ищейками, оглушали электрострекалом для скота, ее жевали полицейские собаки, посыпали дробью из ружья. Она обожала каждую минуту такой жизни, довольно-таки гордо демонстрируя мне (и, я мог бы добавить, довольно-таки намекающе) шрам от клыка в верхней части ее бедра. Мой ошеломленный и неверящий взор отметил, что по такому случаю на ней были темные чулки, а вовсе не черные лосины. Крови моей, тем не менее, взыграть не удалось.

Мы действительно обмениваемся корреспонденцией довольно регулярно, причем обычной темой посланий Мирны склонны быть увещевания меня участвовать в лежачих акциях протеста, сидячих акциях протеста, забастовках с омовением и тому подобном. Поскольку, однако, я не принимаю пищу в общественных столовых и не плаваю в воде, советами ее я пренебрегаю. Сопутствующей темой ее корреспонденции явля-

ется понуждение меня приехать на Манхэттен, дабы мы с нею взметнули ввысь знамя двойного смятения в этой столице механизированных кошмаров. Если мне когда-либо, на самом деле, станет лучше, я могу предпринять такое путешествие. В данный же момент эта маленькая мускусная распутница Минкофф, должно быть, пребывает в тоннеле глубоко под улицами Бронкса — уносится на поезде метрополитена с митинга по поводу социального протеста на оргию народного пения или что похуже. Настанет день, и власти нашего общества, вне всякого сомнения, задержат ее просто за то, что она — это она. Заточение, наконец, сделает ее жизнь значимой и покончит с ее фрустрацией.

Последнее сообщение от нее было еще более дерзостным и оскорбительным, чем обычно. С нею должно иметь дело на ее собственном уровне, а посему я расценил ее так, как расцениваю некондиционные условия труда на фабрике. Слишком долго ограничивал я себя в мильтоновской изоляции и медитации. Мне явно пришло время предпринять дерзкий шаг в наше общество — не в скучной пассивной манере, свойственной школе общественных действий Мирны Минкофф, но с немалым стилем и вкусом.

Вы станете свидетелями определенному мужественному, отважному и агрессивному решению со стороны автора, решению, являющему воинственность, глубину и силу, довольно-таки неожиданные для столь кроткой природы. Завтра я в подробностях обрисую вам свой ответ Мирнам Минкоффым этого мира. Результат этого может, между прочим, свергнуть (и даже слишком буквально) мистера Гонзалеса как некое олицетворение власти внутри «Штанов Леви». С этим извергом должно быть покончено. Одна из наиболее влиятельных организаций по защите гражданских прав, вне всякого сомнения, увенчает меня лаврами.

Почти невыносимая боль прошивает мне пальцы в результате этих чрезмерных писаний. Я вынужден отложить карандаш, мой движитель истины, и омыть свои искалеченные руки в ванночке теплой воды. Моя интенсивная преданность делу справедливости привела к этой продолжительной диатрибе, и я чувствую, как мой круг-в-круге Леви взмывает ввысь до новых успехов и вершин.

Замечание о здоровье: Руки изувечены, клапан временно открыт (наполовину).

Замечание об общественном здравии: Сегодня

— ничего; мать снова скрылась, похожая на куртизанку; один из ее пособников, как, вероятно, вам будет небезынтересно узнать, обнаружил свою безнадежность, явив нам в автобусах «Грейхаунда» свой фетиш.

Я собираюсь вознести молитву Св. Мартину де Порре — покровителю мулатов — за наше дело на фабрике. Поскольку его также вызывают против крыс, он, возможно, и в конторе нам поможет.

До следующей встречи,

Гэри, Ваш Воинственный Рабочий Парнишка

* * *

Доктор Тальк закурил «Бенсон-и-Хеджес», выглядывая в окно своего кабинета в Корпусе Общественных Наук. По другую сторону темного студгородка он видел свет в окнах вечерних классов. Весь вечер он обшаривал ящики стола в поисках своих заметок об одном легендарном британском монархе — заметок, торопливо списанных со стостраничного обзора британской истории, который он однажды прочел в карманном издании. Лекцию предстояло читать завтра, а уже — почти половина девятого. Как лектор д-р Тальк был знаменит поверхностным и саркастическим остроумием, а также легко

перевариваемыми обобщениями, делавшими его популярным среди студенток и помогавшими скрыть недостаток знаний почти обо всем на свете, а в частности — о британской истории.

Но даже сам он осознавал теперь, что репутация софиста и говоруна не спасет его перед лицом неспособности вспомнить хоть что-то о Лире и Артуре за исключением разве что того, что у первого имелись какие-то дети. Тальк ткнул сигаретой в пепельницу и начал с нижнего ящика снова. У задней его стенки он наткнулся на пачку старых бумаг, которые просмотрел недостаточно внимательно во время первого поиска. Водрузив ее на колени, он начал отслюнивать один листок за другим и обнаружил, что они, как ему и представлялось, главным образом, были невозвращенными студентам сочинениями, скопившимися у него более чем за пять лет. Тальк перевернул одно, и взгляд его упал на грубый пожелтевший лист из блокнота «Великий Вождь»; красным карандашом на нем были выведены печатные буквы:

Ваше тотальное невежество касаемо того, на преподавание чего вы претендуете, заслуживает смертной казни. Я сомневаюсь, ведомо ли вам, что Св. Кассиан из Имолы был заколот насмерть

стилами собственных студентов. Смерть его, благородная смерть мученика, сделала его святым покровителем учителей.

Молитесь ему, заблуждающийся глупец — вы, вопиющий «кто в теннис?», вы, играющий в гольф, глотающий коктейли псевдо-педант, — поскольку вам в самом деле нужен небесный покровитель. Пусть дни ваши сочтены, мучеником вы не умрете — ибо не содействуете вы цели святой, — но сдохнете абсолютным ослом, коим в действительности и являетесь.

Зорро

На последней линейке листа был изображен меч.

— Ох, интересно, что же с ним стало, — вслух произнес Тальк.

ШЕСТЬ

«Прогулочный Трактир Мэтти» располагался на углу в городском районе Кэрроллтон, где, пробежав шесть или семь миль параллельно друг другу, встречаются Проспект Св. Чарлза и река Миссисипи и проспект заканчивается. Здесь и образуется этот угол: проспект с его трамвайными рельсами по одну сторону, река с дамбой и железнодорожными путями — по другую. Внутри этого угла лежит отдельный маленький квартал. В воздухе постоянно висит тяжелая надоедливая вонь спиртоводочного завода на реке — запах этот удушает жаркими летними днями, когда ветерок несет его с реки. Квартал этот вырос наобум около века назад и сегодня едва ли выглядит по-городскому. По мере того, как центральные улицы пересекают Проспект Св. Чарльза и углубляются в него, они постепенно сбрасывают асфальт и покрываются гравием. Здесь — просто древнее селение, в котором сохранилось даже несколько амбаров, отчужденный деревенский микрокосм посреди большого города.

«Прогулочный Трактир Мэтти» походил на остальные дома в округе: приземистый, некра-

шеный, несовершенно вертикальный. «Мэтти» слегка гулял направо, накреняясь к железнодорожным путям и реке. Фасад его был почти неприступен за броней жестяных вывесок с рекламой широкого разнообразия пив, сигарет и шипучих напитков. Даже сетка на двери пропагандировала фирменный хлеб. «Мэтти» был помесью бара и бакалейной лавки, причем бакалейный аспект ограничивался, по большей части, скудной гастрономией, напитками, хлебом и консервами. Рядом со стойкой бара располагался ледник, в котором охлаждалось несколько фунтов маринованного мяса и колбас. К тому же, никакого Мэтти не существовало и в помине: единственной властью над ограниченным ассортиментом обладал мистер Уотсон — тихий, дубленый, цвета кофе-с-молоком владелец.

— А все оттуда, что профисанального навыка нету, — говорил Джоунз мистеру Уотсону. Джоунз угнездился на верхушке деревянного табурета, согнув под собой ноги наподобие щипцов для льда, готовый подхватить табурет и нагло утащить его прямо перед древним взором мистера Уотсона. — Ежли б я себе разование заимел, то веником бы не шваркал ни по какому полу у старой бляхи.

— Будь хорошим, — смутно отвечал мистер Уотсон. — Хорошо себя поступай с дамой.

— Чё? Ууу-иии. Да ты ващще ничо не рубишь, чувак. Я себе работу надыбал с *птицем*. Тебе понравится себе работу надыбать с птицем? — Джоунз направил часть дыма на стойку. — Я в смысле, что рад, девка-таки шанец себе оторвала. Она на эту мамку Ли уже сто лет как пашет. И оторваться надо. Но на что спорнем, попрыгай больше бабок нашкуляет, чем я. В-воо!

— Будь паинькой, Джоунз.

— В-во! Эй, да тебе точно мозгу помыли, — ответил Джоунз. — Тебе-то никто, я погляжу, полы не приходит возюкать. Чё так? скажи-ка ты мне.

— И ни в какие передряги не лазь.

— Эй! Ты гришь прям как эта мамка Ли. Вам бы друг друга познакомиться. Она тебя как родная полюбит. Скажет: «Эй, дураша, ты как раз такой негритос, как в старыдобрые время, я такого всю жись искала.» Скажет тебе: «Эй, ты такой милаша, как нащот пол мне воском нашваркать и стенку покрасить? Ты такой дорогусик, как нащот мне тувалет отчистить и башмаки надраить?» А ты будешь: «Да, мэм, есть, мэм. Я себя хорошо поступаю.» Вот и будешь жопу рвать, тока с люстры что не падать, с которой пыль стирал, и ещо какая

бляха, подружка ейная придет, да они как начнут цены сравнивать, а Ли возьми да и швырни никель тебе под ноги, и грит: «Эй, мальчонка, чё-то паршиво ты сёдни выступил. Давай-ка нам никель обратно, пока я тут падлицаев не вызвала.» Ууу-ии.

— Так та дама же ж, кажись, сказала, что подлицию вызовет, ежли ты ей сала за шкуру зальешь.

— Тута она меня и цапнула. Э-эй! Я думаю, у этой Ли у самой шуры-муры в падлиции. Она мне гажноденно грит, какой у нее дружбан в ухрястке. Грит, у нее завидение шыкарное, ни один падлицай ноги в дверь не сунет. — Джоунз сгустил над крохотной стойкой грозовую тучку. — Она какие-то *макли* вьет с этими сиротками, точно говорю. Тока кто-то типа Ли скажет: «Благодарительнось», так сразу знаешь — дело карасином пахнет. А я точно знаю: чё-то не так, потому как ни с того ни с сего Дуректор Сироток и носа не кажет — все потому, что я много чё вынюхивать стал. Еть! Очень хотца нахнокать, чё там как на самом деле. Я уже шибко устал в капкане сидеть за двацать дохларов в неделю, впахивать с попрыгаем на пару, он здоровенный что твой орел. Я чё-то куда-то хочу, чувак. В-во! Я себе кондицанер хочу для воздуха, как-никак цветной телевизар,

чтоб сидеть пить чёнть получше пива.

— Еще пива хочешь?

Джоунз взглянул на старика сквозь свои черные очки и ответил:

— И ты пытаисси мне еще пива запарить — бедному цветному парняге, который жопу рвет за двацать дохларов в неделю? Я так думаю, тебе пора мне за так наливать, ты стока бабок огреб за это мариновое мясо с шипучкой, которое бедным цветным народам толкаешь. Ты на эти бабки, что тута огреб, уже пацана свово в колеж услал.

— Он уже у меня учитель в школе, — с гордостью ответил мистер Уотсон, открывая бутылку.

— Ай, красота какая. В-во-о! Я за всю свою жись в школе тока два года просидел. Мамуля моя чужим людям бельи стирала, так чё уж там о школе. А я все время шины по улице катал. Я катаю себе, мамуля стирает, никто ничё не учится. Еть! Кто на шиноката смотреть придет, чтоб ему работы дать? И чё в конце? — я себе по найму устоил, с попрыгаем впахиваю, и чальница у меня, наверно, шпанские мухи сироткам торгует. Ууу-иии.

— Ну, если условия в самом деле плохие…

— «В самом деле плохие»? Э-эй! Да я в суверменном рабстве впахиваю. Ежли брошу, так на меня ксиву накатят, что бомж. А ежли застряну, так я

себе по найму устроил, и жало получаю, хоть там минималой заплатой и не пахнет.

— Я тебе скажу, чего тут можно сделать, — доверительно произнес мистер Уотсон, перегибаясь через стойку и вручая Джоунзу пиво. Еще один человек, сидевший у бара, весь вытянулся в их сторону: он уже несколько минут молча следил за ходом их беседы. — Ты там себе саботаж чутка попробуй. Тока так этот капкан и переборешь.

— Ты это как это — «саббаташ»?

— Ну, ты ж понимаешь, мужик, — прошептал мистер Уотсон. — Вроде как кухарке не плотют, чтоб хватало, так случайно суп переперчит. Вроде как парнишке на стоянке мозги засуричат, так он юзом по маслу чутка, да и машину об забор треснет.

— В-во! — произнес Джоунз. — Типа как мальчонок в супамаркете работает, так у него вдруг пальцы скользнут — и десяток йиц на полу, а все потому что ему сверху роких не плотют. Э-эй!

— Вот теперь-то понял.

— А вот мы настоящий *большой* саботаж планируем, — нарушил молчание второй клиент. — У нас там, где я работаю, большая демонсрация будет.

— Во как? — переспросил Джоунз. — Где?

— В «Штанах Леви». У нас такой здоровенный старый белый приходит на фабрику и говорит, что сбросить бы томную бонбу на самую верхушку компании.

— Похоже, народ, что у вас там больше, чем просто сабаташ, — изрек Джоунз. — Похоже, у вас там цельная *война*.

— Будь паинькой, уважай старших, — посоветовал мистер Уотсон незнакомцу.

Человек захихикал так, что из глаз у него потекли слезы, и сказал:

— Этот челаэк грит, что молится за всех мулаток и крыс во всем мире.

— За крыс? В-во! Да у вас, народ, на руках настоящий дурок, сто перценов.

— Зато он очень шустрый, — примирительно возразил человек. — И такой набожный. Построил себе в конторе большой крест.

— В-во!

— Грит: «Вы, толпа, будете счастливыми все в средний век. Вы, грит, толпа, пушку себе оттопырите, и стрелы, и ядреную бонбу на самою маковку сюда бросите.» — И человек снова рассмеялся. — Нам все равно на этой фабрике больше делать неча. Его завсегда послушать интересно, как начнет усищами хлопать. Он нас на большую

демонсрацию поведет, грит, рядом с которой другие демонсрации — как дамский пикник.

— Ага, и похоже, он вас, народы, прямо в каталажку приведет, — сказал Джоунз, укутывая стойку дымом погуще. — Послушать, так ващще чокнутая белая мамка.

— Ну да, он навроде чудной такой, — признал человек. — Только он в самой конторе работает, и управляющий там, мистер Гонзала, парня этого за шустрого держит. Дает ему делать все, чего тот захочет. Даже разрешил на фабрику приходить, когда парню хочется. Куча народу с ним уже демонсрацить хочет. Он нам грит, что у него разрешение есть от самого мистера Леви, чтоб демонсрацию сделать, грит, мистер Леви хочет демонсрацию, чтоб от Гонзалы избавиться. Кто знает? Может, зарплату нам подымут. Этот мистер Гонзала его уже боится.

— А скажи-ка мне, чувак, этот спаситя ваш беломазый, кошак этот — он на кого похож? — с интересом спросил Джоунз.

— Здоровый такой, жирный, у него еще шапочка как на охоту есть, он ее все время носит.

Глаза Джоунза за стеклами очков расширились.

— А эта шапчонка на охоту — зеленая? У него

зеленая шапчонка?

— Ага. А ты откуль знаешь?

— В-во! — сказал Джоунз. — Вы, народы, влипли по самое нехочу. Дурка этого уже падлиция ищет. Он как-то ввечер в «Ночью Тех» зарулил, начал этой девке Дарлине про автобус вешать.

— Нет, ну ты чо гришь, а? — ответил человек. — Он про автобус нам тоже рассказывал, как ехал на том автобусе в самое серце тьмы как-то раз.

— Тот самый и есть. Вы от этого дурка подальше бы. Он с падлицией в розыске. И вашу бедную цветную народную жопу всю в каталашку засодют. В-во!

— Ну, так надо будет его про это спросить, — сказал человек. — Я уж точно не хочу, чтоб меня на демонсрацию пристукник вел.

* * *

Мистер Гонзалес пришел в «Штаны Леви» рано, как обычно. Символически зажег одной спичкой свой маленький обогреватель и сигарету с фильтром — точно два факела, сигнализирующих о начале нового трудового дня. А после этого устремил свой ум на ранние утренние медитации. Вчера мистер Райлли добавил конторе новый штрих — ленты розовато-лилового, серого

и рыжего гофрированного серпантина петлями свисали от одной лампочки к другой по всему потолку. Распятие, таблички и серпантин в конторе напоминали управляющему об украшениях на Рождество, и он слегка впадал в сентиментальность. Заглянув в уголок мистера Райлли, он с удовлетворением отметил, что бобовые побеги настолько окрепли, что уже начали виться вниз, оплетая ручки выдвижных ящиков с документами. Мистеру Гонзалесу стало любопытно, как же служащему удается систематизировать документы, не тревожа нежные побеги. Размышляя над этой канцелярской загадкой, он с удивлением увидел, как сам мистер Райлли торпедой врывается в контору.

— Доброе утро, сэр, — отрывисто поздоровался Игнациус: то ли кашне, то ли платок горизонтально трепыхался в его кильватере, будто стяг поставленного под ружье шотландского клана. Дешевая кинокамера болталась у него на плече, а под мышкой он сжимал узел, напоминавший свернутую в рулон простыню.

— Ну, вы сегодня определенно раненько, мистер Райлли.

— Что вы имеете в виду? Я всегда прибываю на работу в это время.

— О, разумеется, — кротко согласился мистер Гонзалес.

— Вы что — считаете, что я пришел сегодня пораньше с какой-то целью?

— Нет. Я…

— Говорите, сэр. Почему вы столь странно подозрительны? Ваши глаза буквально мерцают паранойей.

— *Что*, мистер Райлли?

— Вы слышали, что я сказал, — бросил Игнациус и прогромыхал прямиком к двери на фабрику.

Мистер Гонзалес попробовал снова взять себя в руки, однако его встревожило нечто похожее на приветственные вопли, донесшиеся с фабрики. Вероятно, подумал он, кто-то из рабочих стал отцом или выиграл что-нибудь в вещевую лотерею. Пока рабочие не досаждали ему, он был не прочь платить услугой за услугу. Для него они оставались просто частью физического древа «Штанов Леви», никак не связанной с «мозговым центром». Они не принадлежали ему, чтобы о них еще и беспокоиться: рабочие пребывали под пьяным командованием мистера Палермо. Накопив соотвествующую толику мужества, управляющий конторой собирался обратиться к мистеру Райлли в самой что ни на есть учтивой

манере с вопросом относительно количества времени, проводимого им на фабрике. Тем не менее, мистер Райлли в последнее время несколько отдалился и стал неприступен, и мистера Гонзалеса ужасала сама мысль о стычке с ним. Ноги его немели, стоило лишь подумать об одной их этих медвежьих лап, опускающейся ему на самую макушку, — быть может, вгоняя его, будто кол, в непредсказуемые полы конторы.

Четверо фабричных рабочих обняли Игнациуса за смитфильдские окорока, служившие ему ляжками, и со значительным усилием вознесли его на раскроечный стол. Поверх плеч носильщиков Игнациус рявкал, куда заносить, будто руководил погрузкой редчайшего и драгоценнейшего груза:

— Выше и правее, вот так! — кричал он сверху вниз. — Выше, выше. Осторожнее. Помедленней. Вы крепко держите?

— Ага, — отвечал один из носильщиков.

— А чувствуется довольно вяло. Прошу вас! Я распадаюсь до состояния тотального беспокойства.

Рабочие с интересом наблюдали, как носильщики пошатываются взад и вперед под тяжестью своей ноши.

— Теперь назад, — нервно вскрикивал Игна-

циус. — Назад, пока стол прямо подо мной не окажется.

— Не беспокойсь, мистер Эр, — задыхаясь, проговорил один из носильщиков. — Мы метим вас прям на стол.

— Мне очевидно, что нет, — отвечал Игнациус, тараня своей тушей столб. — О, мой Бог! Мое плечо вывихнуто.

Другие рабочие подняли крик.

— Эй, потише там с мистером Эр, — завопил кто-то. — Вы ему там щас бошку раскроите.

— Прошу вас! — вскричал Игнациус. — Помогите кто-нибудь! В следующий же миг я, вероятно, превращусь в кучу обломков.

— Слышь, мистер Эр, — не успевая перевести дух, вымолвил носильщик, — а стол то уже прям за нами.

— Меня, вероятно, вывалят в одну из печей прежде, чем завершится это злоключение. Я подозреваю, что было бы гораздо мудрее обратиться к коллективу на уровне пола.

— Опускайте ноги, мистер Эр. Стол сразу под вами.

— Помедленней, — промолвил Игнациус, вытягивая свой здоровенный большой палец на ноге с великой опаской. — Похоже, так оно и есть.

Хорошо. Как только я придам себе устойчивость, можете ослабить свою хватку на моем теле.

В конце концов, Игнациус принял вертикальное положение на длинном столе, прижимая рулон простыни к почечной лоханке, чтобы скрыть от своей аудитории тот факт, что в процессе водружения он пришел в состояние некоторой стимуляции.

— Друзья! — величественно произнес он и воздел ту руку, которой не держал простыню. — Наконец, настал наш день. Я надеюсь, вы не забыли захватить с собой орудия войны. — Из группы, собравшейся вокруг раскроечного стола, не донеслось ни подтверждения, ни отрицания. — Я имею в виду палки, цепи, дубинки и так далее. — Похихикивая хором, рабочие помахали в воздухе какими-то штакетинами, швабрами, велосипедными цепями и кирпичами. — Бог мой! Вы в самом деле собрали довольно солидный и разнообразный арсенал. Ярость нашего штурма может превзойти все мои ожидания. Вместе с тем, чем решительнее удар, тем бесповоротнее результаты. Мой ознакомительный осмотр вашего оружия, следовательно, укрепляет меня в моей вере в окончательный успех нашего сегодняшнего крестового похода. В нашем кильватере

мы должны оставить разграбленные и опустошенные «Штаны Леви», на огонь мы должны ответить огнем.

— Чо он сказал? — спросил один рабочий другого.

— Мы должны взять штурмом контору в ближайшее же время, тем самым ошеломив недруга в то время, как чувства его еще находятся под воздействием психических туманов раннего утра.

— Эй, мистер Эр, я, конешно, извиняюсь, — выкрикнул из толпы какой-то человек. — Мне тут сказали, что у вас с подлицией нелады. Это правда?

Волна тревоги и беспокойства разбилась о головы рабочих.

— Что? — завопил Игнациус. — Где услыхали вы подобную клевету? Это совершенно ложно. Какой-то сторонник белого превосходства, какая-то провинциальная деревенщина, возможно, даже сам Гонзалес, без сомнения, распустил этот подлый слух. Как вы смеете, сэр? Все вы должны осознавать, что у нашей цели — много врагов.

Пока рабочие звучно аплодировали ему, Игнациус недоумевал, откуда этому типу стало известно о попытке его ареста монголоидом Манкузо. Возможно, он стоял в толпе, перед

универсальным магазином. Патрульный этот — просто ложка дегтя во всеобщей бочке меда. Тем не менее, момент, кажется, удалось спасти.

— Теперь вот это понесем мы с собой в авангарде! — закричал Игнациус поверх последних брызг аплодисментов. Он драматично рванул простыню от пояса, распахивая ее. Среди желтых пятен большими печатными буквами красным карандашом выделялось слово ВПЕРЕД. Под ним замысловатым синим шрифтом значилось: *Крестовый Поход за Мавританское Достоинство*.

— Интересно, кто спал на этой ветоши, — сказала напряженная женщина с духовными наклонностями, которой было назначено руководить хором. — Боже!

Несколько других предполагавшихся бунтовщиков выказали сходное любопытство в более явных физиологических понятиях.

— Тихо же! — рявкнул Игнациус, громоподобно топнув ногой по столу. — Прошу вас! Две наиболее статных женщины понесут вот это знамя между собой, когда мы маршем вступим в контору.

— Я к этому не притронусь, — заявила в ответ одна женщина.

— Тихо! Все! — яростно выкрикнул Игнаци-

ус. — Я начинаю подозревать, что вы, народ, в действительности не заслуживаете подобной цели. Вы очевидно не подготовлены принести ни одной окончательной жертвы.

— А чего это ради мы потащим с собой эту ветхую простыню? — поинтересовался кто-то. — Я думал, у нас тут демонсрация должна быть нащот зарплаты.

— Простыню? Какую простыню? — отвечал Игнациус. — Я держу сейчас перед вами самое наигордое из знамен — отождествление нашей задачи, визуализацию всего, к чему мы стремимся. — Рабочие вгляделись в пятна еще напряженнее. — Если вы желаете просто ворваться в контору, как стадо, то станете участниками не более чем обычного бунта. Одно лишь знамя придает форму и достоверность нашей агитации. В такие вещи вовлечена определенная геометрия, определенный ритуал, который следует соблюдать. Вот — вы, дамы, стоящие вон там, возьмите его за края и размахивайте с честью и гордостью, воздев руки повыше, и так далее.

Две женщины, на которых указал Игнациус, медленно добрели до раскроечного стола, робко взяли знамя щепотками за краешки и растянули между собой, будто хламиду прокаженного.

— Это выглядит даже гораздо внушительнее, чем я себе воображал, — произнес Игнациус.

— Не махай этой штукой передо мной, подруга, — сказал кто-то женщинам, пустив по всей толпе еще одну рябую волну смешочков.

Игнациус щелкнул камерой и нацелил ее на знамя и рабочих.

— Не будете ли вы все любезны помахать еще раз палками и камнями? — Рабочие весело подчинились. Мирна поперхнется эспрессо, когда это увидит. — Теперь немножко неистовее. Яростно грозите оружием. Грознее гримасы. Громче орите. Возможно, некоторые из вас могли бы попрыгать вверх и вниз, если вы не возражаете.

Они с хохотом следовали его инструкциям — то есть, все, кроме тех двух женщин, что угрюмо держали знамя.

В конторе мистер Гонзалес наблюдал, как мисс Трикси врезалась в дверной косяк, совершая свое утреннее проникновение на рабочее место. В то же самое время, он задавался вопросом, что может означать новый буйный всплеск шума, донесшийся с фабрики.

Игнациус снимал сцену перед собой еще минуту или две, а затем проелозил камерой по столбу наверх, к потолку, что, по его мнению, пред-

ставило бы собой интересный и довольно-таки изысканный прием кинематографии, предполагающий устремленность. Зависть сгрызет пахнущие мускусом жизненно важные органы Мирны. Достигнув верхушки столба, камера задержалась на нескольких квадратных футах проржавевшей изнанки фабричной крыши. Затем Игнациус протянул камеру рабочему и попросил заснять себя. Когда тот навел на него объектив, Игнациус нахмурился и потряс кулаком, тем самым неимоверно развлекши рабочих.

— Ну ладно, — великодушно произнес он, забрав камеру и снова щелкнув выключателем. — Давайте же сдержим на мгновение наши бунтарские инстинкты и распланируем свои стратагемы. Во-первых, две вот эти дамы будут предшествовать нам со знаменем. Непосредственно за знаменем последует хор с какой-либо надлежащей народной или религиозной мелодией. Дама, отвечающая за хор, сама может выбрать напев. Не зная совершенно ничего о ваших народных музыкальных склонностях, я оставляю выбор за вами, хотя мне и хотелось бы, чтобы у нас оказалось достаточно времени для того, чтобы я обучил всех вас красотам какого-нибудь мадригала. Осмелюсь только предложить вам

выбирать мелодию помощнее. Оставшаяся часть составит батальон воинов. Я сам последую за всем ансамблем с камерой, чтобы запечатлеть сие знаменательное событие. В какой-либо из будущих дней все мы, вероятно, сможем реализовать какие-то дополнительные поступления за счет проката этого фильма в студенческих организациях, а также иных сходным же образом ужасающих сообществах.

Просьба не забывать еще вот чего. Наш первый подступ будет мирным и благоразумным. Войдя в контору, две дамы поднесут знамя прямо к управляющему. Хор выстроится вокруг распятия. Батальон останется на заднем плане, покуда не потребуется. Поскольку мы имеем дело с самим Гонзалесом, я подозреваю, что батальон будет призван в дело довольно скоро. Если же спектакль этот окажется неспособен пробудить в Гонзалесе эмоций, я скомандую: «В атаку!» Это и станет сигналом к вашему натиску. Есть вопросы?

Кто— то сказал:

— Ну и говно все это, — но Игнациус проигнорировал одинокий голос. Фабрику охватило счастливое затишье — рабочие истосковались по перемене распорядка. Между двух печей с мину-

ту пьяно помаячил мистер Палермо, десятник, и исчез.

— Очевидно, план битвы ясен, — произнес Игнациус, когда вопросов не последовало. — Не будут ли две дамы со знаменем любезны занять свои места вон там, у дверей? Теперь, пожалуйста, хор — соберитесь за ними, а затем — батальон. — Рабочие быстро перестроились, улыбаясь и тыча друг в друга орудиями войны. — Прекрасно! Хор теперь может приступить к пению.

Дама с духовными наклонностями дунула в дудку-камертон и участники хора с вожделением затянули:

Ох, Иисус, иди со мной повсюду,

И я всегда — всегда доволен буду.

— Это в самом деле звучит довольно волнующе, — заметил Игнациус. Следом за этим он вскричал: — Вперед!

Боевой порядок повиновался столь быстро, что, не успел Игнациус вскричать что-либо еще, как знамя уже миновало фабрику и начало подниматься по лестнице в контору.

— Остановитесь! — заорал Игнациус. — Помогите мне кто-нибудь слезть со стола!

Иисус, будь же другом навсегда

До самого — до самого конца, о да!
Дай за руку тебя мне взять,
И я почую благодать
Того, что рядом ты идешь
Со мною, несмотря на дождь.
Тебе молитвы возношу,
Не жалуюсь и не прошу,
Когда Иисус со мною.

— Стойте! — бешено орал Игнациус, видя, как последние шереги батальона скрываются за дверями. — Вернитесь сюда немедленно.

Двери захлопнулись. Он опустился на четвереньки и подполз к краю стола. Затем перевернулся и через довольно длительный промежуток времени, потраченный на маневрирование конечностями, умудрился сесть на краю стола, свесив ноги. Заметив, что ступни болтаются всего лишь в нескольких дюймах от пола, он решился рискнуть и совершить прыжок. Он уже оттолкнулся от стола и приземлился на пол, когда камера соскользнула у него с плеча и гулко треснулась о цемент. Пленка вывалилась из нее на пол выпотрошенными внутренностями. Игнациус подобрал камеру и щелкнул выключателем,

который должен был привести ее в действие, но ничего не произошло.

Ты меня выкупишь, Иисусе,
Меня в тюрьму упрячут пусть.
Ох, ох, ты вечно меня ждешь,
Смысл жизни мне даешь.

— Что поют эти маньяки? — вопросил Игнациус у опустевшего цеха, фут за футов рассовывая пленку по карманам.

Ведь ты меня не заморозишь
И никогда меня не бросишь,
Мне никогда не согрешить,
Мне вечно в выигрыше быть,
Когда Иисус со мною.

Игнациус, волоча за собой несмотанную пленку, поспешил к дверям и вошел в контору. Две женщины окаменело предъявляли задник изгаженной простыни смущенному мистер Гонзалесу. Полузакрыв глаза, хор самозабвенно выводил свою мелодию, окончательно в ней погрязнув. Игнациус протолкался сквозь ряда батальона, кротко переминавшегося с ноги на ногу в тылах, прямо к столу управляющего конторы.

Мисс Трикси заметила его и поинтересовалась:

— Что происходит, Глория? Что здесь делают все эти фабричные?

— Бегите отсюда, покуда можете, мисс Трикси, — с великой серьезностью посоветовал он ей.

Ох, Иисус, ты шлешь мне благось,

Когда вокруг нет фараонов — это радось.

— Я тебя не слышу, — возопила мисс Трикси, хватая его за руку. — Это негритянский театр приехал?

— Ступайте трясти своими усохшими частями над отхожим местом, — свирепо заорал на нее Игнациус.

Мисс Трикси зашаркала прочь.

— Ну? — осведомился Игнациус у мистера Гонзалеса, перемещая двух дам таким образом, чтобы управляющему стали видны буквы на лицевой стороне простыни.

— Что это означает? — спросил мистер Гонзалес, прочитав плакат.

— Вы отказываете этим людям в помощи?

— Им — в помощи? — испуганно переспросил управляющий. — О чем вы говорите, мистер Райлли?

— Я говорю о грехе против общества, в котором виновны вы.

— Что? — Нижняя губа мистера Гонзалеса задрожала.

— В атаку! — крикнул Игнациус батальону. — Человек этот совершенно лишен милосердия.

— Да вы ж ему и рот раскрыть не дали, — заметила одна из недовольных женщин, державших простыню. — А ну дайте мистеру Гонзалесу сказать.

— В атаку! В атаку! — снова возопил Игнациус — еще яростнее. Изжелта-небесные глаза его пучились и сверкали.

Кто— то нерешительно крутнул велосипедной цепью над рядом конторских шкафчиков и сшиб на пол горшки с бобами.

— Ну посмотрите, что вы наделали, — сказал Игнациус. — Кто вам приказывал сбивать растения?

— Сами же сказали: «В атаку», — отвечал хозяин велосипедной цепи.

— Немедленно прекратите, — заревел Игнациус рабочему, который с безразличным видом карманным ножиком вспарывал табличку «ОТДЕЛ ИССЛЕДОВАНИЙ И СПРАВОК — И. Ж. РАЙЛЛИ, ХРАНИТЕЛЬ». — Что вы вообще себе думаете?

— Эй, так вы ж сами сказали: «В атаку», — ответило несколько голосов.

Ох, недолго мне ждать -

Со мной твоя благодать,

Мне свет твой идет

Всю ночь напролет.

Ох, Иисус, со мной вместе скорбя,

Ты знаешь, что я никогда — никогда не оставлю тебя.

— Прекратите это ужасное пение, — закричал Игнациус хору. — Никогда еще столь вопиющее святотатство не касалось моих ушей.

Хор примолк — похоже, они обиделись.

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь, — сказал Игнациусу управляющий конторой.

— Ох, да закройте же свою мокрощелку, монголоид.

— Мы возвращаемся на фабрику, — рассерженно объявила Игнациусу напряженная руководительница хора. — Дурной вы человек. *Я думаю*, падлиция вас дествитно ищет.

— Ага, — согласилось несколько голосов.

— Ну повремените же минутку, — взмолился Игнациус. — Кто-то ведь должен пойти в атаку на Гонзалеса. — Он окинул взглядом батальон воинов. — Человек с кирпичом, подойдите сюда сейчас же и постучите ему немного по голове.

— Никого я ентой штукой бить не буду, — ответил человек с кирпичом. — На вас, наверно, падлиция дело завела в милю длиной.

Две женщины с отвращением бросили на пол простыню и последовали за хором, уже выходившим по одному за дверь.

— Народ, куда же вы? — вскричал им вслед Игнациус, захлебываясь слюной и яростью.

Воины не ответили ничего — лишь выстроились следом за хором и двумя знаменосицами. Игнациус проворно заковылял за отбившимися от строя воинами и схватил одного за руку, но человек шлепнул его, будто комара, и сказал:

— У нас уже и так хлопот полон рот, не хватало только в котолашку загреметь.

— Вернитесь сюда немедленно! Мы еще не закончили. Хватайте мисс Трикси, если хотите, — неистово завопил Игнациус вслед исчезавшему батальону, но процессия молча и решительно спускалась по лестнице в цех. Наконец, за последними крестоносцами за Мавританское Достоинство дверь захлопнулась.

* * *

Патрульный Манкузо посмотрел на часы. Он уже провел в уборной полных восемь часов. Пора

было сдать костюм в участок и идти домой. За весь день он никого не арестовал и мало того — похоже, еще и простудился. В кабинке было промозгло и сыро. Он чихнул и попытался открыть дверь, но та не подалась. Он потряс ее, подергал защелку — видимо, заклинило. Он еще с минуту громыхал дверью и толкал ее, а потом заорал:

— Помогите!

* * *

— Игнациус! Так, значит, тебя уволили.

— Я вас умоляю, мамаша. Я приближаюсь к точке надлома. — Игнациус воткнул бутылку «Доктора Орешка» себе под усы и шумно выпил, громоподобно всасывая и глотая жидкость. — Если в данный момент вы планируете обратиться в гарпию, это определенно подтолкнет меня к самому краю.

— Хорошенькая работенка в конторе — и удержать не смог. А ведь у тебя стока образования.

— Меня ненавидели и презирали, — ответил Игнациус, одаряя бурые стены кухни обиженным взглядом. Язык он извлек из горлышка с ощутимым чпоком и слегка рыгнул «Доктором Орешком». — В конечном итоге, во всем виновата

только Мирна Минкофф. Вы же знаете, как она порождает повсюду беспорядок.

— Мирна Минкофф? Ты мне только глупства своего не надо, Игнациус. Эта девочка — в Нью-Йорке. Я ж тебя знаю, мальчик. Ты ж там наверняка тяп-ляпов нагородил, в этих «Штанах Леви».

— Мое превосходство повергло их в смятение.

— Дай мне вон ту газету, Игнациус. Поглядимка, что в явлениях пишут.

— Правда ли это? — загромыхал Игнациус. — Неужели меня снова вышвырнут в эту бездну? Вы, очевидно, раскатали кеглями все милосердие из своей души. Я должен провести в постели, по меньшей мере, неделю, к тому же — с полным обслуживанием, прежде, чем снова исцелюсь.

— Кстати, постель — что сталось с твоей простынею, мальчик?

— Мне это определенно неведомо. Вероятно, ее украли. Я предупреждал вас о злоумышленниках.

— Ты хочешь сказать, что кто-то взломал в этот дом, чтобы тока стырить твою грязную простыню?

— Если бы вы были лишь чуточку прилежнее со стиркой, описание этой простыни было бы

несколько иным.

— Ладно, давай сюда газету, Игнациус.

— Вы в самом деле собираетесь осуществить попытку чтения вслух? Я сомневаюсь, что моя система вынесет такую травму в данный момент. И как бы то ни было, я смотрю на очень интересную статью в колонке науки — о моллюсках.

Миссис Райлли выхватила у сына газету, оставив в его руках две оторванные полоски.

— Мамаша! Не есть ли данное оскорбительное проявление дурных манер один из результатов вашего общения с этими сицилийцами из кегельбана?

— Закрой рот, Игнациус, — ответила мать, маниакально пролистывая газету к разделу объявлений. — Завтра же садишься на транвай по Сент-Чарльзу вместе с ранними пташками.

— А? — рассеянно переспросил Игнациус. Что же написать сейчас Мирне? Пленка, к тому же, кажется, тоже испортилась. Объяснить крушение Крестового Похода в письме — невозможно. — Что сказали вы, о мать моя?

— Я сказала, что ты сядешь на транвай вместе с ранними пташками, — завопила миссис Райлли.

— Звучит уместно.

— А когда вернешься домой, у тебя уже будет

работа.

— Фортуна, очевидно, решилась на еще один поворот вниз.

— Чо?

— Ничего.

* * *

Миссис Леви лежала навзничь на моторизованной гимнастической доске, и несколько секций нежно прощупывали ее пышное тело, подтыкая и меся ее мягкую белую плоть, словно любвеобильный булочник. Сцепя под столом руки, она крепко держалась за доску.

— Ох, — тихонько и счастливо стонала она, покусываю ту секцию, что располагалась прямо под носом.

— Выключи эту штуку, — откуда-то из-за нее раздался голос супруга.

— Что? — Миссис Леви подняла голову и мечтательно огляделась. — Что ты здесь делаешь? Я думала, ты задержишься в городе на скачки.

— Я передумал, если ты не возражаешь.

— Конечно же, не возражаю. Делай, что хочешь. Я тебе не указчик. Развлекайся. Какое мне дело?

— Прости меня. Я не хотел отрывать тебя от доски.

— Давай оставим доску в покое, если *ты* не возражаешь.

— Ох, мне жаль, что ее оскорбил.

— Ты только не впутывай сюда доску. Больше я ничего не говорила. Я просто пытаюсь быть воспитанной. Не я тут все споры начинаю.

— Включи же опять свою проклятую дрянь и заткнись. Я собираюсь принять душ.

— Вот видишь? Ты очень возбуждаешься из-за пустяков. Не вымещай на мне все свои чувства вины.

— Какие еще чувства вины? Что я сделал?

— Ты знаешь, в чем тут дело, Гас. Ты знаешь, как вышвырнул всю свою жизнь на помойку. Все предприятие псу под хвост. Возможность охватить всю страну. Пот и кровь твоего отца достались тебе на блюдечке с голубой каемкой.

— Ф-фу.

— Растущий концерн разваливается.

— Слушай, у меня и так голова раскалывается от того, что я пытался спасти сегодня этот бизнес. Именно поэтому я и не поехал на скачки.

Проборовшись с отцом почти тридцать пять лет, мистер Леви решил, что остаток жизни он проведет необеспокоенным. Но беспокоила его каждый день, проведенный в «Приюте Леви», его

же собственная супруга — исключительно тем, что терпеть не могла, когда он не хотел беспокоиться по поводу «Штанов Леви». А не приближаясь к «Штанам Леви» вообще, он беспокоился еще сильнее — о самой компании, поскольку там постоянно что-то шло наперекосяк. Конечно, было бы намного проще и спокойнее, если бы он на самом деле управлял «Штанами Леви» — приходил бы директорствовать на восемь часов в день. Да только от одного имени «Штанов Леви» у него начиналась изжога. Имя было связано с папочкой навеки.

— Что ты там делал, Гас? Подписал пару писем?

— Я кое-кого уволил.

— Правда что ли? Подумаешь. Кого? Какого-нибудь кочегара?

— Помнишь, я рассказывал тебе про жирного чудика — которого принял на работу этот осел Гонзалес?

— О. Этого. — Миссис Леви перекатилась по гимнастической доске.

— Видела бы ты, во что он превратил это место. С потолка серпантин болтается. В конторе кнопками здоровенное распятие присобачил. Только захожу я сегодня, он ко мне бросается и начинает

жаловаться, что кто-то из цеховых сшиб на пол его горшки с бобами.

— Горшки с бобами? Он что — решил, что «Штаны Леви» — овощеводческое хозяйство?

— Кто ж знает, что творится в его башке? Теперь он хочет, чтобы я уволил того, кто сшиб его растения, и того второго парня, который изрезал его табличку, как он говорит. Он говорит, что фабричные — банда хулиганья и совершенно его не уважают. Что они к нему лапы тянут. И вот я иду на фабрику искать Палермо, которого, разумеется, на месте нет, — и что же я нахожу? У всех этих рабочих по всему цеху валяются кирпичи и цепи. Они все весьма эмоционально взбудоражены и рассказывают мне, что этот парень Райлли, тот самый жирный неряха, заставил их притащить всю эту дрянь, чтобы напасть на контору и побить Гонзалеса.

— Что?

— Он рассказывал, что им недоплачивают и перегружают работой.

— Мне кажется, он прав, — произнесла миссис Леви. — Не далее как вчера Сьюзан и Сандра написали что-то об этом в своем письме. Их подружки в колледже сказали им, судя по тому, что те рассказывали о своем отце: похоже, он

— плантатор, пользующийся рабским трудом. Девочки были очень взволнованы. Я собиралась тебе рассказать, но у меня было столько хлопот в этим новым модельером причесок, что совершенно выскочило из головы. Они хотят, чтобы ты повысил этим бедным людям зарплату, или они больше не вернутся домой.

— За кого эта парочка себя принимает?

— Они принимают себя за твоих дочерей, если ты не помнишь. Им хочется тебя только уважать. Они говорят, что ты должен улучшить условия в «Штанах Леви», если хочешь увидеть их снова.

— Чего это ради их так заинтересовали цветные ни с того ни с сего? Молодые люди уже выдохлись?

— Ну вот, ты опять на девочек нападаешь. Видишь, что я имею в виду? Именно поэтому я тебя тоже больше не могу уважать. Если б одна из твоих дочерей была лошадью, а другая — бейсболистом, ты бы ради них из кожи вон лез.

— Если б одна была лошадью, а другая бейсболистом, нам же было бы лучше, поверь мне. Они могли бы приносить прибыль.

— Прости меня, — сказала миссис Леви, щелчком снова запуская доску, — но я больше не могу этого слушать. Я и так слишком разочарована.

Едва ли я смогу заставить себя написать девочкам об этом.

Мистер Леви видел письма своей супруги девочкам: нервные, иррациональные редакционные статьи для промывки мозгов, которые и Патрика Генри[33] выставили бы тори, — после них девочки на каникулах приезжали домой, щетинясь от ненависти к отцу за те тысячи несправедливостей, которые он совершал по отношению к матери. С ним в роли ку-клукс-клановца, сжигающего на костре молодого борца за правду, миссис Леви действительно могла сочинить пламенную листовку. Материал в ее руках был неимоверно хорош.

— Да этот парень — настоящий психопат, — возразил мистер Леви.

— Для тебя и характер — психоз. Цельность натуры — комплекс. Я все это уже слышала.

— Послушай, но, может быть, я бы его и не уволил, если б один из фабричных не сказал мне, что он слышал, его разыскивает полиция. Это все и решило — причем быстро. У меня и так хлопот с компанией предостаточно — и без того, чтобы в ней работал чудик на карандаше у полиции.

---

[33] notes: 33

Патрик Генри (1736-1799) — оратор и один из вождей Американской Революции.

— Прекрати, а? Это слишком типично. Для таких, как ты, общественные борцы и идеалисты — всегда битники и преступники. Так ты от них защищаешься. Но спасибо, что сказал мне. Это добавит письму реализма.

— Я всю свою жизнь никогда никого не увольнял, — сказал мистер Леви. — Но я не могу держать у себя человека, которого разыскивает полиция. Это на *нас* может аукнуться.

— Я тебя умоляю. — Миссис Леви предостерегающе махнула со своей доски. — Этот юный идеалист, должно быть, в настоящий момент где-то сбился с пути. Это разобьет девочкам сердце точно так же, как разбило мне. Я — женщина большого характера, цельности и утонченности. Ты этого никогда не ценил. Меня принижает связь с тобой. Ты все вокруг делаешь такой дешевкой, включая меня. Я очень заскорузла.

— Так я и тебя, значит, погубил, а?

— Я некогда была очень теплой и любящей девушкой с большими надеждами. Девочки это знали. Я думала, ты прославишь «Штаны Леви» на всю страну. — Голова миссис Леви подскакивала вверх и вниз, вверх и вниз. — Посмотри — сейчас это всего лишь убогая компания с несколькими торговыми точками. Твои дочери разочарованы.

Я разочарована. Тот молодой человек, которого ты уволил, разочарован.

— Тебе хочется, чтобы я покончил с собой?

— Ты сам свои решения принимаешь. И всегда принимал. Я существовала лишь для твоего удовольствия. Я — просто еще одна старая спортивная машина. Пользуйся мной, когда пожелаешь. Мне все равно.

— Ох, заткнись. Никто больше не хочет тобой ни для чего пользоваться.

— Вот видишь? Ты вечно нападаешь. Сплошная неуверенность, комплексы вины, враждебность. Если б ты гордился собой и тем, как ты относишься к другим, ты был бы приятен. Вот взять мисс Трикси — еще один пример. Посмотри, что ты сделал с нею.

— Я никогда ничего с этой женщиной не делал.

— В этом-то все и дело. Она одинока, испугана.

— Да она почти что мертва.

— С тех пор, как уехали Сьюзан и Сандра, я сама ощущаю комплекс вины. Что я делаю? В чем мой проект? Я — женщина интересов, идеалов. — Миссис Леви вздохнула. — Я чувствую себя такой бесполезной. Ты заточил меня в клетку с сотнями материальных предметов, не удовлетворяющих

подлинную меня. — Ее подскакивающие глаза холодно взглянули на супруга. — Привези мне мисс Трикси, и я не стану писать это письмо.

— Что? Я не желаю видеть здесь этот сенильный мешок. А что стало с твоим клубом бриджа? Последний раз, когда ты не стала писать письмо, ты получила новое платье. На этом и смирись. Я куплю тебе вечерний костюм.

— Того, что я поддерживала в этой женщине активность, мало. Ей нужна личная помощь.

— Ты уже сделала ее подопытной свинкой в том заочном курсе, который прошла. Оставь ее в покое, а? Пусть Гонзалес отправит ее на пенсию.

— Сделай так и ты ее убьешь. Тогда она по-настоящему почувствует себя нежеланной. Ты обагришь свои руки в крови.

— Ох, мамочка.

— Когда я думаю о *моей* мамочке. На пляже в Сан-Хуане, каждую зиму. Загар, бикини. Танцует, купается, хохочет. Поклонники.

— Да у нее же сердечный приступ всякий раз, как ее волна наземь сбивает. Все, что она не проиграет в казино, она тратит на домашнего врача в карибском «Хилтоне».

— Ты не любишь мою мамочку, потому что она тебя раскусила. Она была права. Мне следовало

выйти замуж за врача, за кого-нибудь с идеалами. — Миссис Леви печально потряслась на доске. — На самом деле, мне это уже безразлично. Страдание лишь укрепило меня.

— А как бы ты страдала, если бы кто-нибудь повыдергивал провода из этой проклятой гимнастической доски?

— Я тебе уже сказала, — рассердилась миссис Леви. — Не впутывай сюда доску. Твоя враждебность берет верх. Прими мой совет, Гас. Сходи к этому аналитику в корпус Медицинских Искусств — к тому, который помог Ленни вытащить его ювелирный магазин из банкротства. Он излечил Ленни от этого комплекса, который у него завелся: торговать только четками. Ленни теперь клянется именем этого врача. Теперь у него — что-то вроде эксклюзивного соглашения с кучкой монахинь, которые разносят четки примерно в сорок католических школ по всему городу. Деньги потекли рекой. Ленни счастлив. Сестры счастливы. Детишки счастливы.

— Великолепно.

— Ленни завел себе прекрасную линию статуэток и религиозных аксессуаров.

— Готов спорить, что он счастлив.

— Он и счастлив. Ты мог бы стать таким же.

Сходи к этому доктору, пока не поздно, Гас. Ради девочек тебе следует помочь. А мне все равно.

— Это я знаю.

— Ты очень запутался в себе. Сандра лично — гораздо счастливее, потому что ее психоанализировали. Ей в колледже какой-то врач помог выпутаться.

— Я в этом не сомневался.

— У Сандры может случиться регресс, если она услышит, как ты поступил с этим юным активистом. Я знаю, что, в конце концов, девочки совсем на тебя ополчатся. В них есть человеческое тепло и сострадание — как было и со мною, пока меня не довели до звероподобного состояния.

— Довели?

— Я тебя умоляю. Ни слова сарказма больше. — Предупредительный жест аквамариновыми ногтями с подскакивающей и колеблющейся доски. — Мне — мисс Трикси, или девочкам — письмо?

— Получишь свою мисс Трикси, — наконец, решился мистер Леви. — Попробуй тряхнуть ее на этой доске и, может быть, сломаешь ей бедро.

— Не впутывай сюда доску!

СЕМЬ

Корпорация «Райские Киоскеры» располагалась в том помещении, где раньше была автомастерская, — в темном цоколе в остальном пустовавшего торгового здания на улице Пойдрас. Из гаражных ворот, обычно открытых, прохожему в ноздри бил едкий запах кипящих «горячих собак», горчицы, а также — цемента, за много лет пропитавшегося автомобильной смазкой и машинными маслами, капавшими и сливавшимися из «хармонов» и «хапмобилей»[34]. Могущественная вонь корпорации «Райские Киоскеры» иногда побуждала ошеломленного и озадаченного гуляку заглянуть сквозь раскрытые ворота во тьму гаража. Внутри взор его падал на целый флот крупных жестяных сосисок, укрепленных на велосипедных колесах. Едва ли такая коллекция автотранспорта выглядела импозантно. Несколько мобильных «горячих собак» несли на себе глубокие вмятины. Полностью изжеванный франкфуртер валялся на боку, одно колесо

[34] notes: 34

Модель автомобиль детройтской компании «Хапп Мотор», появившаяся на американском рынке в 1908 году.

горизонтально воздето — фатальная жертва дорожной аварии.

Среди полуденных пешеходов, спешивших мимо корпорации «Райские Киоскеры», медленно ковыляла одна солидная фигура. Это был Игнациус. Остановившись перед узким гаражом, он с превеликим чувственным удовольствием втянул в себя испарения Рая, а выпиравшая из его ноздрей щетина анализировала, каталогизировала, категоризировала и классифицировала отчетливые запахи «горячих собак», горчицы и смазки. Вдохнув поглубже, он задался вопросом, не ощущает ли он, к тому же, еще и более нежного запаха — хрупкого аромата булочек для сосисок. Он взглянул на белые перчатки стрелок своих часов с Микки-Маусом и заметил, что пообедал он всего лишь час назад. И все же интригующие ароматы вызывали у него активное слюноотделение.

Он шагнул в гараж и огляделся. В углу старик варил «горячие собаки» в большом коммунальном котле, чьи габариты покрывали газовую плитку, на которой он покоился.

— Прошу прощения, сэр, — окликнул его Игнациус. — Не торгуете ли вы здесь в розницу?

Слезящиеся старческие глазки обратились в

сторону крупного посетителя.

— Вам чего?

— Мне бы хотелось купить одну из ваших сосисок. Пахнут они довольно аппетитно. Я просто хотел узнать, нельзя ли у вас купить всего одну.

— Можно.

— Нельзя ли мне выбрать самому? — спросил Игнациус, заглядывая через край в котел. В кипящей воде франкфуртеры бились и шипели, точно искусственно окрашенные и увеличенные кошачьи двуустки. Легкие Игнациуса наполнились пикантным кисловатым благоуханием. — Я сделаю вид, что я — в приличном ресторане, а это — бассейн с омарами.

— Нате вам вот эту вилку. — Старик протянул Игнациусу гнутое изъеденное подобие копья. — Постарайтесь не макать руки в воду. Она как кислота. Смотрите, что с вилкой стало.

— Ого, — сообщил Игнациус старику, откусив от сосиски. — Они довольно крепки. Из каких ингредиентов они состоят?

— Резина, овсянка, требуха. Кто ж его знает? Я сам к ним ни за что бы не притронулся.

— Они любопытным образом привлекательны, — произнес Игнациус, прочищая горло. — Когда я стоял снаружи, то сразу понял, что мои

тактильные вибриссы в ноздрях ощутили нечто уникальное.

Игнациус жевал с самозабвенным варварством, изучая тем временем шрам на стариковском носу и прислушиваясь к его насвистыванию.

— Не напев ли Скарлатти[35] улавливаю я? — наконец, осведомился он.

— Мне казалось, я свистел «Индюшку в соломе»[36].

— Я надеялся, что вы окажетесь знакомы с работами Скарлатти. После него музыкантов уже не было, — заметил Игнациус и возобновил яростный штурм длинной «горячей собаки». — С вашей очевидной склонностью к музыке вы должны прикладывать себя к чему-либо достойному.

Пока Игнациус жевал, старик вернулся к своим немузыкальным посвистам. Затем Игнациус произнес:

— Я подозреваю, что вы воображаете «Индюшку в соломе» ценным вкладом в Американу. Так

---

[35] notes: 35

Скорее всего, имеется в виду Джузеппе Доменико Скарлатти (1685-1757), итальянский композитор и виртуозный клавесинист, сын Алессандро Скарлатти (1660-1725), повлиявшего на развитие всей современной оперы.

[36] notes: 36

Популярная песенка, опубликованная анонимно в 1834 году. На ее авторство претендовали Боб Фаррелл и Джордж Вашингтон Диксон.

вот — она не он. Это неблагозвучная гнусность.

— Какая разница?

— Великая разница, сэр! — завопил Игнациус. — Преклонение перед такими вещами, как «Индюшка в соломе» — самый корень нашей текущей дилеммы.

— Ты откуда такой взялся, к чертовой матери? Тебе чего надо?

— Каково ваше мнение об обществе, и без того считающем «Индюшку в соломе» одним из столпов своей культуры?

— Это кто так считает?

— Все! Особенно народные фолксингеры и учительницы третьего класса. Чумазые старшеклассники и приготовишки постоянно завывают ее, точно чародеи. — Игнациус рыгнул. — Я убежден в том, что съем еще один из этих пряных деликатесов.

После четвертой сосиски Игнациус провел своим величественным розовым языком по губам и нижней кромке усов и сказал старику:

— Я не могу в последнее время припомнить, чтобы был настолько тотально удовлетворен. Удача улыбнулась мне в том, что я обнаружил это место. Передо мною сейчас расстилается день, чреватый Бог знает какими ужасами. Я в данный

момент пребываю безработным и пустился на поиски найма. Вместе с тем, целью мне с таким же успехом мог бы полагаться и Святой Грааль. Я ракетой мечусь по деловому району вот уже неделю. Очевидно, что мне недостает какого-либо особого извращения, искомого нанимателями сегодняшнего дня.

— Непруха, значит, а?

— Ну, по ходу всей недели я ответил лишь на два рекламных объявления. Бывают дни, когда нервы мои совершенно расстраиваются к тому времени, как я достигаю Канальной улицы. Такие дни, как я считаю, не проходят впустую, если мне удается собрать достаточно присутствия духа для того, чтобы забрести в кинематографический театр. В действительности, я просмотрел весь репертуар кинолент, идущих сейчас в центре города, а поскольку все они достаточно оскорбительны для того, чтобы держаться в прокате бессрочно, следующая неделя выглядит в особенности безрадостно.

Старик взглянул на Игнациуса, затем — на массивный котел, газовую плиту и мятые тележки:

— Я могу нанять тебя прям сейчас.

— Благодарю вас, — снисходительно произнес Игнациус. — Тем не менее, здесь работать я бы не

смог. Этот гараж до чрезвычайности промозгл, а я подвержен респираторным заболеваниям среди целого спектра остальных.

— Тебе и не придется работать тут, сынок. Я имел в виду — киоскером.

— Что? — взревел Игнациус. — Под дождем и на снегу — целый день?

— Тут не ходит снег.

— Ходит в редких случаях. И, вероятно, снова пойдет, стоит мне только выкатить на улицу одну из этих тележек. Меня, вероятно, отыщут в какой-нибудь канаве, из всех отверстий моего организма будут свисать сосульки, а помойные коты будут лапать меня в тщетных попытках хоть немного согреться в парах моего последнего вздоха. Нет уж, благодарю вас, сэр. Я должен идти. Я подозреваю, что у меня сейчас состоится в некотором роде рандеву.

Игнациус рассеянно взглянул на свои часики и увидел, что они снова остановились.

— Ну хоть ненадолго? — взмолился старик. — Попробуй хоть денек. Ну — что скажешь? Мне очень нужны киоскеры.

— Денек? — недоверчиво переспросил Игнациус. — На денек? Я не могу тратить впустую такой драгоценный день. У меня есть куда пойти и с

кем повидаться.

— Хорошо, — твердо произнес старик. — Тогда плати мне доллар, который должен за колбаски.

— Боюсь, им придется остаться за счет заведения. Или гаража — или как вы тут называетесь. У меня не мамаша, а мисс Марпл, и она вчера вечером обнаружила у меня в карманах некоторое количество корешков от билетов в кинематограф и сегодня выделила мне средств только на проезд.

— Я счас полицию позову.

— О, Бог мой!

— Плати давай! Плати, а не то фараонов вызову.

Старик схватил длинную вилку и проворно разместил два ее полусгнивших рога у самого горла Игнациуса.

— Вы проткнете мне импортное кашне, — взвыл Игнациус.

— Давай сюда свои деньги на проезд.

— Но я же не могу идти отсюда до самой Константинопольской улицы пешком.

— Такси поймаешь. А дома у тебя кто-нибудь в состоянии заплатить шоферу, когда доедешь.

— Вы серьезно полагаете, что моя мать мне поверит, если я ей расскажу, что какой-то старик

отобрал у меня два последних никеля, угрожая вилкой?

— Меня уж больше никто не ограбит, — рявкнул старик, орошая Игнациуса слюной. — Только так в нашей торговле и бывает. Киоскеры и шестерки с заправок вечно получают. Налеты, гоп-стопы. Никто не уважает торговца «горячими собаками».

— Это заведомая неправда, сэр. Никто не уважает торговцев «горячими собаками» больше, чем я. Они несут одну из наидостойнейших служб нашему обществу. Ограбление торговца «горячими собаками» — символический акт. Кража вызвана не алчностью, а, скорее, желанием принизить киоскера.

— Закрой свою жирную пасть и плати давай.

— Для такого возраста вы довольно непреклонны. И тем не менее, идти пятьдесят кварталов до моего дома пешком я не собираюсь. Уж лучше я приму смерть от ржавой вилки лицом к лицу.

— Ладно, кореш, тогда слушай меня. Предлагаю тебе сделку. Ты идешь на улицу и час толкаешь одну из этих тележек — и после этого расходимся.

— Разве мне не понадобится санкция Департамента Здравоохранения или что-то в этом духе? Я

хочу сказать — а вдруг у меня под ногтями что-то весьма изнурительное для человеческого организма? Кстати сказать — вы всех своих киоскеров подобным образом нанимаете? Ваши практики найма едва ли идут в ногу с текущей политикой. Я чувствую себя так, точно меня подпоили и забрили в солдати. Я чересчур опасаюсь осведомляться о том, как у вас имеет место процедура увольнения сотрудников.

— Только попробуй еще раз «горячего собачника» на гоп-стоп взять.

— Вы только что попали в самую точку. Точнее — в две, буквально: в мое горло и в мое кашне. Надеюсь, вы подготовлены к тому, чтобы компенсировать мне за кашне. Таких тут больше нет. Его произвели на маленькой фабрике в Англии, впоследствии уничтоженной «Люфтваффе». В то время ходили слухи, что «Люфтваффе» намеренно разбомбило фабрику, чтобы подорвать британский боевой дух, ибо немцы видели Черчилля в подобном кашне в одной из конфискованных кинохроник. Насколько мне известно, это может быть то же самое кашне, которое носил Черчилль

в том конкретном «мувитоне»[37]. Сегодня их ценность исчисляется тысячами. Его также можно носить и как шаль. Смотрите.

— Ну что ж, — наконец произнес старик, насмотревшись, как Игнациус делает из кашне кушак, перевязь, плащ, шотландскую юбочку, пращу для сломанной руки и платок на голову, — мне кажется, за час ты много ущерба «Райским Киоскерам» нанести не сможешь.

— Если альтернативами этому служат узилище или пронзенный кадык, я с радостью пойду толкать одну из ваших тележек. Хотя я не могу предсказать, насколько далеко зайду.

— Не пойми меня неправильно, сынок. Я — парень невредный, но всему же есть предел. Я десять лет пытался превратить «Райских Киоскеров» в уважаемое заведение, да только это непросто. Люди на «горячих собачников» свысока поглядывают. Думают, у меня контора для всякой швали. И киоскеров приличных найти — целое дело. А только достойного паренька отыщу, как он выходит, и хулиганье его — на гоп-стоп. Ну почему ж Боженька так туго гайки закручивает?

---

[37] notes: 37

Точнее говоря, «Movietone» — метод записи звуковой дорожки непосредственно на пленку, впервые примененный кинокомпанией «Уорнер Бразерс» в 1927 году.

— Пути Его неисповедимы, — отвечал Игнациус.

— Может, и неисповедимы, да только я все одно никак в толк не возьму.

— Озарение вам помогут принести труды Боэция.

— Я читаю отца Келлера и Билли Грэйма[38] в газете каждый божий день.

— О, мой Бог! — поперхнулся слюной Игнациус. — Не удивительно, что вы настолько заблудший.

— Вот. — Старик открыл металлический шкафчик рядом с печкой. — Надень-ка это.

Он вытащил нечто, напоминавшее белый халат, и вручил его Игнациусу.

— Что это? — радостно спросил Игнациус. — Похоже на академическую мантию.

Он натянул одеяние через голову. С халатом поверх куртки он стал вылитым яйцом динозавра, готовым проклюнуться.

— Завяжи на талии поясок.

— Разумеется, не стану. Предполагается, что такие вещи должны свободно течь вокруг человеческой формы, однако именно этот предмет

---

[38] notes: 38

Уильям Фрэнклин Грэйм (род. 1918) — американский проповедник, выступавший с евангелическими гастролями по всему миру.

туалета, кажется, предлагает очень мало простора. Вы уверены, что у вас не найдется размера побольше?… По более пристальному осмотру я нахожу, что мантия эта довольно-таки пожелтела в манжетах. Надеюсь, эти пятна на груди — скорее кетчуп, нежели кровь. Последнего владельца этого одеяния, должно быть, закололи громилы.

— Вот, и колпак тоже надень. — Старик протянул Игнациусу небольшой прямоугольник белой бумаги.

— Я определенно не надену бумажный колпак. Тот головной убор, что у меня имеется, совершенно пригоден и гораздо более полезен для здоровья.

— Охотничью шапочку носить нельзя. Это — униформа «Райского Киоскера».

— Я не надену этот бумажный колпак! Я не собираюсь умирать от пневмонии, разыгрывая ради вас этот балаган. Втыкайте свою вилку в мои жизненно важные органы, если пожелаете, но колпак надевать я не стану. Лечше смерть, нежели бесчестье и болезни.

— Ладно, на фиг, — вздохнул старик. — Иди сюда и бери вот эту тележку.

— Уж не думаете ли вы, что я собираюсь показываться на улице с этой мерзостной рухлядью? —

неистово вопросил Игнациус, оглаживая халат киоскера по всему своему телу. — Дайте мне вон ту блестящую с белыми обводами на шинах.

— Хорошо, хорошо, — проворчал старик. Он открыл люк небольшого колодца в тележке и вилкой стал медленно переносить сосиски из котла. — Вот я даю тебе дюжину «горячих собак». — Он открыл еще одну крышку в жестяной булке. — Сюда ложу пакет с булочками. Понял? — Он закрыл крышку и отодвинул какую-то дверцу, прорезанную в боку блестящей красной сосиски. — Вот тут есть небольшая канистра жидкого жара, который не дает «горячим собакам» остыть.

— Бог мой! — вымолвил Игнациус с каким-то уважением в голосе. — Да эти тележки — точно какие-то китайские головоломки. Я подозреваю, что непрерывно буду дергать не за те рукоятки.

Старик распахнул еще одну крышку в корме «горячей собаки».

— А тут что у вас? Пулемет?

— Тут горчица и кетчуп.

— Ну что ж, мне следует мужественно провести испытания, хотя я могу продать кому-нибудь и канистру жидкого жара, не успев и отъехать отсюда как следует.

Старик подтащил тележку к воротам гаража и сказал:

— Ладно, кореш, теперь валяй.

— Премного вам благодарен, — ответил Игнациус и выкатил здоровую жестяную сосиску на тротуар. — Я вернусь точно через час.

— Съезжай с тротуара с этой дрянью.

— Я надеюсь, вы не думаете, что я нырну прямо в уличное движение?

— Тебя могут заараестовать, если будешь толкать такую штуку по тротуару.

— Превосходно, — согласился Игнациус. — Если полиция последует за мной, они могут предотвратить ограбление.

Игнациус начал медленно толкать тележку прочь от «Райских Киоскеров» — сквозь густую толпу пешеходов, расступавшуюся перед большой сосиской, будто волны перед форштевнем корабля. Такое времяпрепровождение гораздо лучше свиданий с начальниками отделов кадров, некоторые из коих, припомнил Игнациус, отнеслись к нему за последние несколько дней довольно злонамеренно. Поскольку кинематограф теперь оказывался ему недоступен ввиду нехватки средств, пришлось бы дрейфовать, скучая и бесцельно, по деловому району, пока не

настала бы безопасная пора возвращаться домой. Люди на улице разглядывали Игнациуса, но никто ничего не покупал. Пройдя полквартала, он начал зазывать:

— «Горячие собаки»! «Горячие собаки» из Рая!

— Съезжай на улицу, приятель! — крикнул где-то позади старик.

Игнациус свернул за угол и остановил тележку у стены. Открывая по очереди разные крышки, он приготовил «горячую собаку» себе и прожорливо слопал ее. Мать его пребывала всю неделю в буйном настроении: отказывалась покупать ему «Доктора Орешка», ломилась к нему в дверь, когда он пытался писать, грозилась продать дом и переехать в богадельню. Она описывала Игнациусу мужество патрульного Манкузо, который наперекор всему *сражался* за то, чтобы сохранить себе работу, *стремился* работать, который выжимал все возможное из своих мучений и ссылки в уборную автостанции. Ситуация с патрульным Манкузо напоминала Игнациусу положение, в котором оказался Боэций, брошенный в тюрьму императором, а потом — казненный. Чтобы умиротворить мамашу и улучшить климат дома, он дал ей «Утешение философией», английский перевод работы, написанной Боэци-

ем в несправедливом заточении, и велел вручить ее патрульному Манкузо, чтобы тот мог читать ее запечатанным в кабинке.

— Книга учит нас принимать то, что мы не в силах изменить. В ней описывается планида справедливого человека в несправедливом обществе. Это — самая основа средневековой мысли. Вне всякого сомнения, она поможет вашему патрульному в его мгновения кризиса, — благосклонно вымолвил Игнациус.

— О как? — спросила миссис Райлли. — Ай, как это мило, Игнациус. Бедненький Анджело так ей обрадывается.

По крайней мере, примерно на один день подарок патрульному Манкузо привнес мир в жизнь на Константинопольской улице.

Покончив с первой «горячей собакой», Игнациус приготовил и потребил еще одну, мысленно созерцая иные милости, могущие отложить необходимость снова идти на работу. Четверть часа спустя, заметив, что запас сосисок в маленьком колодце заметно уменьшился, он решился на сиюминутное воздержание. Медленно он толкнул тележку по улице, выкрикивая снова:

— «Горячие собаки»!

Джордж, ошивавшийся по Каронделет с охап-

ками пачек, обернутых коричневой бумагой, расслышал призыв и подвалил к гаргантюанскому киоскеру.

— Эй, постой-ка. Дай мне вот такую.

Игнациус сурово взглянул на мальчишку, разместившего себя прямо на пути у сосиски. Клапан его запротестовал против прыщей, против недовольной физиономии, казалось, подвешенной на длинных, хорошо смазанных волосах, против сигаретки за ухом, аквамариновой куртки, изысканных сапог, узеньких штанов, промежность которых оскорбительно выпирала в нарушение всяческой теологии и геометрии.

— Прошу прощения, — фыркнул Игнациус, — но у меня осталось лишь несколько франкфуртеров, и я должен их сберечь. Пожалуйста, уйдите с моей дороги.

— Беречь их? Для кого это?

— Не ваше дело, юный лишенец. Вы почему это не в школе? Будьте добры — прекратите досаждать мне. И в любом случае, мелочи у меня нет.

— У меня четвертак завалялся, — растянулись в ухмылке тонкие бледные губы.

— Я не могу продать вам сосиску, сэр. Вам это ясно?

— Да что с тобой такое, дружище?

— Что со *мной* такое? Что такое с *вами*? Вы что — настолько противоестественны, что желаете «горячую собаку» в такую рань? Да мне совесть не позволить вам ее продать. Только взгляните на свой отвратительный цвет лица. Вы — растущий организм, чья система требует насыщения овощами и апельсиновым соком, полезным пшеничным хлебом, шпинатом и тому подобным. Я, к примеру, не стану соучаствовать в развращении малолетнего.

— Чо ты мелешь? Продай мне одну «горячую собаку». Я жрать хочу. Я еще не обедал.

— Нет! — завопил Игнациус так неистово, что прохожие замедлили шаг. — А теперь сокройтесь от меня, пока я не переехал вас этим транспортным средством.

Джордж потянул на себя крышку отсека с булочками и сказал:

— Эй, а у тебя их тут целая куча. Сделай мне сосиску.

— На помощь! — заорал Игнациус, неожиданно вспомнив предостережения старика насчет грабителей. — Тут крадут мои булочки! Полиция!

Он сдал тележкой назад и протаранил ею промежность Джорджа.

— А-ай! Смотри, куда едешь, псих!

— Помогите! Грабят!

— Заткнись ты, Христа ради, — произнес Джордж и захлопнул крышку. — Тебя запереть надо, придурок, соображаешь?

— Что? — возопил Игнациус. — Это еще что за дерзость?

— Здоровый чокнутый придурок, — прорычал Джордж еще громче и попятился, пригнувшись, а подковки на его каблуках царапали тротуар. — Больно надо жрать то, что ты лапал своими придурочными граблями.

— Как смеете вы непристойно орать на меня? Схватите кто-нибудь этого мальчишку, — безудержно закричал Игнациус, а Джордж тем временем растворился в толпе уличных пешеходов. — Хоть кто-нибудь хоть сколько-нибудь порядочный — хватайте этого малолетнего преступника. Этого мерзостного малолетку. Где его уважение к старшим? Этого беспризорника нужно сечь розгами, пока он не лишится чувств!

Из группы, собравшейся вокруг колесной сосиски, раздался женский голос:

— Нет, ну какой ужас, а? И откуда только этих киоскеров-собачников берут?

— Бичи. Все они бичи, — ответил ей кто-то.

— А все винище проклятое. Я так думаю, у них

всех от пьянства крыша протекает. Таких вообще нельзя на улицу выпускать.

— Моя паранойя совсем от рук отбилась, — осведомился Игнациус у собравшихся, — или вы, монголоиды, в самом деле обо мне говорите?

— Да ну его, — сказал еще кто-то. — Вы только посмотрите, какие у него глаза.

— А что не в порядке с моими глазами? — злобно поинтересовался Игнациус.

— Пошли отсюда.

— Будьте так любезны, — ответил Игнациус. Губы его дрожали. Он приготовил себе еще одну «горячую собаку», чтобы успокоить трепетавшую нервную систему. Трясущимися руками он поднес фут красного пластика в тесте ко рту и пропихнул его внутрь — по паре дюймов зараз. Активным жеванием он разминал пульсировавшие виски. Загрузив в рот последние миллиметры крошек, он почувствовал себя гораздо спокойнее.

Снова схватившись за рукоятки, он толкал тележку вверх по улице Каронделет и косолапо шаркал следом. Верный обещанию обойти весь квартал, он снова свернул на следующем углу и остановился у стертых гранитных стен Зала Галлье, где потребил еще две райские сосиски прежде, чем приступить к последнему отрезку

своего путешествия. Завернув за последний угол, Игнациус опять увидел вывеску КОРПОРАЦИЯ «РАЙСКИЕ КИОСКЕРЫ», криво болтавшуюся над тротуаром улицы Пойдрас, и относительно резко припустил рысью, приведшей его, запыхавшегося, в самые ворота гаража.

— На помощь! — жалобно выдохнул он, стукаясь жестяной сосиской о низкий цементный порог гаража.

— Что стряслось, кореш? Мне показалось, ты должен ходить по улице целый час.

— Нам обоим повезло, что я вообще вернулся. Боюсь, они нанесли еще один удар.

— Кто?

— Синдикат. Кем бы они ни были. Почсмотрите на мои руки. — Игнациус сунул обе лапы старику прямо в лицо. — Вся моя нервная система целиком находится на грани восстания против меня из-за того, что я подверг ее такой травме. Игнорируйте меня, если я внезапно впаду в шоковое состояние.

— Да что же, к чертям собачьим, произошло?

— Участник огромного подросткового подполья взял меня приступом на улице Каронделет.

— Тебя что — ограбили? — возбужденно спросил старик.

— И прегрубо. Огромный и ржавый пистолет разместили прямо у моих висков. На самом деле — прижали непосредственно к точке давления, что повлекло за собой остановку кровообращения с левой стороны головы на довольно продолжительное время.

— На улице Каронделет средь бела дня? И никто его не остановил?

— Разумеется, никто его не остановил. Народ поощряет такие действа. Вероятно. Он получает некое удовольствие от зрелища публично унижаемого, несчастного, выбивающегося в люди киоскера. Вероятно, они уважают предприимчивость мальчишки.

— Как он выглядел?

— Как тысяча других подобных отроков. Прыщи, помпадур, аденоиды — стандартная подростковая экипировка. Могла быть и какая-нибудь особая примета, вроде родимого пятна или слабого колена. Припомнить я, на самом деле, не в состоянии. После того, как пистолет сунули мне в самую голову, я лишился сознания от недостатка кровообращения в мозгу и страха. Пока я лежал на тротуаре бесчувственной кучей, негодяй, очевидно, перетряхнул всю тележку.

— Сколько денег он забрал?

— Денег? Никаких денег украдено не было. В конце концов, денег для грабежа не оказалось, поскольку мне не удалось продать ни одного вашего деликатеса. Он украл «горячие собаки». Вот. Тем не менее, забрал он, очевидно, не все. Когда я пришел в себя, я проверил содержимое тележки. Там, наверное, осталась одна или две.

— Я никогда не слыхал ни о чем подобном.

— Быть может, он оказался крайне голоден. Быть может, нехватка какого-то витамина в его подрастающем организме требовала умиротворения. Человеческая жажда пищи и секса примерно равна. Если существуют вооруженные изнасилования, то почему не оказаться вооруженным кражам сосисок? Я в этом деле не вижу ничего необычного.

— Из тебя враки так и лезут.

— Из меня? Этот инцидент социологически значим. Вина возлагается на наше общество. Отрок, сведенный с ума суггестивными телевизионными программами и сладострастными периодическими изданиями, очевидно, якшался с довольно приличными инфантильными особами женской принадлежности, которые отказались принимать участие в его воображаемой сексуальной программе. Его неосуществленные

физические желания, следовательно, искали сублимации в поглощении продуктов питания. Я, к несчастью, пал жертвой всего этого. Мы можем возблагодарить Господа, что этот мальчишка обратился к еде как к отдушине. Если б не она, меня. Быть может, изнасиловали бы прямо на месте.

— Он забрал все, кроме четырех, — произнес старик, вглядываясь в сосисочный колодец. — Вот сукин сын, как же ему удалось унести все эти «горячие собаки»?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Игнациус. А затем негодующе добавил: — Придя в себя, я обнаружил крышку тележки открытой. Разумеется, никто не помог мне подняться. Мой белый халат поставил на мне клеймо киоскера, неприкасаемого.

— Как насчет еще разок попробовать?

— Что? В моем нынешнем состоянии — вы всерьез рассчитываете, что я опрометью кинусь на улицу спекулировать? Мои десять центов будут переданы в руки трамвайного кондуктора на Св. Чарлзе. Оставшуюся часть дня я намереваюсь провести в горячей ванне в попытках восстановить хоть какое-то подобие нормальности.

— А как тогда насчет того, чтобы вернуться завтра, кореш, и попробовать еще разок? — с на-

деждой в голосе спросил старик. — Мне в самом деле нужны киоскеры.

Игнациус некоторое время поразмыслил над предложением, пристально изучая шрам на носу старика и газообразно отрыгиваясь. По крайней мере, он будет работать. Мамаша должна быть довольна. Работа не предполагала строгого надзора и домогательств. Завершив медитации прочисткой горла, он изрыгнул:

— Если я окажусь функционален наутро, то, возможно, вернусь. Я не могу предсказать часа, в который прибуду, но, более или менее, воображаю себе, что вы можете рассчитывать на то, что увидите меня.

— Это ничего, сынок, — ответил старик. — Зови меня мистер Клайд.

— Буду, — заверил его Игнациус и слизнул крошку, обнаруженную в уголке рта. — Кстати, мистер Клайд, я намереваюсь отправиться в этом халате домой, дабы доказать моей матери, что я нанят на работу. Видите ли, она довольно сильно выпивает, и ей необходимо подтверждение, что денежные поступления от моих трудов вскоре прибудут, и ее запас спиртного не истощится. Жизнь моя, как видите, достаточно безрадостна. Настанет день, когда я, быть может, опишу ее вам

в подробностях. В настоящий же момент, тем не менее, вы должны узнать пару-другую вещей о моем клапане.

— О *клапане*?

— Вот именно.

* * *

Джоунз слепо возил губкой вдоль стойки бара. Лана Ли отправилась в закупочную экспедицию, первую за долгое время, громоподобно и предостерегающе захлопнув и заперев перед уходом кассу. Увлажнив стойку еще немного, Джоунз швырнул губку обратно в ведро, уселся в кабинке и попытался разглядеть последний номер «Лайфа», который дала ему Дарлина. Он закурил, но туча дыма сделала журнал еще невидимее. Самым лучшим для чтения светом в «Ночи Утех» была крошечная лампочка возле кассы, поэтому Джоунз подошел к стойке и щелкнул выключателем. Едва он начал вдумчиво изучать сцену званого вечера с коктейлями на рекламе «Сиграма В.О.», как в бар ввалилась Лана Ли.

— Я так и знала, что не следует тебя тут одного оставлять, — рявкнула она, извлекая из сумки пачку школьного мела, которую и определила в тумбочку под стойкой. — Какого черта ты тут

делаешь с моей кассой, а? Ну-ка марш на пол!

— Да закончил я тебе уже с вашим полом. Я уже спицылистом стал половым. У цветных кошаков в крови наверно — подметать да подтирать, само собой трется. Это, видать, для цветных народов уже как лопать и дышать. Вот тока дай младенчику цветному веник в руку, как он подметать кинется себя не помня. В-во!

Джоунз вернулся к своей рекламной странице, а Лана заперла тумбочку снова. Затем взглянула на длинные полосы пыли на полу: Джоунз, похоже, скорее пропахивал пол, чем мыл его. Бороздами служили ленты вымытого пола, а отвалами — полосы мусора. Хоть Лана этого и не знала, такова была попытка Джоунза предпринять некий мягкий саботаж. Планы на будущее были грандиознее.

— Эй, ты, там. Погляди-ка на мой чертов пол.

Джоунз неохотно выглянул в свои черные очки и увидел ничто.

— В-во! Отличный у тебя пол. Ууу-иии. В «Ночью Тех» всё шыкарно.

— Видишь всю эту дрянь?

— За двацать дохларов в неделю можно и немножко дряни потерпеть. Дрянь пропадает, када заплата растет — под пийсят или шийсят.

— Мне дело надо, если я бабки выкатываю, — разозлилась Лана.

— Слуш, а вы пробовала на мою заплату жить? Вы думаешь, цветные народы продухты да одёжуза спицальные деньги достают? Вы чё ващще дуаешь, када тут сидишь полвремени, со своими пеньками играисси? В-во! Где я живу — знаешь, как народы покурить покупают?народу этому на цельную пачку не хватает, так они по два цента одну сигу берут. Думаешь, цветной маме так лехко? Одно говно. Я ж не дурку тут парю. Устал я бомжевать, да жопу свою пасти на такую заплату.

— Тебя кто с улицы вытащил, кто тебе работу дал, чтоб фараоны не загребли за бродяжничество? Ты хоть иногда про это вспоминай, когда придуряешься за этими поганенькими очочками своими.

— Придуряисси? Гав-но. Эти мамаёбаные полы в бардаке вашем подтирать — это придуряисси? Мести да подтирать все это говно, которое ты знай на пол льете, да тупой клеён стряхивает. Мне аж жалко беньдяшек этих — приходит суда, думает: ай, покуролесю, мож наклюкаюсь да рылом в стакан, — а тут на тебе, и сифу какую, тово и глянь, ото льда подцепишь. В-во! А раз за бабки

зашло, так мне кажется, вы щас поболе выкатывать должна — раз дружок ваш, сиротка, суда больше не ходит. Раз вы щас благодарительнось эту кончила, так давай — мож, поболе бабусек этих Едненово Фона мне подсунешь.

Лана ничего не ответила. Она пришпилила чек за пачку мела к своему гроссбуху, чтобы можно было внести сумму в графу деловых расходов, всегда сопровождавших ее налоговую декларацию. Она уже купила бывший в употреблении глобус мира — он тоже надежно хранился в тумбочке. Теперь ей нужен был только учебник. Когда она увидит Джорджа в следующий раз, непременно попросит его притащить. У него мог остаться какой-нибудь с тех дней, как его выгнали из старших классов.

Лана уже некоторое время собирала небольшую коллекцию реквизита. Пока шпики в штатском торчали у нее в заведении по ночам, она была слишком заморочена, чтобы заниматься их с Джорджем проектом. Основная проблема заключалась в Дарлине — такая брешь в ланиной крепостной стене против шпиков. Теперь же фараоны исчезли так же внезапно, как и появились. Лана засекала кого-нибудь из них, как только входила в заведение, а стоило Дарлине перестать

околачиваться на табуретах возле стойки и приступить к репетициям с птичкой, шпикам ловить тут стало нечего. Лана хорошенько проследила за тем, чтобы все остальные их активно игнорировали. С ходу определить на взгляд легавого — для этого опыт нужен. Но человек, способный легавого опознать, еще и кучи хлопот избежать может.

Оставалось уладить только две вещи. Первое — раздобыть учебник. Если Джорджу хочется, чтобы у нее был учебник, так пускай сам и достает. Лана учебник покупать не собиралась — даже пользованный. Второе — вернуть Дарлину на табуретки, раз уж шпики разбежались. Держать таких, как Дарлина, на комиссионных гораздо выгоднее, чем на зарплате. А если судить по тому, что Дарлина изображала со своей птичкой на сцене, Лана соображала, что в данный момент «Ночи Утех», быть может, лучше воздержаться от контактов с миром животных.

— Где Дарлина? — спросила Лана Джоунза. — Мне надо кое-что им с птицей передать.

— Она в чилифоне сказала, что будет где-нить днем еще с попрыгаем репетирывать, — ответил Джоунз рекламному объявлению, которое в ту минуту исследовал. — Она грит, сначала птица к витинарию отвезет, ей кажецца, он перо теряет.

— Вот как?

Лана начала планировать ансамбль с глобусом, мелом и учебником. Если у всего этого есть какие-то коммерческие возможности, разыграть все надо с определенным качеством и утонченностью. Она предвидела несколько мизансцен, сочетавших бы грацию с непристойностью. Не слишком грубо. В конце концов, она же к детишкам обращается.

— А вот и мы, — радостно объявила с порога Дарлина. Ее внесло в бар в брючках и морской тужурке, в руках — накрытая птичья клетка.

— Ну, так не планируй здесь задерживаться, — ответила Лана. — У меня для вас с твоим дружочком есть кое-какие новости.

Дарлина водрузила клетку на стойку и открыла миру громадного, золотушного розового какаду: как и подержанный авто, похоже было, что прошел он через множество рук. Хохолок птицы поник, и она вскрикнула ужасным голосом:

— Ауук!

— Ладно, убери его отсюда, Дарлина. С сегодняшнего вечера ты возвращаешься на табуретки.

— О-о, Лана, — застонала Дарлина. — Ну чё такое? У нас хорошо репетировать получалось. Погоди только, мы закорюки выправим. Это ж

гвоздь сезона будет.

— Сказать по правде, Дарлина, я боюсь тебя и этой твоей птицы.

— Послушай, Лана. — Дарлина сбросила тужурку и показала управляющей колечки, прицепленные к швам брючек и блузки английскими булавками. — Видишь вот эти штучки? Из-за них весь номер и пойдет гладко. Я с ними дома репетировала. Это новый подход. Птичка цепляется за колечки клювом и срывает с меня одежду. Я в смысле, что колечки тут только на репетицию. Когда я себе костюм сошью, колечки будут на крючочках, чтобы он хватал — и костюм расстегивался. Говорю тебе, Лана. Это ж потрясная сенсация сезона будет.

— Слушай, Дарлина, безопасней было бы, если б эта чертова тварь у тебя вокруг головы летала или что она у тебя там делала.

— Но теперь же у птички настоящая роль будет. Она будет *срывать* …

— Ага — и сиськи заодно тебе оторвет. Мне тут только несчастных случаев не хватало со скорой помощью, чтобы всех клиентов разогнать и инвестицию испоганить. А если этой птичке твоей взбредет в голову полетать над публикой и кому-нибудь глаза выклевать? Нет уж, если

честно, я ни тебе, ни птичке твоей не доверяю, Дарлина. Техника безопасности превыше всего.

— О-о, Лана. — Дарлина была безутешна. — Ну дай же нам опробовать. У нас только-только получаться начало.

— Нет. Вали. И сними эту тварь с моей стойки, пока она на нее не нагадила. — Лана накинула на клетку покрывало. — Эти сама-знаешь-кто уже отъехали, так что можешь вернуться на свою табуретку.

— А я, наверно, все-таки расскажу сама-знаешь-кому сама-знаешь-что, и сама-знаешь-кто испугается и сбежит.

Джоунз поднял очки от рекламы и произнес:

— Если вы, народ, тута около-личности трындеть будете, то я читать не могу. В-во. Это кто это — «сама-знаешь-кто» и «сама-знаешь-что»?

— А ну, слезай с табуретки, каторжанин, да марш мои полы мыть.

— Этот попрыгай аж до самой «Ночью Тех» проехал, старался, репетирывал, — осклабился Джоунз из своей тучки. — Ёбть же ж. Надо дать ему шанец, низзя ж к ему относиться как к цветным народам.

— Вот, правильно, — от всего сердца согласилась Дарлина.

— Уж скока мы сироцкую благодарительнось покончили, а на швицаров ей не полагается, может, тада беньдяшке чутка отслюнить — девчонка все ж старается, на комисии фарцует. Э-эй! — Джоунз уже видел, как птица хлопает крыльями по-над всей сценой, пока Дарлина пытается изобразить какой-то танец. Он никогда не наблюдал зрелища гаже: Дарлина с птичкой могли квалифицироваться как законный саботаж. — Можа, тут и нам отполирывать чучуть нада, можа, тут крутнуться, там качнуться лишний раз, тут скользнуть, там махнуть, но мне кажецца, спиктакыль очень даж ничо. Ууу-иии.

— Вот видишь? — Дарлина повернулась к Лане. — джоунз врать не станет. У черных стока ритма есть.

— В-во!

— Я не хочу пугать кое-кого историями про кое-кого другого.

— Ох, да заткнись же ты, Дарлина! — заорала Лана.

Джоунз окутал их двоих некоторым количеством дыма и изрек:

— Я так думаю, Дарлина и этот ее попрыгай сильно необычные. В-во! Я так думаю, вы себе кучу клеёных напритаскашь сюда. В каком еще

клубе лысово орла на истраде найдешь?

— Придурки, вы что думаете — мы в самом деле в птичьи дела влезть сможем?

— Э-эй! Я точно тут птичьи дела. У белых народов же завсегда попрыгаи с кинорейками обжимаюцца. Погоди, дождесси — народы просекут, каково таково птица им «Ночью Тех» втюхивает. Да у вас тута настоящий швицар стоять придецца. Все опчиство с делами своими ломицца будет. В-во! — Джоунз сотворил опасный на вид нимб, казалось, готовый взорваться. — Дарлина с попрыгаем тока вот закорюки повыправют. Ебть, девка тока-тока искуйств, щитай, начинает. Ей шанец нужон.

— Это точно, — встряла Дарлина. — Я пока в искусствах новичок. Мне шанс нужно дать.

— Закрой рот, дурища. Ты что — правда думаешь, что заставишь эту птицу себя раздевать?

— Да, мэм, — с энтузиазмом выпалила Дарлина. — Меня тут вдруг осенило. Сижу это я дома, гляжу, как она по колечкам своим играется, и говорю себе: «Дарлина, а чего ты это в одёжу себе колечек до сих пор не понасовала?»

— Заткни пасть своему уроду, — велела Лана. — Хорошо, давай поглядим, чего она умеет.

— В-во! Вот это базар. Тут всякие мамочки сбе-

гуцца на спиктакыль поглазеть.

* * *

— Санта, я должна была тебе позвонить, голуба.

— Что ж стряслось, Ирэна, детка? — с чувством осведомился лягушачий баритон миссис Баттальи.

— Игнациус стрясся.

— Чего он еще натворил, милочка? Расскажи Санте.

— Погоди минуточку. Дай посмотрю, он еще в этой своей ванной или уже нет. — Миссис Райлли опасливо прислушалась к громогласному плеску жидкости, доносившемуся из ванной комнаты. Взрыв китового фырканья вырвался в коридор сквозь облупленную дверь. — Все хорошо. Он еще там. Я не могу тебя обманывать, Санта. У меня сердце кровью обливается.

— Ай.

— Приходит Игнациус домой где-то с час назад — и одет прям как мясник какой.

— Это ж хорошо. Нашел себе другую работу твой здоровый жирный разгильдяй.

— Но не у мясника же ж, голубая моя, — отвечала миссис Райлли, и голос ее был отягощен

скорбью. — Он теперь киоскер, «горячими собаками» торгует.

— Ай, брось ты, — каркнула Санта. — «Горячими собаками»? Никак прям на улице?

— Прям на улице, голуба, как побродяжник какой.

— Еще какой побродяжник, девонька. Даже хуже. Ты почитай, чего пролиция в газетах извещает иногда. Они там все — одна банда бомжей.

— Ну ведь ужыс же какой, а?

— Этому мальчику твому уже кто-нить по мордасам бы давно надавал.

— Тока он в дверь, Санта. Как сразу загадку мне: какую работу себе нашел? Я сначала и говорю: мясник, — понимаешь?

— Чего ж не понять?

— А он мне дерзит эдак: «Угадайте еще раз. Вы даже не приблизились к ответу». Я еще битых пять минут гадаю — пока все професии не перебрала, где такую белую форму носить надо. Тут он, наконец, говорит: «Все неправильно, мамаша. Я обрел себе занятие: торгую сосыски». Я чуть в обморок не грохнулась, Санта, прям на пол в кухню. Вот же ж картинка была б: я с раскроенной черепушкой прям на линолеуме, — а?

— Да ему б наплевать и растереть было, не то

что некоторые.

— Не то что некоторые, да.

— Да ни за что в жизни.

— Наплевать ему на свою бедную мамочку, — вздохнула миссис Райлли. — Да еще и стока образования, заметь же ж. Торгует сосыски на улице средь бела дня.

— Так что ж ты ему сказала, девонька?

— Ничего я ему не сказала. Я и рта не успела раскрыть, как он в свою ванну удрал. И вот по сих пор сидит там, заперся, воду по всему полу плескает.

— Погоди секундочку, Ирэна. У меня тут внученьку одну на день привезли, — сказала Санта и заорала во всю мощь кому-то на другом конце провода: — А ну, пошла к чертям собачим от этой печки, Шармань, и марш на банкетку играться, пока я тебе в челюсть не заехала.

Детский голосок что-то ответил.

— Х-хосподя-а, — спокойно продолжала Санта в трубку. — Детишечки эти миленькие такие, но иногда я просто вообще не знаю. Шармань! Пошла к чертовой матери на улицу и играйся на своей вилисапете, пока я тебе в ухо не съездила. Не бросай трубку, Ирэна.

Миссис Райлли услышала, как Санта отложила

телефон. Затем взвыл ребенок, хлопнула дверь, и Санта вернулась на линию.

— Бош ты мой, правду тебе говорю, Ирэна, ребенок этот просто никого не слушает! Я тута пытаюсь ей спагетов с рагой сварить, а она прям у меня в касрюльке играется. Сестрам в детсадике у нее давно уже пора отшлепать ее хорошенько. Ты ж знаешь Анджело. Видела б ты, как его сестры лупцевали, когда он маленьким был. Одна его вообще об доску в классе прибила. Вот они и вырос сегодня такой милый и заботливый мущина.

— А Игнациуса сестры обожали. Такой славненький пупсик был. Бывало, все святые картинки выигрывал за то, что катехиз от зубов отскакивал.

— Да этим сестрам следывало ему по шее надавать хорошенько.

— Когда он, бывало, домой приходил со всем и этими святыми картиночками масюпусенькими, — всхлипнула миссис Райлли, — я уж точно ни за что не думала, что он станет сосыски средь бела дня торговать. — Миссис Райлли нервно кашлянула и неистово вопросила в трубку: — Но скажи же мне, голуба, как там Анджело справляется?

— Жена его Рита звонит мне не так давно, го-

ворит, он, наверно, невмонией заразился от того, что в этой уборной застрял на все время. Истину тебе говорю, Ирэна, Анджело этот уже бледный стал, что твое привиденье. Палицаи мальчонку совсем затретировали. Ему-то служба нравится. Только выпустился из этой палицейской академии своей, так можно было подумать, что из Лиги Плаща[39] вышел. Уж какой гордый ходил.

— Да-а, бедняжка Анджело неважно выглядит, — согласилась миссис Райлли. — И кашель у него плохой стал, у мальчонки. Ну, может быть, ему хоть чуть-чуть получше станет, как он эту штуку прочтет, которую мне Игнациус для него дал. Игнациус говорит, это духновляющая литература.

— Вот как? Я б ни за что не доверяла никакой «духновляющей литературе», тем паче — из рук Игнациуса. Там наверно непристойные рассказы сплошь.

— А если его кто-нибудь из знакомых с такой тележкой увидит?

— Не стыдись, детка. Ты ж не виноватая, что у

---

[39] notes: 39

Санта Батталья имеет в виду «Лигу Плюща» — обиходное название ассоциации восьми старейших университетов и колледжей Новой Англии (Браун, Коламбия, Корнелл, Дартмут, Гарвард, Принстон, Университет Пенсильвании и Йейл), символ интеллектуальной элиты США. Стены самых древних университетских зданий покрыты плющом.

тебя такой негодник на руках, — хрюкнула Санта. — Тебе, девонька, мужик в доме нужен, чтоб мальчишку в ежовых рукавицах держал. Я точно найду этого милого старичка, который о тебе все спрашивал.

— Не нужен мне никакой милый старичок. Мне милый сынуля тока нужен.

— Ты главное не волнуйся. Санта обо всем позаботится. Я тебе все сделаю. Человек, который рыбным рынком заправляет, говорит, не знает, как старичка этого зовут. Но я выясню. На самом деле, мне кажется, я как-то на днях видела, как он по улице Св. Фердинанда шел.

— И про меня спрашивал?

— Ну, Ирэна, я имею в виду, у меня не вышло с ним поговорить, я даже не знаю, тот ли это старичок был.

— Вот видишь? Старичку этому тож никакого дела нет.

— Не говори так, девонька. Я в пивнушке поспрошаю. На воскресной службе потолкусь. Я узнаю, как его зовут.

— Старичку этому до меня никакого дела.

— Ирэна, вреда не будет, если ты с ним познакомишься.

— У меня и с Игнациусом хлопот полом рот. Это

же позорище, Санта. Предположим, мисс Энни, женщина по соседству у нас, увидит его с одной из таких тележек. Она и так нас уже за несоблюдение опчественного порядка привлечь хотит. Шпиёнит все время из-за ставень в переулочке нашем.

— Нельзя же так из-за людей расстраиваться, Ирэна, — посоветовала Санта. — Вот у меня соседи по кварталу — такие сплетники. Если можешь прожить тут, в приходе Святого Одо Клюнийского, то везде проживешь. Злобные — вот они какие, поверь мне. Я одной бабу из квартала точно кирпичом в морду заеду, если про меня не заткнется. Мне тут кой-кто сказал, как она меня «веселой вдовушкой» зовет. Но уж будь спокойна — она у меня получит. Мне все равно кажется, она бегает с одним тут, на верфях работает. Так я, наверно, напишу муженьку ее миленькое такое нонимное письмо, пускай проучит свою деваху как следует.

— Уж я-то знаю, каково тебе, голуба. Помню, девчонкой еще жила на Дофиновой улице. Нонимные письма все, помню, папаша мой получал… про *меня*. Гадкие. Я все подозревала, что это моя двоюродная сестра, бедняжечка, так в старых девах и проходила, их пишет.

— А какая двоюродная? — живо поинтересовалась Санта. У родственников Ирэны Райлли всегда были кровавые биографии, которые стоило послушать.

— Та, что себе на руку опрокинула котел с кипитком, когда была девчонкой. Так и осталась ошпаренной, понимаешь? Как ни зайду к ее мамаше домой, так она все сидит на кухне за столом и пишет, пишет. Про меня, наверно, писала же ж. Очень ревновала, когда мистер Райлли стал за мной ухаживать.

— Вона как в жизни бывает, — сказала Сандра: ошпаренная родственница в драматической галерее Ирэны была фигурой неинтересной. А затем хрипло и весело она добавила: — А я вот вечеринку закачу с тобой, и с Анджело, и с его женой, если она придет.

— Ай, как чудненько, Сандра, да вот только ж я не очень сейчас к вечеринкам расположена.

— Растрясти косточки, девонька, не повредит. Ежли я чего узнаю про того старичка — и его позову. Вы с ним хоть потанцуете.

— Ну, уж если ты старичка увидишь, голуба, скажи, что мисс Райлли привет передавала.

За закрытой дверью ванной Игнациус пассивно распростерся в еле теплой водичке, пальцем

подталкивая взад-вперед по воде целлулоидную мыльницу и то и дело прислушиваясь к тому. чТо мать говорит по телефону. Время от времени он притапливал мыльницу, та заполнялась водой и тонула. Тогда он нашаривал ее на дне ванны, опорожнял и пускал по водам снова. Его изжелта-небесные глаза останавливались на нераспечатанном коричневом конверте, лежавшем на стульчаке. Вот уже некоторое время Игнациус пытался решить, открывать ему конверт или не стоит. Травма обретения работы повлияла на его клапан отрицательно, и он ожидал, пока теплая вода, в которой он барахтался розовым гиппопотамом, не произведет на его систему успокоительного воздействия. И вот тогда он ринется на этот конверт. «Райские Киоскеры» должны оказаться приятственным нанимателем. Он будет проводить все время, поставив тележку где-нибудь у реки и копя впечатления для своего «Дневника». Мистер Клайд обладал определенным отцовским качеством, которое Игнациусу нравилось; старик, исшрамленный и ссохшийся магнат сосиски, станет желанным новым персонажем «Дневника».

Наконец, Игнациус почувствовал, что расслабился достаточно, и, вознеся из вод мокрую тушу,

взял в руку конверт.

— Ну почему непременен именно такой конверт? — рассерженно осведомился он, изучая пятачок штампа почтового отделения Планетарий, Нью-Йорк, на грубой коричневой бумаге. — Содержимое, вероятно, накарябано столярным карандашом или того хуже.

Он разодрал конверт, вымочив всю бумагу, и извлек сложенную афишу, гласившую гигантскими буквами:

ЛЕКЦИЯ! ЛЕКЦИЯ!

М.Минкофф дерзко освещает «Секс в Политике:

Эротическая Свобода Как Оружие Против Реакционеров»

20.00. Четверг, 28-е

Иудейская Ассоциация Молодых Людей — Главный Вестибюль

Вход: 1,00 доллар — ИЛИ — Подпишите Петицию

М.Минкофф, Которая Агрессивно Требует Больше Секса Лучшего Качества Для Всех И Ускоренный Курс Для Национальных Меньшинств!

(Петиция будет отправлена в Вашингтон.)

Подпишите сейчас и спасете Америку от сексуального невежества, целомудрия и страха.

Достаточно ли вы идейны для того, чтобы помочь в этом дерзком и ключевом движении?

— О, мой Бог! — фыркнул Игнациус сквозь мокрые усы. — Ей теперь позволяют выступать в общественных местах? И что означает, во имя всего святого, название этой смехотворной лекции? — Игнациус с издевкой перечел афишу еще раз. — Как бы то ни было, я знаю, что освещать она будет дерзко, и в некотором извращенном смысле мне бы хотелось услышать, как эта маленькая распутница лепечет перед целым залом. На сей раз она превзошла себя в оскорблении

вкуса и пристойности.

Проследовав по нарисованной от руки стрелочке в нижней части афиши и дойдя до слов *перевернуть*, Игнациус повиновался и посмотрел на оборот, где Мирна что-то написала:

Господа!

Что случилось, Игнациус? Я не услышала от тебя ответа. Что ж, на самом деле, я тебя не виню за то, что ты не пишешь. Наверное, я действительно переборщила в последнем письме, но сделала это лишь потому, что меня обеспокоила твоя параноидальная фантазия, вероятно, коренящаяся в нездоровом отношении к сексу. Ты же знаешь, что с тех пор, как мы впервые познакомились с тобой, я не переставала задавать тебе достаточно резкие вопросы, призванные выяснить твои сексуальные наклонности. Другим моим желанием было помочь тебе обрести подлинное самовыражение и удовлетворение посредством благотворного естественного оргазма. Я уважаю твой разум и всегда принимала твои эксцентрические тенденции — именно поэтому мне хочется, чтобы ты достиг высокогорья совершенного ментально-сексуального равновесия. (Качественный взрывной оргазм очистит все твое естество и выведет тебя из

мрака.) Только не злись на меня из-за письма.

Я объясню про эту афишу немного ниже в данном письме, поскольку, как я себе представляю, тебе должно быть интересно, как вообще могла случиться эта дерзкая высокоидейная лекция. Хотя для начала должна сообщить тебе, что съемки нашего фильма отменены, поэтому если ты планировал сыграть домовладельца, забудь об этом. В сущности, у нас возникли трудности с фондами. Из папаши я не смогла выдоить больше ни единой драхмы, поэтому Леола, моя гарлемская находка, стала очень враждебно относиться к вопросу жалованья (или его отсутствия) и, в конечном итоге, обронила одну-другую реплику, которые, на мой взгляд, прозвучали слегка антисемитски. Кому нужна девушка, недостаточно преданная общему делу и не согласная бесплатно участвовать в проекте, принесшем бы благо всей ее расе? Шмуэль решил стать лесным объездчиком в Монтане, поскольку планирует ставить драматическую аллегорию, действие которой происходит в темных чащобах (Невежество и Обычай), и ему хочется лучше прочувствовать лес. Насколько я знаю Шмуэля, его затея стать объездчиком с треском провалится, однако аллегория, я уверена, будет вызывающей и про-

тиворечивой, преисполненной нелицеприятных истин. Пожелаем ему удачи. Он фантастичен.

Возвращаясь к лекции. Наконец-то я, кажется, обретаю платформу для своей философии и т.д. все это случилось странным образом. Несколько недель назад я оказалась на вечеринке, которую одни мои друзья устраивали в честь такого очень настоящего паренька, только-только из Израиля. Он был невероятен. Я не шучу.

Игнациус испустил чуточку райского газа.

Несколько часов подряд он пел те народные песни, что выучил там; по-настоящему значимые песни, которые лишь подтвердили мою теорию, что музыка должна, в основе своей, быть инструментом социального протеста и самовыражения. Он продержал нас в этой квартире много часов — мы слушали и просили еще. Позже мы все начали говорить — на многих уровнях, — и я высказала ему все, что было у меня на уме.

— Хо-хм, — неистово зевнул Игнациус.

Он ответил: «Зачем ты таишь это все в себе, Мирна? Почему бы не оповестить об этом мир?» Я рассказала ему, что часто выступала в дискуссионных клубах и в моей группе групповой

терапии. И еще рассказала об этих своих письмах редактору, которые печатались в «Новой Демократии», «Человеке и Массах» и «Ну!».

— Вылезай сейчас же из ванной, мальчик! — донесся из-за двери материнский вопль.

— Чего ради? — спросил он. — Вам нужно ею воспользоваться?

— Нет.

— Тогда уходите, пожалуйста.

— Ты сидишь там уже слишком долго.

— Прошу вас! Я пытаюсь читать письмо.

— Письмо? Кто это написал тебе письмо?

— Мой дорогой друг Мирна Минкофф.

— Ты же последний раз говорил, из-за нее тебя из «Штанов Леви» уволили.

— Так и есть. Тем не менее, возможно, это оказалось замаскированной услугой. Моя новая работа может оказаться довольно приятственной.

— Ну какой ужыс, а? — печально вымолвила миссис Райлли. — Из никудышной конторы выгнали, а теперь сосыски на улице торгуешь. Ну, я тебе так скажу, Игнациус. Только попробуй мне, чтоб сосысочник тебя уволил. Знаешь, что Санта сказала?

— Я убежден: что бы она ни изрекла, это было проницательно и язвительно. Я мог бы себе вооб-

разить, что ее издевательства над родной речью довольно затруднительны для понимания.

— Она сказала, что тебе пора надавать по мордасам.

— В ее устах это сравнительно грамотно.

— И что сейчас эта твоя Мирна делает? — подозрительно осведомилась миссис Райлли. — Чего это она так расписалась? Ей хорошая ванная бы не помешала, девчонке этой.

— Психика Мирны способна иметь дело с водой лишь в оральном контексте.

— Чиво?

— Вы не будете любезны прекратить орать, точно торговка рыбой, и ступайте, наконец, по своим делам. Неужели в духовке у вас не жарится бутылка мускателя? Оставьте меня уже в покое. Я очень нервен.

— Невры? Ты ж в этом кипитке ж целый час сидишь.

— Вода уже едва ли горяча.

— Так вылазь из ванной.

— Ну почему вам так важно, чтобы я покинул эту ванну, мамаша? Я действительно вас не понимаю. Неужели как домохозяйку вас в настоящий момент не призывает ни одно дело? Я заметил сегодня утром, что пыль в вестибюле уже фор-

мируется в сферические образования величиной почти с бейсбольные мячи. Приберите дом. Позвоните и выясните точное время. Сделайте что-нибудь. Прилягте и поспите. В последние дни вы выглядите довольно осунувшейся.

— Как тут не сунуться, мальчик. Ты ж серце своей бедной мамочке разбиваешь. А вот пади я замертво, что б ты делал?

— Ладно, я не собираюсь принимать участия в этом идиотском разговоре. Продолжайте свой монолог, если угодно. Только тихо. Я должен сосредоточиться на новых непристойностях, которые М.Минкофф замыслила в этом письме.

— Я так больше уже не могу, Игнациус. Вот погоди — скоро найдешь меня на кухне, с инфарком. Допрыгаисси, мальчик. Один останесси на белом свете. Вот упадешь тада на коленки и Боженьке молиться будешь за то, как свою бедненькую мамулечку мучил.

Из ванной донеслось лишь молчание. Миссис Райлли дожидалась хоть всплеска воды, хоть шороха бумаги, но дверь ванной с таким же успехом могла бы вести в склеп. Через минуту или две бесплодного ожидания она протопала по коридору к духовке. Услышав скрип дверцы, Игнациус вернулся к письму.

Он сказал: «С таким голосом и личностью, как у тебя, ты должна выступать перед людьми в тюрьмах.» Потрясающий парень: у него не только разум крутой, он сам — настоящий mensch[40]. Он вел себя так благородно и внимательно, что я едва глазам своим верила. (Особенно после общения со Шмуэлем, который идеен и не трус, но чересчур громогласен и несколько быдловат.) Я ни разу в жизни не встречала никого, настолько преданного борьбе с реакционными идеями и предрассудками, как этолт фолксингер. Самый лучший друг у него — негр-абстракционист, как он сказал, создающий по всему холсту величественные кляксы протеста и вызова, иногда располосовывая холст в клочья. Он вручил мне такой блистательный памфлет, в котором показано, как Папа Римский пытается сколотить себе ядерный арсенал: он мне по-настоящему глаза открыл, и я переслала его редактору «Новой Демократии», чтобы помочь ему бороться с Церковью. Но у него, к тому же, еще и на БАСПов[41] зуб. Он их вроде как ненавидит. Я в том смысле,

---

[40] notes: 40

Здесь: мужчина (нем.)

[41] notes: 41

Традиционная аббревиатура от «белые англо-саксонские протестанты».

что парню палец в рот не клади.

На следующий день он мне позвонил. Не угодно ли мне будет прочесть лекцию его группе общественных действий, которую он собирается сколотить в Бруклин-Хайтс? Меня просто обуяло. В этом мире, где все друг другу волки, такая редкость — найти друга… по-настоящему искреннего друга… по крайней мере, я так думала. Ладно, чтобы как можно быстрее перейти к сути дела, я на своей шкуре поняла, что лекторство — это как шоу-бизнес: актеров отбирают на кушетке и все такое. Понимаешь, о чем я?

— Верь ли я в это вопиющее оскорбление хорошего вкуса, в которое упирается мой взор? — поинтересовался Игнациус у плавающей мыльницы. — Эта девушка совершенно лишена стыда!

Лично мне хочется разоблачить этого липового «фолксингера», который, я полагаю, в данный момент охотится за какой-либо другой идейной юной либералкой. По словам одной моей знакомой, она слышала, что этот «фолксингер» — на самом деле баптист из Алабамы. Нет, ну какая же он фальшивка. Поэтому я прочла тот памфлет, который он мне подарил, и выяснила, что его напечатал Клан. Это даст тебе некоторое

представление о том, с какими идеологическими тонкостями приходится сегодня иметь дело. Мне он показался хорошим либеральным памфлетом. Теперь я вынуждена унижаться и объяснять редактору «Новой Демократии», что хотя брошюра и бросает вызов, но написана не теми людьми. Что ж — БАСПы нанесли ответный удар и попали на этот раз в меня. Инцидент напомнил мне о том случае в Парке По, когда белочка, которую я кормила, оказалась крысой и лишь на первый взгляд — вылитой белочкой. Поэтому — век живи, век учись. Этот самозванец подал мне мысль. Даже на объедках учатся. Я решила разузнать тут в ИА, можно ли как-нибудь вечером получить аудиторию. Через некоторое время мне ответили, что да. Конечно, аудитория здесь, в бронксской ИА, наверное, окажется несколько замшелой, нго если лекция мне удастся, то настанет день, и я, быть может, выступлю в ИА на Лекс.-Авеню, где постоянно высказывают свои взгляды великие мыслители,

вроде Нормана Мейлера[42] или Симура Крима[43]. Попытка не пытка.

Надеюсь, ты работаешь над своими личностными проблемами, Игнациус. Хуже ли твоя паранойя? Основа паранойи, мне кажется, — в том, что ты вечно запечатан в этой своей комнате и с подозрением относишься ко всему остальному миру. Мне непонятно, почему ты так настаиваешь на том, чтобы жить там с этими крокодилами. Несмотря на капитальный ремонт, по которому плачет твой разум, мозги твои по-настоящему могут вырасти и расцвести здесь в Нью-Йорке. Ты и так уже перечишь себе и своей ментальности. Когда мы виделись с тобой в последний раз, проездом из Миссисипи, ты был в неважной форме. К нынешнему моменту ты, вероятно, совершенно регрессировал от проживания в этой своей некондиционной трущобе, где компанию тебе составляет лишь твоя мать. Неужели твои естественные инстинкты не требуют высвобождения? Прекрасный и значимый

---

[42] notes: 42

американский писатель, основатель «новой журналистики» и активный участник политических процессов 1950-60-х гг.

[43] notes: 43

журналист, эссеист, прозаик, литературный критик, был близок к кругу битников и «новых журналистов».

любовный роман трансформирует тебя, Игнациус. Я это точно знаю. Неимоверные эдиповы узы опутали твой мозг и губят тебя.

Я не надеюсь и на то, что твои социологические или политические идеи становятся прогрессивнее. Ты уже оставил свой проект по формированию политической партии или номинированию кандидата в президенты по праву помазанника божьего? Я помню, ты выдвигал эту мысль, когда я в конце концов познакомилась с тобой и бросила вызов твоей политической апатии. Я с самого начала знала, что проект этот — реакционный, но он, по крайней мере, демонстрировал мне, что в тебе развивается хоть какое-то политическое сознание. Будь добр, напиши мне по этому поводу. Я очень переживаю. Нам в этой стране нужна трехпартийная система, а мне кажется, что изо дня в день фашисты набирают силу. Эта твоя Партия Божественного Права — как раз такая программа маргинальной группы, которая сможет отвлечь на себя большую часть фашистских сторонников.

Что ж, позволь мне прерваться. Надеюсь, лекция пройдет успешно. Ты в особенности мог бы получить пользу от ее предмета. Кстати. Если ты все же соберешься активизировать движение

*Божественного Права, я смогу помочь тебе организовать здесь ячейку. Прошу тебя — выберись из этого своего дома, Игнациус, и вступи в мир, тебя окружающий. Меня треводит твое будущее. Ты всегда был одним из самых моих важных проектов, и меня интересует твое нынешнее ментальное состояние, поэтому — **пожалуйста** — вылезай из подушек и напиши мне.*

М.Минкофф

Позже, обернув сморщенную розовую кожу в старый фланелевый халат и закрепив его на бедрах английской булавкой, Игнациус уселся в своей комнате за стол и наполнил чернилами авторучку. В прихожей мать разговаривала с кем-то по телефону:

— …И я до последнего цента сняла всю страховку его бедненького дедушки Райлли, чтоб он только в коллеже учился. Нет, ну какой ужыс, а? Стока денег коту под хвост.

Игнациус рыгнул и вытянул ящик стола, где, как он полагал, у него осталась еще какая-то бумага для писем. Нашелся только шарик на резинке, купленный им у филиппинца по соседству несколько месяцев назад. На одном боку филиппинец по просьбе Игнациуса вырезал пальму. Игнациус отпустил шарик к полу, но резинка

лопнула, и он с грохотом закатился под кровать, затормозив нпа кипе журналов и блокнотов «Великий Вождь». Отцепив от пальца резинку, Игнациус снова зарылся в ящик и извлек чистый бланк «Штанов Леви».

Возлюбленная Мирна!

Я получил Ваше оскорбительное сообщение. Неужели Вы всерьез полагаете, что меня могут заинтересовать Ваши вызывающие рандеву с такими недочеловеками, как фолксингеры? В каждой Вашей букве, как мне представляется, я обнаруживаю отсылки к ничтожеству Вашей личной жизни. Прошу вас впредь ограничиваться обсуждением насущных тем и тому подобного; таким образом. Вам, по крайней мере, удастся избежать непристойности и оскорблений. Тем не менее, мне видится, что символ крысы и белки, или крысобелки, или белкокрысы — многозначителен и довольно превосходен.

В темную ночь этой сомнительной лекции единственным Вашим слушателем, должно быть, окажется какой-нибудь безнадежно одинокий библиотекарь, заметивший свет в окнах аудитории и пришедший в надежде скрыться там от хлада и ужасов своей личной преисподней. И в этом зале: его сутулая фигура в одиночестве пе-

ред кафедрой, пустые сиденья эхом возвращают Ваш гнусавый голос, вколачивающий скуку, смятение и сексуальные намеки все глубже и глубже в лысый череп бедолаги, и без того сбитого с толку до грани истерики, — в этом зале он, вне всякого сомнения, выставит себя напоказ, размахивая своим исцарапанным органом, как дубинкой, уже отчаявшись заткнуть тот мрачный голос, что монотонно не смолкает у него в голове. На Вашем месте я бы немедленно отменил лекцию. Я убежден, что руководство ИА будет только радо принять Вашу отставку, в особенности если им посчастливится созерцать ту безвкусную афишу, которая сейчас, вне всякого сомнения, расклеена по всем телеграфным столбам Бронкса.

Ваши комментарии, касающиеся моей личной жизни, были непрошенными и явили собой потрясающую нехватку вкуса и благопристойности.

В действительности же, моя частная жизнь претерпела метаморфозу: я в данное время наинасущнейшим образом связан с пищевой промышленностью и, следовательно, довольно-таки всерьез сомневаюсь, окажется ли у меня в дальнейшем какое-либо время на переписку с Вами.

По— деловому,

Игнациус

ВОСЕМЬ

— Оставь ее в покое, — сказал мистер Леви. — Посмотри, она пытается уснуть.

— Оставить ее в покое? — Миссис Леви подперла мисс Трикси на желтой нейлоновой кушетке. — Да понимаешь ли ты, Гас, что именно в этом — трагедия всей жизни этой несчастной женщины? Она всегда была одна. Ей нужен кто-то. Ей нужна любовь.

— Фу.

Миссис Леви была женщиной с интересами и идеями. За годы она успела без остатка отдать себя бриджу, разведению африканских фиалок, Сьюзан и Сандре, гольфу, Майами, Фанни Хёрст[44] и Хемингуэю, заочному образованию по переписке, парикмахерам, солнцу, изысканному питанию, бальным танцам, а в последнее время — мисс Трикси. Ей всегда приходилось довольствоваться мисс Трикси где-то вдалеке, а это — неудовлетворительные условия для выполнения программы, намеченной в заочном курсе психологии, выпускной экзамен по которому

---

[44] notes: 44
американская писательница, автор сентиментальных романов.

она с треском провалила. Заочная школа даже отказалась поставить ей двойку. Теперь же в игре с увольнением юного идеалиста миссис Леви разыграла свою карту корректно и получила мисс Трикси в ее морщинистой плоти, с козырьком, шлепанцами и всем остальным. Мистер Гонзалес с радостью предоставил помощнику бухгалтера неограниченный отпуск.

— Мисс Трикси, — елейно произнесла миссис Леви. — Проснитесь.

Мисс Трикси приоткрыла один глаз и просипела:

— Я уже на пенсии?

— Нет, милочка.

— Кого? — рявкнула мисс Трикси. — Я думала, что уже на пенсии!

— Мисс Трикси, вы считаете, что стары и устали. Это очень плохо.

— Кто?

— Вы.

— Ох, так и есть. Я очень устала.

— Разве вы не видите? — спросила миссис Леви. — Это все — только у вас в уме. У вас такой возрастной психоз. Вы по-прежнему еще очень привлекательная женщина. Вы должны повторять себе: «Я по-прежнему еще очень

привлекательна. Я очень привлекательная женщина.»

Мисс трикси всхрапнула прямо в лакированную прическу миссис Леви.

— Оставь же ее, наконец, в покое, доктор Фрейд, — рассердился мистер Леви, отрываясь от «Спортс Иллюстрейтед». — Мне уже почти хочется, чтобы домой вернулись Сандра и Сьюзан, и ты могла забавляться с ними. Куда девался твой кружок, с которым ты играла в канасту?

— Не смей со мной разговаривать, неудачник. Как я могу играть в канасту, когда тут психопат в беде?

— Психопат? Да у нее старческое слабоумие. По дороге сюда нам пришлось остановиться примерно на тридцати автозаправках. В конце концов, я устал извлекать ее из машины и показывать, где мужской, а где дамский, поэтому я разработал систему. Закон средних чисел. Я поставил на нее деньги, и она показала результат примерно пятьдесят на пятьдесят.

— Не смей мне больше ничего рассказывать, — предостерегла миссис Леви. — Больше ни слова. Как это типично! Позволять этому анально-компульсивному случаю барахтаться самостоятельно!

— А Лоуренс Велк[45] уже идет? — неожиданно поинтересовалась мисс Трикси.

— Нет, дорогуша. Не волнуйтесь так.

— Но сегодня же суббота.

— Он еще пойдет. Не беспокойтесь. А теперь лучше скажите мне, что вам снится?

— Я сейчас уже не помню.

— Постарайтесь вспомнить, — сказала миссис Леви, делая в своем ежедневнике нечто вроде пометки механическим карандашиком, усыпанным искусственными бриллиантами. — Вы должны постараться, мисс Трикси. Милочка, ваш ум деформирован. Вы — точно калека.

— Я, может быть, и старая, но я не калека, — неистово возопила мисс Трикси.

— Слушай, ты ее расстраиваешь, Флоренс Найтингейл[46], — произнес мистер Леви. — Со всеми своими знаниями о психоанализе ты загубишь все, что еще осталось в ее голове. Ей хочется только одного — выйти на пенсию и лечь спать.

— Ты уже загубил себе жизнь, так не губи хотя

---

[45] notes: 45

американский аккордеонист и руководитель оркестра легкой музыки, ведущий популярной развлекательной телевизионной программы «Шоу Лоуренса Велка» (1955-1982).

[46] notes: 46

английская медицинская сестра, в 1854 году во время Крымской войны организовавшая первый отряд полевых медсестер.

бы ей. Этот случай на пенсию списать нельзя. Нужно сделать так, чтобы она чувствовала себя желанной, нужной, любимой…

— Так включи же тогда свою проклятую гимнастическую доску и дай ей вздремнуть!

— Мне показалось, что мы договорились доску сюда не впутывать.

— Оставь ее в покое. Оставь ее в покое. Ступай кататься на своем велотренажере.

— Тихо, пожалста! — каркнула мисс Трикси и потерла глаза.

— Перед нею мы должны разговаривать любезно, — прошептала миссис Леви. — Громкие голоса, ссоры только придадут ей неуверенности.

— Согласен. Давай потише. Только убери этот сенильный мешок из моей игровой комнаты.

— Правильно. Думай, как водится, только о себе. Если б только тебя сегодня мог видеть отец. — Аквамариновые веки миссис Леви возделись в ужасе. — Изъеденный молью повеса ищет оттяга.

— Оттяга?

— А ну-ка закройте рты сейчас же, — встрепенулась мисс Трикси. — Должна вам сказать — в черный день меня сюда привезли. Там, с Гомесом,

было гораздо приятнее. Приятно и тихо. Если сегодня какое-нибудь Первое Апреля, то мне это не смешно. — Она взглянула на мистера Леви слезящимися глазками. — Ты — та самая птица, которая мою подругу Глорию уволила. Бедненькая Глория. Добрейший человек в конторе.

— Ох, только не это! — вздохнула миссис Леви и обрушилась на супруга: — Так ты, значит, одного человека уволил, я правильно поняла? А что это за Глория тогда? Единственный человек относится к мисс Трикси по-человечески. Единственный человек — ее друг. Ты это понимаешь? Тебе до этого хоть дело есть? О, нет. Для тябя «Штаны Леви» могут хоть на Марсе находиться. Ты просто приезжаешь с ипподрома и вышибаешь эту Глорию вон.

— Глорию? — переспросил мистер Леви. — Не увольнял я никакую Глорию!

— Нет, увольнял, — пропищала мисс Трикси. — Я своими собственными глазами видела. Бедненькая Глория добрейшей души была. Я помню — Глория мне носки подарила и мясного рулета дала.

— Носки и мясной рулет? — Мистер Леви аж присвистнул. — Ох, ничего себе.

— Вот именно! — крикнула миссис Леви. —

Насмехайся над презренным созданием. Только не рассказывай мне, что еще ты натворил в «Штанах Леви». Я этого не вынесу. Я не стану говорить девочкам о Глории. Они не поймут такого бессердечия. Они чересчур для этого невинны.

— Да — лучше и не пытайся им этого рассказать, — разозлился мистер Леви. — Услышу еще одну такую глупость — и окажешься на пляже в Сан-Хуане со своей матерью. Будете веселиться, купаться в море и танцевать сколько влезет.

— Ты мне угрожаешь?

— А ну-ка тихо! — еще громче прорычала мисс Трикси. — Я хочу обратно в «Штаны Леви» сию же минуту.

— Вот видишь? — спросила миссис Леви супруга. — Слышишь, как она стремится к работе? И ты еще хочешь сокрушить ее, отправив на пенсию. Гас, прошу тебя. Тебе нужна помощь. Ты плохо кончишь.

Мисс Трикси потянулась за пакетом с лоскутами, который приволокла с собой вместо багажа.

— Ладно, мисс Трикси, — произнес мистер Леви так, будто подзывал кошку. — пойдемте-ка в машину, а?

— Слава Богу, — вздохнула мисс Трикси.

— Убери от нее свои лапы! — завизжала миссис

Леви.

— Я еще даже со стула не встал, — ответил супруг.

Миссис Леви толкнула мисс Трикси обратно на кушетку и сказала:

— А ну сидите тут. Вам нужна помощь.

— Только не ваша, — просипела мисс Трикси. — Дайте мне встать.

— Дай ей встать.

— Я тебя умоляю. — Миссис Леви предостерегающе воздела руку, пухлую и окольцованную. — Не беспокойся за это всеми забытое существо, которое я взяла под свое крыло. И обо мне тоже не беспокойся. Забудь о своих дочурках-крошках. Садись в свою спортивную машину и поезжай. Сегодня начинается регата. Видишь? Из венецианского окна, котолрое я здесь установила на деньги, заработанные потом твоего отца, видны паруса.

— Я с вами еще посчитаюсь, — рычала с кушетки мисс Трикси. — Погодите. Дождетесь у меня.

Она попыталась подняться, но миссис Леви придавила ее к желтому нейлону.

* * *

Насморк его только усугублялся, и каждый приступ кашля вызывал в легких смутную боль, саднившую еще несколько минут после того, как кашель обжигал ему горло и грудь. Патрульный Манкузо стер с губ слюну и попробовал отхаркнуть слизь из горла. Однажды днем его так сильно прихватило клаустрофобией, что он чуть сознание в кабинке не потерял. Теперь, казалось, он готов лишься чувств от головокружения, вызванного простудой. Он прислонился головой к перегородке и прикрыл глаза. По векам изнутри проплывали красные и синие облака. Нужно срочно схватить какого-нибудь субчика и уматывать из этой уборной, пока лихорадка не свалила его так, что сержанту придется носить его в эту уборную каждый день на руках и уносить отсюда. Он всегда надеялся на почести за службу, но что почетного в том, чтобы подохнуть от пневмонии в сортире автостанции? Даже родня будет над ним смеяться. Что его детишки скажут одноклассникам?

Патрульный Манкузо посмотрел на кафельные плитки пола. Они расплывались перед глазами. Его охватила паника. Он прищурился: дымка

оказалась влагой, серой пленкой оседавшей на всех поверхностях уборной. Он снова взглянул на раскрытое «Утешение философией», лежавшее на коленях, и перевернул вялую влажную страницу. Книга повергала его в уныние. Парня, который ее написал, скоро замучает король. Так в предисловии говорилось. Все это время, сочиняя эту штуку, он знал: закончит он тем, что ему в голову загонят какую-нибудь дрянь. Патрульному Манкузо парня было жалко, и он чувствовал, что непременно должен прочесть все, что тот написал. Пока он осилил лишь двадцать страниц и оставалось непонятно: этот Боэций что — какой-то шулер? Постоянно твердил про судьбу, шансы и колесо удачи. Как бы там ни было, от таких книжек бодрее на жизнь смотреть не станешь.

Через несколько фраз мысли патрульного Манкузо начали блуждать. Он выглянул в щелочку дверцы, которую всегда оставлял приоткрытой на дюйм-другой, чтобы видеть кто пользуется писсуарами, уборными и ящичком с бумажными полотенцами. Возле кабинок стоял тот самый мальчишка, которого Манкузо, кажется, видел здесь каждый день. Патрульный наблюдал, как его изысканные сапоги перемещаются взад-вперед от кабинок к ящичку. Потом мальчишка

прислонился к кабинке и начал что-то рисовать себе на запястьях шариковой ручкой. Тут дело нечисто, решил патрульный Манкузо.

Он распахнул дверцу и направился к пареньку. Подавляя кашель, он попробовал спросить как можно дружелюбнее:

— А что эдо ды дам на дуке пишешь, пдиятедь?

Джордж метнул взгляд на монокль и бороду, вдруг замаячившие сбоку, и ответил:

— А ну пошел от меня к чертям собачьим, пока по яйцам не получил.

— А ды выдови подытыю, — поддразнил его патрульный Манкузо.

— Еще чего? — сказал Джордж. — Вали отсюда. Я не хулиганю.

— Подытыи боижзя?

Джордж не очень понимал, что это за недоумок. Наверняка, такой же псих, как тот торговец сосисками.

— Слушай, придурок, шевели костями. Мне еще только фараонов тут не хватало.

— Де дадо, да? — лучезарно осведомился патрульный Манкузо.

— Нет, да и такому обсосу, как ты, — тоже не надо, — ответил Джордж, разглядывая слезящийся глаз за стеклышком монокля и сопли в бороде.

— Ды адездован, — закашлялся патрульный Манкузо.

— Чего? Парень, да ты совсем умом тронулся.

— Патдудьный Бадкудо. Под пдикдыдием. — Перед прыщами Джорджа сверкнула полицейская бляха. — Пдойдем зо бдой.

— Ты меня это за что, к чертовой матери, арестовал? Я тут стою себе и все, — нервно запротестовал Джордж. — Я ничо не сделал. Да что ж это такое, а?

— Ды пододдеваем.

— Подозреваем в чем? — в панике завопил Джордж.

— Ага! — захлебнулся соплями патрульный Манкузо. — Даг ды в замом деде боижзя!

Он попытался было схватить Джорджа за руку, чтобы надеть наручники, но тот выхватил у него из-под мышки «Утешение философией» и изо всех сил шарахнул книгой патрульного в висок. Игнациус купил крупное, элегантное ограниченное издание английского перевода, и все пятнадцать долларов его цены обрушились патрульному Манкузо на голову с силой словаря. Патрульный нагнулся подобрать выпавший из глаза монокль, а выпрямившись, увидел, как мальчишка проворно выскакивает из дверей

уборной с книгой в руке. Он хотел было пуститься в погоню, но голова пульсировала от нещадной боли. Он вернулся в кабинку — передохнуть и погрузиться в еще большее отчаяние. Что же он скажет миссис Райлли о книге?

Джордж поскорее открыл дверцу в камере хранения автобусной станции и вытащил коричневые пакеты, которые там оставлял. Не закрыв ячейку, он выскочил на Канальную улицу и зазвякал пряжками к деловому центру города, оглядываясь, не следуют ли за ним монокль с бородой. Но за спиной никакой бороды не было.

Вот непруха так непруха. Этот замаскированный агент будет шибаться по автобусной станции весь день, его искать. А завтра? На автостанции уже небезопасно; туда уже ни-ни.

— Черт бы побрал эту мисс Ли, — вслух выругался Джордж, не сбавляя шага. Не будь она такой сквалыгой, так бы не получилось. Уволила бы этого кренделя, и он как и раньше бы пакетики забирал — в два часа. А тут — чуть не замели. А все потому, что ходи, проверяй пакетики на автостанции, таскайся с ними по два часа каждый день. Ну куда еще такую парашу засунешь? А с собой таскать весь день — так и устать недолго. Мать дома торчит все время, туда с ними и не

сунешься.

— Прижимистая сука, — бормотнул Джордж. Он подоткнул пакеты под мышку и тут понял, что прихватил с собой книгу замаскированного шпика. У фараона увел. Тоже хорошо. Мисс Ли просила его книжку принести. Джордж посмотрел на название: «Утешение философией». Ну, вот ей и учебник есть.

* * *

Санта Батталья попробовала картофельный салат, облизала ложку и аккуратно разместила ее на бумажной салфетке рядом с блюдом. Высасывая из зубов лохмотья петрушки и лука, она сообщила портрету матушки на каминной доске:

— Им понравится. Никто больше такого картошного салатца не готовит, как Санта.

Гостиная была почти готова к вечеринке. На шкафчике старого радиоприемника выстроились две квинты «Старых Времен» и коробка с шестью бутылочками «Севен-Апа». Фонограф, взятый напрокат у племянницы, восседал на вымытом линолеуме в центре комнаты, шнур от него поднимался к люстре, куда его подключили. Два гигантских мешка картофельных чипсов

покоились в углах красного плюшевого дивана. Из банки оливок на жестяном подносе, установленном на сложенной и накрытой покрывалом раздвижной кровати на колесиках, торчала вилка.

Санта схватила с каминной доски рамочку с фотографией древней и недружелюбной на вид старухи в черном платье и черных чулках, стоявшей в переулке, заваленном устричными раковинами.

— Бедненькая мамуля, — с чувством выдохнула она, одарив фотографию громогласным влажным поцелуем. Слой жира на стекле портрета выдавал частоту этих любвеобильных натисков. — Тяжко же тебе пришлось, девонька. — Угольки сицилийских глаз зыркали со снимка на Санту почти как живые. — Одна только картинка твоя и осталась у меня, мамуля, да и тут в каком-то переулке. Стыдоба-то какая.

Санта вздохнула от всеобщей несправедливости и грохнула картинкой о каминную доску, утвердив ее между вазочкой восковых фруктов, букетом бумажных цинний, статуэткой Девы Марии и фигуркой Пражского Инфанта[47]. Затем

[47] notes: 47

28-сантиметровая статуэтка Младенца Иисуса с птицей в руке, датируемая 1340 годом. Культ Пражского Инфанта зародился в XVII веке.

пошла в кухню за наколотым льдом и еще одной табуреткой. Вернувшись в гостиную с табуреткой и походным ведерком со льдом, она расставила на каминной доске перед маминым портретом свои самые лучшие вазочки для желе. Близость фотографии побудила ее схватить портрет и еще раз покрыть его поцелуями, причем кусочек льда у нее во рту постоянно стукался о стекло.

— Я ж за тебя молитвы кажный день читаю, девонька, — бессвязно сообщила Санта фотографии, пытаясь удержать ледышку на языке. — Только попробуй не поверить, что тебе свечечка у Святого Одо постоянно горит.

Кто— то постучал в передние ставни. Санта поспешно отставила портрет, перевернув его лицом вниз.

— Ирэна! — заорала Санта, открыв дверь и увидев нерешительную миссис Райлли на ступенях крыльца и своего племянника патрульного Манкузо — на дорожке. — Заходи же ж, голубушка миленькая. Какая хорошенькая ты у нас сёдни.

— Спасибо, милочка, — ответила миссис Райлли. — Фу-у! Я уж и забыла, как долго сюда ехать. Мы с Анджело битый час в этой машине парились.

— Взе дедо в пдобках, вот в дём, — высказал

предположение патрульный Манкузо.

— Нет, ты послушай, какой насморк, — ужаснулась Санта. — Ай, Анджело. Ты этим людям в участке скажи, чтоб не сажали тебя больше в этот тувалет. А Рита где?

— Ода де б даздоении. У дее годова бодит.

— Так не мудрено — сидеть взаперти с этими спиногрызами всю время, — высказалась Санта. — Ай, ей почаще выходить в люди надобно, Анджело. Что она в самом деле?

— Дербы, — печально ответил Анджело. — У дее дербдое даздойздбо.

— Невры это ужыс, — подтвердила миссис Райлли. — Знаешь, чего было-то, Санта? Анджело посеял книжку, что ему Игнациус дал. Стыдоба-то какая, а? Книжка-то ладно, тока Игнациусу ничо не говори. А то он тут такое устроит.

Миссис Райлли поднесла палец к губам, давая понять, что книжка должна остаться тайной навсегда.

— Ну так давай же ж мне свой польт, девонька, — нетерпеливо сказала Санта, чуть ли не сдирая с миссис Райлли старое пурпурное трикотажное полупальто. Ее переполняла решимость не допустить призрака Игнациуса Ж.Райлли до своей вечеринки: он и так тревожил слишком

много вечеров в кегельбане.

— Хорошенькая у тебя тут квартера, Санта, — почтительно произнесла миссис Райлли. — Чисто.

— Ага, только я себе линолиму для гостиной нового хочу купить. Ты, милочка, когда-нить себе бумажные занавески вешала? Совсем неплохо смотрящца. Я такие славненькие в «Мезон Бланш» видала.

— Я как-то покупала хорошие бумажные занавески Игнациусу в комнату, так он их от окна оторвал и помял все. Говорит, что они — выкидыш. Кошмар какой, правда?

— Это кому какой вкус, — поспешно высказалась Санта.

— Игнациус же ж не знает, что я сегодня сюда пошла. Я ему сказала, что к новене пойду.

— Анджело, ну-ка налей Ирэне скоренько выпить. И сам виски себе возьми, простуду лечить надо. У меня в кухне кока-кола есть.

— Игнациусу новены тоже не нравятся. Уж прямо и не знаю, чем этому мальчику угодить. Хоть и нельзя так про свое чадо, но Игнациус у меня лично уже во где сидит.

— Я хороший картошный салатец сготовила, девонька. Старичок этот мне сказал, что хороший картошный салатец сильно любит.

— Ты б видела, какую огроменную форму он мне в постирушку бросает. Да еще указывает, как стирать. Будто мыльный порошок по тилевизору торгует. И ведет себя так, точно до упаду надрывается, когда тележку эту свою по всему городу толкает.

— Ты гля на Анджело, лапа. Какой хороший кок*е*ль нам намешал.

— А у тебя аспырины есть, милочка?

— Ай, Ирэна! Что ж ты компанию не поддержишь, за что мне такое наказание? Лучше выпей. Погоди, вот старичок придет скоро. Ух, хорошо повеселимся. Смотри, вы со старичком потанцеваете прям перед фонограйфом.

— Потанцеваем? Да не хочется мне ни с никакими старичками танцевать. А и потом, у меня ноги сёдни отекли, пока формы его гладила.

— Ирэна, нельзя ж его так подвести, девонька. Ты б видела, как он аж расцвел весь, когда я его прям возле церкви пригласила. Бедный старичок. Попомни мое слово — никто никуда его не приглашает.

— Так ему хотелось прийти, а?

— Хотелось? Да он у меня расспрашивать кинулся, одевать ему кустюм или как?

— И чего ж ты сказала ему, лапуся?

— Ну, я и сказала: «А надевайте, чего хотите, мистер».

— Вот это мило. — Миссис Райлли опустила глаза на свое зеленое тафтяное платье для коктейлей. — А Игнациус еще у меня спрашивает, чего это я в парадное платье к новене вырядилась. Сидит щас у себя в комнате, глупости какие-то пишет. Я грю: «А сейчас ты чего это пишешь все, мальчик?» — а он грит: «Я пишу, каково сосыски торговать.» Вот ужыс-то какой, а? Ну кто такой рассказ читать-то станет? Знаешь, скока он принес сёдни из своей сосысочной? Четыре доллара. И как я только буду этому человеку платить?

— Ты гля. Анджело нам славный хайбол принес.

Миссис Райлли приняла вазочку для желе из рук Анджело и двумя глотками сразу отполовинила коктейль.

— Ты откуда такую славненькую штукенцию взяла, дорогуша?

— Ты это про что? — спросила Санта.

— Да про фонограф твой, вон посередь пола стоит.

— Это племяшки моей. Ненаглядненькая моя. Только-только школу Святого Одо закончила, а уже хорошо продавщицей устроилась.

— Вот вишь? — возбужденно воскликнула миссис Райлли. — Спорим, ей лучше выходит, чем Игнациусу.

— Боже ж ты мой, Анджело, — сказала Санта. — Хватит уже кашлять. Ложись полежи в задней комнате, отдохни, пока старичок не пришел.

— Бедненький Анджело, — вздохнула миссис Райлли, когда патрульный вышел из гостиной. — Вот уж славный мальчонка. Вы с ним у меня такие хорошие друзья. И подумать тока — мы все встренулись, когда он хотел арессовать Игнациуса.

— Интересно, почему старичок никак не идет.

— Мож, он и не придет, Санта. — Миссис Райлли допила. — Я себе еще сделаю, если ты не против, лапа. У меня промблемы.

— Давай, голуба. Я твой польт на кухню отнесу, да посмотрю, как там Анджело. Хоть два человека пока у меня на вечеринке щасливые. Только б старичок не упал нигде по дороге, да ногу себе не сломал.

Когда Санта вышла, миссис Райлли наполнила свою вазочку коньяком и на палец долила «Севен-Апа». Взяла ложку, попробовала картофельный салат и, промакнув начисто ложку губами, вернула ее на бумажную салфетку. Семейка на другой

половине сдвоенного дома Санты, судя по звукам, подняла народное восстание. Отхлебывая из вазочки, мисси Райлли приложила ухо к стене и попробовала отфильтровать чуточку смысла из громких воплей.

— Анджело там от кашля принимает, — сказала Санта, входя в гостиную.

— Ох, и крепкие у тебя стены в этом доме, малыша, — сказала миссис Райлли, не в состоянии уловить суть спора по другую сторону стены. — Жили б мы тут с Игнациусом — мисс Энни не на что б было кляузничать.

— Ну где же старичок-то этот? — осведомилась Санта у ставней, выходивших на парадное крыльцо.

— Мож, он и не придет вовсе.

— Мож, он забыл.

— Вот так обычно и бывает со стариками этими, милочка.

— Ну, не такой уж он и старый, Ирэна.

— А скока ему?

— Где-то под семьсят, наверно.

— Ну да, это не старый. Моя бедненькая танта[48] Маргерит, я тебе про нее рассказывала,

---

[48] notes: 48
Искаж. фр. tante — тетушка.

ну еще как на нее пацанва напала, чтоб пейсят центов из ридикюля забрать, — так ей уже к восьмисяти. — Миссис Райлли допила. — Может, он на какую хорошую кинокартину пошел поглядеть или еще чего. Санта, ты не против, если я себе еще стаканчик налью?

— Ирэна! Ты должна еще на танцы сёдни выйти, деушка. Я этого старичка милого ни с какой пьянчужкой знакомить не собираюсь.

— Я — малюпусенький. У меня севодня невры расходились.

Миссис Райлли плюхнула себе добрую порцию виски и снова уселась — прямо на мешок картофельных чипсов.

— Ох Боже-Сусе, что я опять натворила?

— Чипсы размолола, что ж еще? — немного сердито ответила Санта.

— Ай, да там только крошечки теперь остались, — сказала миссис Райлли, извлекая из-под кормы мешок и изучая расплющенный целлофан. — Послушай, Санта, а скока время? Игнациус грит, сёдни точно на него ломщики нападут, так чтоб я рано пришла.

— Ой, да выкинь из головы, Ирэна. Ты ж тока что пришла.

— Сказать тебе правду, Санта, так я, наверно, и

вовсе не хочу со старичком этим знакомиться.

— Ну, уже все равно менять поздно.

— Ага, а что мы с этим старичком делать-то будем? — предчувствуя недоброе, осведомилась миссис Райлли.

— Ай, отдыхай себе, Ирэна. Ты *меня* неврируешь. Уж лучше б я тебя и не звала. — Санта на мгновение отняла вазочку от губ миссис Райлли. — Теперь послушай меня. У тебя ж гадкий артюрит был? А в кегли поиграла — прошло. Прошло же ж? Ты дома сидела с этим самашетшим мальчишкой кажный вечер, пока Санта не пришла. Сидела же ж? А теперь послушай Санту, ненаглядная моя. Ты ж не хочешь доживать век свой совсем одна, с этим Игнациусом на руках. А старичок, похоже, при деньжатах. И одет чистенько. И тебя откуда-то знает. И ты ему нрависся. — Санта посмотрела миссис Райлли прямо в глаза. — Этот старичок может за тебя долг уплатить.

— Да-а? — Раньше миссис Райлли об этом както не подумала. Старичок внезапно показался ей чуточку привлекательнее. — И чистенький?

— Конешно, чистенький, — рассердилась Санта. — Ты думаешь, я подруженьку свою с побродяжником знакомить стану?

Кто— то легонько постучал в ставни парадной двери.

— Ой, это точно уж он, — нетерпеливо выпалила Санта.

— Скажи ж ему, что мне уйти нужно было, голуба.

— Уйти? Куда тебе уйти надо, Ирэна? Он же ж уже под самой дверью стоит.

— Вот как, а?

— Дай-ка я пойду погляжу.

Санта открыла дверь и распахнула ставни.

— Эй, мистер Робишо, — окликнула она кого-то в ночи — миссис Райлли не видела, кого. — А мы вас ждем-ждем. Моя подруга тут, мисс Райлли, уже прямо и не знает, куда вы запропастились. Заходите уже, не стойте на холоде.

— Ага, мисс Батталья, вы уж простите, что припоздал малость — внучков надо было по кварталу поводить. Они лотурею с четками для сестер продают.

— Я знаю, — подтвердила Санта. — Я на днях сама у ребятенка билетик купила. Да такие четки красивые. А дама одна знакомая вообще в прошлом году подвесной мотор выйграла по лотурее у сестер.

Мисси Райлли вся аж замерла на диване, не

отрывая взгляда от коктейля, точно обнаружила, что в нем плавает таракан.

— Ирэна! — вскричала Санта. — Чего ж ты делаешь, девонька? Скажи мистеру Робишо «здрасьте».

Миссис Райлли подняла голову и узнала старика, которого патрульный Манкузо арестовал перед Д.Г.Холмсом.

— Приятно познакомиться, — сказала она коктейлю.

— Может, мисс Райлли и запамятовала, — сообщил мистер Робишо лучившейся радостью Санте, — но мы уже виделись.

— Подумать только — да вы старые друзья. — Санта была в восторге. — Нет, ну как мир-то тесен.

— Ай-й-йя-яй-й, — выдавила миссис Райлли, и голос ее перехватило от страданий. — Э-э-ла-ла.

— А помните же ж, — суказал ей мистер Робишо, — это в центре было, возле Холмса. — Этот полицейский хотел вашего мальчонку заграбастать, а вместо него меня арессовал.

Санта выпучила от удивления глаза.

— Ох, да, — промолвила миссис Райлли. — Кажется, теперь помню. Немножко.

— Так вы ж там не при чем, мисс Райлли. Это

все полиция. Сплошные комунясы.

— Только не так громко, — предостерегла миссис Райлли. — В этом доме такие стены тонкие. — Она подвинула локоть и сшибла свою опустевшую вазочку с подлокотника дивана. — Ох, Хосподи. Санта, может, сходишь скажешь Анджело, пусть идет уже. А я себе и такси поймаю. Скажи, через черный ход можно выйти. Так ему легче будет. Понимаешь?

— Я понимаю, голубушка. — Санта повернулась к мистеру Робишо. — Послушайте, когда вы нас с подругой возле кегельбани видели, вы с нами никакого мущину не заметили, а?

— Вы, дамы, совсем одни были.

— А это не в тот вечер было, когда А. под арест попал? — прошептала Санте миссис Райлли.

— Ой, да, Ирэна. Ты ж за мной на этой своей машине заехала. Помнишь, еще бампер перед кегельбаней совсем оторвался?

— Помню. У меня он на заднем сиденье валяется. Я ж это из-за Игнациуса всю машину разбила, он меня сзаду сидел и так неврировал.

— Ай, нет, — изрек мистер Робишо. — Вот чего я терпеть не могу — неудачливого бедолагу или скучную компанию.

— Ежли мне кто-то грязью ляпнет, — продолжа-

ла Санта, — я другую щеку попробую подставить. Понимаете, о чем я? Вот это по-христьянски. Пральна же ж, Ирэна?

— Пральна, дорогуша, — нехотя согласилась миссис Райлли. — Санта, лапуся, не найдется у тебя славненького аспырина?

— Ирэна! — рассердилась Санта. — А знаете, мистер Робишо, что б вы сказали, если б увидели того полицая, который вас заграбастал?

— Надеюсь, я его никогда не увижу, — с чувством произнес мистер Робишо. — Он грязный комуняс. Такие и хотят полицейское государство у нас завести.

— Нет, ну предположим? Вы бы разве не простили его и не забыли бы?

— Санта, — перебила ее миссис Райлли, — я, наверное, сбегаю в кухню и поищу себе славненького аспырина.

— Позор-то какой, — продолжал рассказывать Санте мистер Робишо. — Вся моя семья про это услыхала. Полиция моей дочери позвонила.

— Ай, да это пустяки, — ответила Санта. — Всякого когда-нибудь в жизни загребают. Вы ее вот видите? — Санта взяла фотографию, лежавшую лицом вниз на каминной доске, и показала двум своим гостям. — Бедненькая моя мамуля.

Полиция забирала ее на Рынке Лотеншлягер четыре раза за нарушание опчественного спокойствия. — Санта прервалась для того, чтобы одарить снимок влажным поцелуем. — Думаете, она расстроилась? Вот еще.

— Так это твоя мамочка? — заинтересовалась миссис Райлли. — Тяжко же ей пришлось, а? Матерям вообще тяжкая дорожка выпадает, вы уж мне поверьте.

— Так я ж и говорю, — продолжала Санта. — Я б ни за что не переживала, если б меня арестывали. У полисменов работа чижолая. И ошибаются иногда. Они же ж люди, в конце концов.

— Я всегда была порядочной гражданкой, — сказала миссис Райлли. — Схожу сполосну бокал в раковине.

— Ох, да сядь ты, Ирэна. Дай мне поговорить с мистером Робишо.

Миссис Райлли подошла к старому шкафчику радио и нацедила себе «Старых Времен».

— Я этого патрульного Манкузо никогда не забуду, — говорил между тем мистер Робишо.

— Манкузо? — с большим удивлением осведомилась Санта. — У меня много родни с тем же самым именем. На самом деле, один из них и в силах служит. На самом деле, он как раз тут сейчас.

— Мне кажется, я слышу, как меня Игнациус зовет. Я, наверное, пойду уже.

— Зовет тебя? — спросила Санта. — Что ты хочешь сказать, Ирэна? Игнациус отсуда шесть миль как из города ехать. Смотри, мы мистеру Робишо даже выпить еще не налили. Сделай-ка ему кок*е*ль, девонька, пока я схожу Анджело приведу. — Миссис Райлли яростно изучала содержимое своего бокала, в надежде отыскать там таракана или хотя бы муху. — Давайте мне свой польт, мистер Робишо. Вас как друзья называют?

— Клод.

— Клод, а я — Санта. А вот тут у нас Ирэна. Ирэна, скажи «здрасьте».

— Здрасьте, — автоматически повторила миссис Райлли.

— Вы тут пока подруж*и*тесь, пока я хожу, — напутствовала их Санта, исчезая в другую комнату.

— Как поживает этот ваш прекрасный большой мальчик? — спросил мистер Робишо, чтобы покончить с наступившим молчанием.

— Кто?

— Сынок ваш.

— Ах, он. Он ничего. — Мысли миссис Райлли снова перенеслись на Константинопольскую улицу, где оставленный ею Игнациус писал у себя

в комнате и что-то бормотал о Мирне Минкофф. Миссис Райлли слышала из-за двери, как он говорил: «Ее следует сечь розгами, пока не упадет».

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь неистовым прихлебыванием миссис Райлли от края вазочки.

— Хотите хорошеньких картофельных чипсов? — наконец, спросила она, осознав, что от тишины ей еще более не по себе.

— Да, я б, наверно, не отказался.

— Они в мешке прям рядом с вами. — Миссис Райлли смотрела, как мистер Робишо открывает целлофановый пакет. И лицо его, и серый габардиновый костюм казались аккуратными и только что выглаженными. — Может, Санте помочь надо. Может, она там пошла и упала.

— Да она ж из комнаты вышла минуту назад. Сейчас вернется.

— Эти полы — такие опасные, — заметила миссис Райлли, пристально изучая блестящий линолеум. — Можно поскользнуться и череп себе напополам раскроить.

— В жизни вообще надо осторожнее.

— Ай, и не говорите. Я-то всегда осторожная.

— Я тоже. Осторожность себя окупает.

— Еще как окупает. Вот и Игнациус мне как-то

на днях сказал, — солгала миссис Райлли. — Грит мне: «Мамуля, осторожность как пить дать себя окупает, правда?» А я ему грю: «Правильно, сынок. Осторожнее давай.»

— Вот это хороший совет.

— Я всегда Игнациусу советую. Понимаете? Всегда ему помочь стараюсь.

— Я голову готов дать — вы хорошая мама. Я ж вас частенько с вашим мальчиком в городе видал — и всегда думаю, какой же прекрасный большой мальчик. Как бы из прочих выделяется, понимаете?

— Я с ним стараюсь. Всегда ему грю: «Будь осторожнее, сынок. Смотри не поскользнись, череп себе напополам не раскрои, руку не сломай.» — Миссис Райлли немного пососала кубики ледышек. — Игнациус осторожности еще у самой груди моей научился. И всегда был мне за это благодарный.

— Это хорошее воспитание, вы уж мне поверьте.

— Твержу ему постоянно, грю: «Игнациус, осторожнее улицу переходи, сынок».

— С этим уличным движением осмотрительнее надо, Ирэна. Вы не возражаете, если я вас по имени называть стану, а?

— На здоровье.

— Ирэна — красивое имя.

— Вы так считаете? Игнациус грит. Ему не нравится. — Миссис Райлли перекрестилась и допила. — Ох, тяжкая у меня дорожка, мистер Робишо. Вам-то об этом и можно сказать.

— Зовите меня Клодом.

— Боженька мне свидетель, ужасный крест мне нести надобно. Хотите, налью вам?

— Ага, спасибо. Хотя не слишком крепкого. Я человек непьющий.

— Ох, Боже-Сусе. — Миссис Райлли шмыгнула носом, наполняя две вазочки виски до краев. — Как подумаю, сколько мне достается. Иногда так просто хоть сядь и поплачь хорошенько.

И с этими словами миссис Райлли громко и неудержимо разрыдалась.

— Ай, не плачьте же ж, — взмолился мистер Робишо, совершенно сбитый с толку трагическим поворотом, который вечер стал совершенно очевидно принимать.

— Я должна что-то сделать. Хоть властям позвонить, чтоб пришли и забрали этого мальчишку, — всхлипывала миссис Райлли. Потом притихла — только чтобы набрать полный рот «Старых Времен». — Может, они его хоть в тю-

ремное заключение посадят или еще куда.

— А ему ж разве не тридцать?

— Сердце разрывается.

— Разве он не пишет чего-то?

— Глупости всякие, которые никому никогда и читать не захочется. А теперь они с этой Мирной оскорбляния друг дружке пишут. Игнациус мне говорит, он эту девчонку еще проучит. Вот ведь ужыс же какой? Бедненькая Мирна.

Мистер Робишо, не в состоянии придумать, что ему на это ответить, спросил:

— А чего б вам священника не позвать, чтобы с мальчиком поговорил?

— Свящ-щенника? — еще пуще залилась миссис Райлли. — Никакого священника Игнациус и слушать-то не станет. Он и нашего приходского-то иретиком дразнит. Они так поругались, так поругались, когда у Игнациуса пёсик умер. — Мистер Робишо не смог подыскать никакого комментария и к этому загадочному высказыванию. — Кошмар же ж был. Я уж думала, меня из Церквы вышвырнут. Прям и не знаю, откуда этот мальчишка идей своих понахватался. Хорошо хоть его бедный папочка покойник. Сердце у папочки бы просто не выдержало от этой его тележки сосысок.

— От какой тележки сосисок?

— Да он же по всем улицам сейчас тележку сосысок толкает.

— О. Значит, он теперь работу себе нашел.

— Работу? — Миссис Райлли всхлипнула. — У меня все соседи уже об нем говорят. Дамочка по соседству мульон раз уж спрашивала. Вся Константинопольская улица об нем судачит. Как подумаю, скока денег я этому мальчику на образование угробила. Знаете, я-то думала, детки должны тебе старость утешать. А какое утешение от Игнациуса?

— Может, ваш мальчик слишком долго в школу ходил, — предположил мистер Робишо. — В этих коллежах столько комунясов.

— От как? — заинтересовалась миссис Райлли, промакивая глаза подолом зеленого тафтяного платья и не подозревая, что являет взору мистера Робишо широкие затяжки на коленях чулок. — Может и вправду вот что с ним такое. Игнациус совсем как комуняс мамулю третирует.

— А вы спросите своего мальчика как-нибудь, что он про демократию думает.

— И спрошу, не сумлевайтесь, — радостно заключала миссис Райлли. Игнациус как раз такой тип, чтобы оказаться коммунистом. И даже немножко

похож на какого-нибудь. — Может, я его припугну хорошенько.

— Мальчик этот ваш не должен вас огорчать. У вас же ж очень прекрасный характер. Я такое в даме сильно уважаю. Когда я вас возле кегельбана с мисс Баттальей узнал, так сразу себе и сказал: «Надеюсь, я с нею когда-нибудь познакомлюсь».

— Так и сказали?

— Меня ваша прямота прям восхитила — как вы за мальчика своево заступились перед этим грязным фараоном, а особо — если у вас с ним дома нелады. Тут мужество надобно.

— Я уж жалела, что не дала Анджело его забрать. Ничего б больше тогда б и не было. Игнациуса бы накрепко в каталажку заперли.

— А Анджело — это кто?

— Ну вот! И надо было мне варежку разевать. А что я сказала, Клод?

— Что-то про какого-то Анджело.

— Боже-Сусе, дайте-ка я схожу посмотрю, как там Санта. Беньдяшка. Может, о плиту обожглась. Санта постоянно себе обжигается. Неосторожно она с огнем, знаете ли.

— Если б обожглась, так закричала бы.

— Санта уж не закричит. У ней много мужества, вот же ж девочка. Из нее и слова не вытянешь.

Крепкая порода итальянская.

— Господи Иисусе Всемогущий! — взвыл вдруг мистер Робишо, вскакивая на ноги. — Это ж он!

— Что такое? — панически вскрикнула миссис Райлли, а оглядевшись, увидела, что в дверях гостиной стоят Санта и Анджело. — Вот вишь, Санта. Я так и знала же ж. Хосподи, невры у меня и так расходились. Надо было дома сидеть.

— Не будь ты грязным фараоном, я б тебе прямо по носу съездил, — орал Анджело мистер Робишо.

— Ай, не берите в голову, Клод, — спокойно сказала Санта. — Анджело тут плохого не хотел.

— Да он меня погубил, комуняс этот.

Патрульный Манкузо свирепо закашлялся — выглядел он подавленным. Он не очень ясно понимал, что ужасного может с ним приключиться дальше.

— Ох, Боже-Сусе, я лучше пойду, — в отчаяньи произнесла миссис Райлли. — Только драки мне тут и не хватало. Мы ж во все газеты попадем. Вот Игнациус тогда уж довольный будет.

— Вы зачем меня сюда приволокли? — неистово спросил мистер Робишо у Санты. — Что это такое?

— Санта, лапуся, ты мне славненькое такси не

вызовешь?

— Ай, заткнись, Ирэна, — ответила Санта. — Теперь послушайте суда, Клод, Анджело говорит, что извиняется за то, что вас привлек.

— Это ничего не значит. Поздно уже извиняться. Меня перед внучками опозорили.

— Да не злитесь вы на Анджело, — взмолилась миссис Райлли. — Это все Игнациус виноват. Плоть и кровь моя, но что есть, то есть — когда на улицу выходит, смешно выглядит. Анджело надо было его в каталажку запереть.

— И поделом, — добавила Санта. — Вы послушайте, Клод, послушайте, что вам Ирэна говорит. Да смотрите на фонограф моей племяшки бедненькой не наступите.

— Если б Игнациус повежливей с Анджело был, ничо б и не случилось, — объяснила миссис Райлли публике. — Поглядите тока, как бедный Анджело простыл. Тяжкая у него дорожка, Клод.

— Ты скажи, скажи ему, девонька, — понукала ее Санта. — Анжело насмор себе заработал тока потому, что вас привлек. Клод. — Санта слегка обвиняюще погрозила мистеру Робишо узловатым пальцем. — И теперь вот в тувалете застрял запертый. А дальше его и вообще выпнуть из сил могут.

Патрульный Манкузо печально закашлялся.

— Ну, может, я чутка погорячился, — уступил мистер Робишо.

— Бде де сдедобадо баз пдибдегать, — выдохнул Анджело. — Я дербдиджал.

— Это я во всем виновата, — сказала миссис Райлли, — потому что хотела Игнациуса вырогодить. Надо было дать тебе его запереть, Анджело. — Миссис Райлли повернула белое напудренное лицо к мистеру Робишо. — Мистер Робишо, вы мово Игнациуса еще не знаете. Куда б ни пришел — от него везде неприятность.

— Кому-то пора уже этому Игнациусу по мордасам надавать, — рьяно высказалась Санта.

— Кому-то пора уже ему по зубам съездить, — подтвердила миссис Райлли.

— Кому-то давно пора этого Игнациуса отмутузить хорошенько, — сказала Санта. — А теперь давайте, все помиримся.

— Ладно, — согласился мистер Робишо. Он взял Анджело за иссиня-белую руку и вяло ее потряс.

— Ну как же ж это мило, — восхитилась миссис Райлли. — Пошли сядем на диван, Клод, а Санта пускай поиграет на этой штукенции своей ненаглядной племяшки.

Пока Санта ставила на фонограф пластинку

Фэтса Домино, заметно сбитый с толку Анджело, хлюпая носом, уселся на кухонную табуретку напротив миссис Райлли и мистера Робишо.

— Ай как славно, — завопила миссис Райлли, перекрикивая оглушительные бас и пианино. — Санта, голубушка, ты это не хочешь потише прикрутить?

Раскаты ритма слегка сократились в громкости.

— Ладно, — закричала Санта своим гостям. — А теперь все тут подружитесь, пока я за тарелками схожу для моего картошного салатца. Эй, ну же ж давайте, Ирэна с Клодом. Порастрясите косточки, детишечки.

Два крохотных угольно-черных глаза злобно зыркали на нее с каминной полки, когда она весело топотала прочь из комнаты. Трое гостей, утопшие в громыхающем бите фонографа, молча созерцали розоватые стены и цветочные узоры линолеума. Затем миссис Райлли неожиданно завопила двум джентльменам:

— А знаете что? Когда я уходила, Игнациус пустил воду в ванную, и я уверена — забыл ее выключить. — А когда никто ей не ответил, добавила: — Ох, и тяжкая же дорожка у матерей.

ДЕВЯТЬ

— У нас на тебя жалоба из Департамента Здравоохранения, Райлли.

— О, и это все? По выражению вашего лица я бы решил, что у вас нечто вроде эпилептического припадка, — сказал Игнациус мистеру Клайду, с трудом проталкивая слова сквозь рот, набитый «горячей собакой» и булочкой, и тараня тележкой стены гаража. — Я опасаюсь догадываться, какой может оказаться природа этой кляузы или каково ее возможное происхождение. Уверяю вас — я сама душа опрятности. Мои интимные привычки безукоризненны. Не служа переносчиком ни одного социального заболевания, я не понимаю, каким образом мог бы заразить ваши сосиски тем, что у них и без того уже есть. Вы только посмотрите на эти ногти.

— Хватит мне тут баки заколачивать, жирный оборванец. — Мистер Клайд проигнорировал лапы, протянутые Игнациусом для инспекции. — Ты на работу всего несколько дней ходишь. А у меня парни по многу лет работают, и ни один в катавасию с Департаментом еще не попадал.

— Вне всякого сомнения, они пронырливее

меня.

— Там этот ихний человек тебя проверял.

— О, — спокойно ответил Игнациус и сделал паузу, чтобы прожевать кончик сосиски, свисавший у него с нижней губы сигарным окурком. — Так вот кем был тот очевидный аппендикс чиновничества. Он и походил на руку бюрократии. Правительственных наймитов всегда можно отличить по тотальной пустоте, заполняющей то пространство, где у большинства прочих людей располагаются лица.

— Закрой пасть, неряха. Ты заплатил за ту сосиску, которую жрешь?

— Ну, косвенным образом. Вы можете вычесть ее стоимость из моего жалкого содержания. — Игнациус видел, как мистер Клайд занес какие-то цифры в блокнотик. — Скажите же мне, какое архаическое санитарное табу я нарушил. Я подозреваю, что со стороны инспектора имела место некая фальсификация.

— Департамент утверждает, что они видели киоскера с Номером Семь… это значит — тебя…

— Так и есть. Трижды благословенная Семерка! И в этом я виновен. Мне уже что-то пришили. Я воображал, что ироническим образом Семерка окажется тележкой несчастливой. Я желаю

другую тележку — и немедленно. Очевидно, я толкаю по улицам какой-то сглаз. Я уверен, что с какой-нибудь другой тележкой у меня все получится гораздо удачнее. Колымага для меня — путь-дорога для коня!

— Ты будешь меня слушать или нет?

— Ну что ж, если это в самом деле необходимо. Хотя мне, вероятно, следует предупредить вас, что я почти готов лишиться чувств от треволнений и общей подавленности. Фильм, который я просмотрел вчера вечером, был особенно изнурителен — мюзикл для подростков, имеющий место на пляже. Я едва не упал в обморок во время сцены пения на доске для серфинга. Помимо этого, вчера ночью я пережил два кошмара, в одном из которых немалую роль играл туристический автобус с круговой панорамой. Второй повествовал об одной моей знакомой девушке. Он был довольно-таки жесток и непристоен. Если бы я стал вам его описывать, вы бы, вне всякого сомнения, испугались.

— Они видели, как ты подобрал из канавы кота на улице Св. Иосифа.

— И это — лучшее, на что они способны? Какая абсурдная ложь! — ответил Игнациус и одним мановением языка втянул внутрь последнюю

видимую порцию «горячей собаки».

— Что ты делал на улице Св. Иосифа? Там же одни склады и причалы. На улице Св. Иосифа людей-то не бывает. Она даже не входит в наши маршруты.

— Что ж, я этого не знал. Я лишь немощно забрел туда, чтобы немного передохнуть. Время от времени мне навстречу попадался пешеход. К несчастью для нас, ни один из них не был в настроении для «горячей собаки».

— Так ты *был* там? Не удивительно, что ты постоянно ничего не продаешь. И ты, наверно, играл с тем проклятым котом.

— Теперь, когда вы об этом упомянули, я действительно припоминаю одно-другое одомашненное животное поблизости.

— Значит, ты играл с котом.

— Нет, я не «играл» с котом. Я лишь подобрал его и немного погладил. Это была довольно привлекательная на вид пестренькая особь. Я предложил ему «горячую собаку». Тем не менее, кот отказался ее есть. Вот вам животное хоть с каким-то вкусом и пристойностью.

— А ты отдаешь себе отчет, какое это серьезное нарушение, гамадрил?

— Боюсь, что нет, — рассерженно отвечал Иг-

нациус. — Очевидно, само собой разумеющимся сочли то, что кот нечистоплотен. Откуда мы это знаем? Коты знамениты своей санитарией — постоянно вылизывают себя, когда подозревают, что имеется хоть малейшая причина для сомнения. У этого инспектора, должно быть, имелось некое предубеждение против котов. Кот не удостоился ни малейшего шанса.

— Мы не про кота толкуем! — выдохнул мистер Клайд с таким неистовством, что Игнациус разглядел, как вокруг белесого шрама на носу набухают лиловые вены. — Мы говорим о тебе.

— Ну, *я-то*, разумеется, чистоплотен. Мы это уже обсуждали. Мне просто хотелось, чтобы коту честно предоставили слово. Сэр, неужели меня бесконечно будут третировать? Мои нервы уже приближаются к стадии тотального разложения. Когда вы лишь мгновение назад проверили мои ногти, я надеюсь, вы отметили пугающие вибрации в моих конечностях? Мне бы очень не хотелось подавать на корпорацию «Райские Киоскеры» в суд, чтобы она оплачивала гонорары моего психиатра. Возможно, вам неведомо, что я не охвачен никаким страховым планом госпитализации. «Райские Киоскеры», разумеется, слишком палеолитичны, чтобы рассмотреть

предложение своим работникам подобных льгот. В действительности, сэр, я довольно-таки неудовлетворен условиями труда в этой сомнительной фирме.

— Почему, что такое? — встревожился мистер Клайд.

— Боюсь, что всё. Но превыше всего прочего — я совсем не ощущаю, что меня здесь ценят.

— Ну, ты, по крайней мере, приходишь на работу каждый день. Что есть, то есть.

— Это все потому, что, осмелься я остаться дома, меня бы избили до потери пульса печеной винной бутылкой. Открывать дверь в мой дом — все равно, что вторгаться в логово львицы. Моя мать все больше становится негуманна и злобна.

— Знаешь, Райлли, мне не хочется тебя увольнять, — отеческим тоном произнес мистер Клайд. он уже слышал прискорбную историю киоскера Райлли: пьющая мать, убытки, за которые следовало платить, угроза нищеты как для матери, так и для сына, сладострастные материнские дружки. — Я выделю тебе новый маршрут и дам еще один шанс. У меня тут есть в заначке кое-какие коммерческие штучки — может, тебе пригодятся.

— Можете сразу отправить карту моего нового

маршрута в психиатрическую палату Благотворительной Больницы. Заботливые монахини и психиатры помогут мне там расшифровать ее между сеансами шоковой терапии.

— Да заткнись же ты.

— Вот видите? Вы уже уничтожили всю мою инициативу, — рыгнул Игнациус. — Ну что ж, надеюсь, вы избрали для меня живописный маршрут, предпочтительно — где-нибудь в садово-парковой зоне с обилием удобств для сидения страдальцев от усталых, отнимающихся ног. Поднявшись сегодня утром, я обнаружил, что лодыжки не держат меня. К счастью, я вовремя успел схватиться за спинку кровати. Иначе я бы вне сомнения рухнул, сломленный, на пол. Мои предплюсны, очевидно, совершенно готовы подписать акт о капитуляции.

Игнациус наглядно захромал вокруг мистера Клайда, и его сапоги пустынной модели шаркали по промасленному цементу.

— Прекрати сейчас же, недотепа. Ты не инвалид.

— Пока еще — не совсем. Тем не менее, некоторые мои косточки и связки уже начинают размахивать белым флагом поражения. Мои физические аппараты, кажется, уже созрели

объявить какое-то перемирие. Моя же пищеварительная система перестала функционировать практически полностью. Мой пилорический клапан, должно быть, сплошь зарос некоей тканью, запечатавшей его навсегда.

— Я ставлю тебя на Французский Квартал.

— Что? — загрохотал Игнациус. — Неужели вы считаете, что я буду способен расхаживать взад и вперед по этой клоаке порока? Нет, боюсь, о Квартале не может быть никакой речи. Моя психика распадется в подобной атмосфере. А помимо этого, улочки там очень узки и опасны. Я могу легко попасть в дорожную пробку или оказаться прижатым к стене здания.

— Не хочешь — не бери, жирный ублюдок. Это твой последний шанс. — Шрам мистера Клайда снова начал наливаться белизной.

— Вот как? Я вас умоляю — припадков больше не нужно. Вы можете случайно перевалиться в этот чан сосисок и обвариться. Если вы так настаиваете, воображаю, мне придется влачить свои сосиски даже в Содом и Гоморру.

— Ладно. По рукам. Приходишь завтра утром, я тебя этим штучкам научу.

— Не могу обещать вам, что в Квартале окажутся проданными много «горячих собак». Вероятно,

каждое мгновение я буду занят тем, чтобы защитить свою честь от тех подонков, которые там живут.

— Да в Квартале же, по большей части, туристам торгуют.

— Это еще хуже. Только дегенераты занимаются туризмом. Лично я выезжал из города лишь единожды. Кстати, я вам когда-либо рассказывал о том исключительном паломничестве в Батон-Руж? Множество ужасов таится за городской чертой.

— Нет. Я и слышать не хочу об этом.

— Что ж, тем хуже для вас. Из моего травматического отчета об этой поездке вы могли бы почерпнуть какое-нибудь ценное понимание. Однако, я рад, что вы не желаете о ней слышать. Психологические и символические тонкости путешествия, вероятно, не смогут быть постигнуты умственными способностями «Райских Киоскеров». К счастью, я все это записал, и когда-либо в грядущем более сметливая часть читающей публики извлечет для себя выгоду из моего отчета о бездонно кошмарном моем пребывании в болотах — вплоть до глубинного местообитания предельного ужаса.

— Послушай сюда, Райлли.

— В своем отчете я случайно наткнулся на особенно уместное сравнение туристического автобуса с аттракционом «мертвая петля» в сюрреалистическом парке развлечений.

— Да заткнись же ты! — завопил мистер Клайд, угрожающе размахивая вилкой. — Давай посмотрим твои чеки за сегодня. Сколько ты продал?

— О, мой Бог! — вздохнул Игнациус. — Я знал, что рано или поздно мы до этого доберемся.

Парочка несколько минут торговалась из-за дневной выручки. В действительности, Игнациус просидел все утро на Идз-Плазе, наблюдая за передвижением судов в гавани и делая в блокноте «Великий Вождь» кое-какие пометки относительно истории мореплавания и Марко Поло. Между пометками он размышлял о способах уничтожения Мирны Минкофф, однако ни к какому удовлетворительному заключению не пришел. Самым многообещающим планом оставался тот, согласно которому нужно было найти в библиотеке книгу о боеприпасах, соорудить бомбу и отправить ее Мирне простой посылкой. Затем он вспомнил, что его библиотечную карточку отобрали. Весь полдень был потрачен на кота: Игнациус пытался заманить его в отсек для булочек, взять к себе и одомашнить. Но тому удалось

бежать.

— Мне представляется, что вы будете настолько щедры, чтобы предоставить собственным служащим хоть какую-то скидку, — значительно произнес Игнациус после того, как ревизия чеков показала, что, по вычитании стоимости «горячих собак», съеденных им самим, его чистый дневной заработок составил ровно один доллар и двадцать пять центов. — В конечном итоге, я становлюсь лучшим вашим покупателем.

Мистер Клайд ткнул вилкой в кашне Киоскера Райлли и приказал ему убираться вон из гаража, грозя увольнением, если тот не появится назавтра пораньше и не начнет работу во Французском Квартале.

Игнациус зашлепал к трамваю в мрачном настроении и поехал из города, отрыгивая райский газ настолько неистово, что сидеть с ним рядом никто не захотел, несмотря на то, что вагон был переполнен.

Не успел он войти в кухню, как мать приветствовала его, рухнув на колени и возопив:

— Х-хосподи-и, скажи ж мне, зачем ниспослал ты сей тяжкий крест? Чего я натворила, Хосподи? Скажи же ж мне. Пошли мне знак. Я хорошо себя вела.

— Прекратите это богохульство сей же момент, мамаша, — рявкнул Игнациус. Миссис Райлли немо продолжала вопрошать глазами потолок, ища ответа среди жирной копоти и трещин. — Хорошо же меня приветствуют после обескураживающего рабочего дня, когда приходилось биться за самое свое существование на улицах этого свирепого города.

— Что это за вавочки у тебя на руке?

Игнациус бросил взгляд на царапины, заработанные в попытках убедить кота остаться в отсеке для булочек.

— Я выдержал довольно апокалиптическую битву с изголодавшейся проституткой, — рыгнул Игнациус. — Если бы не моя превосходно развитая мускулатура, она подвергла бы мою тележку осаде. В конечном итоге, ей, прихрамывая, пришлось удалиться прочь с поля боя, ее парадное тряпье нараспашку.

— Игнациус! — трагически вскричала миссис Райлли. — Кажный же ж день, ты приходишь домой все хужее и хужее. Что с тобою происходит?

— Выньте свою бутылку из духовки, мамаша. Она, должно быть, уже испеклась.

Миссис Райлли лукаво взглянула на сына:

— Игнациус, а ты уверен, что ты не комму-

нисс?

— О, мой Бог! — взревел Игнациус. — Каждый день в этом ветшающем строении я подвергаюсь маккартистской охоте на ведьм. Нет! Я уже говорил вам. Я даже не попутчик. Что в подлунном мире вложило вам в голову эту идею?

— Я просто где-то в газете прочитала, что в коллежах много коммуниссов.

— Ну так к счастью, мне они не попадались. Пересеки хотя бы один из них мою тропу, он был бы избит до потери пульса. Неужели вы полагаете, что я хочу жить в коммунальном обществе с такими людьми, как эта ваша знакомая Батталья, — мести улицы и добывать камень в карьерах, или чем там еще постоянно занимается население этих захиревших стран? Мне потребно единственное — крепкая монархия с имеющим тонкий вкус порядочным правителем, обладающим хоть какими-то познаниями в теологии и геометрии, — а также культивировать Богатую Внутреннюю Жизнь.

— Правителя? Так ты это короля, что ли, хочешь?

— О, прекратите лопотать мне тут.

— Никада в жисть я не слыхала, чтоб кто-нибудь короля себе хотел.

— Я вас умоляю! — Игнациус впечатал лапу в клеенку на кухонном столе. — Подметите крыльцо, навестите мисс Энни, позвоните сводне Батталье, потренируйтесь в переулке со своим кегельным шаром. Оставьте меня в покое! Я пребываю в очень плохом цикле.

— Что ты хочешь сказать — «цыкыле»?

— Если вы не прекратите досаждать мне, я окрещу форштевень вашего сломанного «плимута» бутылкой вина из духовки, — фыркнул Игнациус.

— Подрался с какой-то бедненькой девчоночкой на улице, — сокрушенно вымолвила миссис Райлли. — Нет, ну какой ужыс, а? Да еще прям перед своей тележкой сосысок. Игнациус, мне кажется, тебя нужно полечить.

— Ну так я собираюсь смотреть телевидение, — сердито отозвался Игнациус. — Близится программа «Мишка-Йог».

— Погоди минуточку, мальчик. — Миссис Райлли поднялась с пола и вытащила небольшой манильский конверт из кармана кофты. — Вот. Это тебе сёдни пришло.

— О? — с большим интересом спросил Игнациус, выхватывая у нее бурый конвертик. — Я воображаю, что вы уже выучили его содержимое

наизусть.

— Ты б лучше руки в ракывину сунул, да царапки свои отмочил.

— Они могут подождать, — ответил Игнациус, раздирая конверт. — М.Минкофф, очевидно, ответила на мое послание с весьма неистовой поспешностью. Я отчитал ее довольно-таки злобно.

Миссис Райлли села, закинув одну ногу на другую и печально покачивая в воздухе белым носком и старенькой черной модельной туфлей, пока изжелта-небесные глаза сына шарили по разорванному пакету из универмага «Мэйсиз», на котором было написано письмо.

Господа:

Ну, наконец-то я хоть что-то услышала от тебя, Игнациус. И что за мерзкое, тошнотворное письмо ты мне написал. Я не стану вдаваться в шапку «Штанов Леви» на этом бланке. Вероятно, таковы твои представления об антисемитских шуточках. Хорошо, что я выше оскорблений на таком уровне. Я никогда не думала, что *ты* можешь так низко опуститься. Век живи — век учись.

Твои замечания по поводу моей лекции явили мне твою мелочную ревность, которой я не ожидала от человека, утверждающего широту своих взглядов и невовлеченность. Лекция уже

заинтересовала некоторых моих идейных знакомых. Один из них обещал прийти сам (и привести несколько очень смышленых друзей) — он мой новый блестящий деловой знакомый, с которым я вступила в контакт на линии Джером-авеню в час пик. Его зовут Онга, и он студент из Кении, учится по обмену в Нью-Йоркском Университете, пишет диссертацию о французских символистах XIX в. Ты, разумеется, не поймешь и тебе не понравится такой блестящий и идейный парень, как Онга. Я могла бы слушать его часами. Он серьезен и не выпендривается со всей этой псевдо-ерундой, как обычно это делаешь ты. Все, что Онга произносит, наполнено смыслом. Онга — *настоящий* и очень витален. Он вирилен и агрессивен. Он впивается в реальность и срывает с нее все покровы.

— О, мой Бог! — втянул слюну Игнациус. — Распутницу изнасиловал мау-мау.

— Это еще что? — с подозрением спросила миссис Райлли.

— Ступайте включите телевизионный приемник и разогрейте его, — рассеянно велел Игнациус и вновь обратился к своему неистовому чтению.

Он совершенно на тебя не похож, как ты можешь себе вообразить. Кроме этого, он — му-

зыкант и скульптор, и каждую минуту тратит на какую-либо настоящую и осмысленную деятельность, создает и ощущает. Его скульптуры едва не прыгают и не хватают тебя — настолько полны они жизнью и бытием.

По крайней мере, твое письмо дало мне понять, что ты еще жив, если это можно назвать «жизнью». К чему вся эта ложь о «связи с пищевой промышленностью»? Это что — какие-то нападки на предприятие моего отца по снабжению ресторанов? Если это и так, то меня они нисколько не задели, потому что мы с отцом уже много лет находимся в идеологической конфронтации. Давай честно, Игнациус. С тех пор, как я видела тебя в последний раз, ты не сделал ничего — только валялся и гнил в своей комнате. Твоя враждебность к моей лекции — проявление твоих ощущений провала, невыполнения и ментальной (?) импотенции.

— Эту либеральную профурсетку следует насадить на член особо крупного жеребца, — яростно пробормотал Игнациус.

— Что? Что такое, мальчик?

Игнациус, на подходе очень серьезный надрыв. Ты должен сделать *что-нибудь*. Даже добровольная работа в больнице выдернет тебя из апатии,

а также, вероятно, окажется необременительной для твоего клапана и других вещей. Выбирайся из этого утробоподобного дома хотя бы на час в день. Ходи на прогулки, Игнациус. Смотри на деревья и птичек. Пойми — жизнь вздымается волнами вокруг тебя. Твой клапан закрывается, поскольку считает, что живет в мертвом организме. Раскрой свое сердце, Игнациус, — и так ты откроешь свой клапан.

Если у тебя имеются какие-то сексуальные фантазии, опиши их в подробностях в своем следующем письме. Возможно, мне удастся интерпретировать для тебя их значение и помочь тебе в этом твоем психо-сексуальном кризисе. Когда я еще училась в колледже, я говорила тебе много раз, что ты неизбежно вступишь в подобную психотическую фазу.

Мне показалось, тебе было бы интересно узнать: я только что прочла в «Общественном отвращении», что в Луизиане — самый высокий уровень неграмотности в США. Выбирайся из этого бардака, пока еще не поздно. На самом деле, я не обиделась на то, что ты написал о лекции. Я понимаю твое состояние, Игнациус. Все члены моей группы групповой терапии следят за развитием твоего случая с интересом (я пересказала

им его главу за главой, начиная с параноидной фантазии и дополняя некоторыми комментариями об истории вопроса), и все они желают тебе успеха. Если б я не была так занята лекцией, то пустилась бы в давно обещанную инспекционную поездку и навестила бы тебя лично. Держись там, пока мы снова не встретимся.

М.Минкофф

Игнациус ожесточенно сложил письмо; затем скомкал сложенный пакет из «Мэйсиз» и запустил им в мусорное ведро. Миссис Райлли посмотрела на побагровевшее лицо сына и спросила:

— Чего этой девочке надо? Чего она сейчас поделывает?

— Мирна готовится истошно вопить на какого-то несчастного негра. Прилюдно.

— Ай, какой же ж ужыс. Хороших же ж ты себе дружков подбираешь, Игнациус. Этим темненьким и так же достается, мальчик. Да и дорожка у них тяжкая, к тому же ж. Трудно жить, Игнациус. Сам потом поймешь.

— Благодарю вас, — по-деловому сухо ответил Игнациус.

— Ты ж знаешь эту нещасную темненькую старушку — она еще пралине продает перед клад-

бищем. Ай, Игнациус. Как же ж мне ее жалко. Как-то вижу — стоит в тряпишном пальтеце, все в дырках, а на улице такая холодина. И вот я ей грю: «Эй, милочка, вы же ж простынете, коли тряпишное пальтецо такое, все в дырках, носить будете.» А она мне грит…

— Я вас умоляю! — бешено заорал Игнациус. — Я сейчас не в настроении выслушивать диалектальные истории.

— Игнациус, послушай же ж меня. Старушка же ж жалосная такая, вот. И грит мне: «Ох, да что ж мне эта холодина, сладенькая моя. Я же к ней привыкла.» Вот же храбрая какая, нет? — И миссис Райлли с чувством взглянула на Игнациуса, ища согласия, однако удостоилась лишь презрительной ухмылки усов. — Это же что-то же ж, а? И знаешь, что я сделала, Игнациус? Даю ей четвертачок и грю: «Вот, дорогуша, сходи купи себе безделушку какую для своих внучат».

— Что? — взорвался Игнациус. — Так вот куда утекает вся наша прибыль. В то время, как я доведен чуть ли не до попрошайничества на улицах, вы швыряетесь нашими деньгами направо и налево каким-то жуликам. Все одеяние этой женщины — декорация. У нее возле этого кладбища — чудеснейшее, выгоднейшее местоположение.

Вне всякого сомнения, она зарабатывает в десять раз больше меня.

— Игнациус! Она же ж вся нищщая, — печально вымолвила миссис Райлли. — Вот был бы ты таким же храбреньким, как она.

— Понимаю. Теперь меня сравнивают с дегенеративной старой мошенницей. Хуже — я проигрываю в этом сравнении. Моя собственная мать осмеливается так меня чернить. — Игнациус тяжело опустил лапу на клеенку. — Что ж, с меня довольно и этого. Я направляюсь в гостиную смотреть программу «Мишка-Йог». Между своими перерывами на возлияния принесите мне чего-нибудь перекусить. Мой клапан криком исходит, жаждуя утоления голода.

— Заткнитесь, вы, там! — завопила из-за своих ставней мисс Энни в тот момент, когда Игнациус завернулся в свой рабочий халат и величаво проследовал в прихожую, размышляя над своей самой главной проблемой: организацией нового приступа наглости маленькой распутницы. Штурм гражданскими правами провалился из-за дезертирства в рядах. Но должны последовать другие атаки, кои следует начинать в сферах политики и секса. Предпочтительно — политики. Стратегия заслуживала его неослабного

внимания.

* * *

Лана Ли размещалась на табурете у стойки бара: ноги в бронзового цвета брюках скрещены, мускулистые ягодицы крепко прижимают табурет к полу, приказывая ему поддерживать ее в идеально вертикальном положении. Стоило ей слегка шевельнуться, как сильные мышцы ее нижних щек оживали и мягко охватывали табурет, не позволяя ему шататься и крениться даже на дюйм. Мышцы обтекали подушку, не давая его эрекции ослабнуть. Долгие годы практики и употребления превратили ее мягкое место в необычайно многоцелевой и ловкий инструмент.

Собственное тело всегда изумляло ее. Она получила его бесплатно, однако ни разу в жизни не купила ничего, что бы помогло ей так же, как это тело. В те редкие мгновения, когда Лана Ли становилась сентиментальна или даже набожна, она благодарила Господа за доброту Его — за то, что вылепил ей такое тело, с которым можно было дружить. Она воздавала за этот дар сторицей, великолепно ухаживая за ним, грамотно обслуживая и снабжая его с бесстрастной точностью

механика.

Сегодня у Дарлины была первая генеральная репетиция. Она появилась несколькими минутами раньше с большой коробкой для платья и исчезла за кулисами. Лана рассматривала дарлинино приспособление на сцене. Столяр соорудил ей подставку, напоминавшую вешалку для шляп, только вместо крючков к верхушке были присобачены большие кольца, а три кольца поменьше болтались на цепочках на разной высоте. Те эпизоды выступления, которые Лана до сих пор наблюдала, не выглядели многообещающими, но Дарлина уверяла, что костюм преобразит представление в несравненную красоту. Жаловаться Лане было не на что. С учетом всех обстоятельств, она была даже рада, что Дарлине и Джоунзу удалось ее уговорить, и она разрешила девчонке выступать. Она по дешевке получила себе представление — и сделовало признать: попугай оказался великолепен, умелый и профессиональный артист, почти компенсировавший челдовеческие недостатки выступления. Пусть в других клубах на улице будут тигры, шимпанзе и змеи. У «Ночи Утех» в рукаве — птичьи дела, а своеобразное знание одного аспекта человеческой природы подсказывало Лане, что птичьи

дела могут в самом деле взлететь очень высоко.

— Ну ладно, Лана, мы готовы, — крикнула из-за кулис Дарлина.

Лана бросила взгляд на Джоунза, подметавшего кабинки в туче сигаретного дыма и пыли, и сказала:

— Ставь пластинку.

— Прошу прощенья. Штоб пластинки еще крутить, надо трицать в неделю получать. В-во!

— Поставь эту метлу и марш к фонографу, пока я в участок не позвонила! — заверещала Лана.

— А вы слазь с тубаретки и марш к фыногру сама, пока я в учасок не позвонил и не сказал там падлиции, чтоб они, мамки, тута обыск на твово дружка-сиротку прошли, раз уж пропал он. Ууу-иии.

Лана попыталась разглядеть выражение лица Джоунза, но глаза его оставались невидимы за дымом и темными очками.

— Эт-то еще что такое? — наконец спросила она.

— Да вы тока сифлис сиротке и давала, больше ничо. В-во! И не вешай мне тут гавно ни про какой мамаёбаный фыногр. Я тока разведыю все про этих сироток, так сразу падлицию сам и позвоню. Надоело мне уже в этом вашем бардаке

впахивать ниже минималой заплаты, да еще шанташ мне тут шьют.

— Эй, ребятки, а где ж наша музыка? — раздался нетерпеливый голос Дарлины.

— И что ты фараонам докажешь? — спросила у Джоунза Лана.

— Эй! Так тута значть *вправду* с сиротками шашли-машли. В-во! Я давно знаю. Так если вы нащом меня падлицию звонить собираисси, я падлицию сам позвоню нащот вас. Чилифоны в падлицейной управе точно все сразу зазвенят. Ууу-иии. А теперь дай мне тихо-мирно тряпкой да веником махать. Пластинки крутить — слишком умно для цветных народов. Я наверно вашу машину поломаю.

— Хотелось бы мне посмотреть, как такой каторжанин будет легавым доказывать, что он правду говорит, — особенно если я им скажу, что ты в мою кассу лапы запускал.

— Что тут у вас такое? — поинтересовалась Дарлина, выглядывая из-за занавесочки.

— Я куда лапы тут запускал, так тока в ведерко с грязной водой.

— Тут мое слово против твоего. На тебя полиция давно глаз положила. Им теперь только за одно слово уцепиться — от старой своей прия-

тельницы, вроде меня. Кому, ты думаешь, они скорее поверят? — Лана посмотрела на Джоунза: молчание его было красноречивым. — А теперь марш к фонографу.

Джоунз швырнул метлу в кабинку и поставил пластинку «Чужак в раю»[49].

— Ладно, толпа, мы уже идем, — крикнула Дарлина, выскакивая на сцену с какаду на руке. На ней было оранжевое вечернее платье из атласа с низким вырезом, а на самой верхушке высоко взбитой прически торчала большая искусственная орхидея. Она совершила несколько неуклюже сладострастных телодвижений в сторону вешалки, а какаду тем временем неустойчиво покачивался у нее на руке. Зацепившись за вешалку одной рукой, она нелепо прильнула тазом к шесту и вздохнула:

— Ох-х!

Какаду пересадили на нижнее кольцо, и он при помощь клюва и когтей начал карабкаться к вершине. Дарлина виляла бедрами и вращала тазом в каком-то оргиастическом неистовстве, то и дело стукаясь о вешалку, пока птица не оказалась

---

[49] notes: 49

Песня из бродвейского мюзикла «Кисмет (Судьба)» (1953), по мотивам произведений Александра Бородина, либретто Роберта Райта и Джорджа Форреста (Форреста Чичестера-мл.)

на уровне ее талии. Тут она подсунула какаду колечко, вшитое в бок платья. Попугай схватился за него клювом, и платье распахнулось.

— Ох-х! — вздохнула Дарлина, подскочив к краю маленькой эстрады, чтобы продемонстрировать публике белье, видневшееся в прорехе. — Ох. Ох.

— В-во-о!

— Хватит, хватит! — заорала Лана и, вскочив с табурета, выключила фонограф.

— Эй, да в чем дело же? — обиженно спросила Дарлина.

— Паршиво все — вот в чем дело. Во-первых, ты одета, как уличная потаскуха. Мне в моем клубе нужно красивое, изысканное представление. У меня приличный бизнес, дурища.

— В-во!

— А в этом оранжевом платье ты вылитая шлюха. И что это за блядские звуки ты издаешь все время? Ты похожа на в жопу пьяную нимфоманку, которая отрубается в проходном дворе.

— Но Лана…

— Птица — нормально. Смердит от тебя. — Лана воткнула сигарету себе в коралловые губы и прикурила. — Нам надо все переделать. А то похоже, что у тебя мотор отказал или типа того. Я этот бизнес знаю. Стриптиз для бабы — оскорбление.

А тем уродам, которые к нам сюда ходят, совсем не хочется, чтобы девку обижали.

— Э-эй! — Джоунз нацелил свою тучку дыма на облако Ланы Ли. — А мне почудилось, вы сказала, суда по ночам тока красивые и зысканые ходют.

— Заткнись, — отозвалась Лана. — Слушай сюда, Дарлина. Девку кто угодно обидит. А этим придуркам хочется, чтобы оскорбляли и раздевали миленькую чистенькую девственницу. Ты ж *головой* своей думай, Дарлина, за ради Бога. Ты *непорочной* должна быть. Я хочу, чтобы ты была милой изысканной девушкой, которая сама удивляется, когда птица начинает ее за одежду хватать.

— А кто сказал, что я не изысканная? — рассердилась Дарлина.

— Ладно. Изысканная. Только будь изысканной и у меня на сцене. Вот что *драматический* поворот всему придает, черт побери.

— Ууу-иии. Да «Ночью Тех», глядишь, и Аскару хватанет за этот спиктакыль. И попрыгай одного себе получит.

— Марш мои полы мести.

— Ща, разбежался, Карла О'Харя.

— Секундочку! — заорала Лана в лучших традициях режиссера музыкального фильма. Ей

всегда доставляли удовольствие театральные аспекты ее профессии: играть роли, позировать, составлять живые картины, разводить мизансцены. — Вот она.

— Кто — она? — спросила Дарлина.

— Идея, дурища, — ответила Лана поверх сигареты, которую держала у самых губ, точно режиссерский мегафон. — Смотри, как *теперь* будет. Ты — такая южная красотка, здоровая свежая девственница со Старого Юга, у нее на плантации есть такая любимая птица.

— Слушай, а мне нравится, — восторженно сказала Дарлина.

— Еще б не нравилось. Теперь послушай меня. — Мысли Ланы заскакали во весь опор. Это представление может стать ее театральным шедевром. У какаду есть все качества, чтобы стать звездой. — Мы достанем тебе большое платье, как на плантации, кринолин, кружева. Шляпку с широкими полями. Парасольку. Очень изысканно. Волосы распустим по плечам, локонами. Ты возвращаешься с грандиозного бала, где куча южных джентльменов пыталась тебя всю общупать за жареными цыплятами и свиными подгрудками. Но им всем от ворот поворот дала. Почему? Да потому что ты — леди, черт возьми.

Ты выходишь на сцену. Бал окончен, но честь твоя осталась тебе незапятнанной. У тебя с собой птичка, ты хочешь ей пожелать спокойной ночи и говоришь: «Столько кавалеров на балу было, дорогуша, но честь моя осталась незапятнанной.» И тут чертова птица начинает хватать тебя за платье. Ты шокирована, ты удивлена, ты невинна. Но слишколм изысканна, чтобы это прекратить. Поняла?

— Это здорово, — сказала Дарлина.

— Это — драма, — поправила ее Лана. — Ладно, давай попробуем. Маэстро — музыку.

— В-во! Вот щас мы точно на плантации. — Джоунз проскрежетал иглой по первым дорожкам пластинки. — У меня просто изык отымается в этом стрёмном бардаке.

Дарлина с наигранной скромностью плавно засеменила на сцену, сложила губки бантиком и вымолвила:

— Столько Валерий на бабу было, дорогуша, но…

— Стоп! — заверещала Лана.

— Дай же мне еще попробовать, — взмолилась Дарлина. — Я же первый раз. Я репетировала экзотику, а не актрису.

— Ты что — не можешь запомнить одну про-

стую реплику?

— У Дарлины нервы что надо в «Ночью Тех». — Джоунз окутал дымом всю авансцену. — А все минималая заплата и куча шанташа. Попрыгаю тож перепадет, и очень скоро — рычать начнет, царапацца и с вешалки падать. В-во!

— Дарлина — твоя подружка, так? Я гляжу, журнальчики тебе постоянно подсовывает, — зло сказала Лана. Этот Джоунз уже точно начал заливать сало ей за удобренную лосьонами шкуру. — Этот спектакль ты же сам и придумал, Джоунз. Ты же хочешь, чтобы она свой шанс на сцене попробовала?

— Ну дак. В-во! Тута кто-то же должен в люди выбицца. А спиктакыль шыкарный, куча клеёных прибежит. Я добавку получу. Э-эй! — Джоунз оскалился желтым полумесяцем, обнажившим нижнюю половину его лица. — Я всю надёжу тока на попрыгая наложил.

У Ланы возник замысел, который помог бы бизнесу и уел Джоунза. Ему она и так уже слишком далеко зайти позволила.

— Хорошо, — сказала ему Лана. — Теперь слушай меня, Джоунз. Ты хочешь тут Дарлине помочь. Ты думаешь, что представление — хорошее. Я помню, как ты говорил, что Дарлина

с птицей сюда столько клиентуры притащат, что мне придется швейцара нанимать. Так вот, швейцар у меня есть. Это ты.

— Э-эй! Тут моей ноги по ночам не будет за минималую заплату.

— Ты выходишь на работу в вечер премьеры, — ровно продолжала Лана. — Становишься на мостовую перед входом. Мы тебе костюм в прокат возьмем. Настоящий швейцар со Старого Юга. Будешь заманивать сюда народ. Понял? Я хочу, чтобы на твою подружку с ее птицей полный зал набился.

— Ёбть. Я увaляюсь из этого мамаёбаново бара. Вы можешь тут на сцену хоть Карлу О'Харю вытаскивать с ее лысым орлом, а еще и батраков снаружи — хрен там.

— Участок получит определенный доклад.

— А мож они и еще один оклад про сироток получат.

— Не думаю.

Джоунз понимал, что это правда. В конце концов, он ответил:

— Ладна. На примерку я приду. И клеёных притащу. Я вам тебе таких клеёных притащу, что вашу халабуду наскрозь прихлопнут. Я таких клеёных притащу, как та толстая мамка в зеле-

ной шапчонке.

— Интересно, куда он девался, — промолвила Дарлина.

— Закрой рот и давай послушаем, как ты реплику выучила, — заорала ей Лана. — Твой дружок тут вот хочет посмотреть, как ты в люди выбьешься. Он тебе поможет, Дарлина. Покажи ему, как здорово у тебя все получается.

Дарлина откашлялась и осторожно провозгласила:

— Стока кавалеров на палубу бы, дорогуша, но честь моя досталась до запятой.

Лана стащила Дарлину с птицей со сцены и вытолкнула их в переулок. Джоунз прислушался к воплям, ругани и мольбам, доносившимся оттуда, а затем, судя по звуку, на на чью-то физиономию приземлилась затрещина.

Он зашел за стойку бара нацедить себе стакан воды и поразмыслить о дальнейших мерах саботажа, которые прикончили бы Лану Ли навсегда. На улице клёкотал какаду и рыдала Дарлина:

— Я ж никакая не актриса, Лана. Я ж тебе уже говорила.

Опустив на секунду глаза, Джоунз заметил, что Лана рассеянно оставила приотворенной дверцу маленькой тумбочки под стойкой. Весь день она

была слишком озабочена подготовкой к просмотру дарлининой генеральной репетиции. Джоунз опустился на колени и впервые за все свое пребывание в «Ночи Утех» снял темные очки. Сначала глазам следовало привыкнуть к тусклому, но все же более яркому, чем обычно для него, свету, явившему корку грязи на полу за стойкой. Он заглянул в тумбочку и увидел там аккуратную стопку из десятка пакетов, завернутых в простую бумагу. В углу были свалены глобус, коробка мела и большая и дорогая на вид книга.

Ему не хотилось саботировать свое открытие изъятием из тумбочки какого-либо предмета. Лана Ли, с ее ястребиным взором и нюхом ищейки сразу это заметит. Он секунду поразмыслил, а потом взял из кассы карандашик и, пробегая рукой по торцам пакетов, как можно миниатюрнее написал на каждом адрес бара «Ночь Утех». Точно записка в бутылке, адрес этот мог бы принести ему какой-нибудь ответ — быть может, от настоящего и профессионального саботажника. Адрес на пакете, завернутом в простую коричневую бумагу, приносит такой же вред, как и отпечатки пальцев на пистолете, подумал Джоунз. Такого на нем быть не должно. Он тщательно сложил пакеты на место, подровняв стопку до ее первона-

чальной симметрии. Затем вернул карандашик в кассу и допил воду. Присмотрелся к дверце и решил, что приоткрыта она примерно с тем же углом, как и в начале, когда он ее заметил.

Он вышел из-за стойки и возобновил бессистемные движения метлой как раз вовремя — Лана, Дарлина и какаду ворвались внутрь маленькой неуправляемой толпой. Орхидея Дарлины болталась возле уха, несколько оставшихся перьев попугая стояли торчком. Лана Ли, однако, по-прежнему выглядела ухоженной, словно какой-то циклон чудесным образом пощадил только ее.

— Ладно, Дарлина, — сказала она, хватая танцовщицу за плечи. — Что ты должна, к чертовой матери, сказать?

— В-во! Рижисор точно понимает чужое горе. Ежли будешь большое кино сымать, в нем половина народу передохнет.

— Заткнись и марш на пол, — скомандовала Лана Джоунзу и немного потрясла Дарлину. — Теперь скажи правильно, дурища.

Дарлина безнадежно вздохнула и ответила:

— Сто кавалеров наебала было, дорогуша, но честь моя осталась незанятой.

* * *

Патрульный Манкузо оперся о стол сержанта и просипел:

— Бы додды убдадь бедя ид эдой уводдой. Я де богу бодьде дыдадь.

— Что? — Сержант взглянул на изнуренную фигуру перед собой, на слезящиеся розовые глаза за бифокальными линзами очков и сухие губы, проглядывавшие сквозь седую козлиную бородку. — Что с тобой такое, Манкузо? Почему ты не можешь стоять прямо и гордо, как подобает мужчине? Простудился? Служащие сил полиции не простужаются. Служащие сил полиции *сильны*.

Патрульный Манкузо кашлянул мокротой в бородку.

— Ты еще никого не задержал на этой автостанции. Помнишь, что я тебе сказал? Ты остаешься там, покуда кого-нибудь мне не приведешь.

— У бедя бдебводия.

— Прими таблетки от кашля. А теперь иди отсюда и приведи мне кого-нибудь.

— Боя дёдужга гобогид, ждо едди я буду зидедь б эдой уводдой, до убду.

— Твоя тётушка? Такой взрослый мужчина, как ты, — и слушаешься какую-то тётушку? Господи

боже ж мой. С какими людьми ты якшаешься, Манкузо? Старушки, которые в одиночестве ходят на стриптиз, тётушки. Ты, наверное, записался в кружок кройки и шитья или типа того. *Держи спину ровнее*. — Сержант пристально посмотрел на жалкую фигуру, сотрясавшуюся от последних раскатов кашля. Он не хотел нести ответственность за смерть при исполнении. Лучше дать Манкузо испытательный срок, а потом выпереть со службы вообще. — Ладно. На автостанцию можешь не возвращаться. Выходи на улицу, погрейся немного на солнышке. Но слушай сюда. Я даю тебе две недели. Если к тому времени ты мне никого не приведешь, ты здесь больше не служишь. Ты меня понял, Манкузо?

Патрульный Манкузо, шмыгая носом, кивнул.

— Я боддадаюдь. Я бдибеду бам гобо-дибудь.

— И хватит на мне виснуть, — завопил сержант. — Мне только твоего насморка не хватало. Встань ровно. Пошел отсюда. Прими какие-нибудь пилюли и апельсинового соку выпей. Х-хос-споди.

— Я бам гобо-дибудь бдибеду, — пропыхтел Манкузо, на сей раз еще неубедительнее, чем вначале. Затем он отчалил — в своем новом костюме. Такова была последняя практическая

шутка сержанта: Манкузо изображал Санта-Клауса с бейсбольной кепкой на голове.

* * *

Игнациус игнорировал грохот материнских кулаков в свою дверь и вопли из прихожей по поводу тех пятидесяти центов жалованья, которые он принес домой после целого дня работы. Смахнув со стола блокноты «Великий Вождь», мячик йо-йо и резиновую перчатку, он открыл «Дневник» и начал писать:

> **Любезный Читатель,**
>
> Хорошая книга — драгоценный источник жизненной силы выдающегося разума, сохраненный от забвения и бережно сберегаемый, чтобы разум этот мог жить после смерти.
>
> — Мильтон

Извращенный (и, я подозреваю, довольно опасный) ум Клайда разработал еще один способ умаления моего довольно-таки неуязвимого существа. Сначала я полагал, что обрел в этом царе сосисок и мясном магнате заменителя отца. Однако его злоба и зависть ко мне возрастают с

каждым днем; вне всякого сомнения, однажды они окончательно овладеют им и погубят остатки его разума. Величие моего телесного строения, сложность моего мировоззрения, порядочность и вкус, подразумеваемые всей моей манерой держаться, изящество, с коим я функционирую в трясинах сегодняшнего мира, — все это одновременно повергает Клайда в смятение и изумляет его. Ныне он отослал меня работать во Французский Квартал — район, служащий пристанищем для всех пороков, которые человек только мог измыслить в своих широчайших помрачениях рассудка, включая, как я мог бы себе вообразить, несколько современных вариаций, ставших возможными только благодаря чудесам науки. Квартал в чем-то похож, как я себе представляю, на Сохо и определенные районы Северной Африки. Вместе с тем, население Французского Квартала, благословенное американской «настырностью» и «смекалкой», в настоящий момент, вероятно, изо всех сил старается сравняться и превзойти в разнообразии и изобретательности те утехи, которыми наслаждаются жители иных мировых регионов человеческой деградации.

Ясно, что район, подобный Французскому Кварталу, не является надлежащей средой для

ведущего правильный образ жизни, непорочного, рассудительного и впечатлительного юного Рабочего Парнишки. Разве Эдисону, Форду или Рокфеллеру приходилось идти наперекор таким обстоятельствам?

Злобный разум Клайда, однако, не остановился на столь простом унижении. Поскольку подразумевается, что я имею дело с тем, что Клайд называет «туристическими делами», я был наряжен в некое убранство.

(Если судить по первым клиентам, которые подходили ко мне в тот, самый первый, день на новом маршруте, «туристы» представляются мне теми же самыми лицами без определенных занятий, которым я продавал в деловом районе. В керосиновом угаре, они, вне всякого сомнения, просто забрели, спотыкаясь, в Квартал и единственно в силу этого, по сенильному представлению Клайда, могут квалифицироваться как «туристы». Интересно, у Клайда вообще была когда-либо возможность видеть тех дегенератов, хронических неудачников и бродяг, которые покупают и, очевидно, кормятся «райскими» продуктами? Между остальными киоскерами — совершенно сломленными жизнью и недужными скитальцами, чьи имена звучат примерно

как «Кореш», «Старик», «Приятель», «Длинный», «Кабан» и «Чувак» — и моими клиентами я, очевидно, пойман в капкан чистилища заблудших душ. Тем не менее, тот простой факт, что в наш век все они потерпели сокрушительный провал, поистине сообщает им некое свойство духовности. Кто знает, возможно, они, эти втоптанные в грязь бедолаги, могут оказаться святыми нынешней эры: прекрасно сломанные жизнью старые негры с бронзовыми глазами; загубленные бродяги с пустошей Техаса и Оклахомы; разоренные сезонники, взыскующие пристанища в кишащих грызунами городских трущобах.)

(Тем не менее, я надеюсь, что в своем старческом слабоумии мне не придется полагаться на «горячие собаки» как на источник пропитания. Продажей моих трудов можно будет извлечь какую-то выгоду. При нужде можно будет обратиться к лекционным гастролям, следуя по пятам за ужасной М.Минкофф, чьи преступления против вкуса и пристойности уже были описаны для вас, любезные читатели, в деталях, — для того, чтобы расчистить валуны невежества и бесстыдства, к тому времени уже рассеянные ею по различным лекционным аудиториям страны. Возможно, тем не менее, что и в ее первой

аудитории найдется человек достаточно добродетельный, чтобы стащить ее с кафедры и немного отхлестать бичом по эрогенным зонам. Невзирая на все те духовные качества, которыми могут обладать трущобы, они определенно не отвечают никаким стандартам в области физического комфорта, и я серьезно сомневаюсь, сможет ли мое значительное и хорошо сформированное телосложение легко адаптироваться к проведению ночей на голой земле в переулках. Я бы несомненно предпочел держаться поближе к садово-парковым скамейкам. Следовательно, сами мои размеры могут служить гарантией против того, чтобы опускаться слишком низко в рамках структуры нашей цивилизации.[50] Лично я пришел к выводу, что недостаток пита-

[50] notes: 50

В конечном итоге, я вовсе не убежден, что необходимо некоторым образом достичь самого дна для того, чтобы начать рассматривать обзество субъективно. Вместо того, чтобы двигаться вертикально вниз, можно перемещаться горизонтально наружу, к точке достаточной непредубежденности, где не обязательно предотвращаются минимальные удобства естества. Я был там — на самом краю нашего века, — когда катаклизмическая невоздержанность моей матери, как всем вам хорошо известно, катапультировала меня в лихорадку современного существования. Чтобы быть до конца честным, я должен признаться, что с тех пор положение неуклонно становилось все хуже и хуже. Условия испортились. Минкофф, моя бесстрастная пассия, обернулась против меня. Даже моя мать, движитель моего разрушения, начала кусать длань, кормящую ее. Мой цикл опускается все ниже. О, Фортуна, капризная фея моя!

ния и удобств отнюдь не облагораживает дух, а, скорее, порождает в человеческой душе одну лишь тревожность и направляет все лучшие импульсы индивида только на то, чтобы добыть себе какое-либо пропитание. Несмотря даже на то, что я в самом деле веду Богатую Внутреннюю Жизнь, мне еще необходимы хоть какая-то еда и удобства.)

Но вернемся к делам насущным: к мести Клайда. Киоскер, ранее работавший на маршруте в Квартале, нес на себе невероятный пиратский костюм — реверанс «Райских Киоскеров» в сторону фольклора и истории Нового Орлеана, клайдианская попытка связать воедино «горячие собаки» и креольские легенды. Клайд вынудил меня примерить его в гараже. Костюм, разумеется, был сшит на туберкулезную и недоразвитую фигуру бывшего киоскера, и никакими натягиваниями, толчками, глубокими выдохами и втискиванием на мое мускулистое тело поместить его не было возможности. Следовательно, был заключен в некотором роде компромисс. На свою шапочку я повязал красное сатиновое пиратское кашне. На мочку левого уха прикрутил одну золотую сережку — даже не сережку, а целый обруч из галантерейной лавки. К боковине своего белого

халата английской булавкой я прицепил черную пластмассовую абордажную саблю. Едва ли внушительный пират, скажете вы. Тем не менее, изучив себя в зеркале, я был вынужден признать, что драматическим образом произвожу довольно привлекательное впечатление. Погрозив саблей Клайду, я вскричал: «Марш по доске, адмирал!»[51] Мне следовало бы догадаться, что это окажется чересчур для его буквального сосископодобного разума. Он весьма встревожился и кинулся на меня в атаку, размахивая вилкой, словно копьем. Мы несколько минут фехтовали, парируя выпады, по всему гаражу, точно два головореза в каком-либо особенно бессмысленном историческом фильме, и вилка с саблей неистово лязгали друг о друга. Осознав, что мое пластмассовое оружие едва ли сравняется с длинной вилкой в руках обезумевшего Мафусаила, осознав, что я наблюдаю Клайда в его *худшем* виде, я попытался завершить нашу маленькую дуэль. Я выкрикивал слова умиротворения; я умолял; я, наконец, сдался на его милость. Однако Клайд продолжал наступать на меня — мой пиратский костюм настолько удался,

[51] notes: 51

Пираты заставляли пленников идти с завязанными глазами по доске, положенной на борт судна, до тех пор, пока те не падали в море.

что очевидно убедил его в том, что мы вернулись в золотые деньки романтического старого Нового Орлеана, когда джентльмены решали вопросы сосисочной чести с двадцати шагов. Именно тогда мой замысловатый разум озарило. Я понял, что Клайд в самом деле пытается меня убить. Идеальная причина — самооборона. Я сыграл прямо ему на руку. К счастью для меня, я упал на пол. Отступая, я столкнулся с тележкой, утратил свое всегда сомнительное равновесие и рухнул. Несмотря на то, что головой я ударился о тележку довольно болезненно, с пола я весело закричал: «Вы победили, сэр!» А затем мысленно преклонил колени перед старой доброй Фортуной за то, что выхватила меня из челюстей смерти от ржавой вилки.

Я быстро выкатил тележку из гаража и направился в сторону Квартала. По дороге множество пешеходов одаряло мой полукостюм благосклонным вниманием. С хлопающей по боку абордажной саблей, серьгой, свисающей с мочки уха, красным кашне, сияющем на солнце так, что не пропустит мимо ни один бык, я решительно шагал по городу, вознося Господу хвалы, что еще жив, вооружившись против всех ужасов, поджидавших меня в Квартале. Множество гро-

могласных молитв срывалось с моих непорочных розовых уст — иные в благодарность, иные с мольбою. Я молился Св. Мэтьюрину, которого призывают от эпилепсии и безумия, чтобы он помог мистеру Клайду (Св. Мэтьюрин, кстати сказать, является также святым покровителем шутов). За себя лично же я посылал смиренные приветствия Св. Медерику-Отшельнику, призываемому от кишечных колик. Размышляя о зове могилы, которого я только что едва избежал, я задумался и о своей матери, ибо меня всегда интересовало, какова окажется ее реакция, случись мне погибнуть, оплачивая ее прегрешения. Я мысленно вижу ее на похоронах — низкопробном дешевом мероприятии, проводящемся в подвале какого-нибудь сомнительного похоронного бюро. Обезумевшая от горя, со слезами, вскипающими в ее покрасневших глазах, она, вероятно, станет выдирать мой хладный труп из гроба, пьяно вопя: «Не забирайте его! О почему сладчайшие цветы должны увять и опасть со стеблей своих?» Похороны, вероятно, выродятся в полный цирк, мать моя будет все время тыкать пальцами в две дырки, оставленные у меня на шее ржавой вилкой мистера Клайда, издавая неграмотные греческие вопли проклятий и отмщенья. Всей

процедуре будет присуща определенная плебейская зрелищность, могу себе вообразить. Вместе с тем, если мать моя окажется режиссером, трагедия, присущая моей смерти, вскоре превратится в мелодраму. Вырвав белую лилию из моих безжизненных рук, она разломит ее напополам и взвоет скоплению плакальщиков, доброжелателей, празднующих и праздношатающихся: «Подобен этой лилии был мой Игнациус. Теперь обоих у меня забрали и сломали.» И, швыряя лилию обратно в гроб, нетвердой рукой своей попадет она ею прямо в мое смертельно бледное лицо.

Ради матери я вознес молитву Св. Зите из Луччи, всю жизнь прослужившей горничной и претерпевшей множество лишений, — в надежде, что она поддержит мою мать в ее сражении с алкоголизмом и ночными бесчинствами.

Укрепившись своей интерлюдией религиозного отправления, я прислушался к хлопанью аболрдажной сабли о ляжку. Она казалась мне неким орудием высокой морали, подгонявшим меня в направлении Квартала, и каждый пластмассовый хлопок говорил: «Воспрянь духом. Игнациус. У тебя в руках устарашающий быстрый меч.» Я уже начинал себя чувствовать крестоносцем.

Наконец, я пересек Канальную улицу, делая вид, что не замечаю того внимания, которое обращали на меня все без исключения прохожие. Меня поджидали узкие улочки Квартала. Бродяга ходатайствовал было о предоставлении ему «горячей собаки». Я отмахнулся от него и решительно продолжил путь. К несчастью, ноги мои не поспевали за моей душой. Под лодыжками ткани уже умоляли об отдыхе и комфорте, поэтому я разместил тележку на обочине и уселся рядом. Балконы старинных зданий нависали над моей головой, подобно темных ветвям аллегорической чащобы зла. Символическим образом, мимо меня пронесся автобус «Страсть», едва ли не придушив меня своим дизельным выхлопом. Прикрыв на мгновение глаза, чтобы сосредоточиться и тем самым собраться с силами, я, должно быть, задремал, ибо помню только, что что меня грубо пробудил полицейский, стоявший рядом и тыкавший меня под ребра носком своего башмака. Должно быть, некий мускус, испускаемый моим телом, особенно привлекателен для правительственных властей. К кому еще, невинно ожидающему мать около универсального магазина, может пристать полицейский? За кем еще станут шпионить и на кого еще могут

донести за то, что он подобрал беспомощного бездомного котенка из канавы? Подобно суке в течке, я, кажется, притягиваю всю клику блюстителей закона и санитарных инспекторов. Мир когда-нибудь доберется до меня под каким-либо смехотворным предлогом; я просто ожидаю того дня, когда меня поволокут в какой-нибудь застенок с кондиционированным воздухом и бросят меня там под флюоресцентными лампами и звуконепроницаемым потолком, чтобы я сполна заплатил за свои насмешки над всем, чем дорожат их ничтожные латексные сердца.

Поднявшись во весь свой рост — что само по себе достойное зрелище, — я взглянул сверху вниз на преступившего черту фараона и сокрушил его метким замечанием, которое, по счастью, понять ему не удалось. Затем я покатил тележку вглубь Квартала. Поскольку день был в самом разгаре, людей на улочках шевелилось немного. Я предположил, что местные обитатели до сих пор пребывают в постелях, приходя в себя после всех тех непристойностей, которым предавались прошедшей ночью. Многим, вне всякого сомнения, требовалась медицинская помощь: шов-другой там или тут, порванное телесное отверстие или сломанный половой орган. Я мог только вооб-

ражать, сколько пар изможденных и порочных глаз пожирают меня голодными взорами из-за закрытых ставней, и гнал от себя подобные мысли. Мне уже начинало казаться, что я — особенно аппетитный бифштекс на мясном рынке. Тем не менее, никто не призвал меня завлекающе из-за ставней; те хитроумные интеллекты, что пульсируют, себя не помня, в своих темных апартаментах, вне всякого сомнения — более тонкие соблазнители. Я подумал, что, по крайней мере, вниз могла бы спорхнуть записка. Из какого-то окна вылетела банка из-под замороженного апельсинового сока и едва не попала в меня. Я нагнулся и подобрал ее, чтобы исследовать полый жестяной цилиндр на предмет наличия в нем какого-либо сообщения, однако на ладонь мне вытек лишь вязкий осадок концентрированного напитка. Что это — некий непристойный намек? Пока я размышлял над этой тайной и вглядывался в то окно, из которого этот контейнер могли швырнуть, к тележке приблизилось пожилое лицо без определенных занятий и взмолилось о франкфуртере. Неохотно я продал ему один, придя к безрадостному выводу, что, как обычно, работа мешает в самый важный момент.

К этому времени, разумеется, то окно, из кото-

рого банку выпустили в полет, уже захлопнулось. Я покатил тележку дальше по улице, пристально разглядывая закрытые ставни в поисках какого-нибудь знака. Когда я проходил мимо, более чем из одного здания моих ушей достигал дикий хохот. Очевидно, сбитые с толку обитатели оных потакали той или иной непристойной забаве, в высшей степени развлекавшей их. Я пытался уберечь свой девственный слух от их отвратительного гогота.

По улицам бродила группа туристов с фотоаппаратами наготове, и их блестящие очки сверкали, точно бенгальские огни. Заметив меня, они замерли и резкими среднезападными голосами, вспоровшими мои нежные барабанные перепонки звуками, напоминавшими треск молотилки (каким бы воображаемо ужасным этот звук ни был на самом деле), стали умолять меня позволить себя сфотографировать. Растроганный их милостивым вниманием, я молча снизошел. Несколько минут они щелкали затворами камер, а я делал им одолжение, принимая высокохудожественные позы. Стоя перед тележкой, будто пиратским кораблем, я угрожающе замахивался абордажной саблей для одного особо памятного снимка, а другая моя рука покоилась на бушприте

жестяной сосиски. Для кульминации мне удалось взобраться на самый верх тележки, однако солидность моего телосложения оказалась чересчур обременительной для этого хлипкого средства передвижения. Тележка начала выкатываться из-под меня, однако джентльмены, присутствовавшие в группе, были настолько любезны, что схватили ее и помогли мне спуститься. Наконец, эта учтивая группа распрощалась со мною. Когда они уходили прочь, неистово фотографируя что ни попадя, я услышал, как одна отзывчивая дама произнесла: «Печальное зрелище, правда? Надо было ему хоть что-то дать.» К сожалению, никто больше (вне всякого сомнения, все без исключения — правые консерваторы) благосклонно не отреагировал на ее мольбу о благотворительности, несомненно думая, что несколько центов, брошенных в мою сторону, непременно станут вотумом доверия государству всеобщего благосостояния. «Он только пойдет и потратит их на выпивку,» — с гнусавой мудростью и обилием твердых «р» уведомила своих приятелей другая женщина, иссохшая старая карга, чья физиономия выдавала связь с Женским Союзом Христианской Трезвенности. Очевидно, остальные стояли на стороне прошмандовки из ЖСХТ,

ибо группа продолжала свой путь.

Должен признаться — я бы не отклонил подношение в той или иной форме. Рабочему Парнишке кстати каждый пенни, который может попасть к нему в амбициозные и настойчивые руки. Кроме этого, те снимки могли бы принести этим мужланам из кукурузного пояса победу в каком-нибудь фотографическом состязании. Какой-то миг я раздумывал, не побежать ли мне вдогонку за этими туристами, но в эту минуту меня приветствовала криками неправдоподобная сатира на туриста — тщедушная фигурка в бермудских шортах, отдувающаяся под тяжестью монструозного аппарата с объективами, не иначе — камеры «СинемаСкоп». По ближайшему рассмотрению, я заметил, что это не кто иной, как патрульный Манкузо. Я, разумеется, проигнорировал вялую монголоидную ухмылку этого Макиавелли, сделав вид, что подтягиваю свою серьгу. Его явно выпустили из заточения в латрине. «Как ваши ничего себе?» — безграмотно настаивал он. «Где моя книга?» — устрашающим тоном осведомился я. «Я еще ее читаю. Очень интересная,» — в ужасе отвечал он. «Извлеките для себя пользу из ее уроков,» — предупредил его я. — «Когда вы ее закончите, я попрошу вас подать мне в письменном

виде критический разбор и анализ ее идейного содержания для человечества!» Великолепные раскаты этого приказа еще не успели стихнуть в воздухе, а я уже гордо зашагал дальше по улице. Затем, осознав, что тележка забыта, я величественно вернулся за нею. (Эта тележка — ужасная ответственность. Я чувствую себя так, точно связан с умственно-отсталым ребенком, требующим постоянного внимания. Я ощущаю себя наседкой, сидящей на особо крупном жестяном яйце.)

Ну вот, наступило уже почти два часа, а я продал ровно одну «горячую собаку». Вашему Рабочему Парнишке нужно было посуетиться, если целью его было достичь успеха. Обитатели Французского Квартала, очевидно, не ставили франкфуртеры во главу списка потребляемых деликатесов, а туристы явно приезжали в колоритный и красочный Н.О. не для того, чтобы набивать утробы райскими продуктами. Ясно одно — у меня назревало то, что по нашей коммерческой терминологии называется «проблемой сбыта». Злобный Клайд в отместку выделил мне маршрут, обозначаемый словосочетанием «Белый Слон» — этот термин он как-то раз употребил при мне в ходе одного из наших производственных совещаний. Обида и ревность вновь сокрушили меня.

Помимо этого, я должен разработать какие-то способы справиться с последними проявлениями наглости М.Минкофф. Быть может, Квартал предоставит мне какой-либо материал для этого: крестовый поход за вкус и приличия, за теологию и геометрию, быть может.

Замечание об общественном здравии: В одном из центральных кинематографических театров вскоре начинает демонстрироваться новый фильм с моей излюбленной кинозвездой женского рода, чье недавнее музыкально-цирковое излишество ошеломило и огорошило меня. Я каким-то образом должен его посмотреть. На пути моем стоит лишь моя тележка. Ее новый фильм рекламируется как «изощренная» комедия, в которой, вне всякого сомнения, она должна достичь новых высот перверсии и святотатства.

Замечание о здоровье: Поразительное увеличение веса, вызванное, без сомнения, той тревогой, которую внушают мне всевозрастающие неприятность и недружелюбие моей дорогой матушки. Трюизм человеческой натуры заключается в том, что люди начинают ненавидеть тех, кто им помогает. Таким образом, мать обратилась против меня.

В подвешеном состоянии,

Лэнс, Ваш Осажденный Рабочий Парнишка

* * *

Симпатичная девушка с надеждой улыбнулась доктору Тальку и выдохнула:

— Я обожаю ваш курс. Я в смысле — он шикарный.

— О, ну что же, — в полном восторге ответил доктор Тальк. — Это очень любезно с вашей стороны. Боюсь, что курс, правда, несколько, общ…

— Ваш подход к истории так жизнен, так современен, так освежающе неортодоксален.

— Я действительно полагаю, что нас следует отбросить некоторые устаревшие формы и подходы. — Голос Талька звучал важно и педантично. Следует ли ему пригласить это очаровательное существо выпить вместе? — История, в конце концов, — вещь эволюционная.

— Я *знаю*, — ответила девушка, распахивая глаза так широко, что Тальк на миг-другой запросто потерялся в их синеве.

— Мое единственное желание — заинтересовать своих студентов. Давайте взглянем правде в глаза. Средний студент не интересуется историей кельтской Британии. Я, собственно говоря, — тоже. Именно поэтому, хоть я и признаю это сам,

на своих занятиях мне всегда удается ощутить какое-то взаимопонимание.

— Я *знаю*. — Девушка изящно задела дорогой твидовый рукав Талька, потянувшись за сумочкой. Тальк затрепетал от ее касания. Вот таким девушкам следует учиться в колледжах, а не подобным той кошмарной девке Минкофф, грубой и неопрятной, которую чуть было не изнасиловал уборщик рядом с его кабинетом. Доктор Тальк содрогнулся от одной мысли о мисс Минкофф. В классе она оскорбляла и чернила его при любой возможности, бросая ему вызов за вызовом, да еще и подначивала чудовище Райлли присоединиться к нападкам. Эту парочку он никогда не забудет; и никто на факультете не забудет их никогда. Два гунна, обрушившиеся на Рим. Доктор Тальк праздно подумал: уж не женились ли они друг на друге? Они определенно друг друга стоили. Возможно, оба сбежали на Кубу. — Некоторые исторические персонажи такие скучные.

— И не говорите, — согласился Тальк, готовый участвовать в любых кампаниях против фигур английской истории, столько лет уже терзавших все его существование. Головная боль начиналась уже от того, что приходилось всех помнить. Он помедлил, закуривая «Бенсон-и-Хеджес» и вычи-

щая из горла скопившуюся там слизь английской истории. — Все они совершили множество глупых ошибок.

— Я *знаю*. — Девушка посмотрелась в свое компактное зеркальце. Затем взгляд ее стал жестче, а голос — капризнее. — Ну ладно, я не хочу тратить ваше время на всю эту историческую болтовню. Я хотела узнать, что стало с моим докладом, который я сдала два месяца назад. В смысле, мне бы хотелось иметь какое-то представление о том, какую оценку я получу за этот курс.

— О, да, — туманно ответствовал доктор Тальк. Пузырь его надежды лопнул. Под своими личинами все студенты одинаковы. Милая девушка превратилась в стальноглазую предпринимательницу, проверяющую и наращивающую прибыли своих оценок. — Так вы доклад свой уже сдали, нет?

— Совершенно определенно сдала. Он был в желтой папке.

— Давайте посмотрим, смогу ли я тогда его сейчас найти. — Доктор Тальк поднялся и начал шарить в грудах древних курсовых работ, докладов и экзаменационных листков на книжном шкафу. Когда он переставлял стопки с места на место, из одной папки выскользнул старый лист

разлинованной блокнотной бумаги, сложенный самолетиком, и спланировал на пол. Тальк не заметил его, а между тем в его фрамугу и открытое окно в один из семестров несколько лет назад их влетало множество. Когда самолетик приземлился, девушка подняла его и, обнаружив на пожелтевшей бумаге какие-то надписи, развернула.

«Тальк: Ты признан виновным в развращении и растлении молодежи. Я постановляю, что тебя следует подвесить за твои недоразвитые тестикулы, пока не наступит смерть. ЗОРРО.» Девушка перечитала строчки, написанные красным карандашом, еще раз и, пока Тальк не успел завершить своих раскопок на книжном шкафу, открыла сумочку, уронила в нее самолетик и щелкнула замком.

ДЕСЯТЬ

Гас Леви был хорошим парнем. И очень правильным, к тому же. По всей стране у него имелись друзья — антрепренеры, импресарио, тренеры и управляющие. На любой спортивной арене, на любом стадионе или ипподроме Гас Леви мог рассчитывать хотя бы на одного человека, с ними так или иначе связанного. Он знал владельцев, билетеров и игроков. На каждое Рождество он даже получал открыточку от торговца орешками, работавшего на автостоянке через дорогу от Мемориального Стадиона в Балтиморе. Все его очень любили.

А межсезонье он проводил в «Приюте Леви». Здесь у него не было друзей. На Рождество в «Приюте Леви» единственным признаком времени года, единственным барометром святочного духа служило появление его дочерей, обрушивавшихся на него из своего колледжа с требованиями дополнительных денежных сумм в совокупности с угрозами навсегда отречься от отцовства, если он будет продолжать третировать их маму. К Рождеству миссис Леви составляла не список подарков, а, скорее, список несправедливостей

и зверств, которые ей пришлось претерпеть с августа. Список этот девочки извлекали из своих подарочных чулков. Миссис Леви просила у девочек единственный подарок: чтобы они ополчились на своего отца. Миссис Леви обожала Рождество.

Теперь мистер Леви дожидался в «Приюте» начала весенних тренировок. Гонзалес уже забронировал ему Флориду и Аризону. Однако, в «Приюте Леви» как будто вновь наступило Рождество, а все происходящее в «Приюте Леви» могло подождать, пока он не уедет в тренировочные лагеря, считал мистер Леви.

Миссис Леви уложила мисс Трикси на его любимую кушетку, желтую нейлоновую, и втирала крем для кожи в старушечье лицо. То и дело язык мисс Трикси вываливался из рта и слизывал мазки крема с верхней губы.

— Меня начинает тошнить от этого зрелища, — сказал мистер Леви. — Неужели ты не можешь вытащить ее наружу? Сегодня приятный день.

— Ей нравится эта кушетка, — ответила миссис Леви. — Пусть насладится хоть маленькой радостью. Почему бы *тебе* не выйти наружу и не отполировать свою спортивную машину?

— Тихо! — прорычала мисс Трикси, обнажив

колоссальные искусственные зубы, только что приобретенные для нее миссис Леви.

— Ты только послушай! — произнес мистер Леви. — Она уже управляет этим домом.

— Она так самоутверждается. Тебя это беспокоит? Зубы придали ей чуточку уверенности в себе. Но ты, разумеется, завидуешь несчастной женщине даже в этом. Я начинаю понимать, почему она так неуверенна. Я выяснила, что Гонзалес игнорирует ее весь день, заставляет ее чувствовать себя нежеланной сотней различных способов. Подсознательно она ненавидит «Штаны Леви».

— А кто их любит? — произнесла мисс Трикси.

— Прискорбно, прискорбно, — только и ответила миссис Леви.

Миссис Трикси хрюкнула, и немного воздуха просвистело у нее между губ.

— Так, давай с этим кончать, — сказал мистер Леви. — Я тут позволил тебе уже много смехотворных игр. А вот в этой даже нет никакого смысла. Если хочешь открыть погребальную контору, я тебя всем обеспечу. Только не в моей комнате. Сотри сейчас же все эти сопли у нее с лица и давай я отвезу ее обратно в город. Позволь мне немного мира и спокойствия, пока я еще в этом доме.

— Так. Ты вдруг рассердился. По крайней мере,

это нормальная реакция. Для тебя это необычно.

— Ты что, делаешь все это только ради того, чтобы меня разозлить? Тебе это удастся и без всего этого. Оставь уже ее в покое. Ей хочется только одного — на пенсию. Это как мучить тварь бессловесную.

— Я очень привлекательная женщина, — промычала во сне мисс Трикси.

— Ты только послушай! — восторженно воскликнула миссис Леви. — И ты после этого хочешь вышвырнуть ее на снег? Я только-только до нее достучалась. Она — символ всего, что ты не совершил.

Неожиданно мисс Трикси вскочила и зарычала:

— Где мой козырек?

— Все получится просто здорово, — сказал мистер Леви. — Погоди, пока она не вонзит в тебя эти свои зубы за пятьсот долларов.

— Кто забрал мой козырек? — свирепо осведомилась мисс Трикси. — Где это я? Уберите от меня свои руки.

— Дорогуша, — начала миссис Леви, но мисс Трикси уже спала на боку, лицом размазав по кушетке крем для кожи.

— Послушай, добрая фея, сколько ты уже ис-

тратила на эту свою игрушку? Я не собираюсь платить за перетяжку кушетки.

— И правильно. Трать все на своих лошадей. А тут пускай человек барахтается, как хочет.

— Ты лучше вытащи у нее изо рта эти зубы, пока она себе язык не откусила. Вот тогда в самом деле забарахтается.

— Кстати, о языке. Слышал бы ты, что она мне сегодня утром о Глории рассказала. — Миссис Леви сделала жест, знаменовавший собой принятие несправедливости и трагедии. — Глория была добрейшей души человеком, она первой за много лет заинтересовалась мисс Трикси. И тут ты являешься, как гром среди ясного неба и пинком вышвыриваешь Глорию из ее жизни. Я думаю, ты нанес ей очень серьезную травму. Девочкам очень захочется узнать об этой Глории. Они тебе не один вопрос зададут, поверь мне.

— Еще бы. Знаешь, мне кажется, ты в самом деле выживаешь из ума. Никакой Глории *не существует*. Если ты и дальше собираешься беседовать со свой маленькой протеже, она утащит тебя с собой прямо в сумеречную зону. Когда Сьюзан и Сандра приедут сюда на Пасху, они увидят, как ты подскакиваешь на своей доске с бумажным пакетом тряпок в обнимку.

— О, о. Понимаю. Простое ощущение вины по поводу инцидента с Глорией. Неприятие, негодование. Все это кончится очень плохо, Гас. Прошу тебя — пропусти один из своих турниров и запишись к доктору Ленни. Человек творит чудеса, поверь мне.

— Тогда попроси его снять «Штаны Леви» с нашего горба. Я на этой неделе беседовал с тремя агентами по продаже недвижимости. И каждый сказал, что фабрика — самая непродажная недвижимость, которую они только видели в жизни.

— Гас, я не ослышалась? Неужели ты в самом деле упомянул о продаже своего наследства? — возопила миссис Леви.

— Тихо! — рыкнула мисс Трикси. — Я до вас еще доберусь. Погодите только. Вы у меня получите. Я с вами посчитаюсь.

— Ох, заткнись, — заорала на нее миссис Леви и прижала ее спиной к кушетке, на которой та снова быстро задремала.

— Ну, один парень, — спокойно продолжал мистер Леви, — такой агрессивный на вид агент, дал мне хоть какую-то надежду. Как и все остальные, он сказал: «Никому сегодня не нужна фабрика одежды. Рынок умер. Ваше предприятие устарело. Тысячи на ремонт и модернизацию. К нему

подведена железнодорожная стрелка, но легкий товар, вроде одежды, нынче перевозится грузовиками, а для грузовиков фабрика расположена очень невыгодно. На другом конце города от шоссейных дорог. Швейная индустрия на юге сворачивается. Даже земля немногого стоит. Весь этот район превращается в трущобу.» И так далее в том же духе. Но этот же самый агент сказал, что, возможно, ему удастся заинтересовать какую-нибудь сеть супермаркетов в покупке фабрики под склад. Вот это уже звучало хорошо. Дальше пошла засада. Вокруг «Штанов Леви» нет места для парковки, медиана населения или что-то типа того слишком низка для того, чтобы поддерживать большой рынок — и снова в том же духе. Он сказал, что единственная надежда — сдавать ее в аренду под склад, но, опять же, доходы от склада невелики, и место для склада очень неудачное. Поэтому не беспокойся. «Штаны Леви» по-прежнему наши, как тот ночной горшок, который достался нам в наследство.

— Ночной горшок? Это пот и кровь твоего отца — ночной горшок? Я вижу твои мотивы. Уничтожить последний памятник свершениям твоего отца.

— Это «Штаны Леви» — памятник?

— Я так никогда и не пойму, чего ради мне захотелось вдруг там работать, — сердито пробормотала мисс Трикси из подушек, куда воткнула ее миссис Леви. — Слава богу, бедная Глория вовремя оттуда ушла.

— Прошу прощения, дамы, — произнес мистер Леви, насвистывая сквозь зубы, — но Глорию вы можете обсуждать между собой.

Он встал и направился в джакуззи. Пока вода вихрилась вокруг и била его реактивными струями, он размышлял, как же ему сбагрить «Штаны Леви» какому-нибудь незадачливому покупателю. Должна же быть от фабрики хоть какая-то польза. Каток? Спортзал? Негритянская церковь? Потом ему стало интересно, что произойдет, если он оттащит гимнастическую доску миссис Леви на дамбу и сбросит ее в Залив. Он насухо вытерся, надел махровый халат и вернулся в игровую комнату посмотреть бюллетени скачек.

Мисс Трикси сидела на кушетке. Лицо ей уже вытерли. Ее рот превратился в оранжевый мазок. Слабые глаза подчеркнуты тенями. А миссис Леви поправляла взбитый парик над жидкими старушечьими волосенками.

— Что это вы со мной теперь-то делаете? — сипела мисс Трикси своей благодетельнице. — Вы

за это поплатитесь.

— Ты можешь в это поверить? — гордо спросила миссис Леви супруга, и в голосе ее не оставалось уже ни единой нотки враждебности. — Ты только посмотри.

Мистер Леви поверить в это не мог. Мисс Трикси выглядела точной копией мамочки миссис Леви.

* * *

В «Прогулочном Трактире Мэтти» Джоунз налил себе пива в стакан и вонзил длинные зубы в пену.

— Эта женщина, Ли, она к тебе плохо относится, Джоунз, — говорил ему между тем мистер Уотсон. — Вот что мне точно не нравится — это когда цветной человек себя на посмешище выставляет, потому что цветной. Она ж тебя как черномазого на плантации разрисует.

— В-во! Цветным чувакам и без того круто достается, чтоб еще народы животики надрывали. Ёбть. Не надо было этот мамке Ли говорить, что мне падлиция работать отправила. Надо было сказать, меня люди из чесного найма прислали, девка хоть перетрухала бы чуток.

— Ты лучше сходи в подлицию, скажи, что

увольняисси, но другое место себе искать пойдешь.

— Э-эй! Да чтоб в ухрястке изыком трепать падлиции — да ни в жись. Падлиция на меня посмотрит тока — и живо за жопу в каталашку. В-во! Никакой работы цветным народам не светит — для них тока нары в каталашке. Хочешь хавку легулярно — так садись в тюрягу, ничо лучше нет. Тока я лучше с голодухи помру *снаружи*. Я лучше полы эти лятские мыть буду, чем в тюрягу, номера для машин красить, да коврики с ремнями плести и прочее говно. Я просто сглупил, жопой в канкан сел в этой «Ночью Тех». Сам навалил, сам и разгребу.

— А я все равно грю — сходи в подлицию, скажи что с одной ушел, а на другую не нанялся.

— Ага. Я мож пийсят лет до другой шкандыбать буду. Чевой-то не видать, чтоб ходили и орали повсюду, что им неклавицырные цветные чуваки нужны. Ууу-иии. Такие паскуды, как эта Ли, кучу падлиции знают. Иначе б этот бардак с разбодяженным пойлом давно прикрыли на фиг. Не пойду я наобум никаким ее корешам в падлиции говорить: «Эй, чуваки, я тута ищщо побомжую чутка». А он мне: «Лады, парниша, тока ты еще и посидишь чутка». В-во!

— Ну а как там твой саботаж продвигается?

— Херовато. Ли меня как-то заставила верхурочно полы драить, видит же ж, что дрянь на полу тока толще и толще, поэтому скоро ее тупой клеён, беньдяшка, по колено в грязи будет. Ёбть. Я ж те грил, я адриск написал ей на один сироцкий пакет, так что если она еще будет для Едненово Фона их рассылать, может и ответ получим. Я точно позырить хочу, чего ей на этот адриск пришлют. Мож, и падлицию. В-во!

— Довольно ясно, что ничо ты не добьёсси. Сходи поговори в подлицию, мужик. Они тебя точно поймут.

— Да *стремаюсь* я падлиции, Уотсон. Ууу-иии. Ты б тож стремался, как постоял бы себе тихомирно в «Вулворте», а тут тебя падлиция метет за милу душу. Особо когда Ли, видать, с половиной падлиции шуры-муры крутит. В-во! — Джоунз выпустил нечто похожее на атомный гриб, радиоактивное облако, постепенно осевшее на стойку бара и ледник с маринованным мясом. — Слуш, а чё стало с той тупой мамкой из «Штанов Леви», заходил сюда еще? Ты его видел с тех пор?

— Тот мужик, что про демонсрацию говорил?

— Ну да, еще что у них за главного жирный белый придурок, который бедолагам цветным

впаривал, что надо скинуть томную бонбу на верхушку компании, самим поубиваться, а что от их жопы останется — то в каталашку.

— Я его больше тут не видел.

— Ёбть. Хотел узнать, где этот жирный придурок щас прячется. Мож, позвонить в «Штаны Леви» спросить про него. Я его хочу скинуть на «Ночью Тех» что твою томную бонбу. Похоже, он из таких как раз, от кого мамка Ли в штанишки наложит. В-во! Ежли я и стану швицаром, то таких сапаташников ни одна плантация не видела. Ууу-иии. Весь хлопок на поле догорит, а я еще не кончу.

— Смотри, Джоунз. Ни в какую заваруху не вляпайся.

— В-во!

* * *

Игнациусу становилось все хуже и хуже. Клапан его, казалось, склеился, и сколько бы он ни подскакивал — не открывался. Титаническая отрыжка вырывалась из газовых камер его желудка и в клочья рвала пищеварительный тракт. Иногда она выходила с ревом. Иногда, ослабев, находила приют в груди и вызывала изжогу.

Он знал, что физической причиной ухудшения

здоровья было энергичное потребление райских продуктов. Но были и иные, более неощутимые. Мать его становилась все наглее и уже шла на неприкрытый антагонизм; ее уже было невозможно держать под контролем. Возможно, она вступила в какую-то маргинальную группировку крайнего правого крыла, сделавшую ее такой воинственной и враждебной. Как бы то ни было, совсем недавно она устроила в их побуревшей кухне настоящую охоту на ведьм: стала задавать ему всевозможные вопросы, касавшиеся его политической философии. Что и странно. Мать всегда была заметно аполитичной, голосовала только за тех кандидатов, которые, казалось, хорошо относятся к своим матерям. Миссис Райлли четыре срока твердо поддерживала Франклина Рузвельта вовсе не из-за «Нового Курса», а потому что, судя по всему, он любил и уважал миссис Сару Рузвельт. Миссис Райлли также голосовала не совсем за Гарри Трумэна, а, скорее, за женщину, стоявшую перед их викторианским особняком в Индепенденсе, штат Миссури. Для миссис Райлли фамилии Никсон и Кеннеди означали Ханну и Розу. Кандидаты без матерей смущали ее, и на сиротские выборы она оставалась дома. Игнациус не мог понять ее внезапных и неуклюжих

попыток защитить Американский Образ Жизни от собственного сына.

Еще имелась Мирна, являвшаяся ему в череде снов, принявших форму многосерийного «Бэтмена», который он в детстве смотрел в Притании. Одна глаза следовала за другой. В одной, особенно ужасной серии он стоял на платформе подземки, возрожденный в облике Св.Иакова-младшего, замученного евреями. Через турникет прошла Мирна с плакатом «НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЙ КОНГРЕСС СЕКСУАЛЬНО ОБЕЗДОЛЕННЫХ» и начала доставать его вопросами. «Иисус выступит вперед, в шкурах или же без оных,» — величественно предрек Игнациус-Иаков. Однако Мирна, презрительно ухмыляясь, столкнула его вместе с плакатом на рельсы, прямо под колеса отходящего поезда. Проснулся он как раз в тот миг, когда поезд уже был готов сокрушить его. Сны о М.Минкофф становились даже хуже его старых ужасных снов о туристических автобусах с круговым обзором, в которых Игнациус, величественно возвышаясь на верхней палубе, таранил на этих обреченных механизмах ограждения мостов и несся навстречу взлетавшим реактивным самолетам по рулежным дорожкам аэропортов.

По ночам его изводили сны, а днем — невоз-

можный маршрут, на который его поставил мистер Клайд. Казалось, ни одна живая душа во Французском Квартале не заинтересована в поедании «горячих собак». Он приносил домой все меньше и меньше, а мать, в свою очередь, становилась все неприветливее. Когда и как же, наконец, завершится этот порочный цикл?

В утренней газете он прочел, что гильдия художниц устраивает в Пиратском Переулке показ своих картин. Воображая, что полотна эти окажутся достаточно омерзительными, чтобы занять на некоторое время его интерес, он столкнул тележку на брусчатку Переулка и покатил ее к ассортименту художественных произведений, болтавшихся на железных прутьях задней ограды кафедрального собора. На бушприт тележки, в попытках привлечь к бизнесу внимание квартальных обитателей, Игнациус приклеил лист из блокнота «Великий Вождь», на котором в карандаше печатными буквами значилось: «ДВЕНАДЦАТЬ ДЮЙМОВ (12») РАЯ". До сих пор на призыв никто не откликнулся.

В Переулке толпились хорошо одетые дамы в широкополых шляпках. Игнациус направил нос тележки в скопление народа и двинулся вперед. Какая-то женщина прочла заявление «Великого

Вождя» и завопила, призывая компаньонок расступиться подальше от кошмарного призрака, объявившегося на их художественной выставке.

— «Горячую собачку» не желаете, дамы? — с приятностью в голосе поинтересовался Игнациус.

Взоры дам изучили вывеску, серьгу, кашне, абордажную саблю и взмолились о том, чтобы Игнациус двигался дальше. Дождь для их выставки был бы достаточно губителен. Но *это*.

— Горячие собаки, горячие собаки, — повторял Игнациус чуть более сердито. — Пряности из гигиеничных райских кухонь.

В наступившей вслед за этим тишине Игнациус свирепо рыгнул. Дамы сделали вид, что изучают небосвод и маленький садик на задворках собора.

Игнациус догромыхал до изгороди, оставив тщетную надежду, еще поддерживавшуюся присутствием тележки, и вперился в живописные полотна, пастели и акварели, нанизанные на прутья. Хотя стиль каждой работы отличался разной степенью вульгарности, сюжеты всех картин были сравнительно безыскусны: камелии, утопающие в мисках с водой, азалии, вздернутые в амбициозные букеты, магнолии, похожие

на белые ветряные мельницы. Некоторое время Игнациус яростно вглядывался в эти дары в одиночестве, ибо дамы отступили от изгороди, образовав нечто вроде маленького кружка самообороны. Тележка тоже осталась покинутой на брусчатке в нескольких футах от нового члена художественной гильдии.

— О мой Бог! — взревел Игнациус, прогулявшись взад и вперед по переулку. — Как смеете вы представлять публике такие недоношенные уродства!

— Пожалуйста, проходите дальше, сэр, — выступила дама посмелее.

— Магнолии выглядят совершенно не так, — продолжал Игнациус, тыча абордажной саблей в особо вызывающую пастель. — Вам, дамы, нужно пройти курс ботаники. И, возможно, — геометрии тоже.

— Вам вовсе не *обязательно* смотреть наши работы, — донесся из группы оскорбленный голос, принадлежавший даме, изобразившей обсуждаемую магнолию.

— Нет, обязательно! — завопил Игнациус. — Вам необходим критик, обладающий хоть каким-то вкусом и пристойностью. Боже милостивый! Кто из вас нарисовал эту камелию? Смелее. Вода

в этой вазе похожа на машинное масло.

— Оставьте нас в покое, — раздался пронзительный голос.

— Женщины, вы бы лучше бросили устраивать чаепития и закатывать завтраки, а сели бы и научились сначала рисовать, — громыхал Игнациус. — Во-первых, вам следует научиться держать как следует кисть. Я бы предложил вам собраться всем вместе и для начала нарисовать чей-нибудь дом.

— Уходите.

— Если бы вы, «художницы», смогли участвовать в росписи Систинской Капеллы, она бы сейчас выглядела как особенно вульгарный железнодорожный вокзал, — фыркнул Игнациус.

— Мы не намерены терпеть оскорблений какого-то грубого киоскера, — высокомерно заявила представительница шайки широкополых шляпок.

— Понимаю! — заорал Игнациус. — Так это вы, значит, клевещете на репутацию торговца «горячими собаками»?

— Он безумен.

— Он так простонароден.

— Так груб.

— Не поощряйте его.

— Мы вас здесь не желаем видеть, — ядовито и просто высказалась представительница.

— Я мог бы себе это представить! — раздул ноздри Игнациус. — Очевидно, что вы боитесь того, у кого еще сохранился какой-то контакт с реальностью, кто способен правдиво описать вам все те оскорбления, что вы нанесли холсту.

— Покиньте нас, пожалуйста, — распорядилась представительница.

— Покину. — Игнациус схватился за рукоятки тележки и толкнул ее прочь. — Вам, женщины, следует пасть на колени и молить о прощении за то, что я увидел вот на этом заборе.

— Город явно деградирует, если на улицах можно встретить *такое*, — произнесла какая-то женщина, когда Игнациус ковылял по Переулку мимо.

Игнациус с удивлением почувствовал, как от затылка у него отскочил маленький камушек. Он зло продолжал толкать тележку дальше по брусчатке, пока не достиг конца переулка. Там он поставил ее на прикол в одном из боковых проходов, чтобы не бросалась в глаза. У него болели ноги, и он не хотел, чтобы кто-нибудь беспокоил его просьбами продать сосиску, пока он отдыхает. Хотя дела хуже идти не могли, наступают

времена, когда человек должен быть верен себе и свое благосостояние блюсти прежде всего. Еще немного такой торговли, и ноги его превратятся в две кровоточащие культи.

Игнациус неловко присел на боковые ступеньки собора. Его свежевозросший вес, а также вздутие, вызванное бездействующим клапаном, делали несколько неудобным любое положение тела, кроме стоячего или лежачего. Стащив сапоги, он принялся разглядывать огромные горбыли ступней.

— Ох, матушки, — раздался над Игнациусом голос. — Что я вижу? Прихожу это я полюбоваться на кошмарную безвкусную выставку — и каков же на ней Экспонат Номер Один? Призрак пирата Лафитта[52]. Нет. Толстяк Арбакл[53].Или Мари

[52] notes: 52

Жан Лафитт (1780?-1826) — пират, действовавший на побережье Мексиканского залива. Родился во Франции. Эмигрировал в Новый Орлеан около 1806 г. Со своей базы к югу от города он с компанией головорезов грабил испанские торговые суда. Во время войны 1812-1815 гг. Лафитт сражался в битве за Новый Орлеан на стороне американцев в обмен на общую амнистию. Однако, в 1817 г. он вернулся к пиратскому промыслу и основал новую базу на месте нынешнего Гэлвестона, Техас. В 1820 году в отместку за нападение на торговое судно США на уничтожение пиратской колонии был отправлен боевой корабль, однако, чтобы избежать кровопролития, Лафитту и его людям было позволено спастись бегством на одном из своих кораблей.

[53] notes: 53

Роско Арбакл по кличке «Толстяк» (1887-1933) — американский комический актер немного кино, чей арест после смерти молодой женщины

на вечеринке в Отеле Св.Франциска на День Труда в 1921 году стал началом череды разоблачений злоупотреблений наркотиками в Сан-Франциско.

Дресслер?[54] Скажите же мне или я умру.

Игнациус поднял глаза и увидел молодого человека, купившего у его матери шляпку в «Ночи Утех».

— Подите от меня прочь, хлыщ. Где головной убор моей матери?

— Ах, вон тот, — вздохнул молодой человек. — Боюсь, он был уничтожен во время поистине дикого сборища. Все любили его как родного.

— Я больше чем уверен в этом. Как именно его осквернили, я интересоваться не стану.

— А я этого все равно бы и не вспомнил. В ту ночь для маленького *moi*[55] было слишком много мартини.

— О, мой Бог.

— Что, во имя всего святого, вы делаете в этом причудливом наряде? Вы похожи на Чарлза Лофтона[56] в женском платье в роли Царицы Цыганской. Кого вы *должны* изображать? Мне в

---

[54] notes: 54

американо-канадская комическая актриса, получившая награду Американской Киноакадемии за фильм «Мин и Билл»(1931).

[55] notes: 55

меня (фр.)

[56] notes: 56

Чарлз Лофтон (1899-1962) — английский характерный актер, чья пухлая насмешливая физиономия была весьма популярна на экране в 1930-е годы.

самом деле очень интересно.

— Проходите мимо, фат, — отрыгнул Игнациус, и его газовые извержения эхом прогрохотали между стен Переулка. Женская художественная гильдия обратила шляпки к источнику вулканического звука. Игнациус окинул свирепым взором рыжий бархатный пиджак и розовато-лиловый кашемировый свитер молодого человека, а также его угловатое блестящее лицо и волну светлых волос, ниспадавшую на лоб. — Подите от меня прочь, пока я не поверг вас наземь.

— Ох, боже мой, — рассмеялся молодой человек чередой веселых детских смешочков, от которых затрясся весь его пушистый пиджачок. — Вы в самом деле душевнобольной, правда?

— Как вы смеете! — завопил Игнациус. Он отцепил абордажную саблю и начал колотить молодого человека по икрам своим пластмассовым оружием. Тот захихикал и затанцевал перед Игнациусом, уворачиваясь от ударов, — его грациозные телодвижения сильно мешали точности попаданий. Наконец, он перепрыгнул на другую сторону Переулка и оттуда помахал Игнациусу ручкой. Игнациус схватил свой слоновий спог пустынной модели и запустил им в выписывавшую пируэты фигурку.

— Ой, — пискнул молодой человек. Сапог он поймал и отправил обратно. Тот заехал владельцу прямо в физиономию.

— О, мой Бог! Меня обезобразили!

— Заткнитесь.

— Я легко могу привлечь вас за вооруженное нападение.

— На вашем месте я бы держался от полиции как можно дальше. Как вы думаете, что они скажут при виде подобного наряда — «Радуйся, Мария»? И *меня* к тому же за нападение привлекать? Давайте будем немножко реалистами. Меня удивляет, как вам вообще позволяют тут разгуливать в этом костюме гадалки. — Молодой человек щелкнул зажигалкой, прикурил «Сэлем» и снова щелкнул крышечкой. — К тому же — босиком и с игрушечной сабелькой? Да вы никак смеетесь надо мной?

— Полиция поверит всему, что бы я им ни рассказал.

— Сделайте одолжение.

— Вас могут запереть на несколько лет.

— Ох, да вы в самом деле с луны свалились.

— Ну что ж, я определенно не обязан сидеть тут и выслушивать вас, — подытожил Игнациус, натягивая свои замшевые сапоги.

— О-о! — довольно заверещал молодой человек. — Какое у вас лицо! Как у Бетт Дэйвис[57] с несварением желудка.

— Не смейте ко мне обращаться, дегенерат. Ступайте играть со своими маленькими дружками. Я уверен, что Квартал просто кишит ими.

— Как поживает ваша дражайшая маменька?

— Я не желаю слышать, как это святое имя слетает с ваших декадентских губ.

— Ну, поскольку оно уже слетело, — с нею все в порядке? Такая милая, такая дорогуша эта женщина, такая неиспорченная. Вам очень повезло.

— Я не стану обсуждать ее с вами.

— Если вам этого угодно, пожалуйста. Я просто надеюсь, что она не знает, как вы тут скачете по улицам наподобие венгерской Жанны д'Арк. Эта сережка в ухе. Такая мадьярская.

— Если вам хочется такой же костюм, сходите и купите, — ответил Игнациус. — А меня оставьте в покое.

— Я убежден, что таких вещей не купить нигде. О, но на вечеринке он произведет настоящий фурор.

---

[57] notes: 57

Рут Элизабет Дэйвис (1908-1989) — американская актриса театра и кино, популярная в 1930-40-х годах, после чего снималась только в характерных ролях.

— Я подозреваю, что вечеринки, которые вы посещаете, должны быть подлинными видениями апокалипсиса. Я знал, что наше общество к этому придет. Через несколько лет вы и ваши друзья, вероятно, захватите в стране власть.

— О, а мы так и собираемся, — с жизнерадостной улыбкой ответил молодой человек. — У нас есть связи в высших сферах. Для вас это станет сюрпризом.

— Нет, не станет. Хросвита могла бы предсказать это очень давно.

— А это еще кто такая?

— Средневековая монахиня-сивилла. Она направляет меня по жизни.

— О, вы поистине изумительны, — возликовал молодой человек. — И хотя я думал, что это уже невозможно, но вы набрали вес. Вы где-нибудь вообще заканчиваетесь? В вашей тучности есть что-то невероятно безвкусное.

Игнациус поднялся на ноги и ткнул молодого человека в грудь пластмассовой абордажной саблей.

— Вот вам, дохлятина! — вскричал он, вонзая саблю в кашемировый свитер. Ее кончик сломался и упал на брусчатку.

— Ой, матушки, — взвизгнул молодой чело-

век. — Вы же мне свитер порвете, псих ненормальный.

В Переулке члены женской художественной гильдии снимали с ограды свои картины и складывали алюминиевые садовые стульчики, точно арабы, готовые незаметно слинять. Их ежегодная выставка на открытом воздухе пошла прахом.

— Я — карающий меч вкуса и пристойности, — орал Игнациус. Пока он кромсал свитер своим сломанным оружием, дамы ринулись из Переулка в сторону Королевской улицы. Несколько отставших в панике хватались за свои магнолии и камелии.

— И зачем я только остановился с вами поговорить, маньяк? — запыхавшись, злобно шептал молодой человек. — Это же мой самый лучший свитер.

— Курва! — голосил Игнациус, царапая молодому человеку грудь абордажной саблей.

— Ох, ну какой же ужас.

Он попытался сбежать, но Игнациус крепко держал его за плечо свободной рукой. Тогда, продев палец в серьгу Игнациуса, молодой человек дернул и выдохнул:

— Бросайте сабельку!

— Боже мой! — Игнациус выронил саблю на

брусчатку. — У меня, наверное, ухо сломано.

Молодой человек отпустил серьгу.

— Ну, всё, вы переступили черту! — ныл, пуская слюни, Игнациус. — Теперь вы будете гнить в федеральной тюрьме весь остаток своей жизни.

— Вы только взгляните, что вы сделали с моим свитером, омерзительное чудовище.

— Только такую вычурную дохлятину, как вы, и можно увидеть в таком недоношенном свитере, как ваш. Должен же быть у вас какой-то стыд или хотя бы вкус в платье.

— Вы ужасное существо. Вы огромная *тварь*.

— Мне, вероятно, придется провести несколько лет в Клинике Глаза, Уха, Горла и Носа, чтобы мне его вылечили, — продолжал скулить Игнациус, ощупывая ухо. — Можете рассчитывать на то, что вам каждый месяц будут приходить довольно-таки ошеломляющие медицинские счета. Мой корпус адвокатов выйдет на вас утром, где бы вы ни занимались своей сомнительной деятельностью. Я предупрежу их заранее, что они могут увидеть и услышать все, что угодно. Все они — блистательные юристы, столпы общества, аристократические креольские интеллигенты, чьи познания в более скрытых от глаз формах жизнедеятельности довольно ограниченны.

Они даже могут отказаться от встречи с вами. Нанести вам визит могут отправить значительно менее солидного представителя, какого-нибудь младшего партнера, взятого в услужение из сострадания.

— Вы ужасное, кошмарное животное.

— Тем не менее, чтобы избавить вас от тревоги ожидания этой фаланги светил законности в паутине ваших апартаментов, я снизойду до принятия мирного урегулирования вопроса прямо сейчас, если желаете. Пяти или шести долларов будет достаточно.

— Свитер стоил мне сорок, — ответил молодой человек. Он общупал участок, подпорченный саблей. — Вы готовы за него мне заплатить?

— Разумеется, нет. Я никогда не вступаю в препирательства с нищебродами.

— Я легко могу подать на вас в суд.

— Возможно, нам обоим следует отказаться от мысли прибегнуть к судебному вмешательству. Такое благоприятное событие, как судебный процесс, вас, вероятно, увлечет настолько, что вы появитесь в тиаре и вечернем платье. Старенький судья довольно сильно смутится. Нас обоих, вне всякого сомнения, признают виновными по какому-нибудь сфабрикованному обвинению.

— Вы тошнотворный зверюга.

— Почему бы вам не убраться восвояси, чтобы отдать должное какой-либо сомнительной забаве, привлекающей вас? — сквозь отрыжку промолвил Игнациус. — Посмотрите, по улице Шартр дрейфует какой-то матрос. Он выглядит довольно одиноким.

Молодой человек бросил взгляд в тот конец Переулка, который выходил на улицу Шартр.

— Ах, этот, — пнроцедил он. — Это всего лишь Тимми.

— Тимми? — рассерженно переспросил Игнациус. — Вы с ним знакомы?

— Конечно. — В голосе молодого человека звучала тяжелая скука. — Один из моих дражайших, *старейших* друзей. И вовсе никакой он не матрос.

— Что? — громыхнул Игнациус. — Уж не хотите ли вы сказать, что эта личность выдает себя за служащего вооруженных сил этой страны?

— Это еще не все, за кого он себя выдает.

— Это крайне серьезно. — Игнациус нахмурился, и красное сатиновое кашне на его охотничьей шапочке съехало вниз. — Каждый солдат и матрос, которого мы видим, может оказаться каким-нибудь замаскированным спятившим де-

кадентом. Бог мой! Мы все ведь можем оказаться в тенетах какого-то ужасного заговора. Я знал — нечто подобное может произойти. Соединенные Штаты, вероятно, совершенно беззащитны!

Молодой человек и матрос помахали друг другу, точно старые знакомые, и матрос скрылся из виду за углом собора. В проеме Пиратского переулка показался патрульный Манкузо — он крался за матросом в нескольких шагах, в берете и с фальшивой козлиной бородкой.

— О-о! — радостно заверещал молодой человек при виде патрульного. — Вон тот дивный полицейский. Неужели там не соображают, что в Квартале всем известно, кто он такой?

— Вы и его тоже знаете? — осторожно поинтересовался Игнациус. — Он очень опасный человек!

— Его все знают. Слава богу, что он вернулся. А то мы уже начали волноваться, что с ним приключилось. Мы его просто обожаем. О, я всякий раз просто дождаться не могу, какой костюм на него еще нацепят. Вы бы его видели несколько недель назад, до того, как он исчез: просто умереть не встать, в какого ковбоя его превратили. — И молодой человек зашелся приступом дикого хохота. — В своих сапогах он едва мог передвигаться, лодыжки постоянно подворачи-

вались. Однажды он задержал меня на Шартре, когда я поистине с ума сходил от шляпки вашей мамаши — уж не в Женской ли Тюремной Ассоциации ей ее выдали? Потом он остановил меня на Дюмэн и попытался завязать разговор. В тот день на нем были очки в роговой оправе и спортивный свитер. Он сообщил мне, что он — студент из Принстона, здесь на каникулах. Просто сказка. Я так рад, что полиция вернула его людям, которые его поистине ценят. Я уверен: где бы он ни был все это время, таланты его уходили псу под хвост. О, а этот его акцент. Некоторым он больше всего нравится как британский турист. Но это на ценителя. Я же всегда предпочитал его как полковника южан. Наверное, все это — дело вкуса. Мы ему пару раз арест устраивали за непристойные предложения. Полицию это всегда изумительно сбивает с толку. Я правда надеюсь, что больших неприятностей у него не было — он очень дорог нашим сердцам.

— Он воплощение зла, — заметил Игнациус. А потом добавил: — Интересно все же, сколько наших так называемых «военных» — на самом деле обычные люди, вроде вашего дружка, переодетые уличные девки.

— Кто ж знает? Хорошо бы — все до единого.

— Рахзумеется, — задумчиво и серьезно продолжал Игнациус, — этот обман может распространяться на весь мир. — Красное сатиновое кашне заелозило вверх и вниз. — Следующая война может превратиться в одну массивную оргию. Господи боже мой. Сколько главнокомандующих в мире может оказаться просто-напросто старыми душевнобольными содомитами, играющими некие фальшивые фантастические роли? На самом деле, для мира в целом это могло бы оказаться довольно благоприятным. Это могло бы означать конец всех войн навсегда. Это могло бы стать ключом к прочному миру.

— Вполне могло бы, с готовностью согласился молодой человек. — Мир любой ценой.

Два нервных окончания в голове Игнациуса сомкнулись и образовали немедленную ассоциацию. Возможно, он отыскал способ справиться с наглостью М.Минкофф.

— Помешавшиеся от власти мировые лидеры определенно будут весьма удивлены, узнав, что военные руководители и войска — всего лишь замаскировавшиеся содомиты, которым только того и надо, что встретиться лицом к лицу с замаскировавшимися содомитскими армиями стран-противников, чтобы устраивать вместе

танцы, закатывать балы и разучивать иностранные па.

— Ну не чудесно ли это было бы? Правительство оплачивало бы нам путешествия. Как божественно. Мы бы положили конец всемирным неурядицам и оживили бы надежду и веру людей.

— Быть может, вы и есть — наша надежда на будущее, — изрек Игнациус, драматически припечатав одной своей лапой другую. — Ничего иного, более многообещающего, на горизонте все равно не наблюдается.

— К тому же, мы поможем покончить со взрывом перенаселения.

— О мой Бог! — Изжелта-небесные глаза дико сверкнули. — Ваш метод, вероятно, окажется более удовлетворительным и приемлемым, нежели довольно-таки драконовские тактики тактики контроля рождаемости, в поддержку которых я всегда выступал. В своих письменных трудах я должен отвести этому какое-то пространство. Предмет этот заслуживает внимания глубокого мыслителя, владеющего определенной перспективой рассмотрения культурного развития мира. Я определенно рад, что вы способствовали моему новому ценному озарению.

— О, какой сегодня прелестный день. Вы — цыганка. Тимми — матрос. Изумительный полицейский — художник. — Молодой человек вздохнул. — Совсем как на Марди-Гра, а я чувствую себя здесь лишним. Схожу-ка я домой, чего-нибудь на себя накину.

— Секундочку, — остановил его Игнациус. Нельзя упускать такую возможность из разбухших пальцев.

— Я надену сабо. У меня сейчас наступила фаза Руби Килер[58], — весело сообщил Игнациусу молодой человек и запел: — «Ты пойдешь домой надеть трусишки, я пойду домой надеть штанишки, и мы двинем в путь с тобой. Ой-ёй-ёй. Двинем мы с тобою, строем, прямо в Буффало-й-ёй-ёй…»

— Прекратите это оскорбительное представление, — сердито приказал Игнациус. Таких людей надо загонять в строй кнутом.

Молодой человек немного пошаркал башмаками вокруг Игнациуса и выдал:

— Руби была такая дорогуша. Я смотрю ее старые фильмы по телевидению истово. «Хватит нам серебряного четвертака, чтобы подкупить

---

[58] notes: 58

Руби Килер (Этель Килер, 1909-1993) — миниатюрная американская танцовщица и певица, популярная благодаря своим мюзиклам 30-х годов.

проводника, свет в купе погасим, мой дорогой, ой-ёй-ёй. Двинем мы с тобою, строем, прямо…»

— Да будьте же вы серьезны хоть миг. Хватит тут вокруг меня порхать.

— *Moi?* Порхаю? Чего же вы хотите от меня, Цыганка?

— А вы не думали о том, чтобы сформировать политическую партию и выдвинуть своего кандидата?

— Политика? О, Орлеанская Дева! Какая тоска.

— Это же очень важно! — тревожно закричал Игнациус. Теперь он покажет Мирне, как впрыскивать секс в политику. — Хотя я раньше этого и никогда не рассматривал, у вас в руках может оказаться ключ к будущему.

— Так что же вы хотите с ним делать, Элеанор Рузвельт?

— Вы должны основать партийную организацию. Следует разработать планы.

— Ох, я вас умоляю, — вздохнул молодой человек. — От всех этих мужских разговоров у меня голова кругом идет.

— Возможно, нам удастся спасти мир! — проревел Игнациус голосом заправского оратора. — Боже милостивый! И почему я раньше об этом не подумал?

— Вот такие разговоры угнетают меня больше, чем вы могли бы себе вообразить, — поведал ему молодой человек. — Вы начинаете напоминать мне моего отца, а что на свете может угнетать сильнее? — Молодой человек вздохнул. — Боюсь, мне уже надо бежать. Пора надевать костюм.

— Нет! — Игнациус ухватился лапой за лацкан его пиджака.

— Ой, матушки, — выдохнул молодой человек, поднеся руку к горлу. — Теперь мне всю ночь пилюли глотать.

— Мы должны организоваться немедленно.

— Даже не могу вам сказать, как вы меня угнетаете.

— Чтобы начать кампанию, у нас должно пройти большое организационное собрание.

— Это будет что-нибудь вроде тусовки?

— Да — в некотором смысле. И вместе с тем партия должна выражать ваши цели.

— Тогда это, наверное, типа весело. Вы и представить себе не можете, насколько пресные, бесцветные у нас в последнее время партии.

— Это не та партия, осел.

— О, мы будем очень и очень серьезны.

— Хорошо. Теперь послушайте меня. Я должен прийти и прочесть вам лекцию, чтобы наставить

вас на правильный курс. Я обладаю довольно обширными познаниями в политической организации.

— Великолепно. Вы должны быть вот в этом фантастическом костюме. Могу вас заверить — так вы добьетесь сосредоточенного внимания всех и каждого, — заверещал молодой человек и прикрыл рот рукой: — Ох, дорогой мой, какая дикая тусовка у нас организуется.

— Нельзя терять ни минуты, — непреклонно промолвил Игнациус. — Апокалипсис уже на носу.

— Устроим ее на следующей неделе у меня.

— У вас должна быть красная, синяя и белая материя для знамен, — проинструктировал его Игнациус. — На политических мероприятиях она всегда бывает.

— У меня ее целые рулоны. О, сколько всего украшать придется. Придется позвать на помощь несколько близких друзей.

— Зовите, — возбужденно согласился Игнациус. — Начинайте организовывать на всех уровнях.

— О, я ни за что бы не подумал, что с вами может быть так весело. В этом жутком нищенском баре вы были так враждебно настроены.

— Существо мое многогранно.

— Вы меня изумляете. — Молодой человек воззрился на наряд Игнациуса. — Подумать только — вот в этом вас выпускают на свободу. В некотором смысле, я вас уважаю.

— Покорнейше вас благодарю. — Голос Игнациуса смягчился от удовольствия. — Большинство олухов не постигают моего мировоззрения совершенно.

— Иначе я бы и не подумал.

— Я подозреваю, что за вашим оскорбительно и вульгарно женоподобным фасадом должна таиться некоторым образом душа. Начитаны ли вы в Боэции?

— В чем? Ох, батюшки, нет, конечно. Я даже газет никогда не читаю.

— В таком случае вы должны приступить к программе чтения немедленно, чтобы в полной мере осознать кризисы нашего века, — внушительно произнес Игнациус. — Начните с поздних римлян, включая Боэция, разумеется. Затем вам следует поглубже окунуться в раннюю медиевистику. Возрождение и Просвещение можно пропустить. Это, по большей части, опасная пропаганда. Кстати, раз уж об этом зашла речь, романтиков и викторианцев тоже следует обой-

ти. Что касается современного периода, вам следует изучить лишь отдельные книжки комиксов.

— Вы просто фантастичны.

— Особенно я рекомендую вам «Бэтмена»[59], ибо он имеет склонность выходить за пределы того ужасного общества, в котором оказался. К тому же, у него до некоторой степени твердая мораль. Я довольно-таки уважаю Бэтмена.

— Ох, посмотрите — вон снова Тимми, — показал молодой человек. Матрос шел по улице Шартр в противоположном направлении. — Неужели он никогда не устает от одного и того же маршрута? Туда-обратно, туда-обратно. Поглядите только на него. Зима стоит, а на нем до сих пор летняя белая форма. Конечно же, ему и в голову не приходит, что для берегового патруля он — верная мишень. Вы и вообразить себе не можете, насколько этот мальчишка глуп и безрассуден.

— Его лицо в самом деле выглядело несколько затуманенным, — заметил Игнациус. Художник в берете и бородке тоже прошел по Шартр с деловым видом, держась в нескольких футах от матроса. — О, мой Бог! Этот нелепый представи-

---

[59] notes: 59

Комикс «Человек-летучая мышь» 18-летнего художника Боба Кэйна впервые выпущен компанией «Ди-Си Комикс» в 1939 г.

тель закона все испортит. Он как ложка дегтя в общей бочке меда. Вероятно, вам следует догнать этиого матроса и увести его с улицы. Если военно-морские власти его задержат, то обнаружат, что он — самозванец, и нашу политическую стратегию разоблачат. Утащите отсюда этого клоуна поскорее, пока он не погубил самый дьявольский политический заговор в истории всей западной цивилизации.

— Ой! — радостно взвизгнул молодой человек. — Я сейчас вернусь и все ему об этом расскажу. Когда он услышит, что он чуть было не натворил, он завопит и грохнется в обморок.

— Не ослабляйте же своих приготовлений, — предостерег его Игнациус.

— Я уработаюсь до полного изнеможения, — весело заверил его молодой человек. — Встречи на окружных участках, регистрация избирателей, предвыборная реклама, комитеты. Первый митинг начнем около восьми. Я живу на улице Св.Петра, дом с желтой штукатуркой сразу, как свернуть с Королевской. Не обознаетесь. Вот моя карточка.

— О, мой Бог! — пробормотал Игнациус, разглядывая строгую визитку. — Не могут же вас в самом деле звать Дориан Грин.

— Еще как могут. Правда, здорово? — томно протянул Дориан. — Если бы я сообщил вам свое настоящее имя, вы бы со мной даже не поздоровались в следующий раз. Оно такое банальное, что только его вспомню — и уже умереть готов. Я родился на пшеничной ферме в Небраске. Дальше, я думаю, все понятно.

— Ну, как бы то ни было, меня зовут Игнациус Ж.Райлли.

— Это не очень ужасно. Я как бы представлял вас Хорэсом или Хамфри, или чем-нибудь вроде этого. Ну, не подведите нас. Речь свою порепетируйте. Я гарантирую большую толпу народа — все просто подыхают от скуки и общей депрессии, поэтому за приглашения глотки друг другу перегрызут. Звякните мне, и уладим точную дату.

— Не забудьте подчеркнуть значимость этого исторического конклава, — сказал Игнациус. — В нашем ядре залетные бабочки не нужны.

— Возможно, там окажется несколько костюмов. Тем-то Новый Орлеан и прелестен. Можно переодеваться и устраивать себе Марди-Гра хоть круглый год. В самом деле, Квартал иногда — весь как один огромный маскарад. Иногда я друга от неприятеля отличить не могу. Но если вы имеете что-то против костюмов, я всех предупрежу, хоть

их сердечки и разорвутся от разочарования. У нас уже несколько месяцев не складывалось хорошей партии.

— Я не стану иметь ничего против нескольких пристойных, костюмированных со вкусом членов, — наконец, промолвил Игнациус. — Они могут привнести в организационное собрание соответствующую случаю международную атмосферу. Политики, кажется, всегда не против пожать руки каким-нибудь монголоидам в этнических и национальных костюмах. Раз уж зашла речь об этом, можете поощрить один-два таких костюма. Однако, не нужно, чтобы кто-либо изображал женщин. Я не считаю, что политикам в особенности хочется появляться в обществе таких особ. Подозреваю, они могут вызвать негодование сельских избирателей.

— Давайте же я скорее побегу и разыщу глупышку Тимми. Напугаю его до смерти.

— Только поберегитесь этого Макиавелли из полиции. Если он разнюхает что-то о нашем заговоре, мы пропали.

— О, если б я так не радовался от того, что он снова на наш участок вернулся, я бы позвонил в полицию, и его бы немедленно арестовали за приставания. Вы даже представить себе не мо-

жете, какое у этого человека выражение на лице появлялось, когда патруль приезжал забирать его. Да и у самих офицеров. Просто цены нет. Но мы все так благодарны, что его нам вернули. Никто теперь не осмелится его третировать. Прощайте, Цыганская Мамаша.

И Дориан поскакал по переулку догонять декадентского морехода. Игнациус взглянул в сторону Королевской улицы. Интересно, куда подевалась женская художественная гильдия. Он дотащился до прохода, в котором спрятал тележку, приготовил себе «горячую собаку» и помолился, чтобы до исхода дня у него появился хоть один покупатель. С тоскою осознавал он, как низко Фортуна открутила его колесо. Раньше он и помыслить не мог, что станет молиться для того, чтобы у него покупали сосиски. Но, по крайней мере, теперь у него против М.Минкофф появился грандиозный новый план. Мысль о первом митинге новой партии сильно взбодрила его. На сей раз распутница будет совершенно сбита с толку.

* * *

Весь вопрос в хранении. Каждый день примерно с часу до трех Джордж был привязан к своим пакетам. Однажды он пошел в кино, но даже

в темноте, на спаренном сеансе фильмов про колонию нудистов, ему было удобно. Он боялся положить пакеты на соседнее сиденье, особенно в таком кинотеатре. Держа их на коленях, он постоянно помнил об этом бремени все три часа загорелой плоти, заполнявшей экран. В другие дни он просто таскал их с собою, пока скучающе бродил по деловому району и Кварталу. К трем же часам он так уставал от своего пешего марафона, что сил на ежедневные переговоры уже не оставалось; а за два часа подобных транспортировок обертки пакетов влажнели и рвались. Если хотя бы один из них рассыплется на улице, последующие несколько лет можно будет запросто провести в колонии для малолетних преступников. Почему тот шпик хотел арестовать его в уборной? Он же ничего не сделал. У этого агента наверняка какая-нибудь детективная телепатия есть.

В конце концов, Джордж придумал место, которое, по меньшей мере, могло гарантировать ему хоть какой-то отдых и возможность присесть — Собор Св. Людовика. Он сел на скамью возле ряда свечей ко всенощной и принялся украшать себе руки. Пакеты стопкой лежали рядом. Когда с руками было покончено, он вытащил кармашка

впереди служебник и перелистал его, освежая смутные знания о механике Мессы путем рассматривания картинок, на которых священник выполнял один обряд за другим. Месса — на самом деле штука очень несложная, решил для себя Джордж. Он шуршал страницами, пока не пришла пора уходить. Потом собрал пакеты и вышел на улицу Шартр.

Ему подмигнул матрос, опиравшийся на фонарный столб. Джордж ответил на приветствие неприличным взмахом татуированной руки и, ссутулившись, зашаркал ногами по улице. Проходя мимо Пиратского Переулка, он услыхал какие-то вопли. Там чокнутый торговец сосисками пытался зарезать пластмассовым ножом какого-то педика. Киоскеру этому совсем башню снесло. Джордж на секунду приостановился, разглядев качавшиеся и подскакивавшие сережку в ухе и кашне, пока педик визжал, будто его в самом деле резали. Киоскер, вероятно, не представлял себе ни какой сегодня день, ни какой месяц и даже год. Наверное, думает, что сегодня Марди-Гра.

Шпика из уборной, шедшего следом за матросом, Джордж заметил как раз вовремя. Сейчас он был похож на битника. Джордж заскочил в одну

из арок древнего административного здания периода испанского владычества, «Кабильдо», и по галерее промчался до улицы Св.Петра, потом добежал до Королевской и направился прочь от центра, к автобусным линиям.

Теперь шпик, значит, по Кварталу рыскает. Приходится признать — фараоны на высоте. Господи Иисусе. Ни единого шанса не оставляют.

И мысли его вернулись к вопросу хранения. Он уже начинал себя чувствовать каким-то уголовником в бегах, прячущимся от легавых. Куда теперь? Он вскарабкался в автобус «Страсть» и стал над этим размышлять всерьез, пока железный ящик разворачивался и выезжал на Коньячную улицу мимо бара «Ночь Утех». На тротуаре стояла Лана Ли — она руководила своим черным парнягой, который устанавливал на мостовой перед баром какой-то плакат в застекленной коробке. Парняга щелчком отбросил сигарету, которая подпалила бы мисс Ли прическу, если б не была направлена снайперской рукой. Бычок проплыл над самой головой мисс Ли лишь в каком-то дюйме. Какие ловкие нынче пошли негритосы. Надо будет как-нибудь вечерком заехать куда-нибудь к ним в район, яйцами пошвыряться. Они с корешами уже давно так не развлекались: берешь

чью-нибудь пришпоренную тачку, катаешься по округе и пуляешь себе в негритосов, которым мозги не хватило на обочине не стоять.

Но вернемся к вопросу хранения. Только когда автобус пересек Елисейские Поля, Джордж что-то придумал. Вот же оно. Все время перед носом маячило — он просто не сообразил. Джордж готов был пнуть себя в лодыжку заточенным носком своего цыганского сапога. Перед глазами у него стоял прекрасный, просторный, защищенный от превратностей погоды металлический ящик, мобильный несгораемый шкаф, который ни одному шпику на свете, сколь бы хитер он ни был, не придет в голову открыть, сейф, охраняемый самым большим олухом в мире: отсек для булочек в жестяной сосиске этого придурочного киоскера.

ОДИННАДЦАТЬ

— Ай, погляди только, — сказала Санта, поднося газету к самом носу. — Какую славненькую картину у нас показывают с маленькой Дебби Рейнольдс[60].

— Ай, какая миленькая, — откликнулась миссис Райлли. — Вам она нравится, Клод?

— А это кто? — с приятностью осведомился мистер Робишо.

— Маленькая Дебра Рейнольдс, — пояснила миссис Райлли.

— Я, кажется, не могу ее припомнить. Я не ходок по картинам.

— Она дорогуша, — сказала Санта. — Такая щупленькая. Ты когда-нибудь видела ее в той прелестной фильме, где она там Тэмми играла, Ирэна?

— Это там, где она ослепла?

— Нет, девушка! Ты, наверно, с другой перепутала.

— Ох, я даже знаю, с кем, лапуся. Я про Джун

---

[60] notes: 60

Дебра (Мэри Фрэнсис) Рейнольдс (р.1932) — ведущая актриса американских мюзиклов 50-х годов. «Тэмми и холостяк» — ее фильм 1957 года.

Уайман[61] думала. Она тоже милашечка была.

— Ай, хорошая какая, да, — откликнулась Санта. — Помню ту картину, где она играла куклу такую глупую, ее еще потом снасильничали.

— Боже-Сусе, хорошо, что я не пошла.

— Ай, чудесная картина была, малыша. Очень драматиццкая. Какое у этой куклы лицо было, когда ее снасильничали. Никогда не забуду.

— Кому-нибудь еще кофы налить? — спросил мистер Робишо.

— Ага, вот суда плесните, Клод, — сказала Санта, снова складывая газету и швыряя ее на холодильник. — Как жалко же, что Анджело не смог. Бедненький мальчик. Сказал мне, что день и ночь работать сам будет, чтоб хоть кого-нибудь привлечь. Наверно, дежурит сегодня где-то. Вы бы слышали, чего мне Рита евонная грит. Анджело, кажись, пошел и купил себе носить много дорогой одёжи, чтобы, наверно, какого супчика привлечь. Ну стыд же ж какой, а? Оно и видно же ж, как мальчик органы любит. Если его вышибут, у него ж сердце разобьется. Ох, хорошо б он по-

[61] notes: 61

На самом деле — Джейн Уайман (Сара Джейн Фолкс, р. 1914) — звезда американского кино 1940-х годов, знаменита своим ответом на вопрос, почему она развелась с Рональдом Рейганом: «Он слишком много говорил».

бродягу какого привлек.

— Тяжкая у Анджело дорожка, — рассеянно произнесла миссис Райлли. Она вспомнила о вывеске «МИР ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ», которую Игнациус прикрепил кнопками к фасаду их дома, вернувшись как-то раз с работы. Как только она появилась, мисс Энни пустилась в допрос с пристрастием — она орала свои вопросы из-за закрытых ставень. — А что вы думаете, Клод, если кому-то мира хочется?

— По мне, так это чистый комуняс.

Худшие страхи миссис Райлли осуществились.

— А кому это мира хочецца? — спросила Санта.

— Игнациус вывеску на дом повесил про мир.

— Я так и знала, — рассердилась Санта. — Сначала этот мальчик короля себе хочет, а теперь — мира. Говорю тебе, Ирэна. За ради твово же блага. Мальчика твово следывает посадить.

— А сережку он уже не носит. Я его спросила, а он грит: «Не ношу я никакой сережки, мамуля».

— Анджело врать не станет.

— Может, у него — малюпусенькая.

— По мне так сережка сережка и есть. Правда же ж, Клод?

— Это правда, — степенно ответил Клод Санте.

— Санта, лапуся, какая миленькая у тебя Святая

Дева на тиливизере, — поспешила отвлечь их от сережки миссис Райлли.

Все посмотрели на телевизионный приемник, стоявший рядом с холодильником, и Санта ответила:

— Ну она же правда хорошенькая? Это наша маленькая Матерь Чиливиденья. У нее снизу присоска, чтоб я ее не сшибла, когда грохочу тут по кухне. Я ее у Ленни купила.

— У Ленни все есть, — сказала миссис Райлли. — И, похоже, с хорошего пластика сделали, не ломается.

— Ну, как вам, детишки, ужин понравился?

— Он был восхитителен, — ответил мистер Робишо.

— Чудесный, — подтвердила миссис Райлли. — Уж я давненько так хорошо не кушала.

— Гаарфф, — рыгнула Санта. — Я, мне кажется, сильно много чесноку бухнула в эти фаршированные баклажаны, да токо с чесноком я всегда перебарщиваю. Мне даже внучата постоянно твердят: «Эй, мамо, ты точно всегда с чесноком перебарщиваешь.»

— Ай, как же ж мило, а? — заметила миссис Райлли по поводу внучат-гурманов.

— А по мне, так баклажаны отличные, — сказал

мистер Робишо.

— Я самая щасливая, токо когда полы драю или еду себе готовлю, — сообщила Санта гостям. — Ох и люблю я каструлю котлет наготовить или джамбалаи с креветками.

— И мне готовить нравится, — вставил мистер Робишо. — Дочке помочь иногда.

— Ну это уж точно, — подтвердила Санта. — Мущщина, который готовить умеет, — первый помощник в дому, уж поверьте мне. — Она лягнула миссис Райлли под столом. — Коли у женщины мущщина готовить любит, так, щитай, повезло девочке.

— А вам нравится готовить, Ирэна? — спросил мистер Робишо.

— Это вы мне, Клод? — Миссис Райлли пыталась себе представить, как Игнациус выглядит с сережкой в ухе.

— Хватит же ж в облаках витать, девонька, — распорядилась Санта. — Тут Клод у тебя спрашивает, ты готовить любишь?

— Ага, — соврала миссис Райлли. — Нравится мне готовить, нравится. Тока иногда на кухне так жарко, а особо — летом. Из проулка почти совсем не дует. Игнациус же ж все равно всякую дрянь обожает. Дай ему нескока бутылочек «Доктора

Орешка», да побольше выпечки, и он уже довольный ходит.

— Вам себе надобно летрическую плитку завести, — посоветовал мистер Робишо. — Я своей дочке такую купил. От нее не стока жару, как от газовой.

— Откуда ж у вас стока денег, Клод? — заинтересованно спросила Санта.

— А у меня пензия хорошая от железнодороги. Я ж у них сорок четыре года проработал. Мне же такой красивый золотой значок дали, когда уходил.

— Ай, как мило, а? — сказала миссис Райлли. — Так вы хорошо добились, а, Клод?

— Потом, — продолжал мистер Робишо, — у меня недвижность внаем вокруг дома. Я всегда чуточку зарплаты откладывал, чтоб в недвижности потом инвестирывать. Недвижность — это же хорошая инвестицыя.

— Еще бы, — закивала Санта, делая страшные глаза миссис Райлли. — Так вы, значит, теперь обеспечены, а?

— Мне довольно прилично хватает. Но знаете — надоедает иногда с дочкой и ее мужем жить. То есть, у них дело молодое. Своя семья, опять же. Они ко мне очень хорошо относятся, да мне бы

все равно лучше какой-нибудь домишко, но чтоб свой. Понимаете, да?

— На вашем месте, — сказала миссис Райлли, — я бы там и осталась. Если ваша маленькая дочка не против, тоись, — так-то у вас там все славно налажено. Ох, вот бы только у меня послушный мальчик был. Скажите же ж спасибо за то, что у вас есть, Клод.

Санта впечатала каблук своей туфли в лодыжку миссис Райлли.

— А-ай! — воскликнула та.

— Х-хосподи, прости меня, малыша. Всё мои ноги здоровущие. Большие ноги меня всегда беспокоили. В обувном не подберешь никогда ничего. Продавец видит — я иду, и думает уже: «Боже ж мой, вон опять мисс Батталья идет, что же мне делать?»

— Да не такие ж они у тебя и большие, — заметила миссис Райлли, заглядывая под кухонный стол.

— Я ж их просто в эти туфли тесные втиснула. Видела б ты, какие они, когда я босиком хожу, девонька.

— А у меня ноги хромые, — сообщила миссис Райли остальным. Санта сделала ей знак не обсуждать свои недостатки, однако закрыть миссис

Райлли рот было непросто. — Иной день и вообще ходить не могу. Мне кажется, они у меня болеть начали, когда Игнациус был совсем кроха, а я его повсюду на себе таскала. Боже-Сусе, как же он медленно ходил. И носом все время падал. Да и тяжеловат был для свово возраста. Может, от этого у меня артюрит.

— Послушайте-ка, детки, — быстро вмешалась Санта, чтобы миссис Райлли не успела пуститься в описание какого-нибудь нового ужасного недостатка. — А не сходить ли нам поглядеть милашечку Дебби Рейнольдс?

— Это будет мило, — ответил мистер Робишо. — Я никогда на картины не хожу.

— Ты хочешь сходить картину посмотреть? — переспросила миссис Райлли. — Ну, я не знаю. У меня ноги.

— Ай, да ладно тебе, девонька. Давай *из* дому выберемся. Тут чесноком воняет.

— Игнациус, кажись, мне говорил, что это фильма никудышняя. Он кажную новую картину не пропускает, этот мальчик.

— Ирэна! — рассердилась Санта. — Ты все время про этого мальчика думаешь, а он тебе столько хлопот чинит. Да проснись же ж, наконец, малыша. Если б у тебя понятие хоть какое было, ты

б давно его уже в Благодарительную Больницу сдала. К нему б там шлан включили. Ему б там летрицкую розетку вставили. Игнациусу твому б там показали, где раки зимуют. Он бы там сразу себя вести стал.

— Да-а? — с интересом спросила миссис Райлли. — А скока это стоит?

— Это бесплатно все, Ирэна.

— Государственное здравохранение, — заметил мистер Робишо. — Там, наверно, сплошь комунясы с попутчиками работают в этом месте.

— Этой больницей монашки заправляют, Клод. Х-хосподи, и где вы только всю эту ахинею про комунясов нахватали?

— А может сестер этих обдурачили? — сказал мистер Робишо.

— Ай, какой ужыс, — печально покачала головой миссис Райлли. — Бедненькие сестрички. Заправляют всем для банды комунясов.

— Да плевать мне, кто там заправляет, — сказала Санта. — Если там бесплатно людей запирают, Игнациусу там самое что ни на есть место.

— Игнациус тока начнет там с народом разговоры вести, они, наверно, разозляцца и надолго его запрут хорошенько, — произнесла миссис Райлли, однако думала она о том, что даже такой

выход из положения ее устраивает. — Может, он дохторов слушацца не будет.

— Заставят, куда денецца. По кумполу надают, в мирительную рубашку запрут, да еще воды на него сверху накачают, — с несколько чрезмерным воодушевлением высказалась Санта.

— Вы о себе совсем не думаете, Ирэна, — вмешался мистер Робишо. — Этот ваш сынишка вас же в могилу загонит.

— Во-во. Скажите ей, Клод, скажите.

— Ладно, — решилась миссис Райлли. — Дадим Игнациусу шанец. Может, он еще хорошо добьётцца.

— Сосисами торговать? — осведомилась Санта. — Х-хосподи-и. — Она покачала головой. — Ладненько, давайте я талерки эти в раковину закину. Пошли, поглядим на эту дорогушечку Дебби Рейнольдс.

Через несколько минут, после того, как Санта заглянула в гостиную поцеловать на прощанье мамочку, троица направилась к кинотеатру. День простоял безмятежный; с Залива не прекращало тянуть южным ветерком. Да и вечер теперь еще был теплым. Густые запахи средиземноморской стряпни плыли по скученным дворикам из открытых кухонных окон каждого многоквар-

тирного и спаренного дома. Казалось, все жители до единого вносили свой, сколь угодно незначительный, вклад в общую какофонию падающих кастрюль, громыхающих телевизоров, спорящих голосов, орущих детишек и хлопающих дверей.

— Приход Св.Одо севодня дает жару, — глубокомысленно заметила Санта, когда троица медленно шла по узенькому тротуару между обочиной и ступеньками домов на две семьи, выстроенных плотными прямыми рядами в каждом квартале. Уличные фонари освещали голые участки асфальта и цемента без единого дерева и сплошные старые черепичные крыши. — А летом тово хуже. Все по улицам шастают часов до десяти-одиннадцати.

— Ты только мне не рассказывай, ненаглядная моя, — перебила ее миссис Райлли, трагически ковыляя между своими друзьями. — Ты не забывай — я сама с улицы Дофина. Мы, помню, тубаретки на банкет выставляли и сидели там до полуночи иногда, чтобы в доме остудить. А о чем только люди там ни судачили! Боже-Сусе.

— Сплошь пересуды, иначе не скажешь, — согласилась Санта. — Злые языки.

— Бедненький папочка, — сказала миссис Райлли. — Уж такой бедный был. Помню, когда пошел

и рукой в этот ремень от вертилятора попал, у соседей наглости хватило еще и говорить, что он, наверно, пьяный был. И письмо нонимное про него мы получили. А тетушка моя бедненькая, Танта Бу-бу. Восемьсят лет. Свечку жгла по свому бедному мужу-покойнику, так она с ночной тумбочки свалилась и матрас ей подпалила. А люди злословили — в постели курила.

— А я верю, что люди — невиновные, пока не доказано, что виноваты.

— Я вот так же думаю, Клод, — сказала миссис Райлли. — Вот тока давеча Игнациусу грю: «Игнациус, я верю, что люди — невиноватые, покудова не докажут, что виноваты».

— Ирэна!

Они пересекли проспект Св. Клода, когда плотный поток машин на минуту иссяк, и пошли по другой стороне под неоновыми вывесками. Проходя мимо похоронного бюро, Санта задержалась перекинуться словечком с одним из безутешных родственников, стоявшим на тротуаре:

— Послушайте, мистер, а кого это там положили?

— Старушку Лопес провожают, — ответил человек.

— Что вы говорите? Это жена того Лопеса, что

маг*а*зин держал на Французовой?

— Она самая.

— Ай, как жалко, — протянула Санта. — А от чего?

— Сердчишко прихватило.

— Ай, ну ужыс-то какой, а? — с чувством вступила миссис Райлли. — Бедненькая девочка.

— Вот кабы я одета была, — сообщила Санта человеку, — я б непременно зашла соболезны выразить. А то мы тут с друзьями как раз на картину идем. Спасибо вам.

Они двинулись дальше, и Санта принялась в красках описывать миссис Райлли множество скорбей и невзгод, из которых состояло унылое существование старушки Лопес. В конце концов. Санта произнесла:

— Я, наверно, ее семье мессу закажу.

— Боже-Сусе, — выдохнула миссис Райлли, ошеломленная биографией старушки Лопес. — Я, наверно, тоже — за упокой беньдяшкиной души.

— Ирэна! — возопила Санта. — Но ты же даже их не знаешь совсем!

— Да, это правда, — слабо согласилась миссис Райлли.

Подходя к кинотеатру, Санта и мистер Робишо пустились в легкую дискуссию, кто будет поку-

пать билеты. Миссис Райлли сказала, что купила бы она, вот только если б не надо было платить в рассрочку до конца недели за игнациусову трубу. Однако мистер Робишо оставался непреклонен, и Санта после долгих препирательств позволила ему поступать, как знает.

— В конце концов, — сказала ему Санта, когда он вручал дамам билеты, — денюшка есть только у вас.

И она подмигнула миссис Райлли, чьи мысли опять заклубились вокруг вывески, смысл которой Игнациус объяснить ей отказался. Бо́льшую часть фильма она не переставала думать о быстро усыхавшей зарплате сына, о рассрочке за трубу, о плате за разрушенный дом, о сережке и о вывеске. И только восклицания Санты: «Ай, какая милашечка!» И «Ты гля тока, какое на ней хорошенькое платьишко, Ирэна!» — возвращали миссис Райлли к тому, что происходило на экране. А потом от раздумий о сыне и ее собственных проблемах, что, в конечном итоге, было одним и тем же, ее отвлекло еще кое-что. Рука мистера Робишо мягко легла на ее руку и теперь держала ее. Миссис Райлли поялась пошевельнуться. И почему только картины настраивали всех мужчин, которых она знала в жизни — ми-

стера Райлли и мистера Робишо, — на амурный лад? Она слепо уставилась в экран, на котором уже не Дебби Рейнольдс выделывала в цвете свои курбеты, а, скорее, принимала ванну черно-белая Джин Харлоу.

Миссис Райлли как раз решала для себя проблему: можно ли будет как-то вывернуться из рукопожатия мистера Робишо и выскочить из театра, — когда Санта завопила:

— Ты тока гля, Ирэна, что хошь поспорю, малютка Дебби щас себе ребеночка родит!

— Кого? — взвыла миссис Райлли и вдруг безумно и громко разрыдалась, и всхлипы ее не утихли, пока перепуганный мистер Робишо не привлек к себе ее свекольного цвета голову и аккуратно не водрузил ее себе на плечо.

Любезный Читатель,

Природа иногда творит глупцов; но шут — всегда творение человека.

— Аддисон[62]

Когда я изнашивал до тончайших лоскутков резины подошвы своих сапог пустынной модели

---

[62] notes: 62

Джозеф Аддисон (1672-1719) — английский писатель и государственный деятель.

по старой брусчатке тротуаров Французского Квартала в лихорадочных попытках вырвать себе пропитание у бездумного и безразличного общества, меня приветствовал один мой старый незабвенный знакомый (с отклонениями). После нескольких минут беседы с ним, в ходе которой я с небывалой легкостью установил свое моральное превосходство над этим дегенератом, я в который раз поймал себя на раздумьях о кризисах нашего времени. Интеллект мой, как обычно, изменчивый и не поддающийся контролю, нашептал мне план, настолько великолепный и дерзкий, что я отпрянул от одной лишь мысли о том, что мне довелось услышать. «Постой!» — вскричал я с мольбой своему богоподобному разуму. — «Это безумие.» Но не прислушаться к совету моего мозга я не мог. Он предлагал мне Спасти Мир Посредством Дегенерации. Там же, на стертых камнях Квартала, я заручился поддержкой этого увядшего цветка человечества в сборе его сообщников по фатовству под знамена братства.

Нашим первым шагом станет избрание кого-либо из их числа на какой-либо высочайший пост — на президентство, если Фортуне будет угодно любезно повернуть нас в ту сторону. Затем они проникнут в вооруженные силы. В

качестве солдат они будут столь непрерывно заняты братанием друг с другом, ушиванием своей военной формы до того, чтобы она прилегала к ним, как шкурка к сосискам, изобретением нового и разнообразного военного платья, организацией вечеринок с коктейлями и т.д., что на битвы времени у них не останется. Тот, кого мы со временем сделаем начальником Генерального Штаба, будет хотеть лишь одного — ухаживать за своим модным гардеробом, который поочередно будет позволять ему выступать либо в облике начальника Генерального Штаба, либо в облике юной дебютантки, в зависимости от его капризов. Видя успех своих объединившихся собратьев в этой стране, извращенцы всего мира также сгрудятся вместе и пленят вооруженные силы в своих странах соответственно. В те реакционные державы, где девиантам не сразу удастся взять власть в свои руки, мы будем отправлять подмогу как мятежникам, чтобы они смогли свергнуть свои правительства. Когда мы, наконец, свергнем все существующие режимы, мир сможет насладиться не войной, но глобальными оргиями, проводимыми в соответствии с тщательно разработанным протоколом в поистине международном духе, ибо эти люди в самом де-

ле выходят за пределы простых национальных различий. Сознания их нацелены на одно; они поистине едины; они думают, как одно целое.

Ни один из этих педерастов, пришедших к власти, разумеется, не окажется практичным настолько, чтобы что-либо понимать в таких приспособлениях, как бомбы; эти ядерные виды оружия будут гнить где-то в своих хранилищах. Время от времени начальник Генерального Штаба, Президент и т.д., облаченные в перья и блестки, будут развлекать глав, т.е. извращенцев, остальных государств на балах и приемах. Любого рода разногласия можно будет легко уладить в мужском туалете соответственно переоборудованной Организации Объединенных Наций. Повсюду начнут процветать балеты, бродвейские мюзиклы и иные развлечения подобного сорта, отчего простой люд, вероятно, будет счастливее, нежели от мрачных, враждебных и фашистских заявлений своих бывших вождей.

Почти у всех остальных уже имелась возможность поуправлять миром. Я не понимаю, почему бы именно этим людям не предоставить такого шанса. Определенно, они оставались обездоленными слишком долго. Их приход во власть станет, в некотором смысле, лишь частью всемирного

движения к возможностям, справедливости и равенству для всех. (Например, можете ли вы назвать хоть одного хорошего практикующего трансвестита у нас в Сенате? Нет! Эти люди уже давно лишены собственного представительства. Их незавидное положение — национальный, глобальный позор.)

Дегенерация вместо того, чтобы сигнализировать об общественном упадке, как это было раньше, теперь начнет означать лишь мир для обуянной напастями планеты. У нас должны быть новые решения для новых проблем.

Я выступлю в роли некоего ментора и провожатого этого движения, и мои отнюдь не ничтожные познания во всемирной истории, экономике, религии и политической стратегии будут служить тем резурвуаром, так сказать, из которого эти люди смогут черпать правила и процедуры своих оперативных действий. Сам Боэций играл в чем-то сходную роль в вырождавшемся Риме. Как выразился о Боэции Честертон: «Таким образом, он поистине служил провожатым, философом и другом многим христианам; именно потому, что его времена в целом были растленны, его собственная культура оставалась цельной.»

На этот раз я по-настоящему вступлю в про-

тивоборство с распутницей Мирной. План этот слишком поразителен и невероятен для буквального либерального разума распутницы, погрязшего в клаустрофобных тисках клише и штампов. Крестовый Поход за Мавританское Достоинство, моя первая блистательная атака на проблемы нашего времени, стал бы довольно-таки грандиозным и решающим путчем, если бы не буржуазное в основе своей мировоззрение сравнительно простого люда, ставшего членами его авангарда. На сей раз, тем не менее, я буду работать с теми, кто избегает пресной философии среднего класса, с теми, кто не прочь принимать противоречивые позиции, следовать своим курсом, сколь непопулярным бы он ни оказался, сколь мощно ни угрожал бы он самодовольству среднего класса.

М.Минкофф желает в политике секса? Я предоставлю ей секс в политике — и в изобилии! Вне всякого сомнения, она окажется слишком ошеломлена, чтобы отреагировать на оригинальность моего проекта. По самой крайней мере, она вся изойдет на зависть. (Этой особой женской принадлежности следует заняться. Подобное бесстыдство нельзя не пресекать.)

В мозгу моем бушует полемика между Праг-

матизмом и Моральностью. Оправдывает ли достославную цель — Мир — столь ужасное средство — Дегенерация? Подобно двум фигурам средневековой моралитэ, Прагматизм и Моральность сошлись в спарринге на боксерском ринге моего мозга. Я не могу дождаться исхода их неистового спора: я слишком одержим Миром. (Если какие-либо перспективные продюсеры кинематографа заинтересованы в приобретении прав на этот Дневник, я могу привести здесь свои замечания по поводу того, как следует снимать эту полемику. Музыкальная пила может предоставить отличный фон аккомпанимента, а глазное яблоко главного героя — быть наложено на сцену поединка самым символическим образом. Разумеется, неизвестного привлекательного актера на роль Рабочего Парнишки всегда можно будет обнаружить в аптечной лавке или мотеле — или же в ином притоне, где обычно делаются подобные «открытия». Фильм можно будет снимать в Испании, Италии или другой столь же интересной стране, которую захочет посмотреть актерский ансамбль, вроде Северной Америки.)

Прошу прощения. Те из вас, кто заинтересован в последних унылых новостях из мира сосисок, их здесь не обнаружат. Разум мой слишком озабо-

чен великолепием этого нового плана. Теперь я должен выйти на связь с М.Минкофф и набросать конспект своей лекции на первом митинге.

Замечание об общественном здравии: Моя прогульщица-мать снова исчезла из дому, что, в действительности, довольно-таки удачно. Ее энергичные нападки и гневные атаки на мое существо негативно воздействуют на мой клапан. Она сказала, что собирается посетить Коронование Майской Королевы в какой-то из церквей, но поскольку сейчас у нас не май, я склонен сомневаться в ее правдивости.

«Изощренная комедия» с участием моей излюбленной кинозвезды женского рода номер один начинает демонстрироваться в центральном кинематографическом театре тотчас же. Я неким образом *должен* попасть туда в день премьеры. Могу лишь вообразить себе все новейшие ужасы этого фильма, его показную рисовку своей вульгарностью перед лицом теологии и геометрии, вкуса и пристойности. (Я не понимаю этого своего непреодолимого пристрастия к просмотру кинофильмов; уже почти кажется, что кинематограф — «у меня в крови».)

Замечание о здоровье: Желудок мой выходит за все мыслимые пределы; швы моего халата

киоскера уже зловеще потрескивают.

До будущих встреч,

Тэб, Ваш Рабочий Парнишка-Пацифист

* * *

Миссис Леви помогла обновленной мисс Трикси подняться по ступенькам и открыла перед нею дверь.

— Это же «Штаны Леви»! — прорычала мисс Трикси.

— Вы вернулись туда, куда хотели и где в вас нуждаются, дорогуша. — Миссис Леви говорила так, будто успокаивала ребенка. — И как же здесь вас не хватало. Каждый день мистер Гонзалес обрывал телефон, умоляя вернуть вас. Ну разве не чудесно знать, что вы так необходимы предприятию?

— Я думала, я уже на пенсии. — Массивные зубы щелкнули медвежьим капканом. — Вы меня надули!

— Ну, теперь ты счастлива? — спросил мистер Леви супругу. Он шел за ними следом с одним из пакетов лоскутов мисс Трикси в руках. — Если б у нее был с собой нож, я бы тебя уже вез в больницу.

— Ты только прислушайся, сколько огня в ее го-

лосе, — сказала миссис Леви. — Столько энергии. Это невероятно.

Мисс Трикси попыталась вырваться из хватки миссис Леви, как только они вступили в контору, но ее новым туфлям-лодочкам не хватало того сцепления, которое давали ей старые шлепанцы, и она лишь покачнулась.

— Она *вернулась*? — сокрушенно возопил мистер Гонзалес.

— Вы не можете поверить своим глазам? — спросила миссис Леви.

Мистер Гонзалес вынужден был посмотреть на мисс Трикси, чьи глаза казались слабыми лужицами, обведенными синими тенями. Губы ее были растянуты оранжевыми мазками, сверху доходившими почти до ноздрей. Около сережек из-под черного парика, сидевшего несколько набекрень, выбивалось несколько седых клочков. Короткая юбка обнажала ссохшиеся кривоватые ноги и крохотные ступни на которых туфли-лодочки выглядели снегоступами. Несколько дней, проведенных мисс Трикси в дреме под ультрафиолетовой лампой, испекли ее до золотисто-бурого оттенка.

— Она выглядит явно отдохнувшей, — произнес мистер Гонзалес. В голосе его звучала фальшь,

а улыбка была вымученной. — Вы оказали ей чудесную услугу, миссис Леви.

— Я очень привлекательная женщина, — пролепетала мисс Трикси.

Мистер Гонзалес нервически рассмеялся.

— Теперь послушайте сюда, — распорядилась миссис Леви. — Все беды этой женщины — отчасти как раз вот от такого отношения. Насмешки ей не нужны.

Мистер Гонзалес безуспешно попробовал поцеловать миссис Леви руку.

— Я хочу, чтобы вы заставили ее почувствовать себя нужной, Гонзалес. Ум этой женщины по-прежнему остер. Давайте ей такую работу, которая будет тренировать эти ее свойства. Предоставьте ей больше полномочий. Ей отчаянно нужна активная роль в этом бизнесе.

— Определенно, — согласился мистер Гонзалес. — Я это себе все время твержу. Разве нет, мисс Трикси?

— Кого? — рявкнула та.

— Мне всегда хотелось, чтобы вы брали на себя больше ответственности, больше полномочий, — заорал управляющий конторой. — Разве не правда?

— Ох, заткнитесь, Гомес. — Зубы мисс Трикси

щелкнули, как кастаньеты. — Вы уже купили мне этой пасхальной ветчины? Отвечайте.

— Так, ладно. Ты уже довольно развлеклась. Поехали, — сказал супруге мистер Леви. — Шевелись. У меня разыгралась депрессия.

— Секундочку, — вмешался мистер Гонзалес. — У меня для вас почта.

Как только управляющий отошел к своему столу за почтой, в глубине конторы раздался грохот. Все, за исключением уже задремавшей за своим столом мисс Трикси, повернулись в сторону отдела систематизации документации. Там крайне высокий человек с длинными черными волосами поднимал с пола выпавший ящик с делами. Он грубо запихал папки обратно в ящик и с треском сунул его обратно в конторский шкаф.

— Это мистер Залатимо, — прошептал мистер Гонзалес. — Он с нами всего лишь несколько дней, и мне кажется, у него ничего с нами не выйдет. Я не думаю, что нам захочется включать его в план «Штанов Леви».

Мистер Залатимо в замешательстве посмотрел на шкафы с делами и почесался. Затем выдвинул еще один ящик и начал рыться в нем одной рукой, другой одновременно скребя себя подмышкой сквозь ветхую вязаную рубашку.

— Вам не хотелось бы с ним познакомиться? — спросил управляющий конторой.

— Нет, спасибо, — ответил мистер Леви. — Где вы находите таких людей, которые здесь у вас работают, Гонзалес? Я нигде больше таких людей никогда не встречал.

— На мой взгляд, он вылитый гангстер, — опасливо произнесла миссис Леви. — Вы же здесь наличность не храните, правда?

— Я думаю, мистер Залатимо честен, — прошептал управляющий. — У него только с алфавитом сложности. — Он вручил мистеру Леви пачку писем. — Здесь, главным образом, подтверждения вашей брони в отелях на весенние тренировки. Вот здесь — письмо от Абельмана. Оно адресовано вам, а не компании, и тут написано «лично в руки», поэтому я решил, что лучше, если вы сами его откроете. Оно уже несколько дней здесь лежит.

— Ну что этому дурачку еще надо? — разозлился мистер Леви.

— Возможно, он недоумевает, что стало с блестящим развивающимся концерном, — заметила миссис Леви. — Быть может, он не понимает, как такое могло произойти после смерти Леона Леви. Может быть, у этого Абельмана найдется

для повесы слово мудрого совета. Прочти его, Гас. Это будет твоя недельная работа на благо «Штанов Леви».

Мистер Леви осмотрел конверт, на котором «лично в руки» было написано красной шариковой ручкой целых три раза. Затем распечатал и извлек письмо, к которому скрепкой было подшито еще что-то.

Глубокоуважаемый Гас Леви,

Мы были шокированы и прискорбно задеты получением прилагаемого к сему письма. В течение тридцати лет мы верой и правдой служили распространителями Вашего товара и до настоящего времени испытывали самые теплые и нежные чувства к Вашей фирме. Вероятно, Вы помните тот траурный венок, который мы прислали, когда скончался Ваш отец, и на который не пожалели никаких расходов.

Это письмо будет очень кратким. Проведя множество ночей без сна, мы передали оригинал полученного нами письма нашему адвокату, который подает на Вас в суд по делу о заявлении, порочащем нашу честь и достоинство, на 500.000 долларов. Это совсем немного для того, чтобы компенсировать наши чувства, задетые Ваши.

Наймите себе адвоката. Встретимся в суде

как джентльмены. И, пожалуйста, угроз больше не нужно.

С самыми наилучшими пожеланиями,
И.Абельман,
Управляющий, «Мануфактура Абельмана»

Мистер Леви похолодел, перевернув страницу и прочтя термофаксовую копию своего письма Абельману. Невероятно. Кому понадобилось прилагать столько усилий и писать подобное? «Г-ну И.Абельману, Монголоиду, Эск.»; «тотальное отсутствие у Вас контакта с реальностью»; «Вашим умственно-отсталым и трущобным мировоззрением»; «ощутите на своих жалких плечах обжигающий укус хлыста». Хуже всего — подпись «Гас Леви» выглядела вполне подлинной. Абельман сейчас, должно быть, целует оригинал, да еще и губами причмокивает. Для таких, как Абельман, письма, подобные этим, — как сберегательные облигации, как незаполненный чек на предъявителя.

— Кто это написал? — потребовал мистер Леви ответа, передавая письмо мистеру Гонзалесу.

— Что такое, Гас? Проблема? У тебя — проблема? В этом как раз одна из твоих проблем. Ты никогда не рассказываешь мне о своих проблемах.

— Ой, батюшки! — взвизгнул мистер Гонза-

лес. — Это ужасно.

— Тишина! — рявкнула мисс Трикси.

— В чем дело, Гас? Ты подошел к чему-то неправильно? Ты кому-то другому передал какие-то полномочия?

— Да, это проблема. Это такая проблема, которая означает, что мы последнюю рубашку с себя потерять можем.

— Что? — Миссис Леви выхватила письма у мистера Гонзалеса. Прочтя их, она превратилась в ведьму. Ее залакированные кудряшки стали змеями. — Наконец, тебе это удалось. Все, что угодно, лишь бы насолить отцу, угробить дело всей его жизни. Я так и знала, что этим все закончится.

— Ох, заткнись. Я здесь никогда писем не пишу.

— Сьюзан и Сандре придется бросить колледж. Они будут вынуждены продавать себя морякам и гангстерам, как вон тот вон там.

— Чо? — спросил мистер Залатимо, почувствовав, что обсуждение коснулось его.

— Ты *больной*, — заорала миссис Леви супругу.

— Тихо!

— А мне будет лучше? — Аквамариновые веки миссис Леви дрожали. — Что станет со мной? Жизнь моя и так уже загублена. Что же будет со

мною сейчас? Рыться в мусорных баках, переезжать из порта в порт вслед за флотом. Мамочка была права.

— Тихо! — потребовала миссис Трикси, на сей раз еще яростнее. — Таких шумных, как вы, я никогда еще не встречала.

Миссис Леви рухнула на стул, невнятно всхлипывая что-то про то, как ей придется торговать косметикой «Эйвон».

— Что вы об этом знаете, Гонзалес? — спросил мистер Леви управляющего, чьи губы побелели.

— Я не знаю об этом ничего, — пискнул тот. — Я это письмо вижу впервые.

— Ведь вы ведете здесь всю переписку.

— *Этого* я не писал. — Губы его дрожали. — Я бы никогда так со «Штанами Леви» не поступил!

— Я знаю, что нет. — Мистер Леви пытался что-то сообразить. — Кто-то нас в самом деле подкусил.

Мистьер Леви подошел к конторским шкафам, отодвинув в сторону чесавшегося мистера Залатимо, и вытянул ящик с папками на «А». Дела Абельмана там не было. Ящик оказался совершенно пуст. Он открыл несколько соседних — половина их тоже была пуста. Вот так способ начинать дело о клевете.

— Что вы здесь делаете с папками?

— Я и сам этого не совсем понял, — туманно ответил мистер Залатимо.

— Гонзалес, как звали того здорового фрукта, который у вас тут работал, жирного такого, в зеленой шапочке?

— Мистер Игнациус Райлли. Он положил это письмо в ящик исходящих. — Но кто же сочинил эту кошмарную вещь?

— Э-эй! — произнес в телефонной трубке голос Джоунза. — А у вас там, народ, ищщо есть такая такая толстая мамка в зеленой шапчонке в «Штанах Лёвы»? Здоровый такой белый парняга, у него ищщо усы, работает?

— Нету у нас больше никого, — визгливо рявкнул в ответ мистер Гонзалес и брякнул трубкой о рычаг.

— Кто это был? — спросил митер Леви.

— Ох, да не знаю я. Кто-то спрашивал мистера Райлли. — Управляющий конторой вытер лоб платком. — Он еще пытался натравить на меня фабричных рабочих.

— Райлли? — встряла мисс Трикси. — Это ж не Райлли был, это была…

— Юный идеалист? — всхлипнула миссис Леви. — Кому он понадобился?

— Понятия не имею, — ответил управляющий. — По голосу мне показалось, что спрашивал негр.

— Я так и думала, — вздохнула миссис Леви. — Он и сейчас, наверное, пытается помочь каким-нибудь другим несчастным. Надежда жива, когда знаешь, что в нем еще остался его идеализм.

Мистер Леви о чем-то задумался, а потом спросил управляющего конторой:

— Так как звали того чудика?

— Райлли. Игнациус Ж. Райлли.

— Правда? — заинтересованно спросила мисс Трикси. — Это странно. Я всегда думала, что…

— Мисс Трикси, я вас умоляю, — рассердился мистер Леви. Этот тупица Райлли работал в компании как раз в то время, каким датировано письмо Абельману. — Как вы думаете, этот Райлли мог бы написать такое письмо?

— Может быть, — ответил мистер Гонзалес. — Я не знаю. Я возлагал на него большие надежды до тех пор, пока он не попытался заставить этого рабочего вышибить мне мозги.

— Все правильно, — простонала миссис Леви. — Теперь валите все на юного идеалиста. Отправьте его туда, откуда его идеализм не смо-

жет вам досаждать. Такие люди, как этот юный идеалист не занимаются подобными закулисными делишками. Погоди, пока Сандра и Сьюзан об этом не услышат. — И миссис Леви сделала жест, означавший, что девочек явно хватит шок. — Сюда звонят негры испросить у него совета. А ты собираешься его облыжно обвинить. Я больше не в силах этого терпеть, Гас. Не в силах, не в силах!

— Значит, ты хочешь, чтобы *я* сказал, что написал его сам?

— Еще чего! — заорала на супруга миссис Леви. — Я что, должна закончить свои дни в богадельне? Если его написал юный идеалист, он отправится в тюрьму за подделку.

— Слушайте, что вообще происходит? — спросил мистер Залатимо. — Эта мусорка, наконец, закроется, или как? Я, в смысле, хотел бы знать.

— Заткнись, гангстер, — окрысилась на него миссис Леви, — пока мы на тебя это не повесили.

— Чо?

— Ты потише не можешь? От тебя голова кругом идет, — сказал мистер Леви супруге. Потом повернулся к управляющему конторой: — Найдите мне телефон этого Райлли.

Мистер Гонзалес разбудил мисс Трикси и попросил у нее телефонный справочник.

— Все телефонные справочники здесь храню *я,* — рявкнула та. — И никто их трогать не смеет.

— Тогда посмотрите нам Райлли с Константинопольской улицы.

— Ладно, ладно, Гомес, — проворчала мисс Трикси. — Придержите коней. — Из какого-то тайника в своем столе она извлекла три припрятанных конторских справочника и, исследовав страницы при помощи лупы, сообщила им номер.

Мистер Леви набрал, и голос ответил ему:

— Доброе утро. Химчистка «Рай Лилий».

— Дайте сюда этот справочник, — заверещал мистер Леви.

— Нет, — проскрежетала мисс Трикси, шлепнув ладонью по стопке книг и защищая их заново накрашенными когтями. — Вы их только потеряете. Я найду вам нужный номер. Должна вам сказать, что все вы — весьма нетерпеливы и раздражительны. У вас в доме я потеряла десять лет жизни. Вы бы оставили бедного Райлли в покое, а? Вы и так его уже из-за пустяка вышвырнули.

Мистер Леви набрал второй номер, который она ему сообщила. Женщина, судя по голосу — в состоянии легкой интоксикации, сказала ему, что мистер Райлли будет дома только к концу

дня. Затем она расплакалась, и мистер Леви расстроился, поблагодарил ее и положил трубку.

— Ну вот, его нет дома, — сообщил он аудитории в конторе.

— Мистер Райлли, казалось, всегда принимал интересы «Штанов Леви» близко к сердцу, — печально произнес управляющий. — Зачем он поднял этот бунт, мне никогда не понять.

— Хотя бы потому, что у него есть привод в полицию.

— Когда он пришел устраиваться на работу, я и подумать не мог, что он стоит на учете. — Управляющий конторой покачал головой. — Он казался таким изысканным.

Мистер Гонзалес посмотрел, как мистер Залатимо зондирует длинным указательным пальцем одну из своих ноздрей. А этот на что способен? От страха ноги его подкосились.

Хлопнула дверь из цеха, и кто-то из рабочих завопил:

— Эй, мистер Гонзалес, мистер Палерма тока что руку об дверцу печки ошпарил.

Из цеха доносился беспорядочный шум. Кто-то матерился.

— Ох, батюшки-светы, — вскричал мистер Гонзалес. — Успокойте рабочих. Я спущусь через

минуту.

— Пойдем, — обратился мистер Леви к супруге. — Подальше отсюда. У меня начинается изжога.

— Секундочку. — Миссис Леви повернулась к мистеру Гонзалесу. — Насчет мисс Трикси. Я хочу, чтобы вы каждое утро тепло ее приветствовали. Давайте ей значимую работу. В прошлом неуверенность, видимо, заставила ее бояться любого ответственного задания. Мне кажется, сейчас уже она эту боязнь превозмогла. В глубине души у нее затаилась ненависть к «Штанам Леви» — я ее проанализировала, и она коренится в страхе. Неуверенность и страх привели к ненависти.

— Разумеется, — ответил управляющий, слушая вполуха. В цеху, похоже, все было паршиво.

— Ступайте в цех, Гонзалес, — сказал мистер Леви. — А с Райлли я свяжусь.

— Слушаюсь, сэр. — Мистер Гонзалес склонился перед ними и выскочил из конторы.

— Ладно. — Мистер Леви уже придерживал открытую дверь. Стоит только приблизиться к «Штанам Леви», как на тебя обрушатся всякие неприятности и угнетающие влияния. Фирму ни на минуту не получается оставить в покое. Такую компанию, как «Штаны Леви», не следует

заводить себе никому, кто хочет не брать ничего в голову, кто хочет, чтобы его не доставали. Гонзалес даже не знает, какая корреспонденция уходит из конторы. — Пошли, доктор Фрейд. Поехали.

— Посмотри только, как ты спокоен. Тебя не волнует, что Абельман скоро у нас всю нашу жизнь отсудит. — Аквамариновые веки затрепетали. — Ты что, идеалиста не собираешься привлечь?

— Как-нибудь в другой раз. На сегодня с меня уже хватит.

— А тем временем Абельман науськивает на нас весь Скотланд-Ярд, и они скоро вцепятся нам в горло.

— Его вообще дома нет. — Мистеру Леви не хотелось снова вступать в препирательства с рыдающей женщиной. — Я позвоню ему вечером с побережья. Беспокоиться не о чем. С меня не могут взыскать полмиллиона за письмо, которого я не писал.

— Ах вот как? А я уверена, что такой, как Абельман, может. Я уже просто вижу адвоката, которого он нанял. Весь изувечен, гоняясь за каретами скорой помощи. Весь обожжен в пожарах, которые сам же начинал, чтобы получить страховку.

— Ну, если ты не торопишься, то можешь доби-

раться до побережья автобусом. А у меня от этой конторы несварение разыгрывается.

— Ладно, ладно. Ты даже минуту своей растраченной впустую жизни не можешь уделить этой женщине, правда? — Миссис Леви показала на громко храпевшую мисс Трикси и потрясла ее за плечо. — Я уезжаю, дорогая моя. Все будет прекрасно. Я поговорила с мистером Гонзалесом, он в восторге от того, что вы вернулись.

— Тихо! — приказала мисс Трикси. Ее зубы угрожающе щелкнули.

— Пойдем, пока тебе не пришлось делать прививку от бешенства, — разозлился мистер Леви и схватил супругу за меховое манто.

— Ты только посмотри на все это. — Рука в перчатке обвела ветхую конторскую мебель, вздувшиеся полы, серпантин из мятой бумаги, свисавшие с потолка еще с тех дней, когда И.Ж.Райлли служил здесь хранителем папок, мистера Залатимо, пинавшего урну для бумаг от алфавитного отчаяния. — Грустно, грустно. Предприятие коту под хвост, несчастные юные идеалисты опускаются до подлога, чтобы посчитаться с тобой.

— А ну вон отсюда, вы, — прорычала мисс Трикси, хлопнув ладонью по столу.

— Ты только послушай, сколько убежденности в этом голосе, — успела с гордостью произнести миссис Леви, пока супруг выволакивал ее круглую мохнатую фигуру наружу. — Я сотворила чудо.

Дверь захлопнулась, и мистер Залатимо, рассеянно почесываясь, подошел к мисс Трикси. Он легонько простучал ее по плечу и спросил:

— Послушайте, дамочка, может, вы сможете мне тут помочь, а? Как по-вашему, что идет впереди — *Виллис* или *Вилльямс*?

Мисс Трикси сверлила его взглядом буквально секунду. А потом вонзила свои новые зубы в его руку. Вой мистера Залатимо мистер Гонзалес услышал даже в цеху. Он не знал, бросить ли ему на произвол судьбы обожженного мистера Палермо и бежать смотреть, что случилось в конторе, или остаться здесь, где рабочие уже начали танцевать друг с другом под громкоговорителем. «Штаны Леви» требовали большого личного присутствия.

А в спортивной машине, направлявшейся через солончаки к побережью, миссис Леви, запахиваясь потуже мехом от ветра, говорила:

— Я основываю Фонд.

— Понятно. Предположим, адвокат Абельмана

отсудит у нас деньги.

— Не отсудит. Юный идеалист попался, — спокойно ответила она. — На учете в полиции состоит, бунт разжигал. Паршивая характеристика.

— О. Ты вдруг согласна, что твой юный идеалист — преступник.

— Очевидно, он пошел на это от одиночества.

— Однако тебе хотелось заграбастать мисс Трикси.

— Вот именно.

— Так вот, никакого Фонда не будет.

— Сьюзан и Сандре очень не понравится, когда они узнают, что ты едва не погубил их, ленясь оторвать свою задницу, — что из-за того, что ты даже не хочешь уделить время, чтобы присматривать за собственной компанией, кто-то судится с нами на полмиллиона. Девочки просто выйдут из себя от негодования. Материальный комфорт — вот вся малость, которую ты всегда им давал. Сьюзан и Сандре очень не понравится, что они могли бы закончить проститутками или даже хуже.

— По крайней мере, так они могли бы что-то заработать. Пока же это все бесплатно.

— Я тебя умоляю, Гас. Ни слова больше. Даже в моей ожесточившейся душе осталась какая-

то чувствительность. Я не могу позволить тебе так клеветать на моих девочек. — Миссис Леви удовлетворенно вздохнула. — Эта история с Абельманом — самая опасная из всех твоих ошибок, заблуждений и уверток за все эти годы. У девочек волосы встанут дыбом, когда они обо всем прочтут. Я, конечно, не стану их пугать, если ты не захочешь.

— Сколько ты хочешь на этот свой Фонд?

— Я пока не решила. Я уже начала сочинять правила и устав.

— Могу ли я узнать, как этот Фонд будет называться, миссис Гугенхейм? Смазочный фонд Сьюзан и Сандры?

— Он будет называться «Фонд Леона Леви» — в честь твоего отца. Я должна что-то сделать, чтобы увековечить его имя — за все, чего для этого не сделал ты. Премии будут выдаваться в память об этом великом человеке.

— Понятно. Иными словами, ты будешь швырять лавровые венки старикам, выдающимся одной лишь несравненной гнусностью своего характера.

— Прошу тебя, Гас, — предупредила его движением перчатки миссис Леви. — Девочки были в восторге от моих отчетов о проекте с мисс Трикси.

Фонд по-настоящему укрепит их веру в нашу фамилию. Я должна сделать все, что в моих силах, чтобы компенсировать твое полное ничтожество как родителя.

— Получить премию Фонда Леона Леви станет публичным оскорблением. Тебя просто похоронят под исками о клевете — исками о клевете, поданными всеми лауреатами. Выкинь эту мысль из головы. Что произошло с твоим бриджем? Другие в него по-прежнему играют. Ты что, больше не можешь ездить в Лейквуд играть в гольф? Возьми еще немного уроков бальных танцев. Бери на них с собой мисс Трикси.

— Если быть до конца с тобой честной, последние несколько дней мисс Трикси начала мне немного надоедать.

— Так вот почему курс омоложения так внезапно закончился.

— Для этой женщины я сделала все, что могла. Сьюзан и Сандра гордятся тем, что я так долго поддерживала в ней активность.

— Так вот, никакого Фонда Леона Леви не будет.

— Тебе это не нравится, да? В твоем голосе пробивается злоба. Я ее слышу. В нем враждебность. Гас, ради тебя же самого. Этот врач в корпусе

Медициских Искусств. Спаситель Ленни. Пока не поздно. Теперь я должна буду каждую минуту следить за тобой, чтобы ты не забыл связаться с этим преступным идеалистом как можно скорее. Я же тебя знаю. Ты все время будешь откладывать, пока Абельман не подгонит к Приюту Леви фургон вывозить вещи.

— Пусть не забудет твою гимнастическую доску.

— Я же тебе уже говорила! — заорала миссис Леви. — Не впутывай сюда доску! — Она пригладила взъерошенные меха. — Немедленно разыщи этого психопата Райлли, пока Абельман не приехал свинчивать колпаки с колес твоей спортивной машины. С таким человеком у Абельмана любое дело развалится. Доктор Ленни может проанализировать этого Райлли, и власти штата упрячут его куда-нибудь туда, откуда он уже не сможет никому вредить. Слава богу, Сьюзан и Сандра никогда не узнают, что им чуть было не пришлось торговать вразнос таблетками от тараканов. У них сердечки не выдержали бы, пойми они, насколько небрежно их собственный отец обошелся с их благосостоянием.

* * *

Джордж установил свой наблюдательный пост на улице Пойдрас через дорогу от гаража корпорации «Райские Киоскеры». Он запомнил название на борту тележки и разыскал адрес владельцев. Все утро он прождал жирного киоскера, который так и не объявился. Наверное, его уволили за то, что пытался зарезать педика в Пиратском Переулке. В полдень Джордж оставил засаду и сходил в Квартал забрать у мисс Ли пакеты. Теперь же он вернулся на Пойдрас, не зная, появится киоскер или нет. Джордж решил постараться и быть с ним повежливее, сразу сунуть ему несколько долларов. Торговцы сосисками, должно быть, небогаты. Он скажет спасибо за пару баксов. Киоскер этот — идеальное прикрытие. Так никогда и не поймет, что происходит. Хотя у него хорошее образование.

Наконец, где-то после часу пополудни белый халат лавиной стек с трамвая и ринулся в гараж. Несколько минут спустя дурик выкатил тележку на тротуар. При нем по-прежнему были серьга, кашне и абордажная сабля, как заметил Джордж. Если он нацепил их в гараже, то это, должно быть, входит в его торговые ухищрения. Хотя по тому,

как он разговаривал, можно было понять, что он долго ходил в школу. Вот что с ним, должно быть, не так. Сам Джордж был достаточно мудёр и свалил из школы как можно раньше. Ему не хотелось кончить, как этот парень.

Джордж наблюдал, как он протолкал тележку несколько футов по кварталу, остановился и прицепил лист бумаги к переду траспортного средства. Джордж воздействует на него психологией; он подыграет образованию киоскера. К тому же — деньги: тот не устоит и сдаст ему в аренду отсек для булочек.

Тут из гаража высунулась голова какого-то старика; тот подбежал сзади к киоскеру и шандарахнул по спине длинной вилкой.

— Шевелись, обезьяна, — заорал старик. — Ты и так опоздал. Уже день в самом разгаре. Сегодня чтоб была выручка, а не то…

Киоскер ответил что-то — хладнокровно и спокойно. Джордж ничего не разобрал, но ответ был долог.

— Мне плевать, какими наркотиками травится твоя мать, — сказал на это старик. — Не желаю я больше слышать никакой брехни про аварию, про твои сны и про твою проклятую подружку. Вали отсюда, бабуин. Сегодня я хочу получить с

тебя минимум пять долларов.

Подгоняемый тычком старика, киоскер подкатил тележку к перекрестку и свернул на проспект Св.Чарльза. После того, как старик вернулся в гараж, Джордж зашаркал ногами вслед за сосиской.

Не подозревая, что за ним следят, Игнациус толкал тележку сквозь встречное движение по Св.Чарльзу в сторону Квартала. Прошлой ночью он так засиделся, сочиняя лекцию для первого митинга нового движения, что утром не смог сползти со своих пожелтевших простыней до самого полудня, да и то его разбудили неистовый грохот и вопли матери. Теперь, на улице, перед ним стояла проблема. Сегодня в кинематографическом театре «Орфеум» начиналась демонстрация изощренной комедии. Ему удалось выдоить из мамаши десять центов на обратный проезд, хоть она скупилась и на это. Нужно было как-то побыстрее продать пять или шесть «горячих собак», пристроить куда-то тележку и добраться до этого кинотеатра, чтобы не верить собственным глазам, впитывая каждое богохульное мгновение техниколора.

Забывшись в размышлениях о том, как ему найти денег, Игнациус не обратил внимания на

то, что сосиска его уже довольно давно катится по прямой, никуда не сворачивая. Когда же он попытался прижаться к обочине, тележка не сдвинулась вправо ни на дюйм. Остановившись, он увидел, что одно из велосипедных колес попало в желоб трамвайного рельса. Он попробовал раскачать тележку, чтобы освободить колесо, но та была слишком тяжелой. Он нагнулся и попытался приподнять ее с одной стороны. Уже просунув лапы под бок огромной жестяной булочки, он услышал скрежет приближавшегося в легкой дымке трамвая. Твердые шишечки вспухли у него на руках, а клапан, поколебавшись мгновение неистовой нерешительности, захлопнулся окончательно. Игнациус отчаянно рванул жестяную булочку вверх. Велосипедное колесо выскочило из желоба, взмыло вверхи и, секунду побалансировав в воздухе, приняло горизонтальное положение. Тележка с грохотом опрокинулась на другой бок. Одна дверка булочки отскочила, вывалив несколько дымящихся сосисок на мостовую.

— О, мой Бог! — пробормотал Игнациус себе под нос, видя, как из тумана в полуквартале от него сгущается силуэт трамвая. — Какой еще злонамеренный трюк Фортуна играет со мной сейчас?

Бросив обломки крушения, Игнациус заковылял навстречу трамваю, и белое муму его форменного халата хлопало его по лодыжкам. Оливково-медный вагон, лениво покачиваясь и поминутно дергаясь, медленно доскрипел до него. При виде огромной сферической белой фигуры, отдувающейся перед ним прямо на рельсах, вагоновожатый затормозил и опустил одно из передних окон.

— Прошу меня извинить, сэр, — окликнула его громадная серьга. — Если вы подождете одно мгновение, я попытаюсь приподнять свое накренившееся судно.

Джордж сразу увидел свой шанс. Он подбежал к Игнациусу и жизнерадостно произнес:

— Давай, проф, давай вместе стащим ее с дороги.

— О, мой Бог! — загрохотал Игнациус. — Мое половозрелое возмездие. Как много надежд сулит мне этот день. Очевидно, меня одновременно переедет трамвай и ограбят. Это станет рекордом «Райских Киоскеров». Изыдите, растленный беспризорник.

— Хватайся за этот конец, а я возьмусь за тот.

Трамвай им упреждающе лязгнул.

— Ох, ну ладно, — вздохнул наконец Игнаци-

ус. — В действительности, я буду совершенно счастлив, если эта смехотворная обуза останется валяться здесь на боку.

Джордж схватился за одну сторону булочки и сказал:

— Ты б лучше дверку-то закрыл, а то сосиски разбегутся.

Игнациус пинком захлопнул дверцу, словно забивал гол в матче профессионалов, аккуратно разрубив высовывавшуюся «горячую собаку» на две шестидюймовые половинки.

— Полегче, проф. Тележку поломаешь.

— Закройте рот, прогульщик. Я не просил вас вступать в беседу.

— Ладно, — пожал плечами Джордж. — Я в смысле просто помочь хотел.

— Ну чем вы мне можете помочь? — проревел Игнациус, оскалив пару-другую пожелтевших клыков. — Кто-то из власть предержащих нашего общества наверняка уже идет по следу вашего удушающего лака для волос. Откуда вы вообще взялись? Почему вы за мной следите?

— Слушай, так ты хочешь, чтобы я тебе помог утащить отсюда эту кучу металлолома или нет?

— Кучу металлолома? Вы говорите вот об этом райском средстве передвижения?

Трамвай зазвонил им снова.

— Давай, — сказал Джордж. — *Тяни.*

— Я надеюсь, вы понимаете, — пропыхтел Игнациус, тужась над тележкой, — что наш союз — всего лишь результат чрезвычайной ситуации.

Тележка подскочила и встала на два свои велосипедных колеса, а содержимое жестяной булочки перекатилось внутри, грохоча о стенки.

— Во как, проф, пожалста. Рад, что смог помочь.

— Если вы пока еще этого не заметили, беспризорник, — сейчас вас подденет буфером вот этого вагона.

Трамвай медленно прокатился мимо,чтобы вагоновожатый и кондуктор смогли получше рассмотреть костюм Игнациуса.

Джордж схватил Игнациуса за лапу и сунул ему в ладонь два доллара.

— Деньги? — недоверчиво-радостно спросил Игнациус. — Хвала Господу. — Он быстренько прикарманил две купюры. — Я лучше не буду спрашивать о непристойных мотивах этого поступка. Мне хотелось бы думать, что вы пытаетесь своим безыскусным манером оправдаться за то, что опорочили меня в тот зловещий первый

день с этой абсурдной тележкой.

— Так и есть, проф. Ты сказал это лучше, чем получится у меня. Да ты в самом деле парниша образованный.

— О? — Игнациус был очень доволен. — А вы пока еще не безнадежны. Хотите сосиску?

— Не-а, пасибо.

— Тогда прошу меня извинить, я одну съем. Моя система ходатайствует об утолении голода. — Игнациус заглянул в колодец тележки. — Мой Бог, «горячие собаки» довольно неупорядоченны.

Пока Игнациус захлопывал дверцы и совал лапы в отсеки, Джордж произнес:

— Ну вот, я тебе помог, проф. Может, ты теперь то же самое для меня сделаешь.

— Возможно, — рассеянно отозвался Игнациус, откусывая сосиску.

— Видишь вот это? — Джордж показал на коричневые пакеты, которые таскал под мышками. — Это школьные принадлежности. Тут вот какая штука. Я должен забирать их у оптовика в обед, а по школам разносить их не могу, пока уроки не кончатся. Поэтому приходится таскать с собой по два часа. Понимаешь? Мне нужно такое место, где их днем можно оставить. Мы с тобой могли бы где-нибудь в час встречаться, и я бы их

клал тебе в отделение для булочек, а где-то около трех приходил бы и забирал.

— Какая фикция, — рыгнул Игнациус. — И вы всерьез полагаете, что я вам поверю? Доставка школьных принадлежностей после того, как школа закрывается?

— Я тебе буду платить пару баксов каждый день.

— Правда? — заинтересованно спросил Игнациус. — Ну что ж, вам придется оплачивать мне аренду на неделю вперед. Я не осуществляю транзакций незначительными суммами.

Джордж открыл бумажник и отсчитал Игнациусу восемь долларов.

— На. Два у тебя уже есть, выходит десятка в неделю.

Довольный Игнациус впихнул новые купюры в карман и вырвал один пакет из рук Джорджа со словами:

— Я должен видеть то, что собираюсь хранить. Вы, вероятно, продаете несовершеннолетним пилюли с наркотиками.

— Эй! — заорал Джордж. — Я не могу их разносить, если они открыты.

— Значит, не повезло. — Игнациус отпихнул мальчишку и разорвал коричневую обертку.

Содержимое походило на стопку открыток. — Что это такое? Наглядные пособия по основам гражданственности или иному столь же отупляющему школьному предмету?

— Дай сюда, псих ненормальный.

— О, мой Бог! — Игнациус не верил своим глазам. Когда-то в старших классах ему показали порнографическую фотографию, и он рухнул в обморок прямо под питьевой фонтанчик, повредив себе ухо. Эта же открытка была гораздо, гораздо лучше. Обнаженная женщина восседала на краю парты рядом с глобусом. Игнациуса весьма заинтриговал предполагаемый акт онанизма при помощи куска мела. Лицо ее было загорожено огромной книгой. Пока Джордж уворачивался от безразличных шлепков свободной лапы, Игнациус пристально всматривался в название на обложке: Аниций Манлий Северин Боэций, «Об утешении философией». — Не обманывает ли меня взор мой? Какой блеск! Сколько вкуса. Боже мой!

— Отдай, а? — взмолился Джордж.

— Эта — *моя*! — с вожделением воскликнул Игнациус, запихивая в тот же карман верхнюю открытку из пачки. Разорванный пакет от вернул Джорджу и присмотрелся к клочку коричневой

бумаги, зажатой между пальцев. На нем был адрес. Обрывок он тоже положил в карман. — Где, во имя всего святого, вы это нашли? И кто эта блистательная женщина?

— Не твоего ума дело.

— Понимаю. Тайная операция. — Игнациус вспомнил об адресе на клочке. Он проведет свое собственное расследование. Какая-то интеллигентная женщина бедствует и готова на все за лишний доллар. Мироовоззрение ее должно быть весьма язвительным, если судить по материалу для чтения. Может статься, она — в том же положении, что и Рабочий Парнишка, провидец и философ, низвергнутый во враждебную эпоху силами, на которыми он не властен. Игнациус должен ее увидеть. У нее может оказаться множество и ценных озарений. — Ну что ж, несмотря на все мои опасения, я предоставлю тележку в ваше распоряжение. Однако, сегодня днем вам придется за нею присмотреть. У меня запланировано давольно неотложное рандеву.

— Эй, чё такое? Это скока ж тебя не будет?

— Приблизительно два часа.

— Мне надо на окраину к трем.

— Так сегодня придется немного опоздать, — разозлился Игнациус. — Я уже и так опустил

планку своих стандартов тем, что связался с вами и испакостил свое отделение для булочек. Радовались бы, что я не передал вас в руки полиции. У меня в силах охраны правопорядка служит блистательный друг, хитроумный тайный агент, патрульный Манкузо. Он как раз специализируется на таких случаях, какой ему могли бы представить вы. Падите на колени и благодарите меня за добросердечие.

Манкузо? Кажется, именно так звали того шпика, который хотел арестовать его в уборной? Джордж занервничал.

— А на кого этот твой шпиёнский дружбан похож? — презрительно осклабился Джордж, пытаясь сохранить присутствие духа.

— Он мал ростом и неуловим. — В голосе Игнациуса сквозила хитрость. — И у него множество личин. Поистине как блуждающий огонек, он то здесь, то там в своем непрестанном поиске мародеров. Некоторое время он предпочитал прикрытие уборной, но ныне снова вышел на улицы, где и остается, ожидая явиться мне по первому зову в любую минуту.

В горле у Джорджа что-то застряло и едва не придушило его.

— Это подстава, — сглотнул он.

— С меня довольно, юный голодранец. Поощрять разложение благородной ученой женщины, — рявкнул Игнациус. — Ты должен уже целовать полу моей униформы в благодарность за то, что я не сообщил Шерлоку Манкузо о ваших порочных товарах. Встретимся перед кинотеатром «Орфеум» через два часа!

И Игнациус, величественно вздымаясь, поплыл по Общинной улице. Джордж засунул оба пакета в отсек для булочек и уселся на обочину. Во повезло — встретил кореша Манкузо. Жирный киоскер отымел его что надо. Джордж яростно взглянул на тележку. Теперь он не только с пакетами влип. Теперь он запопал еще и со здоровенной жестяной сосиской.

Игнациус швырнул деньги кассиру и буквально ринулся внутрь, устремляясь по центральному проходу прямо к огням рампы. Момент был угадан исключительно. Второй фильм только начинался. Мальчишка с изумительными фотографиями — сущая находка. Игнациус задумался, нельзя ли будет его шантажировать так, чтобы он присматривал за тележкой день. На беспризорника определенно подействовало упоминание о друге в полиции.

Игнациус фыркнул при виде начальных титров.

Все люди, вовлеченные в процесс создания картины были равно неприемлемы. В особенности художник по декорациям в прошлом слишком часто вызывал у него отвращение. Героиня была еще омерзительнее, чем в цирковом мюзикле. В этом фильме она играла молодую смышленую секретаршу, которую пытался соблазнить стареющий светский лев. Он отвез ее на частном самолете на Бермуды и поселил в роскошных апартаментах. В первую ночь наедине с ним она в панике выскочила наружу, стоило распутнику открыть дверь в ее спальню.

— Мерзость! — вскричал Игнациус, отплевываясь мокрым непрожеванным попкорном на несколько рядов. — Как смеет она притворяться девственницей! Вы только взгляните на ее дегенеративное лицо. Изнасиловать ее!

— На дневных сеансах в самом деле чудики попадаются, — сказала своей спутнице дама с хозяйственной сумкой. — Ты только погляди на него: у него серьга в ухе.

Затем последовала размытая любовная сцена, снятая мягкорисующим объективом, и Игнациус начал терять контроль над собой. Он чувствовал, как его охватывает истерия. Он честно старался промолчать, но понял, что это выше его сил.

— Да они же снимают их через несколько слоев суровой марли, — брызгал слюной он. — О, мой Бог! Возможно ли себе представить, насколько в действительности эти двое морщинисты и отвратительны? Меня, наверное, сейчас стошнит. Неужели никто в кинобудке не может выключить электричество? Я вас прошу!

И он громко загрохотал своей пластмассовой абордажной саблей по подлокотнику сиденья. К нему подскочила старенькая билетерша и попыталась выхватить оружие, но Игнациус одолел ее в рукопашной схватке, и она осела прямо на ковровую дорожку. Потом поднялась и заковыляла прочь.

Героиня, полагая, что под сомнение поставлена ее честь, поимела целую серию параноидальных фантазий, в которых возлежала на кровати вместе со своим распутником. Кровать в это время таскали по улицам и пускали поплавать в бассейн модного курорта.

— Господи Боже мой. И эту сальность они выдают за комедию? — потребовал ответа у темноты Игнациус. — Я не рассмеялся ни разу. Мои глаза никак не могут поверить в то, что они действительно видят этот в высшей степени обесцвеченный мусор. Да эту женщину нужно

сечь кнутом, пока она не упадет. Она подрывает всю нашу цивилизацию. Она — китайский коммунистический агент, засланный сюда, чтобы уничтожить нас! Кто-нибудь, в ком осталась хотя бы капля порядочности, — вырвите же, наконец, предохранители! Сотни людей в этом театре деморализованы. Если нам всем повезет, «Орфеум» забудет оплатить свои счета за электричество.

Когда фильм закончился, Игнациус вскричал:

— Под этим американским до мозга костей лицом на самом деле таится «токийская роза»[63]!

Ему хотелось остаться еще на один сеанс, но он вспомнил про юного паразита. Портить хорошее дело тоже нежелательно. Мальчишка ему необходим. Он немощно перебрался через четыре пустых коробки из-под кукурузы, скопившихся вокруг его кресла за весь фильм. Нервы его были совершенно расстроены. Эмоции — выжаты. Ловя ртом воздух, поминутно спотыкаясь, он добрался до конца прохода и вывалился на залитую солнцем улицу. Там, около остановки такси у отеля «Рузвельт», Джордж уныло охранял сосиску на колесах.

---

[63] notes: 63

Токийскими розами» во время Второй Мировой войны называли американских женщин-дикторов японского пропагандистского радио, вещавшего на английском языке на районы Тихого океана и США.

— Боже, — осклабился он. — Я думал, ты оттуда уже никогда не вылезешь. Чё у тебя там за риндиву было? Ты ж просто в кино ходил.

— Я вас умоляю, — вздохнул Игнациус. — Я только что пережил травму. Ступайте прочь. Встретимся завтра ровно в час на углу Канальной и Королевской.

— Лады, проф. — Джордж забрал свои пакеты и намылился дальше. — Только язык не распускай, а?

— Посмотрим, — сурово ответил Игнациус.

Он съел «горячую собаку», держа ее дрожащими руками и поминутно заглядывая к себе в карман, где лежала фотография. Сверху женщина выглядела еще более степенной и надежной. Какая-нибудь обедневшая преподавательница римской истории? Загубленная медиевистка? Если бы только она открыла лицо. В ней было что-то одинокое, отчужденное, вокруг нее витал дух чувственного отшельничества и академического наслаждения, невероятно его привлекавший. Он взглянул на клочок оберточной бумаги, на адрес, грубо нацарапанный крошечными буквами. Коньячная улица. Падшая женщина — в руках коммерческих эксплуататоров. Какой многообещающий персонаж для Дневника. Этой

конкретной работе, подумал Игнациус, довольно-таки недостает сенсуального раздела. Ей необходима хорошая инъекция аппетитных скабрезных инсинуаций, от которых можно только губами причмокнуть. Быть может, исповедь этой женщины ее немного оживит.

Игнациус вкатил сосиску в Квартал и какое-то дикое, но весьма мимолетное мгновение созерцал возможность закрутить с медиевисткой роман. От зависти Мирна будет просто глодать край своего кофейного стаканчика. Он опишет ей в красках каждую соблазнительную минуту, проведенную с этой ученой женщиной. С ее образованием и боэцийским мировоззрением она весьма стоически и фаталистично отнесется к любым сексуальным бестактностям и ляпсусам, которые он может совершить. Она его поймет. «Будьте милостивы,» — вздохнет ей Игнациус. Мирна, вероятно, атаковала секс так же неистово и серьезно, как выходила на демонстрации социального протеста. Какие муки она испытает, когда Игнациус расскажет ей о своих нежных наслажденьях.

— Осмелюсь ли я? — спросил себя Игнациус, рассеянно тараня тележкой припаркованный автомобиль. Рукоятка уперлась ему в живот, и

он рыгнул. Он не станет рассказывать этой женщине, как именно узнал о ней. Нет, сначала они обсудят Боэция. Она будет ошеломлена.

Игнациус нашел искомый адрес и простонал:

— О, мой Бог! Бедная женщина — в тисках у извергов.

Он внимательно осмотрел весь фасад «Ночи Утех» и, неуклюже переваливаясь, подошел к афише в стеклянном ящике. Та гласила:

«РОБЕРТА Э. ЛИ представляет Харлетт О'Хару, Виргинскую Деву (и ее любимца!)»

[64]

Кто такая эта Харлетт О'Хара? А еще важнее — что именно у нее за любимец? Игнациус был заинтригован. Боясь навлечь на себя гнев нацистской владелицы, он неудобно пристроился на бордюре и решил ждать.

Лана Ли наблюдала за Дарлиной и ее птицей. Все было почти готово к открытию. Не перепутала бы Дарлина ничего в своей реплике. Она отошла от эстрады и дала Джоунзу кое-какие дополнительные указания: хорошенько вычищать

---

[64] notes: 64

Лана присваивает имя героя Гражданской войны, генерала армии южан Роберта Эдварда Ли (1807-1870).

из-под табуретов, — а потом выглянула в стеклянный иллюминатор обитой входной двери. На представление сегодня она уже достаточно насмотрелась. По-своему оно было достаточно неплохим. Джордж на самом деле начал приносить хороший навар от новой продукции. Жизнь налаживалась. К тому же Джоунз, кажется, наконец, сломался.

Лана толкнула дверь и заверещала на всю улицу:

— Эй, ты, крендель! А ну пошел вон с моего тротуара!

— Я вас умоляю, — донесся до нее густой голос, затем замер, пытаясь придумать какое-нибудь оправдание. — Я лишь даю отдых своим довольно-таки натруженным ногам.

— Иди давай им отдых где-нибудь в другом месте. И убери эту сраную повозку от входа в мой бизнес.

— Позвольте мне заверить вас, что я не сам выбрал рухнуть здесь, перед притоном вашей газовой камеры. Я вернулся сюда отнюдь не по собственной воле. Ноги мои просто перестали функционировать. Я парализован.

— Парализуйся в соседнем квартале. Мне только и нужно сейчас, чтобы ты тут ошивался и

гробил мне инвестицию. С этой сережкой ты вообще похож на педрилу. Люди подумают, что тут бар для гомиков. Пошел вон.

— Люди никогда не совершат подобной ошибки. Вне всякого сомнения, вы управляете самым удручающим баром в городе. Могу я заинтересовать вас в покупке «горячей собаки»?

К двери подошла Дарлина:

— Ой, поглядите тока, кто тут у нас. Как ваша бедная мамуля?

— О, мой Бог! — взревел Игнациус. — И почему только Фортуна привела меня именно в это место?

— Эй, Джоунз, — позвала Лана Ли. — Хватит там стучать шваброй, иди отгони отсюда этого кренделя.

— Звиняй. Вышибала начинает с заплаты пийсят в неделю.

— Вы в самом деле жестоко со своей мамулей обходитесь, — высказалась из проема дверей Дарлина.

— Я даже не надеюсь себе представить, что кто-либо из вас, дамы, когда-либо читал Боэция, — вздохнул Игнациус.

— Нечего с ним лясы точить, — сказала Дарлине Лана. — Тоже, блядь, умник нашелся. Джоунз, даю

тебе примерно две секунды на то, чтобы ты сюда подошел, пока я не сдала тебя за бродяжничество вместе с этим кренделем. Умники у меня вообще уже поперек горла стоят.

— Одному Господу известно, какой наемник налетит сейчас на меня и изобьет до бесчувствия, — хладнокровно заметил Игнациус. — Вам меня не испугать. На сегодня я уже травмирован.

— Ууу-иии! — только и смог вымолвить Джоунз, тоже выглянув в дверь. — Мамка в зеленой шапчонке. Персонально. Живьём.

— Я уже вижу, что вы мудро решили нанять самого устрашающего на вид негра, чтобы он защищал вас от разъяренных и обсчитанных клиентов, — произнесла мамка в зеленой шапчонке Лане Ли.

— Вышвырни его отсюда, — велела Лана Джоунзу.

— В-во! Это как вы слонами швыряться будешь?

— Взгляните только на эти темные очки. Вне всякого сомнения, вся его система купается в наркотиках.

— А ну марш вовнутрь, к чертовой матери, — приказала Лана Дарлине, вытаращившейся на Игнациуса, толкнула ее в дверь и снова поверну-

лась к Джоунзу: — Ладно. Хватай его.

— Доставайте свою бритву и режьте меня, — сказал Игнациус, когда Лана с Дарлиной скрылись внутри. — Плещите мне щёлоком в лицо. Колите меня. Вам, разумеется, никогда не понять, что к тому, чтобы стать искалеченным торговцем сосисками, меня привел мой интерес к гражданским правам. Я лишился в особенности успешной должности из-за своей твердой позиции по расовому вопросу. Мои натруженные ноги сейчас — косвенный результат моего чувствительного социального сознания.

— В-во! Так «Штаны Леви» тебя выперли за того, что ты там всех бедных цветных народов в каталашку хотел засадить, а?

— Как вам стало об этом известно? — осторожно поинтересовался Игнациус. — Вы участвовали в этом в особенности бесплодном путче?

— Не-а. Я же слышу, что люди болтают.

— Вот как? — заинтересовался Игнациус. — Вне всякого сомнения, они в таком случае как-то упоминали о моей осанке и манере держаться. Таким образом, меня стали узнавать. Едва ли я стал бы подозревать, что стал легендарным. Вероятно, я слишком поспешил оставить это движение на произвол судьбы. — Игнациус был

в восторге. День все же обещал быть прекрасным — после множества пасмурных. — Я, вероятно, превратился некоторым образом в мученика. — Он рыгнул. — Хотите сосиску? Я предлагаю подобную любезную услугу клиентам всех цветов кожи и вероисповеданий. «Райские Киоскеры» стали пионерами такого обслуживания в местах общественного пользования.

— А чево это такой белый чувак, — да еще гришь так складно, — вдруг сосисы торгует?

— Прошу вас направлять издуваемый вами дым в ином направлении. Моя респираторная система, к сожалению, далека от совершенства. Я подозреваю, что стал результатом исключительно слабого зачатия со стороны моего отца. Сперма его, вероятно, была извергнута довольно-таки небрежным манером.

Подфартило, подумал Джоунз. Жирная мамка свалилась с неба как раз, когда нужна как никогда.

— Ты наверно не в себе, чувак. У тебя крутая работа надо, большой «бюйк» и прочее говно. В-во! Кондицанер, цветной тиливизер…

— У меня очень приятное занятие, — ледяным тоном ответил Игнациус. — Работа на свежем воздухе, никакого надсмотра. Единственное дав-

ление — на ноги.

— Ежли б я в коллеж ходил, так не таскал бы за собой мясную телегу, не толкал бы народам дрянь с говном всякую.

— Я вас умоляю! Райские продукты обладают высочайшим качеством. — Игнациус для острастки погромыхал абордажной саблей о бордюр. — Ни один из наемных служащих этого сомнительного заведения не вправе критиковать род занятий другого человека.

— Лять, ты думаешь, мне что ли «Ночью Тех» нравится? Ууу-иии. Я другова хочу. Хорошее место чтобы, чтоб по найму устроиться, чтоб заплаты на житье хватало.

— Я так и подозревал, — рассердился Игнациус. — Иными словами, вы желаете тотально обуржуазиться. Вам всем промыли мозги. Воображаю, что вам бы хотелось добиться успеха или чего-то столь же гнусного.

— Э-эй, во теперь ты меня поал. В-во!

— В действительности, я сейчас не располагаю временем для обсуждения ваших ошибочных субъективных оценок. Тем не менее, мне от вам потребуется кое-какая информация. Нет ли случайно в этом притоне женщины, склонной к чтению?

— Ага. Она мне все время подсовыват чёнть почитать,, грит, чтоб я себя совершенствал. Очень порядочная такая.

— О, мой Бог! — Изжелта-небесные зенки вспыхнули огнем. — Могу ли я как-либо познакомиться с этим образцом порядочности?

Джоунз спросил себя, чё это тут за дела такие, но ответил учтиво:

— В-во! Хочшь ее увидать, так заходи как-нить вечером, она как раз с любимцей танцует

— Боже мой. Только не говорите мне, что она и есть эта самая Харлетт О'Хара.

— Ну. Она и есть. Харля О'Харя самая.

— Боэций плюс домашний любимец, — пробормотал себе под нос Игнациус. — Какое открытие.

— Она сизон раскроет через пару-трешку дней, чувак. Подволакивай суда задницу. У нее самый личный спиктакыль тут, что я тока видал. В-во!

— Могу себе только представить, — с уважением произнес Игнациус. Некая блистательная сатира на декадентский Старый Юг, разыгрываемая перед ничего не подозревающими свиньями-завсегдатаями «Ночи Утех». Несчастная Харлетт. — Скажите же мне. Что именно за домашний любимец у нее?

— Э-эй! Этова я тебе не могу сказать, чувак. Сам

должон поглядеть. Спиктакыль — это большой суприз. Харле там тож есть чё сказать. Тут те не просто стриптыз. Харля грить будет.

Боже всемогущий. Некий язвительный комментарий, коего никто из ее публики не в силах будет постичь до конца. Он обязан увидеть эту Харлетт. Они должны поговорить и понять друг друга.

— Я бы еще вот что хотел узнать, сэр, — сказал Игнациус. — А нацистская владелица этой клоаки присутствует здесь каждый вечер?

— Хто? Мисс Ли? Нет. — Джоунз сам себе ухмыльнулся. Саботаж работал как по маслу. Жирной мамке уже не терпится завалиться в «Ночью Тех». — Она грит, Харля О'Харя само вершенсво, она так здорово, что совсем не надо приходить суда по вечерам назирать. Грит, тока Харля сизон откроет, так она в отпус рванет в Колыфорнию. В-во!

— Какая удача, — слюняво залепетал Игнациус. — Что ж, тогда *я* приду сюда посмотреть представление мисс О'Хары. Можете тайно зарезервировать для меня столик у самой эстрады. Я должен видеть и слышать все, что она делает.

— Ууу-иии. Доброжалывать, чувак. Тащи свою задницу суда через пару дней. Тебя тут перво-

класс обслужат.

— Джоунз, ты что там, лясы с этим типом точишь или как? — В дверях показалась Лана.

— Не беспокойтесь, — сообщил ей Игнациус. — Я ухожу. Ваш прихвостень вселил в меня невыразимый ужас. Я никогда больше не совершу подобной ошибки и даже не пройду мимо вашего свинарника порока.

— Это хорошо, — ответила Лана и захлопнула дверь.

Игнациус заговорщически осклабился Джоунзу.

— Эй, слуш, — сказал Джоунз. — Пока не ушел, скажи-ка мне кой-чё. Как ты думаш, чё надо цветному чуваку, чтоб не бомжить и чтоб заплата не ниже минималой была?

— Прошу вас. — Игнациус пошарил под халатом в поисках бордюра, чтобы опереться и встать. — Вы даже представить себе не можете, насколько вы запутались. Ваши субъективные оценки совершенно неверны. Как только вы достигнете вершины, или к чему вы там еще стремитесь, у вас непременно случится нервный срыв или даже хуже. Вам знакомы негры с язвой желудка? Разумеется, нет. Живите в какой-нибудь лачуге и радуйтесь. Благодарите Фортуну,

что у вас нет белой родительницы, которая вас травит. Читайте Боэция.

— Ково? Чё читать?

— Боэций продемонстрирует вам, что все ваши стремления, в конечном итоге, лишены смысла, что должны научиться принимать все как есть. Спросите о нем у мисс О'Хара.

— Слушай. Вот как те понравицца бомжывать половину времени?

— Изумительно. В более счастливые времена я и сам был бродягой. Если б только я оказался на вашем месте. Я бы из комнаты вообще выходил лишь раз в месяц, чтобы только нашарить в почтовом ящике чек вспомоществования. Осознайте же, насколько вам повезло.

Жирная мамка — на самом деле придурок. Бедным народам в «Штанах Леви» сильно повезло, что они не оказались после такого в Анголе.

— Ладна, заходи через пару дней. — Джоунз выдул струю дыма прямо в кольцо серьги. — Харля все дела покажыт.

— Я прибуду под колокольный звон, — ответил счастливый Игнациус. Как Мирна заскрежещет зубами.

— В-во! — Джоунз обошел тележку, остановился перед бампером сосиски и вгляделся в листок

из блокнота «Великий Вождь». — Похоже, с тобой кто-то шутки играет.

— Это всего-навсего рекламный трюк.

— Ууу-иии. Тада те лучше ево ищо раз проверить.

Игнациус добрел до бушприта своего судна и обнаружил, что беспризорник украсил надпись ДВЕНАДЦАТЬ ДЮЙМОВ (12") РАЯ целым ассортиментом гениталий.

— О, мой Бог! — Игнациус сорвал листок, покрытый наскальной росписью шариковой ручкой. — И я вот с этим везде ездил?

— Я буду под дверями тут стоять, тебя высматривать, — сказал Джоунз. — Э-эй!

Игнациус помахал ему счастливой лапой и заковылял прочь. Наконец у него появился повод зарабатывать деньги. Харлетт О'Хара. Он нацелил оголенный нос тележки в сторону дебаркадера переправы в Алжир, где днем собирались портовые грузчики. Зазывая и завлекая, он направил сосиску прямо в толпу мужчин и преуспел в продаже всех «горячих собак», любезно и обильно сдабривая продаваемые товары кетчупом и горчицей с энергией юного пожарника, качающего воду ручной помпой.

Какой блистательный день. Намеки Фортуны

более чем многообещающи. Пораженный до глубины души мистер Клайд удостоился от киоскера Райлли жизнерадостного приветствия и десятидолларовой выручки, а сам Игнациус, ощупывая карманы халата, набитые купюрами, полученными от беспризорника и магната франкфуртеров, взметнулся в вагон трамвая с легким сердцем.

Войдя в дом, он обнаружил, что мать тихонько разговаривает по телефону.

— Я тут подумала, чего ты мне сказала, — шептала миссис Райлли в трубку. — Может, это и не такая уж плохая мысль, в конце концов, малыша. Ты же ж понимаешь, о чем я?

— Конечно, неплохая, — рокотала в ответ Санта. — Эти ж люди в Благодарительной дадут твому Игнациусу чучуть отдохнуть. Клоду ж не захочется, чтоб он перед носом маячил, голубушка.

— Так я ему нравлюсь, а?

— Нравишься? Он сёдни утром позвонил и спрашиват, не собираешься ли ты, мол, когда-нить еще замуж выходить. Хосподя. Я грю: «Ну, Клод, вот сами и спросите». Ф-фу-у. Он же ж у тебя такой ухажер, как я ни в жись не видала. Беньдяшка совсем отчаялся уже от одиночисва.

— Он, конешно, очень внимательный, — выдохнула мисс Райлли в трубку. — Тока я иногда

так невричаю, когда он про камунясов начинает.

— Что, во имя всего святого, вы тут мелете, мамаша? — загрохотал из прихожей Игнациус.

— Хспти, — сказала Санта. — Никак, Игнациус пришел.

— Шшш, — прошипела миссис Райлли в телефон.

— Ну, так послушай суда, миленькая. Как тока Клод женисся, он и думать забудет про этих камунясов. У него ж мозги щас ничем не заняты, все оттуда. Дай ему любви немножко, вот и все.

— Санта!

— Господи Боже мой, — поперхнулся от негодования Игнациус. — Вы снова разговариваете с этой проституткой Баттальей?

— Закрой рот, мальчик.

— Ты б лучше этому свому Игнациусу по голове настучала, — посоветовала Санта.

— Ох, если б мне только сил на это хватало, — ответила миссис Райлли.

— Ой, Ирэна, чуть не забыла тебе сказать. Анджело сёдни утром заходил, кофы выпить. Так я его едва признала. Видела б ты его в этом шерсином косюме. Чисто лошадь миссис Астор. Бедненький Анджело. Уж так старается, так старается. Теперь по разным барам ходить будет,

грит, по первоклассам. Скорей бы уж он какого-нить субчика привлек.

— Нет, ну какой ужыс, — печально отозвалась миссис Райлли. — А что ж он делать будет, если его из сил вышвырнут? Ему ж троих детишек кормить надо.

— В «Райских Киоскерах» для людей с инициативой и хорошим вкусом открыты весьма перспективные возможности, — сказал Игнациус.

— Слушай-слушай этого самашетшево, — сказала Санта. — Ай, Ирэна. Позвони-ка ты лучше скорее в Благодарительную, голуба.

— Давай же ж ему еще один шанец дадим. Может, он куш какой сорвет.

— Я ващще не понимаю, зачем я трачу тут время, с тобой разговариваю, — хрипло вздохнула Санта. — Значть, сёдни около семи? Клод грил, тоже суда придет. Заежжай за нами, съездим на озеро прокатимся, крабов хороших поедим. Ф-фу-у! Как же ж вам, детки, повезло, что я с вами тут нянчусь. Вам обоим просто нянька нужна, особенно когда Клод тут отирается.

Санта фыркнула гуще обычного и повесила трубку.

— О чем можно столько болтать с этой старой

сводней, во имя всего святого на земле? — спросил Игнациус.

— Заткнись!

— Благодарю вас. Я вижу, дела здесь обстоят как всегда жизнерадостно.

— Ты скока денег сёдни принес? Опять четвертной? — завопила миссис Райлли. Она подскочила, быстро сунула руку в один из карманов форменного халата и извлекла оттуда яркую фотографию. — Игнациус!

— Отдайте немедля! — загрохотал тот. — Как осмелились вы запятнать это великолепное изображение своими грязными руками винной торговки?

Миссис Райлли снова всмотрелась в фотографию и закрыла глаза. По щеке ее покалилась слезинка.

— Я так и знала, когда ты начал эти сосыски торговать, что с такими людями якшаться будешь.

— Что вы имеете в виду — «с такими людями»? — сердито спросил Игнациус, пряча фотографию в карман. — Это блестящая злоупотребленная женщина. Говорите о ней с уваженем и почтением.

— Я вообще не хочу разговаривать, — всхлипнула миссис Райлли, не распечатывая глаз. — Иди к

себе в комнату и сиди там, пиши свои глупости. — Зазвонил телефон. — Это опять, должно быть, мистер Леви. Он сёдни уже два раза звонил.

— Мистер Леви? Что понадобилось этому монстру?

— Он не захотел мне говорить. Ступай, самашетший. Отвечай. Сними трубку.

— Что ж, я определенно не желаю с ним разговаривать, — громыхнул Игнациус. Он снял трубку и измененным голосом, в котором богато играли мейферские[65] акценты, ответил:

— Аллоу?

— Мистер Райлли? — спросил мужской голос.

— Мистера Райлли здесь нет.

— Это Гас Леви. — На заднем фоне женский голос тем временем говорил:

— Посмотрим теперь, что ты ему скажешь. Еще один шанс коту под хвост, психопат сбежал.

— Мне несказанно жаль, — провозгласил Игнациус. — Мистера Райлли сегодня днем вызвали из города по одному весьма неотложному делу. В действительности же он пребывает в психиатрической лечебнице штата в Мандевилле. С тех пор, как ваш концерн так злонамеренно уволил его,

---

[65] notes: 65
Мейфер — фешенебельный район Лондона.

ему приходится совершать регулярные поездки в Мандевилль и обратно. Все его эго изранено. Вы еще можете получить счета от его психиатра. Они довольно-таки ошеломляющи.

— Так он свихнулся?

— Неистово и окончательно. Мы провели здесь с ним весьма незабываемое время. В первый раз, когда он отправился в Мандевилль, его пришлось транспортировать в бронированном автомобиле. Как вам известно, его телосложение довольно величественно. Сегодня днем, тем не менее, он отправился в обычной патрульной карете скорой помощи.

— А в Мандевилле к нему пускают посетителей?

— Ну, разумеется. Поезжайте и повидайтесь с ним. Привезите ему печенья.

Игнациус шваркнул трубкой о рычаг, сунул четвертьдолларовую монету в ладонь все еще шмыгавшей носом матери и, переваливаясь с борта на борт, направился к себе в комнату. Открывая дверь, он чуть-чуть помедлил, чтобы поправить табличку «МИР ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ», которую когда-то прибил кнопкой к шелушившемуся краской дереву.

Все знаки указывали вверх; колесо его враща-

лось к небесам.

ДВЕНАДЦАТЬ

На Константинопольскую улицу налетел шквал возбуждения. Дикие трели свистка почтальона, фырчание почтового грузовика, тревожные вопли матери, крики мисс Энни, что почтальон перепугал ее своим свистом — все это прервало упорядоченную процедуру Игнациуса: он как раз одевался к первому митингу нового политического движения. Он подписал квитанцию о доставке и ринулся в свою комнату, не забыв запереть за собой дверь.

— Что там такое, мальчик? — спрашивала из прихожей миссис Райлли.

Игнациус посмотрел на манильский конверт, проштампованный
«ЗАКАЗНАЯ АВИАБАНДЕРОЛЬ» и помеченный рукописными призывами: «Срочно» и «Спешно».

— О, Боже мой, — довольно вздохнул он. — Распутница Минкофф, должно быть, вне себя.

Он разодрал конверт и извлек письмо.

Господа:

Ты в самом деле отправлял мне эту телеграмму, Игнациус?

МИРНА ФОРМИРУЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПАРТИИ МИРА СЕВЕРО ВОСТОЧНОЙ ЗОНЫ НЕМЕДЛЕННО ТЧК ПРОВОДИ ОРГАНИЗАЦИЮ НА ВСЕХ УРОВНЯХ ТЧК РАБОТЕ ПРИВЛЕКАЙ ТОЛЬКО СОДОМИТОВ ТЧК СЕКС ПОЛИТИКЕ ТЧК ПОДРОБНОСТИ ПОЗЖЕ ТЧК ИГНАЦИУС НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТЧК

Что все это означает, Игнациус? Ты в самом деле хочешь, чтобы я набирала в партию педиков? Кому захочется быть зарегистрированным содомитом? Игнациус, я очень встревожена. Ты тусуешься с голубыми? Я могла предполагать, что это неизбежно случится. Твоя параноидная фантазия об аресте и аварии была первым ключом. Теперь все выходит наружу. Твои нормальные сексуальные выходы были блокированы слишком долго, и теперь сексуальный потоп прорывается совершенно не по тем каналам. Со времени своей фантазии, которая и послужила началом всего, ты переживаешь период кризиса, который достигает своей кульминации в неприкрытой сексуальной аберрации. Я могла сразу сказать, что рано или поздно у тебя поедет крыша. Теперь это и произошло. Моя группа групповой терапии очень расстроится, когда услышит, что твой случай оборачивается к худшему. Прошу тебя

— оставь этот загнивающий город и приезжай на север. Позвони мне за мой счет, если хочешь, и мы можем обсудить эту твою проблему сексуальной ориентации. Ты должен пройти курс терапии как можно скорее, или сам станешь буйным педерастом.

— Да как она смеет? — взревел Игнациус.

Что же произошло с партией Божественного Права? У меня уже было несколько человек, готовых в нее вступить. Я не уверена, что они согласятся на это дело с содомитами, хотя, насколько я вижу, мы можем воспользоваться этой партией содомитов, чтобы отвлечь маргинально сгруппировавшихся фашистов. Возможно, нам удастся расколоть правое крыло напополам. Но я по-прежнему не считаю эту идею удачной. Предположим, захотят вступить не-содомиты, а мы им откажем. Нас обвинят в том, что мы предубеждены, и весь наш замысел провалится. Моя лекция, боюсь, не совсем удалась. Нет, прошла-то она нормально — пролетела прямо над головами у слушателей. В публику затесались двое-трое людей среднего возраста, которые пытались сбить меня с толку своими очень враждебными замечаниями, но парочка моих друзей из

группы групповой терапии бросили вызов их враждебности своей враждебностью и, в конце концов, изгнали этих реакционеров из аудитории. Как я и подозревала, я оказалась слишком чуть-чуть слишком продвинутой для местечковой публики. Онга так и не появился, вот гнида. Что касается меня, то его могут хоть обратно в Африку отправить. Я в самом деле, считала, что у этого парня хоть что-то за душой есть. Очевидно, политически он очень апатичен. А ведь обещал, что придет, подонок. Игнациус, этот содомитский план совсем не кажется мне практичным. Помимо этого, я считаю, что это — всего лишь опасная манифестация твоего ухудшающегося душевного здоровья. Прямо не знаю, как я смогу рассказать своей группе групповой терапии об этом зловещем повороте событий — сколь бы предсказуемым он ни казался. Вся группа по-настоящему за тебя болела. Некоторые даже идентифицируются с тобой. Если не выдержишь ты, не выдержат и они. Мне необходим от тебя немедленный ответ. Пожалуйста, позвони за мой счет в любое время после 6 вечера. Я очень, очень волнуюсь.

М.Минкофф

— Она тотально сбита с толку, — довольно про-

изнес Игнациус. — Подождем, пока она услышит о моей апокалиптической встрече с мисс О'Хара.

— Игнациус, что ты там получил?

— Депешу от распутницы Мирны.

— Чего этой девочке надо?

— Она угрожает самоубийством, если я не дам клятву, что мое сердце принадлежит ей и только ей.

— Ай, какой ужыс. Вот спорить же ж готова, ты ей, беньдяшечке, столько врак наплел. Я ж тебя знаю, Игнациус.

Из— за двери доносились звуки одевания: что-то, похожее на кусок металла, лязгнуло о пол.

— Куда ты собрался? — осведомилась миссис Райлли у облупленной краски.

— Я вас умоляю, мамаша, — ответил ей бассо профундо. — Я в значительной степени спешу. Прекратите мне досаждать, пожалуйста.

— Со всеми деньгами, что ты приносишь, мог бы и дома целыми днями сидеть, — заорала двери миссис Райлли. — Как же я долг этому человеку оплачу?

— Мне бы хотелось, чтобы вы оставили меня в покое. Я сегодня выступаю на политическом митинге и должен привести в порядок свои мысли.

— На политическом митинге? Игнациус! Ай,

как чудесненько! Может, ты хоть в политике хорошо добьешься. У тебя ж такой прекрасный голос. В каком клубе, миленький? У Демократов Города Полумесяца? У Старых Регуляров?

— Боюсь, что партия в настоящий момент секретна.

— Что ж это за партия, коли она секретная? — с подозрением осведомилась миссис Райлли. — Ты что, с кучей комунястов разговаривать будешь?

— Хо-хмм.

— Мне тут кое-кто дал кое-что почитать про комунястов, мальчик. Я теперь все про комунястов в брошуре прочитала. Не пытайся меня обдурачить же ж, мальчик.

— Да, я видел одну из этих брошюр в прихожей сегодня. Вы либо обронили ее там намеренно, чтобы я мог получить пользу от ее смысла, либо швырнули ее туда случайно во время одной из своих регулярных винных оргий, будучи уверенной, что это просто особенно слоноподобный кусок конфетти. Воображаю, что вашим глазам было довольно трудно обрести фокус как раз около двух часов дня. Что ж, я прочел этот памфлет. Он почти весь совершенно безграмотен. Бог знает, где вы берете подобный мусор. Вероятно, у той старухи, что торгует пралине на кладбище.

Так вот, я не коммунист, а поэтому оставьте меня в покое.

— Игнациус, а ты не думаешь, что, может, тебе будет щасливей, если ты съездишь немного отдохнешь в Благодарительной?

— Уж не психиатрическую лечебницу ли вы случайно имеете в виду? — зашелся от ярости Игнациус. — Вы что — считаете меня безумцем? Вы что — предполагаете, что какому-то глупому психиатру удастся хотя бы совершить попытку измерить все глубины структуры моей души?

— Ты мог бы там просто отдохнуть, голубчик. Мог бы просто писать свои писули в этих маленьких тетрадках.

— Да они же постараются сделать из меня дебила, которому нравится телевидение, новые автомобили и замороженная еда. Неужели вы этого не понимаете? Психиатрия хуже коммунизма. Я отказываюсь от промывки мозгов. Я не стану роботом!

— Но Игнациус же ж, они же ж многим помогают, у кого пронмблемы.

— Думаете, у меня проблемы? — заревел Игнациус. — Эти люди сталкиваются с единственной проблемой — им не нравятся новые автомобили и лак для волос. Именно поэтому их запирают. Они

пугают других членов общества. Каждый приют в этой стране набит несчастными душами, которые просто-напросто терпеть не могут ланолин, целлофан, пластик, телевидение и подразделы.

— Игнациус, это неправда. Помнишь старого мистера Бекнела, который дальше по нашему кварталу жил? Его заперли, потому что он бегал голым по улице.

— Ну разумеется он бегал голым по улице. Его кожа не могла больше выносить всей этой одежды из дакрона и нейлона, которая забивала все поры тела. Я всегда расценивал мистера Бекнела как одного из мучеников нашей эпохи. Несчастного просто принесли в жертву. А теперь сбегайте к парадной двери, посмотрите, не прибыло ли еще мое такси.

— Откуда у тебя деньги на такси, а?

— У меня несколько пенни завалялось под матрацем, — ответил Игнациус. Он шантажом вытянул из беспризорника еще десять долларов, заставив к тому же этого гавроша сторожить тележку, пока он смотрел весь день в «Лёу» фильм о гонках подростков за лидером. Сорванец определенно был находкой, подарком Фортуны, пытавшейся таким образом извиниться за то, что крутила колесо не в ту сторону. — Идите подгля-

дывать сквозь чужие ставни.

Дверь со скрипом открылась, и Игнациус выступил во всем своем пиратском убранстве.

— Игнациус!

— Я так и думал, что вы отреагируете подобным образом. Именно поэтому я хранил всю эту параферналию на складе корпорации «Райские Киосеры».

— Анджело был прав, — возопила миссис Райлли. — Ты все это время бродил по улице, вырядиссись как на Марди-Гра.

— Тут кашне. Там абордажная сабля. Одна-другая искусная деталь, подобранная со вкусом, — и все. Общее впечатление довольно привлекательно.

— Ты в таким виде никуда не пойдешь, — заверещала миссис Райлли.

— Я вас умоляю. Только не надо мне устраивать еще одну истерику. Вы сместите все мысли, что формируются у меня в уме в связи с предстоящей лекцией.

— Вернись сичас же к себе в комнату, мальчик. — Миссис Райлли начала колотить Игнациуса по рукам. — Сичас же вернись к себе. Я тут не шутки с тобой шучу. Какой стыд и срам же ж на мою голову.

— Господи Боже мой! Мамаша, немедленно прекратите. Я буду не в состоянии произнести речь.

— И что это за речи ты пронзосить собирайиси, а? Куда это ты собрался, Игнациус? Скажи ж мне сичас же ж! — Миссис Райлли несильно шлепнула Игнациуса по физиономии. — Ты никуда из дому не выйдешь, самашетший.

— О, мой Бог, да вы совсем спятили! Отойдите от меня сей же момент! Надеюсь, вы заметили тот ятаган, что пришпилен к моей униформе.

Ладонь матери попала Игнациусу по носу; второй удар пришелся прямо в глаз. Переваливаясь с ноги на ногу, Игнациус пробежал прихожую, рванул настежь дверные ставни и выскочил во двор.

— Сичас же вернись в дом, — орала ему вслед миссис Райлли. — Ты никуда не пойдешь, Игнациус.

— Готов спорить, что вы не кинетесь за мною в погоню в этой своей изодранной сорочке! — с вызовом ответил Игнациус и дерзко высунул массивный розовый язык.

— Вернись суда, Игнациус!

— Эй, а ну прекращайте, вы! — заорала из-за своих передних ставень мисс Энни. — Все нервы мне к черту измотали.

— Вы поглядите тока на Игнациуса! — крикнула ей миссис Райлли. — Ну какой ужыс, а?

Игнациус махал матери ручкой с кирпичного тротуара, а серьга его ловила лучи уличного фонаря.

— Игнациус, ну иди же ж суда, будь хорошим мальчиком, — взмолилась миссис Райлли.

— У меня уже голыва раскалываицца от свиста этого проклитущщего почтальёна, — громко пригрозила мисс Энни. — Я щас буквально через минуту полицаям позвоню.

— Игнациус! — взорвалась миссис Райлли, но уже было слишком поздно. Из-за угла появилось такси. Игнациус махнул ему как раз в тот момент, когда мать, позабыв о стыде и позоре изодранной ночнушки, выскочила на обочину. Игнациус захлопнул заднюю дверцу, едва не прищемив материнскую свекольную прическу, и рявкнул таксисту адрес. Он тыкал в руки матери абордажной саблей, приказывая водителю трогаться с места немедленно. Такси рвануло, из-под колес полетел мелкий гравий, больно жаля ноги миссис Райлли сквозь лохмотья сорочки из искусственного шелка. Еще какое-то мгновение она следила за красными габаритными фонарями удалявшейся машины, а потом бросилась назад в

дом звонить Санте.

— На маскарад собрался, приятель? — спросил таксист, когда они свернули на проспект Св. Чарлза.

— Смотрите, куда едете, и отвечайте только когда к вам обращаются, — громыхнул Игнациус.

За оставшуюся поездку водитель не произнес больше ни слова, зато Игнациус громко репетировал свою речь на заднем сиденье, стуча о спинку переднего абордажной саблей, чтобы подчеркнуть значимость ключевых моментов.

На улице Св. Петра он вышел и первым делом услышал шум: невнятное, однако исступленное пение и смех доносились из трехэтажного оштукатуренного особняка. Какой-то зажиточный француз построил его в конце 1700-х годов, чтобы разместить в нем все свое хозяйство: жену, детей и старых дев— *tantes*[66]. *Tantes* хранились на чердаке вместе с иной избыточной и непривлекательной мебелью, а из двух крохотных слуховых окон они могли наблюдать ту небольшую порцию мира, которая, как они полагали, только и существовала за пределами их собственного

---

[66] notes: 66
Тетушек (фр.)

monde[67] клеветнических сплетен, вышивки и циклических переборов четок. Однако рука профессионального декоратора изгнала всех духов французской буржуазии, которые еще могли населять толстые кирпичные стены особняка. Экстерьер был выкрашен в яркий канареечный цвет; газовые горелки в репродукциях латунных светильников, установленных по обе стороны подъездной дорожки, мягко мигали, и их янтарные язычки пламени дрожали, отражаясь в черной эмали ворот и ставень. На брусчатке под светильниками стояли старые кадки с плантаций, из которых тянули свои отточенные стилеты испанские юкки.

Игнациус остановился перед особняком и обозрел его с крайней неприязнью. Его изжелта-небесный взор осудил блистательный фасад. Нос его взбунтовался против весьма ощутимого запаха свежей эмали. Его уши съежились от этого бедлама пения, гогота и хихиканья, имевшего место за сдвинутыми ставнями из лакированной кожи.

Брюзгливо прочистив горло, он осмотрел три дверных звонка из желтой меди и три маленькие

---

[67] notes: 67
Мира (фр.)

белые карточки над каждым:

Билли Трюхард

Рауль Фрэйль -3А

Фрида Клаб Бетти

Бампер Лиз Стил -2А

Дориан Грин -1А

Он ткнул пальцем в нижний и стал ждать. Неистовство за ставнями умерилось лишь ненамного. Где-то открылась дверь, и по дорожке к воротам подошел Дориан Грин.

— Ох, дорогуша ж вы мой, — произнес он, когда разглядел, кто стоит на тротуаре. — Ну куда же вы запропастились? Боюсь, что наш первый митинг немного выходит из-под контроля. Я безуспешно попробовал раз-другой призвать сборище к порядку, но чувства, очевидно, довольно-таки воспламенились.

— Я надеюсь, вы не совершили ничего, чтобы остудить их моральный дух, — сурово произнес Игнациус, нетерпеливо постукивая абордажной саблей по чугунным воротам. Несколько серди-

то он подметил, что Дориан идет к нему как-то нестойко; не этого он ожидал.

— О, какая тусовка! — воскликнул Дориан, отворяя ворота. — Все просто отвязываются как могут.

Дориан резво и несогласованно изобразил пантомимой происходящее.

— О, мой Бог! — произнес Игнациус. — Прекратите эту отвратительную непристойность.

— Несколько человек совершенно погубят себя после этого вечера. Наутро случится массовый исход в Мехико. Но Мехико ведь — такой дикий город.

— Я весьма надеюсь, что никто не попытался навязать сборищу никаких милитаристских резолюций.

— Ой, мамочки же ж, нет.

— Это успокоительно слышать. Одному Господу известно, с какой оппозицией нам придется столкнуться уже в самом начале. У нас может оказаться «пятая колонна». Что-то могло просочиться в военно-промышленный комплекс нации и, собственно говоря, всего мира.

— Ну пойдемте же, Цыганская Царица, заходите.

Шагая по дорожке, Игнациус сказал:

— Этот особняк отвратно вычурен. — Он взглянул на пастельные светильники, таившиеся за пальмами вдоль стен. — Кто несет ответственность за этот архитектурный аборт?

— Я, разумеется, Мадьярская Дева. Я — владелец здания.

— Мне следовало догадаться. Могу я осведомиться, откуда поступают деньги на содержание этой вашей декадентской причуды?

— От моей дражайшей семьи, засевшей в овсах, — вздохнул Дориан. — Они шлют мне крупные чеки каждый месяц. Взамен я просто гарантирую им, что буду держаться подальше от Небраски. Я покинул ее, как вы понимаете, под пологом несколько сгустившихся туч. Вся эта пшеница, эти бескрайние просторы равнин. Даже не могу вам передать, насколько все это меня угнетало. Если кто и романтизировал это, так только Грант Вуд[68]. Я съездил на Восток поучиться в колледже, а потом приехал сюда. О, Новый Орлеан — это такая свобода.

— Ну, по крайней мере, у нас есть штаб-квартира для нашего путча. Однако, увидев место воочию, я бы все же предпочел, чтобы вы арендо-

---

[68] notes: 68

Американский художник (1892-1942), известный преимущественно картинами из жизни Среднего Запада.

вали зал «Американского Легиона» или что-либо еще, равно уместное. Этот дом больше похож на декорацию для какой-то извращенной деятельности, вроде танцев с чаепитием или вечеринки в саду.

— А вы знаете, что национальный журнал по интерьерам и домоводству хочет опубликовать цветной разворот об этом здании? — спросил Дориан.

— Если бы вы обладали хоть каким-то здравым смыслом, то осознали бы, что это — крайняя степень оскорбления, — фыркнул Игнациус.

— О, Девушка с Золотой Серьгой, вы просто сводите меня с ума. Смотрите, дверь вот здесь.

— Секундочку, — опасливо произнес Игнациус. — Что это за ужасный шум? Похоже, кого-то приносят в жертву.

Они остановились в пастельном свете подъездной дорожки и прислушались. Где-то во внутреннем дворике человеческий голос призывал на помощь.

— Ой, мамочки, что они сейчас творят? — Голос Дориана звучал нетерпеливо. — Вот дурашки. Никогда себя вести не умеют.

— Я бы предложил нам провести расследование, — заговорщически прошептал Игнациус. —

Одержимый военный офицер мог прокрасться на собрание инкогнито и теперь выпытывает все наши секреты из какого-нибудь преданного члена партии посредством пыток. Солдафоны до мозга костей ни перед чем не остановятся. Там может оказаться даже иностранный агент.

— Ой, как весело! — взвизгнул Дориан.

Они с Игнациусом ввалились во дворик, спотыкаясь и ковыляя. Этот кто-то звал на помощь со стороны помещений для черной прислуги. Дверь туда была приотворена, но Игнациус все равно кинулся на нее всей тушей, расколотив несколько стеклянных панелей.

— О, мой Бог! — возопил он, увидев то, что оказалось перед ним. — Они нанесли удар!

Перед ним, в кандалах и прикованный к стене, извивался маленький морячок. Это был Тимми.

— Вы видите, что вы сделали с моей дверью? — допытывался из-за спины Игнациуса Дориан.

— Враг среди нас, — неистово вещал тем временем Игнациус. — Кто проболтался? Скажите мне. Кто-то напал на наш след.

— Ой, выпустите ж меня отсюда, — выл морячок. — Тут ужасно темно.

— Ах ты, дурачок, — сплюнул на него Дориан. — Кто тебя здесь приковал?

— Этот кошмарный Билли с Раулем. Они такие ужасные, эти двое. Привели меня сюда показать, как ты заново оформил интерьер рабских квартир, а я опомниться не успел, как они меня сунули в эти грязные цепи и убежали обратно к гостям.

Морячок полязгал цепями.

— Я только что сделал тут ремонт, — сказал Дориан Игнациусу. — О, моя дверь.

— Где эти агенты сейчас? — потребовал Игнациус. Отстегивая абордажную саблю и размахивая ею. — Мы должны задержать их, пока они не покинули это здание.

— Вытащите меня отсюда, пожалуйста. Я не выношу темноты.

— Это ты виноват, что мне дверь поломали, — прошипел окончательно рехнувшемуся мореходу Дориан. — Доигрался в игрушки с этими двумя курвами сверху.

— Это же он двери сломал.

— А чего еще от него ожидать можно? Ты только посмотри на него.

— Это вы обо мне беседуете, уклонисты? — рассердился Игнациус. — Если вы и дальше будете так волноваться из-за какой-то двери, я серьезно сомневаюсь, что вы долго протянете на жестокой арене политики.

— Ох, заберите же ж меня отсюда. Я буду *кричать*, если еще хоть на чуть-чуть останусь в этих гадких оковах.

— Ой, заткнись, сикушка, — рявкнул Дориан, хлобыстнув Тимми по розовым щекам. — Пошел вон из моего дома — твое место на улице.

— О-о! — взвыл моряк. — Какие ужасные слова!

— Я вас умоляю, — предостерег Дориана Игнациус. — Наше движение нельзя саботировать междоусобицами.

— Я-то думал, что у меня хоть один настоящий друг остался, — плакался моряк Дориану. — Теперь я вижу, как я ошибался. Валяй дальше. Дай мне еще одну пощечину, если тебе это доставляет такое наслаждение.

— Да я б до тебе даже дотронуться побрезговал, додик.

— Я сомневаюсь, что какой-либо писака даже под нажимом смог бы накарябать подобную отвратительную мелодраму, — заметил Игнациус. — Прекратите этот балаган немедленно, дегенераты. Примените хотя бы немного вкуса и пристойности.

— Шлепни меня! — визжал морячок. — Я знаю, что тебе смерть как хочется. Тебе же не терпится

сделать мне больно, правда?

— Очевидно, он не успокоится, покуда вы не согласитесь нанести ему хотя бы небольшое физическое увечье, — сообщил Игнациус Дориану.

— Да я и пальцем не коснуть его блядского тельца.

— Ну мы же должны что-то сделать, чтобы утихомирить его. Мой клапан не в силах вынести неврозы этого психически неуравновешенного моряка в таких количествах. Мы должны вежливо дать ему отставку от нашего движения. Он просто не соответствует уровню. Любой почует этот тяжелый мускус мазохизма, исторгаемый им. Он в данный момент завонял им уже все апартаменты для прислуги. А помимо этого, мне кажется, он довольно-таки пьян.

— И ты меня тоже ненавидишь, чудовище, — завопил морячок Игнациусу.

Тот крепко приложил Тимми по макушке своей абордажной саблей, и мореход испустил жалобный стон.

— Одному Всевышнему известно, какие испорченные фантазии поселились у него в голове, — заметил Игнациус.

— Ох, шмякните его еще, — счастливо зачирикал Дориан. — Как это весело!

— Пожалуйста, снимите же с меня эти ужасные цепи, — взмолился морячок. — У меня весь матросский костюмчик уже ржавый.

Пока Дориан отпирал кандалы ключиком, хранившимся на дверной притолоке, Игнациус рассуждал:

— Знаете, кандалы и цепи в современной жизни обладают такими функциями, о которых их пылкие и рьяные изобретатели в более простые ранние века и не помышляли. Если бы я проектировал пригородные районы, я бы прикреплял хотя бы по одному комплекту к стенам каждого нового ранчо из желтого кирпича, к каждому смещенному уровню особняка в кейп-кодовском стиле. Когда жители пригородов устанут от телевидения и пинг-понга, или чем там они еще занимаются в своих домишках, то могут немножко заковывать друг друга для разнообразия. Всем это очень понравится. Жены будут хвастаться друг дружке: «Мой вчера вечером посадил меня на цепь. Изумительно. А твой тебе так делает?» Детишки же будут спешить домой из школы, к матерям, которые ждут не дождутся, чтобы надеть на них кандалы. Это поможет развивать в детях воображение, которого они лишаются благодаря телевидению, а также благодарно снизит

уровень детской преступности. А когда вернется отец, все семейство уже будет поджидать его, чтобы схватить и приковать за то, что он, как последний олух, весь день корячился на работе, чтобы их прокормить. Назойливую пожилую родню следует сажать в колодки в гараже, а руки им освобождать только раз в месяц, чтобы могли подписать пенсионные чеки. Кандалы и цепи всем могли бы обеспечить лучшую жизнь. Я должен уделить этой мысли некоторое место в своих заметках и набросках.

— Ох, дорогой же ж мой, — вздохнул Дориан. — Вы когда-нибудь заткнетесь или нет?

— У меня все руки и *правда* в ржавчике, — захныкал Тимми. — Ну погодите — доберусь я до этих Билли с Раулем.

— Наша маленькая конвенция, кажется, проходит довольно непокорно, — заметил Игнациус о шуме буйного веселья, долетавшем до них из квартиры Дориана. — Очевидно, чувства, вызываемые вопросами повестки дня, поражают более чем один нервный ганглий.

— Ой, матушки, я лучше не буду на это смотреть, — сказал Дориан, толкая нараспашку застекленную пушинку своей французской провинциальной двери.

Внутри Игнациус увидел кишащую массу народа. Сигареты и бокалы для коктейлей дирижерскими палочками летали в воздухе, управляя симфонией болтовни, визга, пения и хохота. Из недр гигантского стереофонического фонографа сквозь назойливый шум толпы пробивался голос Джуди Гарланд. Небольшая группа молодых людей — единственная неподвижная композиция в зале — стояла перед ним, точно перед алтарем. «Божественно!» «Фантастика!» «Так человечно!» — говорили они о голосе, шедшем из их электрической скинии.

Его изжелта-небесный взгляд перебегал с этого ритуала на остальное пространство залы, где другие гости атаковали друг друга разговорами. Ткани в ёлочку, в полосочку, поярковые и кашемировые сливались в сплошные мазки, а руки и пальцы разрывали воздух разнообразием изящных жестов. Ногти, запонки, перстни на мизинцах, зубы, глаза — все сверкало. В центре одной кучки элегантных гостей ковбой с маленькой плеткой для верховой езды щелкнул ею кого-то из своих поклонников — в ответ раздались преувеличенные взвизги и довольное хихиканье. Посреди другой группы стоял какой-то оболтус в черной кожанке и, к немалому восторгу своих

бесполых учеников, показывал захваты дзюдо. «Ох, научи меня такому тоже,» — завопил кто-то поблизости от борца, когда другого элегантного гостя скрутили в непристойную позицию, а затем швырнули на пол, и он приземлился под грохот запонок и другой разнообразной бижутерии.

— Я приглашал только самых лучших, — сообщил Дориан Игнациусу.

— Боже милостивый, — поперхнулся слюной Игнациус. — Я уже вижу: у нас будет много сложностей с привлечением консервативных деревенских избирателей из числа батраков-кальвинистов. Нам необходимо будет перестроить свой имидж в соответствии с линией, отличающейся от той, что я наблюдаю здесь.

Тимми, пожиравший глазами то, как быдловатый кожан крутит и бросает оземь нетерпеливых партнеров, вздохнул:

— Как весело.

Саму залу декораторы бы, вероятно, назвали *суровой*. Стены и высокие потолки были белыми, обстановка — скудной и состояла из нескольких предметов антикварной мебели. Единственным чувственным элементом убранства огромной залы были бархатные драпировки цвета шампанского, подвязанные белыми лентами. Двум или

трем антикварным креслам, очевидно, было отдано предпочтение за причудливый внешний вид, а не за возможность сидеть на них, ибо они представляли собой скорее хрупкие предположения, намеки на мебель с подушками, едва способными разместить младенца. Не рассчитывалось, что человек в такой зале будет отдыхать, сидеть или даже как-то расслабляться — он должен был принимать позы, тем самым трансформируя себя в одушевленную меблировку, как можно лучше дополнявшую бы убранство.

Изучив означенный декор, Игнациус сказал Дориану:

— Единственный функциональный предмет здесь — вот этот фонограф, да и тот, по всей видимости, используется не по назначению. В этой зале нет души. — И он громко фыркнул, отчасти — по поводу залы, отчасти — по поводу того факта, что никто из собравшихся его не заметил, хотя с обстановкой он сочетался так же эффекно, как какая-нибудь неоновая вывеска. Митингующих, казалось, больше всего в этот вечер заботят их личные судьбы, а вовсе не судьба мира. — Я замечаю, что никто в этом побеленном склепе на нас даже не взглянул. Никто даже не удостоил кивком хозяина, чьи напитки они потребляют и

чей круглогодично кондиционированный воздух отягощают своими всепобеждающими одеколонами. Я скорее чувствую себя наблюдателем на кошачьих боях.

— Вы о них не беспокойтесь. Они просто уже много месяцев смерть как хотят хорошую вечеринку. Пойдемте. Вы должны посмотреть одно мое украшение. — Он подвел Игнациуса к каминной полке и показал ему вазочку-бутон, в которой стояли красная, белая и голубая розы. — Правда же клёво? Гораздо лучше, чем все эти безвкусные ленты из жеваной бумаги. Бумаги-то я купил, но что бы с нею ни делал — все не так.

— Это растительный аборт, — раздраженно заметил Игнациус и постучал по вазочке абордажной саблей. — Крашенные цветы — неестественны и извращенны, а также, я подозреваю, — непристойны. Ясно одно — хлопот мне со всеми вами не избежать.

— Ох, разговоры, разговоры, одни разговоры, — простонал Дориан. — Тогда пойдемте в кухню. Я хочу вас познакомить с дамским вспомогательным корпусом.

— Правда? Дамский корпус? — алчно поинтересовался Игнациус. — Что ж, я должен сделать комплимент вашей предусмотрительности.

Они вошли в кухню, где, за исключением пары молодых людей, о чем-то жарко споривших в углу, все было тихо. За столом сидели три женщины: они отхлебывали их пивных банок. Игнациуса они рассмотрели недвусмысленно. Та, что мяла в руке пустую банку, перестала и швырнула тару в кадку с растением, стоявшую рядом с кухонной раковиной.

— Девочки, — произнес Дориан. Три пивные девочки сипло заулюлюкали, точно в Бронксе. — Это Игнациус Райлли, он новенький.

— Давай сюда, Жирный, — сказала девочка, крушившая банку. Она схватила Игнациуса за лапу и сжала ее так, точно она тоже могла послужить материалом для уничтожения.

— О, мой Бог! — взревел Игнациус.

— Это Фрида, — объяснил Дориан. — А это — Бетти и Лиз.

— Здравствуйте, — вымолвил Игнациус, засовывая руки поглубже в карманы халата, чтобы предотвратить дальнейшие рукопожатия. — Я уверен, что вы станете бесценными помощницами в нашем деле.

— Где ты его подобрал? — спросила у Дориана Фрида. Две ее спутницы тем временем изучали Игнациуса, то и дело пихая друг друга локтями.

— Нас с мистером Грином познакомила моя мать, — величественно пояснил за Дориана Игнациус.

— Да что вы? — ответила Фрида. — Ваша мать, должно быть, — очень интересный человек.

— Едва ли, — процедил Игнациус.

— Так давай, цапай себе пиво, Пузо, — сказала Фрида. — Лучше б оно в бутылках было. Тут вот Бетти может их зубами открывать. Зубы у нее — как железные клещи. — Бетти изобразила рукой непристойную фигуру. — А очень скоро их все ей вобьют прямо в ебаную глотку.

Бетти попала во Фриду пустой банкой.

— Допросилась, — сказала Фрида и подняла над головой кухонную табуретку.

— А ну хватит, — рявкнул Дориан. — Если не умеете себя вести, убирайтесь прямо сейчас.

— Лично нам, — сказала Лиз, — уже очень скучно рассиживать на этой кухне.

— Ага-а, — заорала Бетти. Она схватилась за перекладину того табурета, которым замахивалась Фрида, и они стали бороться за обладание им. — Чего это ради мы должны тут сидеть?

— Поставь табуретку на место сию же секунду, — велел Дориан.

— Да, будьте любезны, — прибавил Игнациус.

Он отступил на всякий случай в угол. — А то кому-нибудь можно нанести увечье.

— Вроде *тебя*. — И Лиз метнула в Игнациус неоткрытую пивную банку. Тот присел.

— Боже милостивый! — вымолвил он. — Думаю, мне лучше вернуться в другую комнату.

— Вали, толстожопый, — сказала ему Лиз. — Ты тут уже весь запас воздуха использовал.

— Девочки! — орал Дориан схватившимся в единоборстве Фриде и Бетти, чьи футболки уже влажнели от усилий. Они пыхтели, их бросало по всей комнате вместе с табуреткой, они размазывали друг друга о стены и раковину.

— Ладно, кончайте, — заорала Лиз подружкам. — А то люди подумают, что вы неотесанные.

Она схватила еще одну табуретку, влезла между соперницами и обрушила свое орудие на ту мебель, за которую боролись Фрида и Бетти. Девочки расцепились, табуретки с грохотом рухнули на пол.

— Тебя кто просил встревать? — ополчилась на Лиз Бетти и схватила ее за коротко подстриженные волосы.

Дориан, путаясь ногами в табуретках, попытался растолкать девочек и заставить их сесть

за стол:

— А ну, сели и ведем себя пристойно, — рявкнул он.

— От твоей вечеринки смердит, — заявила Бетти. — Почему ничего не происходит?

— Чего ради ты нас пригласил, если мы только сидим в этой трёханой кухне? — потребовала Фрида.

— Вы там только буянить начнете. Сами же знаете. Я думал, пригласить вас из вежливости — это будет по-соседски. Мне тут никаких беспорядков не надо. Это самая приятная вечеринка — давно у нас такой не было.

— Хорошо, — прорычала Фрида. — Будем сидеть тут, как настоящие дамы. — И девочки в знак согласия ущипнули друг друга за руки. — В конце концов, мы — просто квартирантки. Иди полюбезничай с тем липовым ковбоем, у которого голос — как у Жанетт МакДональд[69], он еще как-то раз прикопался к нам на улице Шартр.

— Он чудесный и очень дружелюбный человек, — сказал Дориан. — Я уверен, что вас, девочки, он просто не заметил.

— Еще как заметил, — отозвалась Бетти. — Мы

---

[69] notes: 69

Жанетт МакДоналд (1902/3-1965) — американская певица и киноактриса 30-х годов, больше всего известная по кино-версиям оперетт.

дали ему по кумполу.

— Ногой бы ему по надменным яйцам, — подытожила Лиз.

— Я вас умоляю, — с важностью произнес Игнациус. — Вокруг я вижу одну вражду. Вы должны сплотить ряды и выступить единым фронтом.

— Что это с ним? — спросила Лиз, откупоривая пиво, которым швырнула в Игнациуса. Взметнулась струя пены и омочила его раздутое райскими продуктами брюхо.

— Ну, все — с меня хватит, — разозлился Игнациус.

— Хорошо, — ответила Фрида. — Тогда отгребай.

— Кухня сегодня — наша территория, — сказала Бетти. — Мы и решаем, кто сюда заходит.

— Я определенно заинтересован в том, чтобы увидеть, какой херес подаст на первом предобеденном приеме женский корпус, — фыркнул Игнациус и заковылял к двери. Когда он уже выходил, в дверной косяк совсем рядом с его серьгой ударилась пустая пивная банка. Дориан последовал за ним и прикрыл за собой дверь. — Не могу себе вообразить, как могли вы решиться запятнать наше движение, пригласив этих скандалисток.

— Пришлось, — объяснил Дориан. — Если не пригласить их на вечеринку, они все равно ворвутся. А тогда они — еще хуже. На самом деле, с этими девочками весело, когда у них хорошее настроение, но недавно у них были какие-то неприятности с полицией, и теперь они на всех вымещают.

— Их следует отлучить от движения немедленно!

— Как скажете, Мадьярка, — вздохнул Дориан. — Личне мне девочек немножко жалко. Раньше они жили в Калифорнии, и великолепно проводили там время. Потом произошел несчастный случай — намадение на культуриста с Мускульного Берега. Они с парнишкой боролись по-индейски — на локотках, по крайней мере, так они говорят, а потом, кажется, все немножко вышло за рамки. Им буквально пришлось спасаться из южной Калифорнии и нестись через всю пустыню в своем великолепном немецком автомобиле. Я предоставил им убежище. Во многих отношениях они — чудесные квартиранты. Мой дом они охраняют лучше любого сторожевого пса. У них — кучи денег, они их получают от какой-то стареющей королевы кино.

— Вот как? — с интересом спросил Игнаци-

ус. — Вероятно, я поспешил дать им отставку. Политическим движениям следует раздобывать деньги, откуда только могут. Девушки, без сомнения, обладают неким шармом, незаметным под их джинсами и сапогами. — Он оглядел кипящую массу гостей. — Вы должны успокоить этих людей. Нам следует призвать их к порядку. Перед нами — дела наисущнейшей важности.

Ковбой, липовый сучара, щекотал какого-то элегантного гостя своей плеточкой. Черный кожан припечатал бившегося в экстазе гостя к полу. Отовсюду неслись вопли, вздохи, визг. Из фонографа теперь пела Лена Хорн[70]. «Умно,» «Свежо,» «Ужасно космо,» — почтительно провозглашала группа, собравшаяся вокруг фонографа. Ковбой оторвался от своих возбужденных поклонников и зашевелил губами в такт словам с пластинки, извиваясь по всему полу, точно шансонетка в сапогах и «стетсоне». С канонадой взвизгов гости снова обступили его, не оставив черному кожану для мучений никого.

— Вы обязаны все это прекратить, — крикнул Игнациус Дориану, который в это время усиленно подмигивал ковбою. — Помимо того факта,

[70] notes: 70

Лена Хорн (р.1917) — американская певица, блиставшая в мюзиклах 1940-х годов

что я становлюсь свидетелем самого вопиющего оскорбления вкуса и пристойности, я уже начинаю задыхаться от вони железистых испарений и одеколонов.

— Ой, да не будьте вы такой серостью. Они же просто веселятся.

— Мне очень жаль, — деловым тоном ответил Игнациус, — но сегодня вечером я здесь выполняю миссию крайней серьезности. Существует девушка, которой необходимо заняться, — дерзкая и прямолинейная распутница и даже профурсетка. Немедленно выключайте свою мерзкую музыку и успокойте всех этих содомитов. Мы обязаны взять быка за рога.

— Я думал, с вами весело. А если вы просто будете таким стервозным и нудным, то лучше вам уйти.

— Никуда я не уйду! Никто меня не остановит. Мир! Мир! Мир!

— Ох, матушки. Так вы про это *всерьез*, да?

Игнациус оторвался от Дориана, ринулся через всю залу, расталкивая элегантных гостей, и выдернул штепсель фонографа из розетки. А когда он обернулся, гости приветствовали его выхолощенной разновидностью боевого клича апачей.

«Зверь.» «Безумец.» «Так вот что обещал нам

Дориан.» «Такая фантастическая Лена.» «Наряд — гротесков. Да еще эта серьга. Ох, господи.» «Это была моя самая любимая песня.» «Кошмар.» «Как невероятно противно.» «Так монструозно огромен.» «Плохой, плохой сон.»

— Тихо! — проревел Игнациус, заглушая разъяренный лепет. — Сегодня я пришел сюда, друзья мои, чтобы показать вам, как вы можете спасти планету и принести всем мир.

«Он поистине обезумел.» «Дориан, какая неудачная шутка.» «Откуда он вообще взялся?» «Даже смутно непривлекателен.» «Грязь.» «Гнетуще.» «Включите же кто-нибудь эту восхитительную пластинку.»

— Вам, — продолжал на полной громкости Игнациус, — брошен вызов. Обратите ли вы свои исключительные таланты на спасение мира или же просто повернетесь спиной к своим собратьям?

«О, как ужасно.» «Совершенно не смешно.» «Я вынужден буду уйти, если эта убогая шарада не завершится.» «С таким дурным вкусом.» «Включите же кто-нибудь пластинку. Милая, милая Лена.» «Где мое пальто?» «Пойдемте в какой-нибудь фешенебельный бар.» «Смотрите, я пролил мартини на свой самый бесценный жакет.» «Пой-

демте в фешенебельный бар.»

— Мир сегодня пребывает в состоянии сурового беспокойства, — орал Игнациус, перекрывая мяуканье и шипенье. Он запнулся и заглянул в карман, куда положил конспект речи, нацарапанный на листак из блокнота «Великий Вождь». Вместо заметок, однако, он извлек рваную и замусоленную фотографию мисс О'Хары. Некоторые гости увидели ее и завизжали. — Мы должны предотвратить апокалипсис. Мы должны на огонь ответить огнем. Следовательно, я обращаюсь к вам.

«О чем, во имя всего святого, он говорит?» «Это меня так угнетает.» «Глаза у него, такие страшные.» «Пойдемте в фешенебельный бар.» «Поехали в Сан-Франциско.»

— Молчать, извращенцы! — рявкнул Игнациус. — Слушайте меня.

— Дориан, — лирическим сопрано взмолился ковбой. — Заставь же его посидеть тихо. Мы так здорово веселились, мы так великолепно, так забавно проводили время. О, он нас даже не развлекает.

— Это правда, — сказал крайне элегантный гость, чье подтянутое лицо было покрыто гримом, изображавшим загар. — Он поистине ужасен.

Так угнетает.

— Должны ли мы выслушивать все это? — осведомился другой гость, взмахивая сигаретой, точно волшебной палочкой, от которой Игнациус бы наверняка испарился. — Это какой-то фокус, Дориан? Ты же знаешь, мы искренне любим вечеринки с мотивом, но *это*. Я имею в виду, я даже новости по телевидению никогда не смотрю. Я в этом магазине и так весь день работаю, и не хочу приходить на вечеринку и слушать обо всем этом. Пусть попозже выступит, если ему так нужно. Его речь отдает таким дурным вкусом.

— Так неуместно, — неожиданно обреченно вздохнул черный кожан.

— Ладно, — провозгласил Дориан. — Включайте пластинку. Я думал, это будет весело. — Он посмотрел на Игнациуса, который громко фыркал. — Боюсь, мои дорогие, что это стало ужасной, ужасной бомбой.

«Чудесно.» «Дориан великолепен.» «Вот розетка.» «Обожаю Лену.» «Я поистине считаю, что это ее самая лучшая пластинка.» «Так фешенебельно. Такие специальные стихи.» «Я однажды видел ее в Нью-Йорке. Изумительно.» «Поставь следующей „Цыганку“. Обожаю Этель.» «О, хорошо, уже начинается.»

А Игнациус стоял, как мальчишка на горящей палубе. Музыка снова взмыла от алтаря к потолку. Дориан сбежал поболтать с группой своих гостей, активно игнорируя Игнациуса — как и все остальные в той зале. Игнациус чувствовал себя так же одиноко, как в тот черный день в старших классах, когда на уроке химии взорвалась его лабораторная работа, опалив ему брови и перепугав до смерти. От шока и ужаса он обмочил брюки, и никто в классе не хотел его замечать, даже учитель, искренне ненавидевший его за подобные взрывы в прошлом. Весь остаток того дня, вяло бродя по школе, он убеждался: все делают вид, что он стал невидимкой. Стоя в гостиной Дориана и чувствуя себя таким же невидимкой, Игнациус принялся фехтовать своей абордажной саблей с каким-то невидимым противником, чтобы как-то побороть робость.

Многие уже подпевали пластинке. Какая-то парочка пустилась танцевать возле фонографа. Танцы охватили всех, точно лесной пожар, и вскоре вся зала заполнилась парами; они покачивались и подскакивали вокруг оставшейся без пары Гибралтарской скалы — Игнациуса. Когда мимо него в объятиях ковбоя пронесся Дориан, Игнациус тщетно попытался привлечь его вни-

мание. Ему удалось даже ткнуть в ковбоя саблей, но парочка была проворна, слаженна и ускользнула. Он уже совсем было решил испариться, как из кухни в залу ворвались Фрида, Лиз и Бетти.

— Нам уже эта кухня обрыдла, — сообщила Игнациусу Фрида. — В конце концов, мы тоже люди. — Она легонько ткнула Игнациуса в живот. — Похоже, тебя не взяли, Жирный.

— Что именно вы имеете в виду? — высокомерно вопросил Игнациус.

— Похоже, твой костюм не пользуется большим успехом, — заметила Лиз.

— Прошу прощения, дамы. Я должен вас оставить.

— Эй, не уходи, Пузо, — сказала Бетти. — Кто-нибудь тебя пригласит. Это они специально тебя злят. Не сдавай корабля. Да они даже собственную мамашу разозлят.

В эту минуту Тимми, раньше ускользнувший в помещения для прислуги поискать потерявшийся браслетик с талисманом, а заодно, как он надеялся, — еще немножко позабавиться с цепями и кандалами, снова объявился в зале. Он подрулил к Игнациусу и с тоской поинтересовался:

— А потанцевать ты не хочешь?

— Вот. Видишь? — спросила у Игнациуса Фрида.

— Я должна это видеть, — крикнула Лиз. — Давайте поглядим, как вы вдвоем лимбо сбацаете. Ну же. Я сейчас швабру принесу, вместо шеста будет.

— О, мой Бог! — вымолвил Игнациус. — Я вас умоляю. Я не танцую.

— Ой да ладно тебе, — сказал Тимми. — Я тебя научу. Обожаю танцевать. Я буду вести.

— Давай-давай, толстожопый, — пригрозила Бетти.

— Нет. Это невозможно. Сабля, халат. Я нанесу кому-нибудь увечья. Сюда я пришел произносить речь, а не танцевать. Я не танцую. И никогда не танцевал. Я в жизни никогда не танцевал.

— Ну, а сейчас вот затанцуешь, — сообщила ему Фрида. — Если не хочешь обидеть вот этого маленького морячка.

— Я не танцую! — рявкнул Игнациус. — Я никогда не танцевал и определенно не намереваюсь начинать с каким-то пьяным извращенцем.

— Ох, да не будь же ты таким правильным, — вздохнул Тимми.

— Мне всегда было присуще несколько неполноценное чувство равновесия, — объяснил

Игнациус. — Мы рухнем на пол и переломаем себе все кости. Этот психически неуравновешенный моряк останется калекой или того хуже.

— Похоже, Пузо у нас — смутьян, — сообщила Фрида подругам. — Правда?

Она подмигнула, и трое девочек накинулись на Игнациуса. Одна обхватила мясистой ногой его ногу; вторая пнула его под коленку; третья толкнула его спиной на ковбоя, самозабвенно кружившегося поблизости. Игнациус удержался на ногах, ухватившись за ковбоя, которого вырвало из объятий ахнувшего от ужаса Дориана и повергло на паркет. От его приземления игла соскочила с пластинки, и музыка остановилась. Ее сменил хоровой визг и вопли гостей.

— О, Дориан, выведи же его прочь! — визжал в панике один из элегантных.

Раздался металлический лязг перстней, браслетов и запонок — это часть гостей сбилась в испуганную кучку в углу.

— Эй, а ты ведь сбил этого сучару-ковбоя, как кеглю, — с восторгом заорала Фрида Игнациусу, который все еще неистово бил руками вокруг себя, пытаясь сохранить равновесие.

— Отличная работа, Жирный, — одобрительно промолвила Лиз.

— Давай прицелимся им еще в кого-нибудь, — сказала компаньонкам Бетти.

— Что вы наделали, озверевшее чудовище? — со слезами в голосе крикнул Игнациусу Дориан.

— Это безобразие! — орал Игнациус. — Меня на этом сборище не только игнорировали и порочили. Я подвергся злонамеренному нападению в тенетах этого дома. Надеюсь, вы застрахованы от ответственности. Если нет, то вы запросто можете потерять эту свою вычурную собственность, как только вами займутся мои юридические советники.

Дориан стоял на коленях, обмахивая падшего ковбоя, чьи веки уже начинали трепетать.

— Заставь его уйти, Дориан, — всхлипнул ковбой. — Он едва не *убил* меня.

— Я-то думал, вы — другой, смешной, — прошипел Игнациусу Дориан. — А вы оказались самой ужасной тварью, которая ступала в мой дом. С той секунды, когда вы сломали мне дверь, мне следовало понять, что все этим и закончится. Что вы сделали с этим милым мальчиком?

— У меня брюки *испачкались*! — взвизгнул ковбой.

— На меня жестоко напали и толкнули на этого фатоватого батрака.

— Только не ври, Жирный, — сказала Фрида. — Мы все видели. Он приревновал, Дориан. Ему хотелось потанцевать с тобой.

«Ужасно.» «Пусть уйдет.» «Испортил вечер.» «Так чудовищно.» «Он опасен.» «Полный провал.»

— Пошел вон! — заорал Дориан.

— Мы с ним справимся, — сказала Фрида.

— Хорошо, — величественно произнес Игнациус, когда три девочки вцепились своими окороками рук в его халат и поволокли к дверям. — Вы сделали свой выбор. Живите в мире войн и кровопролитий. Когда свалится бомба — не бегите ко мне. Я уже буду сидеть в своем убежище!

— Вали, — ответила Бетти.

Девочки протащили Игнациуса в двери и по дорожке к воротам.

— Благодарите Фортуну, что я отмежевался от этого движения, — громыхал по пути Игнациус. Девочки сдвинули ему кашне на один глаз, и теперь он не очень ясно видел, куда направляется. — Вы — помраченные люди, едва ли вы сможете привлечь избирателей.

Они выпихнули его в ворота на тротуар. Стилеты испанской юкки пребольно кололи ему икры,

пока он спотыкался, восстанавливая баланс.

— Ладно, сволочь, — крикнула ему Фрида, захлопывая ворота. — Даем тебе десять минут форы. А потом начнем прочесывать Квартал.

— И лучше, если мы нигде не найдем твою жирную задницу, — сказала Лиз.

— Отваливай, Пузо, — добавила Бетти. — Мы уже давно хорошенько не махались. А сейчас готовы.

— Ваше движение обречено, — слюнявил им в затылок Игнациус, пока девочки, возвращаясь в дом, дружески сталкивали друг друга с дорожки. — Вы слышите меня? Об-ре-че-но. Вы ничего не знаете ни о политике, ни о работе с избирателями. Вы не пройдете ни по одному округу в стране. Да вы в Квартале даже не пройдете!

Дверь захлопнулась, девочки вернулись на вечеринку, которая, казалось, снова набрала обороты. Опять зазвучала музыка, до Игнациуса громче, чем раньше, донеслись визги и вопли. Он постучал по задним ставням абордажной саблей и заорал:

— Вы проиграете! — Ответом ему были топот и шарканье множества танцующих ног.

Из тени соседнего дверного проема на секунду выступил человек в шелковом костюме и фет-

ровой шляпе — проверил, скрылись ли девочки. Затем скользнул обратно во тьму, наблюдая за Игнациусом, в неистовстве ковылявшим взад и вперед перед фасадом.

Клапан Игнациуса отреагировал на его чувства тем, что накрепко захлопнулся. Руки симпатизировали ему, обильно покрывшись крошечными белыми пупырышками, чесавшимися так, что можно было сойти с ума. Что же теперь расскажет он Мирне о движении за мир? Как и провалившийся Крестовый Поход за Мавританское Достоинство, сейчас у него на зудевших руках была еще одна катастрофа. Фортуна, злобная шлюха. Вечер едва начался; на Константинопольскую улицу ко всему ассортименту материнских нападок он вернуться не мог — по крайней мере, не сейчас, когда все его эмоции нацелились на кульминацию, так безжалостно выхваченную прямо из пальцев. Почти неделю все его мысли занимал первый митинг нового движения, и теперь, выброшенный с политической арены тремя сомнительными девками, он стоял, разочарованный и разъяренный, на мокрой брусчатке улицы Св. Петра.

Взглянув на свои часики с Микки Маусом, как обычно почивавшие в бозе, он озадачился, ко-

торый сейчас час. Может быть, он еще успеет на первое представление в «Ночь Утех». Возможно, у мисс О'Хара уже премьера. Если им с Мирной не сужден турнир в политических действиях, то пусть он состоится в области секса. Каким великолепным копьем — Мирне прямо между отвратительных глаз — может стать мисс О'Хара. Игнациус посмотрел еще раз на фотографию — у него текли слюнки. Что же у нее за любимец? Вечер еще можно было вырвать из челюстей неудачи.

Почесав одну лапу другой, он решил, что, по крайней мере, соображения безопасности требуют какого-то движения. Три эти дикарки могут запросто сдержать слово. Он заколыхался телом по улице Св. Петра к Коньячной. Мужчина в шелковом костюме и фетровой шляпе выступил из проема и двинулся за ним. На Коньячной Игнациус свернул и сквозь ночной парад туристов и обитателей Квартала зашагал к Канальной. Среди них он отнюдь не выглядел странно. Он расталкивал толпу на узеньком тротуаре, бедра его свободно колыхались туда и сюда, тараня прохожих. Когда Мирна прочтет о мисс О'Хара, она в ужасе поперхнется эспрессо и забрызгает все письмо.

Едва вступив в квартал, где располагалась «Ночь Утех», Игнациус услыхал крики обдолбанного негра:

— В-во! Заходи, смотри, как мисс Харля О'Харя с любимцей танцует. Гарантирыет сто перцентов настоящщих танцев с плантаций. Гажный мамаёбаный стакан гарантирывано с ног шибает. В-во! Гажному гарантирывано сифлис из стакана подхватить. Э-эй! Никто никада не видал, как мисс Харля О'Харя танцует с любимцей, прям как на Старых Югах. Сёдни примера, может, тока один раз и застанете. Ууу-иии.

Игнациус увидел его сквозь толпу, спешившую мимо «Ночи Утех». Кликам зазывалы явно никто не внимал. Да и сам зазывала сделал паузу и изрыгнул нимбовидное образование дыма. На нем были фрак и цилиндр, углом нависавший над черными очками; из тучи дыма Джоунз улыбался людям, не поддававшимся его обаянию.

— Эй! Народы, хватит шляться тут. Заходи, пристрой себе задницу на тубаретку в «Ночью Тех», — начал он снова. — В «Ночью Тех» настоящщие цветные народы пашут ниже минималой заплаты. В-во! Гарнтирывана настоящщая тамосфера, прям как на плантации, прям на истраде хлопки растут, прям на глазу работника граж-

дамских прав по заднице лупят прям промеж спиктакыля. Эй!

— Мисс О'Хара уже начала? — прослюнявил Игнациус локтю зазывалы.

— Уу-ии! — Толстая мамка объявилась. Персонально. — Эй, чувак, а чё ты еще серёгу не снял свою и шарфик? Ты это чё зображашь?

— Я вас умоляю. — Игнациус немного побрякал абордажной саблей. — У меня нет времени на болтовню. Боюсь, у меня сегодня вечером не найдется для вас советов, как преуспеть в жизни. Мисс О'Хара уже начала?

— Через пару минут начнет. Ты бы втянул туда свою задницу, да сел бы под самой истрадой. Я догыварился с главным фицантом, он грит, там тебе весь столик оставил.

— Это правда? — нетерпеливо спросил Игнациус. — Нацистской владелицы нет, я надеюсь?

— Сёдни днем в Колыфорнию на ревактивном умотала, грит Харля О'Харя такая клёвая, что она себе жопку в окиян покуда макнет, а на клуб волнывацца не будет вапще.

— Чудесно, чудесно.

— Давай, чувак, заваливай, а то спиктакыль начнецца. В-во! Так ни минуты не проморгашь. Ёбть. Харля через сикунду выдет, иди садись под

эту мамаёбану истраду, увишь мурашки у мисс О'Хари на жопке.

И Джоунз быстро протащил Игнациуса в обитые двери бара «Ночь Утех».

Игнациус ввалился внутрь с таким ускорением, что халат взвихрился у него вокруг лодыжек. Даже в темноте он обратил внимание, что «Ночь Утех» как-то еще больше испачкалась по сравнению с предыдущим визитом. На полу определенно скопилось достаточно грязи, чтобы можно было вырастить ограниченный урожай хлопка; только хлопка он не увидел. Должно быть, это входило в какой-то злобный розыгрыш «Ночи Утех». Он поискал глазами метрдотеля и не обнаружил его, поэтому просто прогромыхал мимо нескольких стариков, рассеянных по столикам в полумраке и уселся за небольшой столик прямо под эстрадой. Его шапочка смахивала на одинокий зеленый прожектор. С такого расстояния, возможно, ему удастся как-то помахать мисс О'Хара или прошептать что-нибудь про Боэция, чтобы привлечь ее внимание. Ее ошеломит присутствие родственной души в аудитории. Игнациус бросил взгляд на горстку пустоглазых мужчин, сидевших за столиками. Мисс О'Хара явно придется метать бисер перед удручающим

свиным стадом, похожим на тех смутных, выпотрошенных стариков, что пристают к детишкам на утренниках.

Оркестровое трио за кулисами крохотной эстрады начало пумкать вступление к песенке «Ты моя счастливая звезда». Эстрада, на вид еще грязнее, пока была свободна от оргиастов. Игнациус обозрел стойку бара, чтобы возбудить хоть какой-нибудь сервис, и поймал взгляд бармена, когда-то обслуживавшего их с матерью. Бармен сделал вид, что не видит его. Потом Игнациус неистово подмигнул какой-то женщине, опиравшейся о стойку, — латине лет сорока, которая в ответ ужасающе осклабилась, сверкнув одним-двумя золотыми зубами. Она отклеилась от стойки, не успел бармен ее остановить, и подошла к Игнациусу, съежившемуся под эстрадой, точно у теплой печки.

— Ты выипить хочшиш, чшиико?

Дуновение халитоза просочилось сквозь его усы. Игнациус сорвал с шапочки кашне и загородил им ноздри.

— Благодарю вас, да, — придушенно ответил он. — «Доктор Орешек», если не возражаете. И удостоверьтесь, что он холоден, как лед.

— Смотрю, чшиво иесть, — загадочно ответила

женщина и зашлепала соломенными сандалиями обратно к стойке.

Игнациус наблюдал, как она пантомимой изъясняется с барменом. Они оба разнообразно жестикулировали, преимущественно тыча в сторону Игнациуса. По крайней мере, подумал он, в этом притоне будет безопасно, если жилистые девки пойдут рыскать по Кварталу. Бармен и женщина обменялись еще несколькими знаками; затем она захлопала обратно к Игнациусу с двумя бутылками шампанского и двумя бокалами.

— Ниету «Докторешек», — сказала она, шваркнув подносом о стол. — *Mira*, с тиебя должен дваццать чшитыыр долляр за эти чшимпань.

— Это возмутительно! — Он несколько раз ткнул саблей в направлении женщины. — Принесите мне коки.

— Ниету кока. Ничшиво ниету. Только чшимпань. — Женщина уселась за его столик. — Давай, миилачшка. Открывай чшимпань. Пиить очшинь хочшитцца.

Снова дыхание ее доплыло до Игнациуса, и он так плотно прижал к носу кашне, что едва не задохнулся. От этой женщины он точно подхватит какой-нибудь микроб, и тот помчится к его мозгу и превратит его в монголоида. Зло-

употребленная мисс О'Хара. Никуда не деться от недоженщин-сотрудниц. По необходимости, боэцийская отчужденность мисс О'Хара должна быть довольно возвышенной. Латина выронила счет Игнациусу на колени.

— Не смейте меня трогать! — взревел он сквозь кашне.

— *Ave Maria! Que pato!* — буркнула женщина себе под нос. Потом добавила громче: — *Mira*, тиы платииш сейчшас, *maricon*. А то миы тиебе по чжиырный *culo* получшиш.

— Как любезно, — пробормотал Игнациус. — Что ж, я сюда не пить с вами пришел. Подите прочь от моего столика. — И он поглубже втянул воздух через кашне. — И унесите с собой свое шампанское.

— *Oye, loco*, так тиы…

Угроза женщины потонула в шуме оркестра, испустившего нечто вроде изможденного туша. На эстраде возникла Лана Ли в каком-то парчовом комбинезоне.

— О, мой Бог! — поперхнулся Игнациус. Обдолбанный негритос его надул. Ему захотелось стремглав выскочить из клуба, но он понял, что мудрее будет дождаться, когда женщина закончит и сойдет со сцены. Он вмиг съежился под

столиком у самого края эстрады. Над его головой владелица-нацистка вещала:

— Бледи и жантильемы, добро пожаловать. — Начало было настолько кошмарным, что Игнациус едва не перевернул столик.

— Тиы платииш сейчшас, — требовала латина, засунув голову под клеенку, чтобы видеть лицо своего клиента.

— Заткнитесь, прошмандовка, — громко прошипел он.

На счет четыре оркестр, спотыкаясь, пустился в «Изысканную леди». Нацистка орала:

— А теперь — наша непрочная Виргин-ская Девственница, мисс Харлетт О'Хара. — Старик за одним столиком немощно зааплодировал, и Игнациус, приподнявшись, выглянул из-за края сцены. Владелица ушла. Вместо нее теперь стояла вешалка, украшенная кольцами. Что же задумала мисс О'Хара?

И тут на эстраду величаво выплыла Дарлина — в бальном платье, за которым шлейфом волочилось несколько ярдов нейлоновой сети. На голове у нее красовалась чудовищная широкополая шляпа с перьями, а на руке сидела не менее чудовищная птица. Кто-то захлопал.

— *Mira*, тиы мние платииш сейчшас или хучже

потом, *cabron*.

— Там стока херов на балу было, дорогуша, но честь моя осталась внезапной, — осторожно вымолвила Дарлина попугаю.

— О, Бог мой! — взревел Игнациус, не в силах сдерживать себя долее. — И эта кретинка — Харлетт О'Хара?

Какаду заметил его прежде Дарлины: бусинки его глаз отметили блестящее кольцо серьги в ухе Игнациуса, как только они с хозяйкой вышли на сцену. Когда Игнациус заревел, попугай захлопал крыльями, слетел с руки Дарлины на пол и, кудахтая и подпрыгивая, устремился прямо к большой голове.

— Эй, — вскрикнула Дарлина, — это ж чокнутый!

Игнациус не успел опрометью выбежать из клуба — птица соскочила с эстрады прямо ему на плечо. Вонзив когти в его халат, попугай дернул клювом серьгу.

— Боже мой! — Игнациус вскочил на ноги и принялся колотить птицу зудящими лапами. Какую крылатую угрозу накрутила в его сторону растленная Фортуна на этот раз? Под звон бьющихся на полу бокалов и бутылок шампанского он, шатаясь из стороны в сторону, кинулся к

двери.

— Вернись сейчас же — это моя птичка! — кричала ему вслед Дарлина.

Лана Ли с воплями тоже выскочила на эстраду. Оркестр заглох. Несколько престарелых клиентов убрались с пути Игнациуса, барахтавшегося между столиками, ревя, как лось, и избивая массу розовых перьев, припаявшуюся к его уху и плечу.

— Как сюда попал этот крендель, к чертовой матери? — спросила у перепуганных хрычей Лана Ли. — Где Джоунз? Притащите мне кто-нибудь сюда этого Джоунза.

— Иди сюда, чокнутый! — верещала с эстрады Дарлина. — У меня же премьера. Ну почему ты приперся именно сегодня?

— Боже милосердный, — ловил Игнациус ртом воздух, пробираясь наощупь к двери. За кормой он оставлял лишь опрокинутые столики. — Изверги, как смеете вы натравливать бешеную птицу на ничего не подозревающих посетителей? Можете ожидать, что наутро вас привлекут к суду.

— *Куда пошчол*? С тиебя должен мние дваццать чшитыыр долляр. Тиы платииш сейчшас.

Игнациус своротил еще один столик — они с

попугаем неукротимо рвались вперед — и тут почувствовал, как серьга ослабла, и какаду с кольцом, по-прежнему твердо зажатым в клюве, свалился с его плеча. В ужасе Игнациус выскочил в дверь, оттолкнув латину, с великой решительностью размахивавшую перед ним счетом.

— В-во! Э-эй!

Игнациус наткнулся на Джоунза, совершенно не ожидавшего, что его саботаж примет столь драматические пропорции. Задыхаясь, сжимая свой зацементировавшийся клапан, Игнациус стремился вперед, на улицу — прямо под надвигавшийся автобус «Страсть». Сначала он услышал, как завизжали люди на тротуаре. Затем — грохот колес, пронзительный стон тормозов, — и только после этого поднял голову. Свет фар всего в нескольких футах от глаз моментально ослепил его. Огни поплыли, погасли — он потерял сознание.

Он рухнул бы прямо под колеса автобуса, если бы Джоунз не выпрыгнул на проезжую часть и не вцепился бы своими ручищами в белый халат. Поэтому Игнациус свалился на спину, и автобус, обдав его дизельным выхлопом, прогромыхал всего в дюйме-другом от его сапог пустынной модели.

— Он подох? — с надеждой в голосе спросила Лана Ли, осматривая гору белой материи, образовавшуюся на мостовой.

— Навиерно, нет. Он мние должен дваццать чшитыыр долляр, *maricon*.

— Эй, просыпайсь, чувак, — сказал Джоунз, обдувая дымом распростертую фигуру.

Мужчина в шелковом костюме и фетровой шляпе выступил из переулка, в котором притаился, когда увидел, как Игнациус входит в «Ночь Утех». Выход же его из клуба был настолько свиреп и внезапен, что мужчина растерялся и действовать начал только сейчас.

— Позвольте-ка, — сказал мужчина в шляпе, склоняясь над телом и прислушиваясь к сердцебиению Игнациуса. Бухавшие внутри литавры говорили о том, что под квадратными ярдами белого халата жизнь еще теплилась. Он подержал Игнациуса за запястье. Часы с Микки Маусом разбились. — Все в порядке. Он просто в обмороке. — Мужчина откашлялся и слабо произнес: — А ну все расступитесь. Дайте ему воздуху.

Улица заполнилась народом, а автобус остановился в нескольких ярдах от них, перегородив все движение. Внезапно все стало походить на Коньячную улицу во время Марди-Гра.

Сквозь тьму своих очков Джоунз присмотрелся к незнакомцу. Выглядел тот знакомо — точно хорошо одетая версия того, кого он уже где-то видел. Особенно знакомыми казались безвольные глаза. Такие же Джоунз припомнил над рыжей бородой. А потом вспомнил их и под синей фуражкой в участке — в тот день, когда произошел инцидент с арахисом. Он ничего не сказал. Полицай есть полицай. На них лучше всего не обращать внимания, пока не достают.

— Откуда он взялся? — вопрошала Дарлина у толпы зевак. Розовый какаду снова восседал у нее на руке: из клюва его золотым червячком свисала сережка. — Ну и премьера. Что же нам делать, Лана?

— Ничего, — зло ответила та. — Пускай этот крендель тут валяется, пока дворник не подберет. Дай-ка я лучше займусь Джоунзом.

— В-во! Эй! Эт кошак унутрь вломился и все тут. Уж мы и дрались, и пихались, а мамке, видать, уж так хотелось в «Ночью Тех» запопасть. Я перепужался — еще кустюм, что вы мне в прокат взяла, порву, вам же заплотишь потом, так «Ночью Тех» обаротится еще. В-во!

— Заткни пасть, умник. Мне, наверное, все же придется всем моим дружкам в участке по-

звонить. Ты уволен. И Дарлина тоже. Я ведь как чувствовала — не надо мне было тебя на сцену выпускать. И убери эту проклятую птицу с моего тротуара. — Лана повернулась к толпе. — Ну что, народ, теперь, раз уж вы все здесь, как насчет заглянуть в «Ночь Утех»? У нас тут шикарное шоу.

— *Mira*, Ли. — Латина обдала хозяйку халитозом. — А кто дваццать чшитыыр долляр за эти чшимпань платиить?

— Ты тоже уволена, дура мексовая. — Лана улыбнулась. — Заходите, народ, наслаждайтесь хорошим коктейлем, который смешают вам по любому вашему рецепту наши эксперты по смесям.

Толпа, тем не менее, больше тянула шеи в сторону громко сопевшей белой горы и не спешила принять приглашение к изыскам.

Лана Ли уже собиралась было подойти и пнуть этот курган, чтобы побыстрее пришел в себя и убрался из ее канавы, но мужчина в шляпе вежливо сказал:

— Мне бы хотелось от вас позвонить. Может быть, лучше вызвать скорую помощь?

Лана осмотрела шелковый костюм, фетровую шляпу, отметила слабый, неуверенный взгляд. Мягкотелого всегда видно — а с этим рохлей все в

порядке. Богатый врач? Юрист? Может, еще получится превратить это маленькое фиаско в доход.

— Конечно, — прошептала она. — Послушайте, ну что вам зря тратить вечер и возиться с каким-то типом, валяющимся на дороге? Какой-то бродяга. А вам, похоже, немного повеселиться не повредит. — Она обошла сопевшую и вулканически всхрапывавшую гору в белом халате. Где-то в стране грез Игнациусу виделась перепуганная до смерти Мирна Минкофф — она стояла перед судом Вкуса и Пристойности, и суд постановлял, что ей не хватает ни того, ни другого. Ужасный приговор сейчас прозвучит: в наказание за бессчетные преступления ее личности гарантирован какой-то физический урон. Лана Ли приблизилась к мужчине и сунула руку куда-то в золотой парчовый комбинезон. Она присела рядом на корточки и исподтишка, прикрывая ладонью, показала ему фотографию с Боэцием. — Погляди-ка, малыш. Не хотел бы ты провести вечерок вот с такой?

Мужчина в шляпе отвел глаза от побелевшего лица Игнациуса и посмотрел на женщину, на книгу, на глобус, на мел. Потом еще раз прочистил горло и произнес:

— Я — патрульный Манкузо. Работаю под прикрытием. Вы арестованы за приставание к

мужчинам и владение порнографией.

Именно в этот момент три члена прекратившего существование дамского вспомогательного корпуса — Фрида, Бетти и Лиз — с топотом ворвались в толпу, окружавшую Игнациуса.

ТРИНАДЦАТЬ

Игнациус открыл глаза и увидел, как над ним парит что-то белое. У него болела голова и пульсировало ухо. Потом в изжелта-небесных глазах медленно прояснилось, и, превозмогая боль, он осознал, что смотрит на потолок.

— Так ты проснулся уже наконец, мальчик, — раздался где-то рядом материнский голос. — Поглядите тока на него. Вот теперича нам действитьно конец.

— Где я?

— Только не умничай тут со мной, мальчик. И не думай со мной, Игнациус. Я тебя предупредила. С меня же ж хватит. Я ж не шучу. И как же ж я тока людям в глаза смотреть щас буду?

Игнациус повернул голову и огляделся. Он лежал в клетушке из ширм. В ногах его постели прошла медсестра.

— Боже милосердный! Я в больнице. Кто у меня врач? Надеюсь, вы были настолько самоотверженны, чтобы обспечить мне услуги специалиста. И священника. Пусть придет служитель культа. Я посмотрю, приемлем ли он. — Игнациус оросил нервической слюной простыню, снежной

шапкой покрывавшую гору его живота. Он дотронулся до головы и нащупал бинты, облепившие его мигрень. — О, мой Бог! Не бойтесь рассказать мне всё, мамаша. Судя по боли, терзающей меня, ранение довольно фатально.

— Заткнись и посмотри вот сюда, — чуть ли не заорала миссис Райлли, швыряя прямо на перевязку Игнациуса газету.

— Сестра!

Миссис Райлли сорвала с его лица газету и захлопнула ладонью мокрые усы.

— Закрой же ж ты рот, самашетший, да погляди тут вот на эту газету. — Голос у нее срывался. — Нам конец пришел.

Под заголовком, гласившим: «ДИКИЙ ИНЦИДЕНТ НА КОНЬЯЧНОЙ УЛИЦЕ», — Игнациус увидел размещенные в ряд три фотографии. На правой, точно восходящая звезда сцены, скалилась Дарлина в своем бальном платье и с какаду на руке. На левой Лана Ли прикрывала лицо от фотокамеры, забираясь на заднее сиденье патрульной машины, где уже виднелись три коротко стриженные головы членов дамского вспомогательного корпуса Партии Мира. Патрульный Манкузо в рваном костюме и фетровой шляпе с обломанными полями важно придерживал

дверцу. В центре обдолбанный негр ухмылялся, глядя на что-то напоминавшее дохлую корову на мостовой. Заплывшими глазами Игнациус тщательно осмотрел всю центральную фотографию.

— Вы только поглядите, — загромыхал он. — Каких только болванов нанимает себе в штат фотографов эта газета? Мои черты едва различимы.

— Ты почитай, почитай, чего под картинками написали, мальчик. — Миссис Райлли ткнула пальцем в газету так, словно хотела насадить фотографию на кол. — Ты почитай, Игнациус. Что, ты думашь, на Константинопольской улице люди говорят, а? Давай-давай, читай мне вслух, мальчик. Большая драка на улице, грязные картинки, ночные дамочки. Все тут есть. Читай, мальчик.

— Лучше не буду. Статья, вероятно, полна фальсификаций и поклепа. Желтые журналисты, вне всякого сомнения, предполагают всевозможные аппетитные скабрезные инсинуации. — И, тем не менее, он подверг статью бессвязному прочтению.

— Уж не хотите ли вы мне сказать, что они утверждают, будто сбившийся с маршрута автобус не наехал на меня? — рассерженно осведомился он. — Первый же их комментарий есть

ложь. Свяжитесь с Отделом Общественного Обслуживания. Мы должны подать на них в суд.

— Заткнись. Читай все подряд.

Птица артистки стриптиза напала на уличного торговца сосисками в маскарадном костюме. А. Манкузо, действующий под прикрытием, арестовал Лану Ли за приставание к мужчинам на улице и владение порнографией, а также позирование для оной. Бирма Джоунз, швейцар, указал А. Манкузо на шкафчик под стойкой бара, где и были обнаружены порнографические материалы. А. Манкузо сообщил репортерам, что уже некоторое время разрабатывал это дело и вступил в контакт с одним из агентов гражданки Ли. Полиция подозревает, что арест гражданки Ли подорвал деятельность синдиката по распространению порнографии в старших классах средних школ, охватившую уже весь город. В баре полиция обнаружила список школ. А. Манкузо сообщил, что агент объявлен в розыск. Пока А. Манкузо производил арест, три женщины — Клаб, Стил и Бампер — вынырнули из собравшейся толпы и совершили на него нападение. Их также задержали. Игнациус Жак Райлли, тридцати лет от роду, был доставлен в больницу для лечения последствий шока.

— Вот же как не подвезло нам, что у них фотограф там валандался, делать больше ж нечево, так послали тебя сымать, а ты, как пьянчуга там валялся посередь улицы. — Миссис Райлли захлюпала носом. — Ох, знала же ж, что так и выйдет с твоими грязными картинками, добегался, разоделся, что на Марди-Гра.

— Я окунулся в самую зловещую ночь моей жизни, — вздохнул Игнациус. — Фортуна вчера по-настоящему пьяно крутила свое колесо. Сомневаюсь, что мне удастся пасть еще ниже. — Он рыгнул. — Могу я узнать, чем занималась на месте происшествия эта кретинская Немезида в лице полицейского?

— Вчера вечером, када ты сбежал, я Санте позвонила и сказала, чтоб нашла в участке Анджело, а он бы пошел и выснил, чем это ты на улице Св. Петра там занимаисси. Я же ж слышала, какой адриск ты таксису назвал.

— Как умно.

— Я ж думала, ты пошел на собрание с кучкой комунястов. Как же ж я обшиблась, а? Анджело грит, ты с каким-то смешными людями околачивался.

— Иными словами, вы прицепили мне хвоста, — завопил Игнациус. — Моя собственная

мать!

— Птица напала, — рыдала миссис Райлли. — И надо ж такие напасти на тебя, Игнациус. Ни на кого ж больше птицы не нападают.

— Где этот водитель автобуса? Его следует предать суду немедленно.

— Ты же ж просто в обморок упал, дурашка.

— Тогда к чему эти бинты? Я себя вовсе не хорошо чувствую. Должно быть, я повредил себе какой-то жизненно важный орган, когда рухнул на мостовую.

— Ты себе же ж просто голову поцарапал чутка. Ничего с тобой не сталось. Тебя ренгеном просветили.

— Посторонние вторгались в мое тело, пока я был без сознания? Вам могло бы достать хорошего вкуса, чтобы воспретить им. Одному Господу известно, куда эти сладострастные медики совали свои руки. — Игнациус теперь осознал, что помимо головы и уха с тех самых пор, как он пришел в чувство, его беспокоила эрекция. Сейчас она требовала к себе внимания. — Не будете ли вы добры покинуть эту кабинку, чтобы я смог осмотреть себя — возможно, со мной обходились неправильно. Пяти минут должно хватить.

— Слушай сюда, Игнациус. — Миссис Райлли

поднялась со стула и схватила его за воротник клоунской пижамы в горошек, в которую его обрядили. — Ты со мною не умничай, а то по мордасам нахлестаю, что мало не покажется. Анджело мне все рассказал. Мальчик с таким образыванием — и шляешься, как оборванец с какими-то супчиками с Квартала, по барам таскаешься, ночных дамочек ищешь. — Миссис Райлли заплакала снова. — Нам еще подвезло ж, что не все в газету написали. А то хоть из города уежжай.

— Именно вы ознакомили мое невинное существо с этим притоном, смею вам напомнить. В действительности же, во всем виновата эта ужасная фемина, Мирна. Это ее следует наказать за все прегрешения.

— Мирна? — всхлипнула миссис Райлли. — Так ее же ж даже в городе нету. Уж я наслушалась твоих самаброцтвий, как из-за нее тебя из «Штанов Леви» уволили. Ты уж меня больше так не обдурачишь. Ты ж самашетший, Игнациус. Даже если мне самой придется сказать — да, мой собственный ребенок из ума выжил.

— Выглядите вы довольно изможденно. Что вам стоит — столкните кого-нибудь, залезьте в одну из этих постелей и вздремните. Зайдете

примерно через час.

— Я всю ночь не сомкнула. Как Анджело позвонил мне да сказал, что ты в больнице, я ж чуть ударом не хватилась. Чуть на пол в кухне не упала прямо себе на голову. Я б могла же ж череп себе раскроить. Побежала себе в комнату потом одеться, так лодыжку вывихнула. А пока ехала сюда, чуть в аварию не попала.

— Еще одной аварии только не хватало, — ахнул Игнациус. — На сей раз мне придется зарабатывать в соляных копях.

— На, дурашка. Анджело сказал тебе передать.

Миссис Райлли нагнулась и подняла с пола массивный том «Утешения Философией». Один угол его нацелился Игнациусу прямо в живот.

— Ауфф, — хрюкнул Игнациус.

— Анджело вчера вечером его в этом баре нашел, — дерзко призналась миссис Райлли. — У него из уборной ее кто-то украл.

— О, мой Бог! Это все подстроили нарочно! — возопил Игнациус, потрясая зажатым в лапах фолиантом. — Теперь мне все ясно. Я вам уже давно твержу, что этот монголоид Манкузо — наша Немезида. И теперь он нанес завершающий удар. Как невинно я предложил ему эту книгу. Как горько я ошибался. — Он прикрыл налитые

кровью глаза и несколько мгновений невнятно что-то бормотал. — Обставлен потаскухой Третьего Рейха, скрывающей свое лицо извращенки за *моей* собственной книгой, за основой всего моего мировоззрения. О, мамаша, если бы вы только знали, как жестоко я обманут этим сговором недолюдей. Какая ирония — книга Фортуны сама приносит несчастье. О, Фортуна, дегенеративная ты распутница!

— Закрой рот, — рявкнула миссис Райлли, и напудренное лицо ее заострилось от гнева. — Ты хочешь, чтоб суда вся палата сбежалась? Что же мисс Энни скажет, а? Как я людям в лицо смотреть буду, а, дурак ты самашетший? А теперь еще больница хочет с меня двадцать долларов взять, чтоб я тебя отсуда выписала. Будто шофер на скорой не мог тебя в благодарительную отвезти, как приличного человека. Нет же, надо было в платную вывалить. Ну откуда я тебе возму двадцать долларов, а? Мне ж завтра за трубу твою платить еще. И человеку этому за дом его.

— Это неслыханно. Вам определенно не придется платить двадцать долларов. Это грабеж на большой дороге. А теперь бегите скорее домой, а меня оставьте здесь. Здесь довольно мирно. С течением времени я могу полностью восстано-

вить свои силы. Именно этого требует сейчас моя психика. Если представится случай, прихватите мне в следующий раз карандашей и папку, которую найдете на моем столе. Я должен записать эту травму, пока она еще свежа в моей памяти. Войти в мою комнату вам разрешается. А теперь, если позволите, я должен отдохнуть.

— Отдыхать? И еще двадцать долларов платить за ночь? А ну, вставай с кровати. Я уже Клоду позвонила. Он приедет и заплатит за твой счет.

— Клоду? Во имя всего святого, кто такой этот Клод?

— Один знакомый.

— Так вот, поймите раз и навсегда одну вещь. Никто из посторонних мужчин не будет оплачивать мои больничные счета. Я останусь здесь, пока честные деньги не купят мне свободу.

— Вставай сейчас же с постели, — заверещала миссис Райлли. Она схватилась за пижаму, но тело утонуло в матраце, точно метеорит. — Подымайся, пока я по мордасам тебе не надавала.

Увидев, что над его головой уже занесен материнский ридикюль, Игнациус сел на постели.

— О, мой Бог! Да на вас туфли для кегельбана. — Он метнул побагровевший изжелта-небесный взгляд через край кровати, мимо видневшейся

из-под юбки комбинации и спущенных простых чулок. — Только вы могли надеть туфли для кегельбана к смертному одру своего дитяти.

Однако, мать вызова не приняла. В ней кипела решимость, а ее преимущество питалось интенсивным гневом. Взгляд ее стал стальным, губы — тонкими и твердыми.

Все, что можно, шло не так.

* * *

Мистер Клайд открыл утреннюю газету и уволил Райлли. С торговой карьерой большой обезьяны покончено. Зачем этот бабуин надел форму после работы? Такая обезьяна, как Райлли может одним махом погубить десять лет попыток утвердить приличную торговую марку. У торговцев «горячими собаками» и так проблема с репутацией — вовсе не обязательно, чтобы один из них шлялся по улице мимо борделя.

Мистер Клайд кипел и пузырился вместе со своим котлом. Пусть Райлли только попробует появиться в корпорации «Райские Киоскеры» — сразу схлопочет вилкой в трахею. Однако, оставались халаты и этот пиратский костюм. Должно быть, Райлли спер пиратские причиндалы из гаража за день до происшествия. Большую

обезьяну придется найти, в конце концов, хотя бы сообщить ему, чтобы больше не приходил. От такого животного, как этот Райлли, нельзя, в самом деле, ожидать, что он вернет казенную форменную одежду.

Мистер Клайд несколько раз набирал номер на Константинопольской улице, но там никто не отвечал. Может, его уже куда-нибудь упекли. Мать большой обезьяны, должно быть, мертвецки пьяной валяется где-нибудь на полу. Одному Богу известно, что она из себя представляет. Ну и семейка, должно быть.

* * *

Доктор Тальк пережил жалкую неделю. До студентов каким-то образом дошла одна из тех угроз, которыми несколько лет назад заваливал его этот психованный старшекурсник. Как она попала к ним в руки, он не знал. Но кошмарные результаты уже давали о себе знать. Подпольные слухи о записке медленно расползались; он уже стал посмешищем всего студенческого городка. За коктейлем на вечеринке один из коллег, в конце концов, объяснил ему причину хохотков и шепотков, то и дело прерывавших его занятия, раньше проходившие в почтительной тишине.

Эта фраза из записки о «развращении и растлении молодежи» была совершенно неверно понята и истолкована. Он не знал, не придется ли ему рано или поздно объясняться перед администрацией. А «недоразвитые тестикулы»… Доктор Тальк поёжился. Лучшим планом было бы, наверное, вывести все на чистую воду, но это означало бы отыскать самого бывшего студента, а он из таких, кто все равно будет отрицать любую ответственность. Возможно, следует просто объяснить, каким был этот мистер Райлли. Перед доктором Тальком он возник снова — в массивном кашне и с этой кошмарной юной анархисткой с саквояжем, которая повсюду таскалась с Райлли и засоряла территорию листовками. К счастью, в колледже она не задержалась, однако, сам Райлли, казалось, уже впишется там в пейзаж, будто пальмы или скамейки.

В один из особенно мрачных семестров они посещали у доктора Талька разные классы и прерывали его лекции разными странными звуками и наглыми ядовитыми вопросами, на которые не в состоянии был ответить никто, за исключением, быть может, Господа Бога. Он содрогнулся. Несмотря ни на что, он должен найти Райлли и добыть у него объяснение и признание.

Одного-единственного взгляда на мистера Райлли студентам хватит, чтобы понять: его записка была бессмысленной фантазией больного разума. Он даже администрации даст посмотреть на мистера Райлли. Решение проблемы, в конечном итоге, — чисто физическое: предъявить мистера Райлли во всем изобилии его плоти.

Доктор Тальк отхлебнул водки с соком, которую употреблял всегда после трудного светского пьянства, и раскрыл газету. По крайней мере, жители Квартала веселятся и бесчинствуют. Он потягивал водочку и вспоминал инцидент с этим Райлли: как тот вывалил все экзаменационные работы на головы демонстрации первокурсников под окнами деканата. Администрация это тоже вспомнит. Он самодовольно ухмыльнулся и снова посмотрел в газету. Три фотографии выглядели уморительно. Простые вульгарные люди — издали — всегда забавляли его. Он прочел заметку и поперхнулся, забрызгав себе весь смокинг.

Как мог Райлли столь низко пасть? И в студенчестве он был эксцентриком, но теперь… Насколько гаже пойдут слухи, если выяснится, что записку писал торговец сосисками. Райлли вполне может заявиться в университет со своей тележкой и развернуть торговлю «горячими

собаками» прямо перед Корпусом Общественных Наук. И намеренно превратит все это в цирковое представление, в постыдный фарс, где ему, Тальку, будет уготована роль коверного.

Доктор Тальк отложил газету, поставил стакан и закрыл лицо ладонями. Придется пережить эту записку. Он будет все отрицать.

* * *

Мисс Энни заглянула в утреннюю газету и побагровела. А она-то думала, почему это со двора Райлли все утро не доносится ни звука. Всё, это последняя капля. Теперь у всего квартала плохая репутация. Она этого больше не вынесет. Эти люди должны съехать. Она заставит соседей подписать петицию.

* * *

Патрульный Манкузо снова заглянул в газету. Затем развернул ее на уровне груди, хлопнула вспышка. Он принес в участок свою камеру «Брауни Холидэй»[71] и попросил сержанта сфотографировать его на фоне кое-каких официальных

[71] notes: 71

Один из первых дешевых бытовых фотоаппаратов с одноразовой вспышкой, изготовлялся в 1953-62 гг

задников: стола самого сержанта, ступенек парадного входа в участок, патрульного автомобиля, регулировщицы движения, коньком которой были те, кто превышал скорость в школьной зоне.

Когда оставался всего один кадр, патрульный Манкузо решил объединить два предмета реквизита и завершить съемку драматическим финалом. Пока регулировщица, изображая Лану Ли, лезла на заднее сиденье патрульной машины, гримасничая и мстительно потрясая кулаком, патрульный Манкузо смотрел в камеру, держа газету, и сурово хмурился.

— Ладно, Анджело, теперь всё? — спросила регулировщица: ей не терпелось добраться до ближайшей школы, пока не закончилось время ограничения скорости в школьных зонах.

— Большое спасибо тебе, Глэдис, — ответил патрульный Манкузо. — Детишкам хотелось еще немного снимков показать своим маленьким друзьям.

— Ну еще бы, — прокричала Глэдис, спеша со двора, перекинув через плечо сумку, под завязку набитую черными штрафными квитанциями за превышение скорости. — Их право, наверное, — гордиться своим папочкой. Рада, что смогла тебе помочь, дорогуша. Как захочешь еще сниматься,

только дай мне знать.

Сержант швырнул последнюю лампу вспышки в мусорную корзину и сдавил ручищей вертикальное плечо патрульного Манкузо.

— Единолично ты, Манкузо, сумел раскрыть самую активную в городе банду торговцев порнографией в средних школах. — Он хлопнул по впалой ключице патрульного Манкузо. — Невероятно, но ты расколол бабу, которую даже самым лучшим нашим агентам не удавалось одурачить. Манкузо, как я выяснил, работает над этим делом втихушку. Манкузо может опознать одного из ее подручных. Кто все это время ходил сам по себе, искал подозрительных субъектов, вроде тех трех девок, и пытался их привлечь? Манкузо, вот кто.

Оливковая кожа патрульного Манкузо слегка порозовела, если не считать тех ограниченных участков, где ее исцарапал дамский вспомогательный корпус Партии Мира. Там она осталась просто багровой.

— Просто повезло, — вымолвил патрульный Манкузо, прочищая горло от какой-то неощутимой мокроты. — Кое-кто мне дал наводку на это место. А потом этот Бирма Джоунз сказал посмотреть в шкафчике под баром.

— Ты в одиночку смог провести облаву, Ан-

джело.

Анджело? Он окрасился в весь спектр оттенков — от оранжевого до фиолетового.

— Я не удивлюсь, если за это ты получишь какое-нибудь повышение, — сказал сержант. — Ты уже долго простой патрульный. А всего пару дней назад я считал тебя конской задницей. Как насчет повышения? Что ты на это скажешь, Манкузо?

Патрульный Манкузо откашлялся довольно неистово.

— Могу я забрать свой фотоаппарат? — почти неслышно спросил он, когда горло, наконец, прочистилось.

* * *

Санта Батталья поднесла газету к портрету мамочки и сказала:

— И как тебе это ндравится, малыша? Как тебе ндравится, что твой внук Анджело хорошо добился, а? Ндравится, дорогуша? — Она ткнула в другую фотографию. — Как тебе ндравится, када самашетший мальчишка этой бедненькой Ирэны валяется в канаве, что твой кит на берегу? Какая жалость же, да? Таперь уж точно она его запереть должна. Думаешь, кто-нибудь таперь на ей женится, ежли этот здоровый босяк по всему

дому так валяться будет? Конечно, нет.

Санта схватила портретик и изо всех сил влажно чмокнула его.

— Ну, не переживай, малыша. Я за тебя молюсь.

* * *

Клод Робишо развернул газету в трамвае на пути в больницу с тяжелым сердцем. Ну как же такой большой мальчик может так позорить такую прекрасную милую женщину, как Ирэна? Она ж уже вся бледная от усталости — так за сына переживает. Санта была права: этого ирэниного сынка лечить надо, пока он свою чудесную мамочку еще больше не опозорил.

На сей раз — только двадцать долларов. В следующий — может быть гораздо больше. Даже с хорошей пензией и кое-какой недвижностью человек не может себе позволить такого приемыша.

Но хуже всего — это позор.

* * *

Джордж вклеивал статью в свою тетрадку

«Достижений Молодых»[72], оставшейся ему как сувенир с последней четверти, проведенной в школе. Он приклеил ее к чистой странице между рисунком утиной аорты с урока по биологии и домашней работой по истории Конституции с урока граждановедения. Нужно отдать этому парню Манкузо должное: что-что, а соображалово у него работало. Интересно, думал Джордж, есть ли его фамилия в том списке, который фараоны надыбали под баром. Если да, то неплохо бы навестить дядюшку, который жил на побережье. Но даже так, фамилия его у них будет. Поехать куда-то денег бы ему все равно не хватило. Самое лучшее — посидеть немножко дома. Если он появится в городе, Манкузо легко может его засветить.

Мать Джорджа, пылесосившая другую сторону гостиной, с надеждой наблюдала, как сынок занимается своим школьным альбомом. Может, ему снова в школу захочется? Им с его отцом, кажется, так и не удалось никак на него повлиять. Ну какие шансы сегодня у мальчика без среднего образования, а? Куда ему податься?

Она выключила пылесос и пошла открывать

---

[72] notes: 72

Общественная организация, учрежденная в 1919 году с целью развития экономических навыков учащихся средних школ. В настоящее время насчитывает более 300.000 членов и действует по типу франчайзинга.

дверь. Джордж рассматривал фотографии и размышлял, чем же это торговец сосисками занимался в «Ночи Утех». Полицейским шпиком быть он не мог. Как бы то ни было, Джордж ему не проболтался, откуда картинки. Подозрительное какое-то дело.

— Полиция? — услышал Джордж голос матери у дверей. — Должно быть, вы ошиблись квартирой.

Джордж намылился было в кухню, но сразу понял, что идти ему некуда. В квартирах многоэтажек только один выход.

* * *

Лана Ли разодрала газету в клочки, а клочки — на кусочки еще мельче. Когда надзирательница, проходя мимо камеры, велела ей все убрать, все члены дамского вспомогательного корпуса, делившие с Ланой камеру, заявили матроне:

— Вали. Тут мы живем. И нам нравится бумага на полу.

— Отгребай, — добавила Лиз.

— Испарись, — сказала Бетти.

— Этой камерой я заведываю, так что без кипежа, — ответила матрона. — А вы тут шум наводите с самого начала, как вас вчера вечером

доставили.

— Вытащи меня из этой проклятой дыры, — завопила Лана Ли матроне. — Я с этими тремя шизами больше ни минуты не выдержу.

— Эй, — сказала Фрида двум своим соседкам по квартире. — А пупсику мы не нравимся.

— Такие, как ты, и изгадили весь Квартал, — сообщила Фриде Лана.

— Заткнись, — ответила ей Лиз.

— Засунь, солнышко. — сказала Бетти.

— Заберите меня отсюда, — выла Лана сквозь прутья решетки. — Я и так всю, блядь, ночь тут промучилась с этими ебанушками. У меня гражданские права есть. Меня нельзя тут держать.

Матрона гадко ухмыльнулась и отошла.

— Эй! — заорала Лана в коридор. — Вернись сейчас же.

— Ты давай полегче, дорогуша, — посоветовала Фрида. — Хватит лодку раскачивать. Иди-ка лучше сюда, да покажи нам свои картинки, которые в лифчик запрятала.

— Ага, — подтвердила Лиз.

— Вытаскивай давай снимочки, пупсик, — распорядилась Бетти. — Нам остохренело на эти стены пялиться.

И три девахи одновременно ринулись на Лану.

* * *

Дориан Грин перевернул свою строгую визитку на обратную сторону и печатными буквами вывел: «Сдается потрясная квартира. Спрашивать в 1А». Он вышел на брусчатую дорожку и кнопкой прицепил карточку к низу одного лакированного кожаного ставня. На этот раз девочки попали надолго. Полиция обычно хранит твердость в отношении повторных правонарушений. Неудачно вышло, что девочки оказались не очень общительными со своими соседями по Кварталу; кто-нибудь наверняка показал бы им этого изумительного патрульного, и они не совершили бы роковой ошибки и не напали бы на сотрудника сил полиции.

Но девочки — такие импульсивные, такие агрессивные. Дориан чувствовал, что без них и он сам, и его дом совершенно беззащитны. Он тщательнейшим образом запер кованые ворота. Потом вернулся к себе в квартиру, чтобы покончить с уборкой мусора, оставшегося после первого митинга. Самая сказочная вечеринка в его карьере: в самом ее разгаре Тимми рухнул с люстры и растянул лодыжку.

Дориан подобрал ковбойский сапог с отломан-

ным каблуком и бросил его в урну. Интересно, у этого невозможного Игнациуса Ж.Райлли уже все хорошо? Некоторые люди бывают просто чересчур. Милая мамочка Цыганской Царицы, должно быть, безутешна от такой кошмарной газетной славы.

* * *

Дарлина вырезала свой портрет из газеты и положила его на кухонный стол. Ну и премьера. По крайней мере, немножко рекламы с нее она получила.

Она взяла с дивана свое вечернее платье Харлетт О'Хары и повесила в шифоньер, а какаду наблюдал за нею и покрякивал со своего насеста. Джоунз точно взял все в свои руки, когда выяснилось, что мужик — легавый, и потащил его прямо к тумбочке под стойкой. А теперь и Джоунз, и она остались без работы. «Ночь Утех» вылетела из бизнеса. Лана Ли вышла в расход. Вот так Лана. Позировала для французских открыток. За доллар удавится.

Дарлина посмотрела на золотую серьгу, которую какаду приволок домой. Лана всю дорогу была права. Этот чокнутый громила — в самом деле поцелуй смерти. И бедную мамочку свою

тиранил наверняка. Несчастная женщина.

Дарлина села и задумалась о возможностях какой-нибудь новой работы. Какаду хлопал крыльями и вякал, пока она не засунула галантерейную сережку — его любимую игрушку — ему прямо в клюв. И тут зазвонил телефон, а когда она сняла трубку, там раздался мужской голос:

— Послушайте, у вас такая клевая реклама была. У меня клуб есть в пятисотом квартале по Коньячной, так что…

* * *

Джоунз развернул газету на стойке «Прогулочного Трактира Мэтти» и обмахнул ее дымом.

— В-во! — сообщил он мистеру Уотсону. — Ты мне точно мыслишку подкинул нащот всей этой дурки за сапаташ. Я теперя досапатировался, что снова бомжевать пошел. Э-эй!

— Похоже, у тебя саботаж пошел, точно твоя томная бонба.

— Да этот жирный придурок гарантирует сто перцентов томной бонбы. Ёбть. Его на кого-нить скинешь, так все остальные под осадки попадут да жопами своими подзорвуцца. Ууу-иии. «Ночью Тех» вчера ночью сушчий завапарк была. Сперва у нас там попрыгай, потом толстая мамка

притащщилась, потом три кыски прискакали, точно тока что из порзала сбежали. Ёбть. Все кулыками машут, царапаюцца, орут, а этот жирный придурок в канаве валяецца, ровно подох совсем, а народы знай себе деруцца, матеряцца, кувыркаюцца, а кошак этот здоровый знай себе на проежжей части в отрубе. Ну чисто кино — что твой вестерн махаюцца, как ганстеры какие. На Коньячную такая толпа привалила, что тебе на футбол. Падлиция привалила, эту подлюку Ли уволокла. Э-эй! А дружков у нее в ухрястке и нету никаких. Можа и сироток привлекут, каких она благодарила. В-во! А газета-то кучу мамок понагнала — все фотки сымают, да меня вопросы спрашивают, чё было. Кто сказал, что цветной чувак передней страниццей в газете не будет? Ууу-иии! В-во! Да я самый заменитый бомж в городе буду. Я этому патрулю Манкузе грю: я грю — «Эй, раз уж этот бардак закрыли, как нащот скажи дружбану свому в ухрястке, что я тебе помогал, так меня, мож, и не возьмут за шкворень за бомжа?» Кому в Анголу с Ланой Ли охота? Она и снаружи паршивка. Ёбть.

— Так ты на работу устраиваться планируешь, Джоунз?

Джоунз выдохнул темную тучку — штормовое

предупреждение — и ответил:

— Да после того, как я вкалывал ниже минимальной заплаты, я плаченый отпуск заслужил. Ууу-иии. Где ж я себе другую работу найду? Уже и так по улице ссышком много цветных мамок жопы свои таскают. В-во! Задницу себе по найму устроить — это не два пальца обссыкать. Я не один тут такой с пронблемой. Вона у Дарлины девчонки тож нелегко будет себе по найму устроить, с этим ее лысым орлом. Народ как увидит, как она первый раз свою попку на истраду вытаскиват, так потом в лицо ей плювать будут, как наниматься придет. Поал, да? Тока сунешь какую жирную мамку в сапаташ, так кучу невиноватого народу, вроде той Дарлины, в какую лажу втюхашь. Это как мисс Ли всю дорогу говорила: этот жирный придурок *кому хошь* вестицию запоганит. Дарлина щас наверно на свово лысово орла смотрит и грит: «В-во! Шик-карная у нас примера была. Э-эй! Што *надо* примерились.» Жалко, конешно, што сапаташ так Дарлину подставил, но я как увидел эту жирную мамку, так просто удержу не было. Я ж знал, что он как-то всю эту «Ночью Тех» подзорвет. Ууу-иии. И в натуре громыхнуло. Э-эй!

— Так тебе еще подвезло, что подлиция тебя

тоже не загребла, что в этом баре работаешь.

— Этот патруль Манкуза грит, ценю, что ты мне тымбочку показал. Грит: «Нам, мамкам в падлиции, таких, как ты, надо, чтобы помощь показывать.» Грит: «Такие, как ты, мне вперед добицца дают.» А я грю: «В-во! Вы тока точно скажи дружбану свому в ухрястке, штоб меня грабастать не начали за бомжа.» А он грит: «Точно и скажу. У нас все в ухрястке сильно ценят, что ты для нас сделал, чувак.» Вишь как — таперь эти падлицейские мамки меня *ценят*. Э-эй! Мож, какая медаль обломицца. В-во! — Джоунз прицелился дымом поверх загорелой головы мистера Уотсона. — А у этой подлюки Ли в тымбочке та ищщо фотыграфия была. Патруль Манкуза как увидел их, так у него чуть зеньки на пол не выкатились. Он грит: «В-во! Э-эй! У-ух!» Грит: «Ух ты, во таперь я точно вперед добьюсь.» А я себе грю: «Мож, кто-то вперед и добьёцца. А кое-кто ищщо так и бомжевать снова пойдет. Кое-кто завтра уже не будет по найму калымить ниже минималой заплаты. Кое-кто свою задницу по всему городу таскать будет, а не кондицанеры себе с цветными чилавизерами покупать.» Ёбть. Тут я тебе прославный спицалис по швабре, а тут уже — бомж.

— Знал бы где падать — соломки б подстелил.

— Ага. Эт уж точно, чувак. У тебя вон свое приприятие маленько, и сынок школу приподает, у него ж, наверно, комплек бабикю есть, «бюйк», кондицанер, чилавизер. В-во! А у меня даже транзитерного радиво нету. — Джоунз образовал облако довольно философского склада. — Но ты тут навроде прав, Уотсон. Все могло быть хреновей. Я мог быть этой жирной мамкой. В-во! А чо с такими мамками бывает, а? Э-эй!

* * *

Мистер Леви расположился на желтой нейлоновой кушетке и развернул газету, которую каждое утро ему доставляли на побережье за бо́льшую подписную стоимость. Когда кушетка достается тебе одному — это прекрасно, однако исчезновения мисс Трикси не хватало для того, чтобы поднять ему настроение. Он провел бессонную ночь. Миссис Леви подвергала свою пухлотелость раннеутренней порции подскоков на гимнастической доске. Она хранила молчание — ее занимали какие-то планы Фонда, и она записывала их на листке, прижимая его к вздымающейся средней секции доски. Отложив на мгновение карандашик, она протянула руку к коробке печенюшек, стоящей на полу. Из-за

печенюшек ночь мистера Леви и была бессонной. Они с миссис Леви поехали через все эти сосняки в Мандевилль навестить мистера Райлли, но не только обнаружили, что его там нет, но и подверглись грубому обращению администрации этого богоугодного заведения, принявшей их за проказников. Миссис Леви, правда, несколько смахивала на проказницу: белые с позолотой волосы, очки с синими стеклами, аквамариновые тени, нимбом окружавшие синие линзы. Должно быть, администрации она показалась немного подозрительной, когда сидела в открытой спортивной машине, остановившейся перед главным корпусом лечебницы, держа на коленях огромную коробку голландского печенья, подумал мистер Леви. Однако, она восприняла известие очень спокойно. Казалось, поиски мистера Райлли миссис Леви особенно не волнуют. Супруг ее даже начал подозревать, что ей и не сильно хотелось, чтобы он отыскал мистера Райлли, что в каком-то глухом уголке разума она надеялась, что Абельман выиграет это дело, чтобы можно было щеголять своею приобретенной вследствие этого нищетой перед Сьюзан и Сандрой, как окончательной несостоятельностью их отца. Разум этой женщины был хитер и коварен: предсказуе-

мым он был только тогда, когда она нащупывала новую возможность подмять под себя супруга. И теперь ему было непонятно, на чьей она стороне — его или Абельмана.

Он попросил Гонзалеса отменить все брони весенних тренировок. Сначала нужно разгрести это дело Абельмана. Мистер Леви разгладил газету и в очередной раз осознал, что если бы его пищеварительная система могла это переварить, руководству «Штанов Леви» следовало бы уделить немного времени. Тогда бы такого не произошло. Жизнь текла бы мирно. Но одно имя, четыре слога — «Шта-ны Ле-ви» — вызывало у него в груди кислотные осложнения. Наверное, имя нужно было сменить. Наверное, нужно было сменить Гонзалеса. Хотя управляющий конторой так ему предан. Обожает свою неблагодарную, низкооплачиваемую работу. Нельзя же просто так дать ему пинка под зад. Где он себе другое место найдет? Но что еще важнее — кому захочется его заменить? «Штаны Леви» не следует закрывать хотя бы для того, чтобы сохранить работу Гонзалесу. Как мистер Леви ни старался, другой причины он придумать не мог. Если фабрику закрыть, Гонзалес может покончить с собой прямо на рабочем месте. Нужно думать о человеческой

жизни. К тому же, фабрику покупать никто все равно не собирался.

Леон Леви мог бы назвать этот монумент «Брюки Леви». А что — неплохое имя. Всю свою жизнь, а особенно в детстве Гас Леви говорил: «Штаны Леви», — и получал стандартный ответ: «На все стороны равны». Когда ему исполнилось двадцать, он намекнул отцу, что смена названия может как-то помочь бизнесу, а отец только простонал: «Тебя вдруг перестало устраивать имя „Штаны Леви“? Еда, которую ты ешь, — это „Штаны Леви“. Машина, на которой ты ездишь, — „Штаны Леви“. Я *сам* — «Штаны Леви». И это — твоя благодарность? Это твоя сыновняя преданность? А потом мне что — *свое* имя менять? Закрой рот, лоботряс. Иди играйся со своими машинками и вертихвостками. У меня тут и так Великая Депрессия, мне твои советы без надобности. Умник выискался. Иди Гуверу советы давай. Иди посоветуй ему смнить фамилию на *Шлемиль*. Вон из моего кабинета! Заткнись!

Гас Леви посмотрел на фотографии и статью на первой странице газеты и присвистнул:

— Вот так так!

— В чем дело, Гас? Проблема? У тебя — проблема? Ты всю ночь глаз не сомкнул. Я слышала, как

джакуззи всю ночь ревела. У тебя будет нервный срыв. Прошу тебя — сходи к доктору Ленни, пока не начал буйствовать.

— Я только что нашел мистера Райлли.

— И я полагаю, ты счастлив.

— А ты? Взгляни, он во всех газетах.

— В самом деле? Принеси-ка сюда. Я никогда не забывала об этом юном идеалисте. Наверное, он получил какую-нибудь гражданскую награду.

— Всего несколько дней назад ты утверждала, что он психопат.

— Если ему хватило ума отправить нас в Мандевилль, как пару шутов гороховых, не такой уж он и психопат. Даже такой человек, как этот идеалист, может сыграть с тобой шутку.

Миссис Леви осмотрела двух женщин, птицу, осклабившегося швейцара.

— Где он? Я не вижу здесь никакого идеалиста. — Мистер Леви ткнул в сбитую корову на проезжей части. — Это он? В канаве? Как трагично. Разгул, пьянство, безнадежность — он уже превратился в опухший отброс общества. Отметь его в своей ведомости рядом со мной и мисс Трикси — ты загубил еще одну жизнь.

— Птица клюнула его в ухо — или какое-то подобное безумие. Вот — посмотри на эту кучу

правонарушителей на фотографиях. Я говорил тебе, что у него были неприятности с полицией. Эти люди — его дружки и подружки. Стриптизерки, сутенеры и торговцы порнографией.

— А когда-то он был предан идеалистическим целям. Теперь же — посмотри на него. Не беспокойся. Настанет день, и ты за все это заплатишь. Через несколько месяцев, когда Абельман с тобой сочтется, ты снова окажешься на улице со своей тележкой, как твой отец. Тогда ты поймешь, как шутить с такими, как Абельман, если своим предприятием ты управляешь, точно повеса. Сьюзан и Сандра будут в шоке, когда увидят, что на их счету нет ни пенни. Тогда-то они точно тебе ручкой сделают. Гас Леви, бывший папочка.

— Ладно, я сейчас же еду в город и поговорю с этим Райлли. Я разберусь с этими сумасшедшими письмами.

— Хо-хо. Гас Леви, детектив. Не смеши меня. Ты, наверное, сам и написал это письмо после того, как выиграл на скачках, и тебе было весело. Я ведь знала, что этим все кончится.

— Знаешь, а мне кажется, что ты действительно ждешь не дождешься, когда Абельман подаст на меня в суд. Ты действительно хочешь, чтобы я пошел ко дну, даже если сама со мною утонешь.

Миссис Леви зевнула и ответила:

— Могу ли я противостоять тому, к чему ты сам шел всю свою жизнь? Девочки просто лишний раз убедятся: все, что я о тебе им постоянно твердила, — правда. Чем больше я думаю об этом деле Абельмана, тем больше понимаю, что все это неизбежно, Гас. Слава Богу, у моей мамочки еще остались хоть какие-то сбережения. Я всегда знала, что мне придется к ней однажды вернуться. Хотя от Сан-Хуана, видимо, ей придется отказаться. На одних орешках Сьюзан с Сандрой не проживут.

— Ох, да закрой ты рот.

— Ты велишь мне закрыть рот? — Миссис Леви подскакивала вверх-вниз, вверх-вниз. — Я должна наблюдать твое падение в молчании? Мне нужно как-то заботиться о себе и своих дочерях. Я имею в виду — жизнь продолжается, Гас. Я не могу закончить свои дни в трущобах вместе с тобой. Мы можем только благодарить судьбу за то, что твой отец покинул нас. Если бы он только дожил и увидел, как «Штаны Леви» погублены из-за чьего-то розыгрыша — вот тогда тебе пришлось бы платить по-крупному. Поверь мне. Леон Леви бы выдворил тебя из страны. У этого человека и мужество было, и решимость. Но что

бы ни произошло, Фонд Леона Леви выдержит все. Если даже нам с мамой придется себе во всем отказывать, я буду присуждать эти награды. Я буду чтить и вознаграждать тех людей, кто обладает мужеством и храбростью, которые я видела в твоем отце. Я не допущу, чтобы ты утащил его имя с собою в трущобы. Когда Абельман с тобой покончит, тебе еще повезет, если ты сможешь устроиться водоносом в одну из тех своих команд, которые ты так любишь. Ох как же тебе тогда придется вкалывать — бегать с ведром и губкой, как последнему бродяге. Но не надо себя жалеть. Ты сам виноват.

Теперь мистер Леви знал наверняка: странная логика супруги требовала его полного краха. Ей хотелось видеть триумф Абельмана; в его победе она усматривала какое-то причудливое торжество справедливости. Поскольку супруга прочла письмо Абельмана, мозг ее, должно быть, рассматривал этот вопрос со всех мыслимых точек зрения. Каждую минуту, пока она крутила педали тренажера или подскакивала на доске, ее логическая система, вероятно, все больше и больше убеждала ее, что Абельман должен это дело выиграть. Это станет не только победой Абельмана, но и ее собственной победой. Все до

единого дорожные знаки и указатели, которые она выставляла перед девочками в письмах и разговорах, указывали лишь в одну сторону — на окончательный, кошмарный провал их отца. Миссис Леви не могла позволить себе оказаться неправой. Ей было *необходимо* дело о клевете на 500 тысяч долларов. Ей не интересно, если он даже поговорит с этим Райлли. Дело Абельмана перешло с чисто материального и физического плана на план идеологический и духовный, где вселенские и космические силы уже постановили: Гас Леви должен проиграть, этот лишившийся детей, отчаявшийся Гас Леви должен вечно скитаться с ведром и губкой.

— Ну что ж, я еду к Райлли, — наконец вымолвил мистер Леви.

— Какая решимость. Я не верю своим ушам. Не беспокойся, тебе не удастся ничего повесить на юного идеалиста. Он слишком умен. Он сыграет с тобой еще одну шутку. Вот увидишь. Еще одна погоня за химерами. Назад, в Мандевилль. На сей раз тебя там и оставят — мужчину средних лет, который водит свою игрушечную спортивную машинку, точно студент.

— Я еду прямо к нему домой.

Миссис Леви сложила свои заметки о Фонде и

выключила доску:

— Ну, если ты едешь в город, подвези меня. Я беспокоюсь о мисс Трикси — особенно после того, как Гонзалес доложил, что она укусила этого гангстера за руку. Я должна ее увидеть. Ее старая враждебность к «Штанам Леви» снова вышла наружу.

— Ты опять хочешь играть с этим сенильным мешком? Неужели ты ее мучила недостаточно?

— Даже в таком маленьком добром деле ты мне отказываешь. Твоего типа нет даже в учебниках по психологии. Да ты сходи к доктору Ленни хотя бы ради *него*. Как только твой случай опишут в психиатрических журналах, его начнут приглашать в Вену читать лекции. Ты сделаешь его знаменитым — как та изувеченная девочка, или кто там у него был, подарила известность Фрейду[73].

Пока миссис Леви ослепляла себя слоями аквамариновых теней, готовясь к подвигу милосердия, он вывел свой спортивный автомобиль из монументального гаража на три машины, выстроенного, точно солидный помещичий каретный ряд, и сидел, созерцая спокойную

[73] notes: 73

Известность Зигмунту Фрейду принесли его ранние работы по неврологии, в частности — изучение детского церебрального паралича.

рябь бухты. Его грудь покалывали крошечные дротики изжоги. Райлли непременно должен признаться. Крючкотворы Абельмана сотрут его с лица земли; он не может подарить супруге такого удовлетворения. Если Райлли признается в том, что написал письмо, если он сам как-то выберется из этой передряги, — он станет другим. Он даст клятву стать новым человеком. Он даже, наверное, оделит компанию своим руководящим вниманием. Надзирать за предприятием — это же так разумно и практично. «Штаны Леви» без внимания — как дитя без призора: оно может стать малолетним преступником, а отсюда — всевозможные проблемы, которые немного воспитания, немного заботы и любви могут предотвратить. Чем больше стараешься держаться подальше от «Штанов Леви», тем больше они тебя гнетут. «Штаны Леви» — как врожденный дефект, как семейное проклятье.

— У всех моих знакомых — прекрасные большие автомобили, — изрекла миссис Леви, усаживаясь в маленькую машину. — Только не у тебя. Нет. Тебе же необходима игрушечная машинка, которая стоит больше «кадиллака» и в которой у меня все прическа портится от ветра.

Подкрепляя ее мысль, лакированная прядка

волос выбилась и жестко затрепетала на ветру, когда они с ревом вылетели на прибрежную трассу. Всю дорогу через болота ни один не проронил ни слова. Мистер Леви нервно всматривался в свое будущее. Миссис Леви удовлетворенно созерцала свое, и ее аквамариновые веки спокойно трепетали в потоках воздуха. Наконец, они ворвались в город: по мере приближения к этому дурачку Райлли скорость мистера Леви возрастала. Водится с этой компанией из Квартала. Бог знает, что у него за личная жизнь. Одно сумасшедшее происшествие за другим, безумие на безумии.

— Мне кажется, я, наконец, проанализировала твою проблему, — произнесла миссис Райлли, когда им пришлось притормозить в уличной пробке. — Ключ — в твоей безрассудной езде. Меня вдруг осенило. Теперь я знаю, почему ты лег в дрейф, почему у тебя нет никаких амбиций, почему ты пустил весь бизнес коту под хвост. — Миссис Леви сделала эффектную паузу. — У тебя инстинкт смерти.

— В последний раз сегодня — заткнись.

— Противоречия, враждебность, озлобленность, — счастливо перечисляла миссис Леви. — Все это очень плохо кончится, Гас.

Стояла суббота, и «Штаны Леви» по случаю выходных временно прекратили свои посягательства на концепцию свободного предпринимательства. Чета Леви проехала мимо фабрики, с улицы выглядевшей одинаково при смерти вне зависимости от того, рабочий был день или выходной. Одна антенна трубы курилась легким дымком той же разновидности, что испускают горящие кучи палой листвы. Мистера Леви дым озадачил. Кто-то из рабочих, должно быть, в пятницу оставил в печи догорать один из раскроечных столов. Кто-то там, может быть, даже листья жжет. Случались вещи и любопытнее. Во время своего керамического периода сама миссис Леви, например, распорядилась переоборудовать одну из печей в сушильную камеру.

Когда фабрика осталась позади, а миссис Леви, окинув ее взором, изрекла: «Грустно, грустно,» — они свернули к реке и остановились у полубессознательной на вид деревянной многоквартирной постройки через дорогу от пристани «Улица Желанья». Дорожка из лоскутов манила прохожего взойти по некрашеным ступеням крыльца к какой-то смутной цели в глубине здания.

— Я ненадолго, — вымолвила миссис Леви, озабоченная процессом вздымания и поднятия

туловища, необходимым для извлечения тела из спортивного автомобиля. С собой она прихватила коробку отборного голландского печенья, первоначально предназначавшуюся для мандевилльского пациента. — У меня этот проект уже в печенках сидит. Может быть, печенье увлечет ее, и мне не придется вступать с нею в долгую беседу. — Она улыбнулась супругу. — Желаю удачи с юным идеалистом. Не давай ему разыграть себя еще раз.

Мистер Леви рванул с места в сторону городской окраины. У светофора он еще раз сверился с адресом Райлли в утренней газете, сложенной и засунутой в ложбину между гнездами сидений. Он проехал вдоль реки по улице Чопитулас, свернул на Константинопольскую и проскакал по выбоинам Константинопольской, пока не отыскал миниатюрное строение. Неужели этот огромный дурачок помещается в таком кукольном домике? Как он проходит в дверь?

Мистер Леви поднялся по ступенькам и прочел надпись «Мир Любой Ценой», прикнопленную к столбику веранды, и другую — «Мир Всем Людям Доброй Воли», — наклеенную прямо на стену домика. Он не ошибся. Внутри звонил телефон.

— Нету их дома, нету! — завопил женский голос

из-за плотно закрытых ставень соседнего дома. — Чилифон ихний все утро звонит!

Летняя дверь распахнулась, и на веранде показалась затравленная на вид тетка. Она облокотилась на перила.

— Вы не знаете, где мистер Райлли? — спросил мистер Леви.

— Я знаю только, что его по всем газетам сёдни пропечатали. А ему самое место в психушке. У меня уже никаких нервов не хватает. Как только я сюда переехала, так просто смертный приговор себе подписала.

— А он здесь один живет? Я как-то раз звонил, так трубку женщина снимала.

— Это, наверно, его мамочка. У нее тоже нервов не хватает. Она, наверно, поехала его из больницы забирать, или куда его там упрятали.

— А вы мистера Райлли хорошо знаете?

— Да, считай, с детства. Ох, как же мамочка им гордилась. И все сестры в школе его любили, золотой был мальчик просто. И поглядите, чем кончил — в канаве валяется. Я вам так скажу — пусть лучше уже вещи свои собирают, не место им в моем квартале. Сил никаких терпеть нету. Сейчас-то они точно грызню подымут.

— Можно, я у вас еще кое-что спрошу? Вы зна-

ете мистера Райлли хорошо. Вы не считаете его очень безответственным или даже опасным человеком?

— А вам зачем? — Тусклые глаза мисс Энни сузились. — Он еще в какую-то историю попал?

— Меня зовут Гас Леви. Он раньше у меня работал.

— Вот как? Что вы говорите? Этот Игнациус полоумный уж так гордился той своей работой, так гордился. Все слышу, бывало, как он мамочке своей хвастается, как хорошо он там добивается. Да уж, хорошо добился, ничего не скажешь. Пару-тройку недель — и его выставили. Так раз он у вас работал, вам его лучше знать.

Неужели этот несчастный дурачок Райлли действительно гордился «Штанами Леви»? Он всегда это утверждал. Верный признак безумия.

— Скажите мне. С полицией у него какие-нибудь неприятности были? Какие-нибудь приводы, аресты?

— Вокруг его мамочки все полицайский увивался. Вылитый шпик. А Игнациус-то ничо еще. Прежде всего, мамочка к рюмашке не дура приложиться. В последнее-то время я не видела, чтоб сильно закладывала, а вот раньше зашибала будь здоров. Я однажды на задний двор выглядываю, а

она вся в мокрой простыне, что на веревке сушилась, запуталась. Да у меня, мистер, это соседство десять лет жизни отняло. Бедлам! Банджо, трубы дудят, вопли постоянные, крики, чиливизер этот. Этим Райлли в деревню надо съехать, на ферме жить в глуши. Да я из-за них шесть-семь аспиринов в день пью. — Мисс Энни сунула руку куда-то в вырез халатика поправить съехавшую лямку. — Я вам еще вот как скажу. Врать не стану. Этот Игнациус нормальным был, пока его псина эта не сдохла. У него большая собака такая была, все гавкала, помню, прямо у меня под окном. Вот тогда-то у меня нервы и расходились. А потом она сдохла. Ну, думаю, может, хоть сейчас мир и покой настанут. Так нет же. Игнациус эту собаку в мамочкиной гостиной прямо уложил с цветами в лапах. Вот тогда они с мамочкой и начали ссориться. По правде сказать, я думаю, она тогда и закладывать начала. А Игнациус пошел к священнику и говорит: приходите мою собачку отпевать. Чтобы вроде как похороны пристойные устроить. Понимаете? Священник, конечно, ни в какую, и вот мне кажется, Игнациус тогда и вышел из Церкви. И сам такие похороны ей устроил. Здоровый, толстый школьник — а ума ни на грош. Видите, вон крест стоит? — Мистер

Леви безысходно посмотрел на полусгнивший кельтский крест в соседнем дворе. — Вон там это все и было. Штук двадцать детишек собрал во двор посмотреть. А сам нацепил накидку такую, вроде как у Супермена, и свечей повсюду понавтыкал. А мамочка его все время кричала с порога на него, аж надрывалась, чтоб эту дохлятину в мусорку выкинул, а сам домой шел. Вот тогда-то все тут и пошло наперекосяк. Потом Игнациус в коллеже лет десять проучился. Мамочка его чуть совсем не обнищала. Пришлось даже пианину продать. Ну, мне-то какое дело. А видели б вы ту деваху, с которой он в коллеже спутался. Я даже сказала себе: «Ну, ладно, хорошо. Может, женится, да съедет отсюдова.» Как ж я ошибалась. Они только и делали, что у него в комнате сидели, да каждую ночь настоящую спевку устраивали. Ох, чего ж я только ни наслушалась через окно! И «Сымай себе юбку», и «Слезай с моей постели», и «Как ты смеешь, я девица». Сущий кошмар. Я круглые сутки на одном аспирине держалась. Ну, и сбежала девчонка эта, в конце концов. Я ее, знаете, не виню. И так, наверное, с придурью была, коли с ним водилась. — Мисс Энни дотянулась до противоположной лямочки. — Столько жилья в городе, и надо мне было именно тут поселиться,

а? Ну скажите вы мне.

Мистер Леви не смог придумать ни одной причины, по которой ей надо было непременно поселиться именно в этой топографической точке. Но история про Игнациуса Райлли повергла его в уныние. Он пожалел, что появился на Константинопольской улице.

— Так вот я и говорю, — спешила выговориться между тем женщина, обрадованная наличием аудитории, готовой внимать повести ее страданий. — То, что сегодня в газете пропечатали, — это же просто последняя капля. Поглядите, какая у нашего квартала сейчас репутация, а? Ну, пускай только опять чего-нибудь начнут — живо полицыю вызову, пусть его за нарушение общественного порядка привлекут. Я уже больше не могу. Нервы у меня уже ни к черту. Игнациус теперь в ванну залазит — а шум такой, точно у меня дома потоп. У меня, наверное, уже все трубы прорвало. Я уже не первой молодости. Хватит с меня этих людей. — Мисс Энни глянула куда-то поверх мистера Леви. — Приятно было поговорить с вами, мистер. Всего хорошего.

И она ринулась в дом, захлопнув за собой летнюю дверь. Столь внезапное исчезновение озадачило мистера Леви не меньше, чем стран-

ная биография мистера Райлли. Ну и район. Приют Леви всегда надежно предохранял его от знакомства с такими людьми. И тут мистер Леви увидел, как к обочине, царапая колпаками колес поребрик, пытается пришвартоваться ископаемый «плимут». Наконец, агрегат надежно замер у своего дебаркадера. На заднем сиденье мистер Леви различил громадину юного идеалиста. Из-за штурвала вылезла женщина с волосами свекольного цвета и крикнула:

— Ладно, дуся, вылезай из машины!

— И не подумаю, пока вы не разъясните мне природу своих взаимоотношений с этим слабоумным слюнявым стариком, — ответствовал ей силуэт. — Мне казалось, мы уже избежали этого фашиствующего дегенерата раз и навсегда. Очевидно, я заблуждался. Все это время вы поддерживали с ним сомнительную связь за моей спиной. Вероятно, именно вы разместили его в тот раз перед Д.Г.Холмсом. Теперь, если задуматься, я начинаю осознавать, что и этого монголоида Манкузо подослали вы, чтобы запустить вихрь сего порочного круга. Как наивен, как невинен я был. Уже которую неделю против меня замышляется сговор. Все это — интрига!

— Вылезай сейчас же из машины!

— Вот видите? — высказалась мисс Энни из-за захлопнутых ставень. — Опять начали.

Задняя дверца машины откинулась со ржавым скрипом, и на подножку опустился расползающийся по швам сапог пустынной модели. Голова идеалиста была обмотана бинтами. Он выглядел бледным и усталым.

— Я не останусь под одной крышей с распутной женщиной. Я шокирован и уязвлен в самое сердце. Моя родная мать. Не удивительно, что вы ополчились на меня с таким неистовством. Я подозреваю, что вы просто используете меня как козла отпущения за свое собственное чувство вины.

Ну и семейка, подумал мистер Леви. Мамаша действительно отчасти напоминала гулящую женщину. Интересно, зачем она понадобилась полицескому филеру.

— Заткни свою грязную пасть! — орала женщина. — Клод — прекрасный, порядочный мущщина.

— Прекрасный мужчина, — фыркнул Игнациус. — Я знал, что этим все кончится, когда вы только начали шляться по улицам с этими дегенератами.

По всему кварталу на веранды высыпали лю-

бопытствующие. Ну и денек будет. Мистер Леви рисковал впутаться в общественный скандал с этими дикарями. Изжога растекалась внутри до самых крайних пределов его грудной клетки.

Женщина со свекольной прической рухнула на колени и воззвала к небесам:

— Что же я натворила, Боженька? Скажи же ж мне, Хосподи? Я хорошо себя вела.

— Вы стоите на могиле Рекса! — взвыл Игнациус. — А теперь расскажите мне, чем вы занимались с этим растленным маккартистом. Вероятно, вы вместе принадлежите к какой-то тайной политической ячейке. Не удивительно, что меня бомбардируют этими памфлетами, призывающими к охоте на ведьм. Не удивительно, что всю вчерашнюю ночь за мною ходил хвост. Где эта сводня Батталья? Где она? Ее следует высечь хлыстом. Все это — один сплошной путч против меня, злонамеренный план убрать меня с пути. Мой Бог! Эту птицу, вне сомнения, дрессировала банда фашистов. Они ни перед чем не остановятся.

— Клод за мною ухаживал, — с вызовом ответила миссис Райлли.

— Что? — загрохотал Игнациус. — Вы хотите сказать, что позволяли какому-то старику себя

лапать от и до?

— Клод — приличный человек. Он тока несколько раз меня за руку взял.

Изжелта— небесные глаза от ярости сошлись к переносице. Лапы захлопнули уши, чтобы не слышать более ни единого слова.

— Одному провидению известно, что за непристойные желания обуревают этого субъекта. Я вас умоляю — я не желаю знать всей правды. Со мною случится тотальный нервный срыв.

— А ну заткнитесь! — заверещала из-за ставень мисс Энни. — Ваши дни у нас в квартале сочтены.

— Клод хоть умом и не блещет, но он хороший человек. И к семье своей хорошо относится — вот что самое главное. Санта грит, ему камунясы не ндравятся, потому что он одинокий. Ему больше заняцца нечем. Ежли б он мне сию же минуту предложение сделал, я б сразу ответила: «Так и быть, Клод». Точно тебе говорю, Игнациус. И даже б не задумалась. Я заслужила, чтоб ко мне хорошо относились, пока я еще не померла. Я заслужила, чтоб не думать, где следующий доллар себе раздобыть. Когда мы с Клодом твою одежу у этой кастеляншки в больнице забирать пошли, а она нам бамажник твой отдает, а в нем аж тридцать

долларов — ну все, это точно последняя капля была. Все это головотяпство твое еще куда ни шло, но деньги от своей бедной мамули прятать…

— Мне эти средства были нужны для определенной цели.

— Для какой еще цели? Болтаться с грязными женщинами? — Миссис Райлли тяжело поднялась с могилы Рекса. — Ты ж не тока самашетший, Игнациус. Ты гадкий.

— Вы всерьез полагаете, что *roue*[74] Клод стремится к женитьбе на вас? — захлебнулся слюной Игнациус, меняя тему. — Вас будут таскать из одного вонючего мотеля в другой. Вы покончите с собой.

— Я выйду замуж, если захочу, мальчик. И ты меня не остановишь. Уже не получится.

— Этот субъект — опасный радикал, — зловеще произнес Игнациус. — Одному Богу известно, какие политические и идеологические ужасы таятся в его мозгу. Он подвергнет вас пыткам или даже хуже.

— Да к чертовой матери, кто *ты* такой, чтобы мне тут указывать, Игнациус? — Миссис Райлли уперлась несгибаемым взглядом в выведенного

---

[74] notes: 74
Повеса (фр.)

из себя отпрыска. Она устала; ей было противно и неинтересно, что бы еще он ни сказал ей. — Клод — недалекий. Ладно. Этого у него не отнять. Клода все время эти самые камунясы беспокоят. Ладно. Может, он и в полытике ни черта не смыслит. Но мне-то полытика до лампочки. Мне главное — помереть хоть чуток пристойно. А Клод прилично к людям относится, а тебе со всей твоей полытикой таким никогда не стать. Ума нахватался со всем этим образыванием, а я сколька добра тебе сделала — мне одни пинки достаюцца. Я хочу, чтобы ко мне хорошо относились, пока не померла еще. Ты всему научился, Игнациус, не научился только, как человеком быть.

— Хорошее отнощение — не ваша судьба, — вскричал Игнациус. — Вы — явный мазохист. Хорошее обращение повергнет вас в смятение и погубит вас.

— Пошел ты к черту, Игнациус. Ты мне стока раз серце разбивал, что я уж и со щщета сбилась.

— Этот субъект ни за что не войдет в этот дом, покуда я остаюсь здесь. Как только он устанет от вас, вероятно, он обратит свое извращенное внимание на *меня*.

— Что еще что такое, полоумный? Закрой сичас же свой глупый рот. С меня хватит. Я сама о

тебе позабочусь. Говоришь, отдохнуть хочешь? Я устрою тебе хорошенький отдых.

— Стоит мне подумать о моем дорогом усопшем отце, едва остывшем в своей могиле, — пробормотал Игнациус, делая вид, что смахивает влагу с глаз.

— Мистер Райлли умер двадцать лет назад.

— Двадцать *один*, — злорадно поправил ее Игнациус. — Видите? Вы уже забыли своего возлюбленного супруга.

— Прошу прощения, — немощно вымолвил мистер Леви. — Могу я с вами поговорить, мистер Райлли?

— Что? — переспросил Игнациус, только что заметив человека, стоящего на крыльце.

— Вам чего надо от моего Игнациуса? — осведомилась миссис Райлли. Мистер Леви представился. — Вот это он самый и есть. Надеюсь, вы не поверили, когда он вам эту смешную историю рассказывал по телефону тут как-то на днях? Я так из сил выбилась, что не успела трубку у него из рук вырвать.

— Мы не могли бы все зайти в дом? — спросил мистер Леви. — Мне бы хотелось побеседовать с ним наедине.

— Мне-то что? — равнодушно пожала плечами

миссис Райлли. Она окинула взглядом квартал и наблюдавших за ними соседей. — Весь квыртал и так уже все знает.

Тем не менее, она распахнула дверь, и троица вступила в крохотную прихожую. Миссис Райлли поставила на пол бумажный пакет с кашне и абордажной саблей сына и спросила:

— И что вам нужно, мистер Леви? Игнациус! Выходи немедленно и поговори с этим человеком.

— Мамаша, мне следует уделить внимание своему кишечнику. Он взбунтовался против травмы последних суток.

— Выходи сейчас же из ванны, мальчик, и иди суда. Так что вам нужно от этого самашетшево, мистер Леви?

— Мистер Райлли, известно ли вам что-нибудь вот об этом?

Игнациус взглянул на два письма, извлеченные мистером Леви из кармана куртки:

— Разумеется, нет. Здесь ваш автограф. Покиньте этот дом немедленно. Мамаша, это тот самый изверг, который уволил меня столь бессердечно.

— И вы этого не писали?

— Мистер Гонзалес вел себя крайне авторитарно. Он не позволял мне даже приближаться к пишущей машинке. А в действительности он

закатил мне довольно злобную оплеуху, когда моему взору случилось остановиться на какой-то корреспонденции, которую он в тот момент сочинял в известной мере ужасной прозой. Если мне дозволялось чистить его дешевые башмаки, я бывал благодарен. Вы же знаете, какой он собственник по отношению к этой вашей клоаке.

— Знаю. Но он утверждает, что ничего подобного не писал.

— Очевидная неправда. Каждое его слово — ложь. Говорит одно, а думает совершенно другое.

— Этот человек хочет отсудить у нас кучу денег.

— Это Игнациус сделал, — грубовато вмешалась миссис Райлли. — Что бы у вас там ни случилось, это сделал Игнациус. Куда б он ни пошел — везде бедокурит. Давай же ж, Игнациус. Скажи дяде правду. Скорее, мальчик, пока я тебя не прибила.

— Мамаша, заставьте этого субъекта нас покинуть, — вскричал Игнациус, подталкивая мать на мистера Леви.

— Мистер Райлли, этот человек подал на меня в суд на 500 тысяч долларов. Он может меня погубить.

— Ай какой ужыс! — воскликнула миссис Райлли. — Игнациус, что ж ты сделал этому бень-

дяшке, а?

Игнациус уже был готов пуститься в обсуждение осмотрительности своего поведения в «Штанах Леви», как зазвонил телефон.

— Алё? — ответила миссис Райлли. — Я его мама. Конечно, трезвая. — Он бросила на сына яростный взгляд. — Вот как? Правда? Что? Ой, нет. — Она пристально посмотрела на Игнациуса, уже начавшего скрести одной лапой по другой. — Ладно, мистер, все свое вы получите — только кроме сережки. Она у птички осталась. Ладно. Чего б я не запомнила, что вы мне сказали? Я ж не выпивоха какая-нибудь! — И миссис Райлли шваркнула трубкой о рычаг и повернулась к сыну: — Это звонил сосысочник. Тебя уволили.

— Хвала Господу, — вздохнул Игнациус. — Боюсь, я бы не вынес одного вида этой тележки снова.

— Что ты ему наплел про меня, мальчик? Ты сказал ему, что я выпивоха?

— Разумеется, нет. Как смехотворно. Я не обсуждаю вас с посторонними. Вне сомнения, он уже разговаривал с вами прежде, когда вы пребывали в состоянии интоксикации. Возможно, вы даже назначили ему свидание и учинили пьяный

дебош в нескольких сосисочных *boites*[75].

— Да ты даже сосыски торговать на улице средь бела дня не можешь. Человек этот так сердился, так сердился. Грит, ты ему больше безобразий учинил, чем все остальные киоскеры вместе.

— Мое мировоззрение пришлось ему не по вкусу довольно активно.

— Ох, да заткнись же ты, пока я тебя вообще не прибила, — взвилась миссис Райлли. — А теперь скажи мистеру Леви правду.

Как же убого их бытовое прозябание, подумал мистер Леви. Эта женщина явно держит сына под каблуком.

— Но я и говорю правду, — возмутился Игнациус.

— Дайте-ка, я погляжу на это письмо, мистер Леви.

— Не предъявляйте его ей. Она умеет читать довольно-таки кошмарно. Оно повергнет ее в смятение на несколько дней.

Миссис Райлли стукнула сына сумочкой в висок.

— Вы опять за свое? — вскричал Игнациус.

— Не бейте его, — вмешался мистер Леви. Вся го-

---

[75] notes: 75
От boite de nuit — ночной клуб (фр.)

лова этого ненормального и так уже забинтована. От насилия за ограждением профессионального ринга мистера Леви тошнило. Дурачок Райлли и без того представлял собой жалкое зрелище. Мать спуталась с каким-то стариком, пьет, сын ей мешает. Полиция ее уже на карандаш взяла. Наверное, если у дурачка что-то и было в жизни — то эта собака. Иногда чтобы рассмотреть человека по-настоящему, нужно увидеть его в естественной среде. Райлли по-своему был весьма заинтересован в «Штанах Леви». И теперь мистеру Леви стало жаль, что он его уволил. Дурачок так гордился своей работой в компании. — Оставьте его в покое, миссис Райлли. Мы сами во всем разберемся.

— Помогите же мне, сэр, — пролепетал Игнациус, театрально хватаясь за лацканы спортивного пиджака мистера Леви. — Одной Фортуне ведомо, что мамаша со мной сделает. Мне слишком хорошо известна вся ее сомнительная деятельность. Меня следует ликвидировать. Вы не думали побеседовать с этой женщиной Трикси? Она знает больше, чем вы подозреваете.

— То же самое говорит мне и моя супруга, но я никогда ей не верил. В конечном итоге, мисс Трикси слишком стара. Она даже список покупок

составить не сможет.

— Старая? — спросила миссис Райлли. — Игнациус! Ты ж мне говорил, что так девчоночку хорошенькую звали, которая в «Штанах Леви» работает. Ты ж мне говорил, что вы друг другу ндравитесь. А счас я узнаю, что она бабуся, да ищщо и писать не умеет. Игнациус!

Тут все гораздо прискорбнее, чем мистер Леви думал в начале. Бедный дурачок пытался убедить мамашу, что у него есть подружка.

— Я вас умоляю, — прошептал Игнациус мистеру Леви. — Зайдите ко мне в комнату. Я должен вам кое-что показать.

— Ни верьте ни единому его слову, — крикнула им вслед миссис Райлли, когда Игнациус втаскивал мистера Леви в свои затхлые хоромы.

— А вы оставьте его в покое, — с излишней жесткостью отвечал ей мистер Леви. Эта Райлли ни единого шанса сыну не дает. Ничем не лучше его супруги. Не удивительно, что Райлли — такая развалина.

Потом дверь за ними закрылась, и мистер Леви неожиданно ощутил подступившую тошноту. В спальне воняло спитой заваркой, и этот запах напомнил ему о чайнике, вечно стоявшем под рукой у Леона Леви, о фарфоровом чайнике с нежными

трещинками, дно которого постоянно закрывал осадок прокипяченных чаинок. Он подошел к окну и приотворил ставень, однако снаружи его глаза встретились со взглядом мисс Энни — та подсматривала в щелочку своего окна. Мистер Леви отвернулся от окна и увидел, что Игнациус ищет что-то в большой конторской папке.

— Вот они, — сказал он. — Вот заметки, которые я набросал, работая в вашей компании. Они докажут вам, что я любил «Штаны Леви» больше самой жизни и каждый сознательный свой час посвящал рассмотрению способов, как помочь вашей организации. И часто в ночи видения приходили ко мне. Фантомы «Штанов Леви» достославно проносились в моей сонной душе. Я ни за что не стал бы писать подобного письма. Я *любил* «Штаны Леви». Вот прочтите это, сэр.

Мистер Леви взял папку и прочел строчку, в которую упирался жирный палец Райлли: «Сегодня на контору нашу, наконец, снизошла благодать в лице господина нашего и хозяина мистера Г.Леви. Если быть до конца честным, я обнаружил его довольно беспечным и равнодушным.» Палец скользнул на пару строк ниже. «Со временем он осознает всю мою преданность его фирме, всю мою увлеченность делом. Пример

мой, в свою очередь, может снова привести его к вере в „Штаны Леви“.» Указующий перст ткнулся в следующий абзац. «Ла Трикси по-прежнему помалкивает, доказывая тем самым, что она гораздо мудрее, чем я полагал. Я подозреваю, что женщине этой известно очень многое, и что апатия ее — лишь фасад ее кажущегося презрения к „Штанам Леви“. Понимать ее становится легче, когда она заговаривает о пенсии.»

— Вот мои доказательства, сэр, — сказал Игнациус, выхватывая папку из рук мистера Леви. — Допросите эту старую клячу. Сенильность ее — не более, чем личина. Такова ее защита от работы и самой компании. В действительности, она терпеть не может «Штаны Леви» за то, что ей не дают пенсии. И кто может бросить в нее за это камень? Множество раз, когда мы оставались с нею наедине, она часами лепетала про то, как собирается «посчитаться» со «Штанами Леви». Ее ненависть проявлялась в форме ядовитых нападок на структуру вашей корпорации.

Мистер Леви попытался взвесить все свидетельства. Он знал, что Райлли компания по-настоящему нравилась; это он наблюдал в конторе, об этом ему сказала соседка, то же самое он только что прочел. Трикси, с другой стороны, компания

не нравилась. Несмотря на то, что и его супруга, и этот дурачок утверждали, что ее старческий маразм — сплошное притворство, он сомневался, что она смогла бы написать такое письмо. Теперь же ему следовало как можно скорее выбраться из клаустрофобии этой спальни, пока его не вывернуло наизнанку на все эти блокноты, устилавшие пол. Когда мистер Райлли стоял рядом, тыча пальцем в свои записи, вонь была ошеломляющей. Он уже нащупывал дверную ручку, когда дурачок Райлли кинулся на дверь всем телом.

— Вы должны мне поверить, — выдохнул он. — У потаскухи Трикси навязчивая идея насчет индюшки или ветчины. Или ростбифа — не припоминаю. Временами мания становилась довольно свирепой и запутанной. Она клялась отомстить за то, что ее вовремя не отправили на пенсию. Враждебность ее переполняла через край.

Мистер Леви слегка оттеснил его в сторону и выбрался в прихожую, где его, как швейцар, поджидала свекольноволосая мамочка.

— Благодарю вас, миссис Райлли, — сказал мистер Леви. Быстрей бы уехать из этого затхлой будки, где разбиваются сердца. — Если вы мне понадобитесь еще, я вам позвоню.

— Это он вам еще понадобится, — выкрикнула ему вслед миссис Райлли, когда он уже сбегал по ступенькам во дворик. — Чтобы там ни было, это Игнациус сделал.

Она кричала что-то еще, но рев мотора заглушил ее слова. Синий дым выхлопа окутал подбитый «плимут», и мистер Леви исчез.

— Добился свойво, да? — выговаривала тем временем миссис Райлли Игнациусу, схватив его за белый халат. — Вот теперь уж точно свалилось на нашу голову, мальчик. Знаешь, что они могут тебе сделать за подложку? Тебя в турьму посодют. Этого бедненького человека на пицот тыщ долларов оштрахуют. Допрыгался, Игнациус? Теперь уж точно свалилось.

— Я вас умоляю, — слабо отозвался Игнациус. Его бледная кожа становилась тускло-белой с серым отливом. Теперь ему было по-настоящему дурно. Клапан его выполнял одновременно несколько маневров, превосходивших по неистовству и оригинальности все, что ему доводилось делать прежде. — Я же говорил вам, что все так и будет, когда устраивался на работу.

Мистер Леви выбрал кратчайший путь к пристани «Улица Желанья». Он промчался по Наполеону к эстакаде над Широкой и выехал на

скоростную трассу; его подхлестывало чувство, служившее отдаленной, но вместе с тем узнаваемой версией решимости. Если ненависть в самом деле заставила мисс Трикси написать это письмо, то вся ответственность за дело Абельмана лежит на миссис Леви. Могла ли мисс Трикси действительно написать нечто столь разумное? Мистер Леви надеялся, что могла. Он быстро проехал по кварталу, где она жила, мимо промелькнули бары и вывески «ВАРЕНЫЕ ЛАНГУСТЫ» и «УСТРИЦЫ В СКОРЛУПЕ», торчавшие отовсюду. Уже в доме он поднялся по следу из обрывков к бурой двери. Постучал, и миссис Леви открыла со словами:

— Поглядите, кто вернулся. Гроза идеалистов. Ты распутал свое дело?

— Возможно.

— А вот теперь ты заговорил как Гэри Купер. Вместо ответа — одно слово. Шериф Гэри Леви. — Она подровняла ногтями выбившуюся из строя аквамариновую ресницу. — Ну, тогда пойдем. Трикси поглощает печенье. Меня уже тошнит.

Мистер Леви оттолкнул супругу и замер перед сценой, которую никогда и вообразить бы себе не мог. «Приют Леви» не подготовил его к созерцанию таких интерьеров, какой он только что покинул на Константинопольской улице, — и

встречи вот с таким он тоже не ожидал. Квартиру мисс Трикси украшали лоскуты, мусор, железяки и картонные коробки. Где-то под всем этим располагалась мебель. На поверхности, тем не менее, обозреваемую территорию составляли тряпье, коробки и газеты. Сквозь середину этой горы был прорублен проход, просека в мусоре, узкая полоса чистого пола, которая вела к окну: возле него на стуле сидела мисс Трикси и вкушала голландское печенье. Мистер Леви прошагал мимо черного парика, свисавшего с какого-то ящика, мимо туфель на высоком каблуке, брошенным на кипу газет. Единственным аспектом омоложения, явно сохраненным мисс Трикси, оставались зубы — они сверкали из под тонких губ, врезаясь в печенье.

— Ты вдруг стал очень немногословен, — заметила миссис Леви. — В чем дело, Гас? Еще одна миссия провалилась?

— Мисс Трикси, — завопил мистер Леви ей в самое ухо. — Вы писали письмо в «Мануфактуру Абельмана»?

— Вот теперь ты уже царапаешь самое дно, — сказала миссис Леви. — Юный идеалист, наверное, снова обвел тебя вокруг пальца. Ты в самом деле заглотил приманку Райлли.

— Мисс Трикси!

— Кого? — рявкнула та. — Должна вам сказать — вы действительно знаете, как отправить человека на пенсию.

Мистер Леви протянул ей письмо. Она подняла с пола увеличительное стекло и всмотрелась в буквы. Зеленый козырек отбрасывал мертвенную тень на ее лицо, на крошки голландского печенья, обсыпавшие ее тонкие губы. Отложив лупу, мисс Трикси удовлетворенно просипела:

— А ведь у вас неприятности.

— Но вы писали это Абельману? Мистер Райлли сказал, что это вы.

— Кто?

— Мистер Райлли. Такое большой, в зеленой шапочке, он раньше работал в «Штанах Леви». — Мистер Леви сунул мисс Трикси под нос утреннюю газету. — Вот этот вот.

Мисс Трикси обратила линзу к газетной странице и промолвила:

— Ох, батюшки. Так вот что с нею стряслось. — Бедная Глория. Она, кажется, ранена. — Так это и есть мистер Райлли?

— Да. Вы его помните, я полагаю. Он утверждает, что это письмо написали вы.

— Правда? — Глория Райлли обманывать не

станет. Кто угодно — только не Глория. Истинная правда. Глория всегда была ей другом. Мисс Трикси попыталась что-то смутно припомнить. Может, она и написала это письмо. Всякое бывало — разве ж все упомнишь. — Ну, наверное и написала. Да. Вы мне теперь напомнили — наверное, я его написала. Поделом вам. Вы меня столько лет с ума сводили. Пенсии нет. Ветчины нет. Ничего нет. Должна вам сказать, что я очень надеюсь, что вы все свое потеряете.

— Вы написали вот это? — переспросила миссис Леви. — После всего, что я для вас сделала, — и вы такое написали? Змею на своей груди пригрели! Можете распрощаться теперь со «Штанами Леви», изменница. В расход, а? Так мы спишем вас в расход!

Мисс Трикси улыбнулась. Этой надоеде будто сала за шкуру залили. Глория же всегда была ее лучшей подругой. А теперь эта надоеда отправится в работный дом. Наверное. Теперь же она бросается на нее, растопырив свои аквамариновые когти. И мисс Трикси заорала.

— Оставь ее в покое, — велел супруге мистер Леви. — Так-так. Сьюзан и Сандре это очень понравится. Их мать так мучает пожилую женщину, что девочкам грозит лишиться всех своих

кардиганов и кюлотов.

— Так. Значит, я во всем виновата, — взъярилась миссис Леви. — Я вставила бумагу в машинку. Я помогала ей тюкать по клавишам.

— Вы написали это письмо, чтобы посчитаться со «Штанами Леви» за то, что вас не отправляют на пенсию?

— Да, да, — туманно промолвила мисс Трикси.

— Подумать только — я так вам доверяла, — брызгала слюной на нее миссис Леви. — Отдавайте мне эти зубы.

Супруг перехватил ее руку, сжавшую челюсть мисс Трикси.

— Тихо! — прорычала та. — Покоя даже в собственной квартире от вас нет.

— Если б не твой идиотский, недоумочный «проект», эта женщина бы уже давно отправилась на покой, — сказал мистер Леви супруге. — Столько лет ты все предсказывала — и теперь *ты* же едва не отправила «Штаны Леви» коту под хвост.

— Понимаю. Ты не ее обвиняешь. Ты валишь все на женщину с высокими стандартами, с идеалами. Если бы в «Штаны Леви» проник взломщик, виноватой осталась бы тоже я. Тебе нужна помощь, Гас. Очень нужна.

— Вот именно. Причем — помощь доктора Лен-

ни, не кого-нибудь.

— Чудесно, Гас.

— Тихо!

— Но звонить доктору Ленни будешь ты. Я хочу, чтобы ты заставила его объявить мисс Трикси сенильной и недееспособной и объяснить ее мотивы при написании такого письма.

— Это твоя проблема, — разозлилась миссис Леви. — Сам и звони.

— Сьюзан и Сандре не понравится, если они узнают о маленькой ошибочке своей мамаши.

— И о шантаже, к тому же.

— Я у тебя кое-чему научился. В конце концов, мы женаты уже некоторое время. — Мистер Леви наблюдал, как на лице супруги играют попеременно злость и страх. В кои-то веки ей было нечем крыть. — Девочкам не захочется знать, какой дурой оказалась их дорогая мамочка. Будь добра — соберись и отвези Трикси к доктору Ленни. С ее признанием и заключением любого врача у Абельмана в этом деле нет ни единого шанса. Тебе лишь придется втащить ее в зал суда и предъявить судье.

— Я очень привлекательная женщина, — автоматически отреагировала мисс Трикси.

— Ну, разумеется, — подтвердил мистер Леви,

склоняясь к ней поближе. — Мы отправим вас на пенсию, мисс Трикси. С повышением. К вам паршиво отнеслись.

— На пенсию? — просипела мисс Трикси. — Должна вам сказать, это неожиданно. Слава богу.

— Вы подпишете заявление о том, что именно вы написали это письмо?

— Конечно, подпишу! — вскричала мисс Трикси. Какая замечательная подруга у нее — Глория. Уж Глория знала, как ей помочь. Глория хитрая. Слава богу, что Глория вспомнила об этом волшебном письме. — Я скажу все, что захотите.

— Мне все вдруг стало ясно, — донесся из-за газетной кипы расстроенный голос миссис Леви. — Меня шантажируют моими же дорогими девочками. Меня сталкивают с пути — чтобы не мешала тебе стать еще большим повесой, чем сейчас. Вот теперь «Штаны Леви» совершенно точно отправятся коту под хвост. А ты думаешь, что прищучил меня.

— Я и так тебя прищучил. «Штаны Леви» и так непременно отправятся коту под хвост. Но не из-за того, что их подорвала одна из твоих игр. — Мистер Леви бросил взгляд на два письма. — Все это дело с Абельманом заставило меня о многом

подумать. Почему, интересно, никто не покупает наши штаны? Потому что они — дерьмо. Потому что они сшиты по тем же выкройкам, которыми двадцать лет назад пользовался отец. Из тех же тканей. Потому что этот старый тиран ничего не хотел менять на фабрике. Потому что он сгнобил всю инициативу, которая была у меня.

— Твой отец был блистательным человеком. Я не потерплю от тебя больше ни единого слова неуважения.

— Заткнись. Дурацкое письмо Трикси подкинуло мне одну мысль. Отныне и впредь мы будем выпускать только бермудские шорты. Меньше хлопот, выше прибыли при меньших затратах. От текстильных фабрик мне понадобится совершенно новая подборка образчиков не требующих глажки тканей. «Штаны Леви» становятся «Шортами Леви».

— «Шорты Леви». Какая роскошь. Не смеши меня. Ты разоришься через год. Готов на все, лишь бы стереть память об отце. Ты не можешь управлять предприятием. Ты — неудачник, повеса, жучок с ипподрома.

— Тихо! Должна вам сказать, что вы ужасные надоеды. Если это, по-вашему, — пенсия, я лучше опять в этих «Штанах Леви» сидеть буду. — И

мисс Трикси метнула в них коробку от печенья. — Убирайтесь теперь из моего дома и чек пришлете по почте.

— Я не смог бы управлять «Штанами Леви». Это правда. Но мне кажется, что я смогу управлять «Шортами Леви».

— Ты вдруг стал очень самоуверенным. — Голос миссис Леви уже срывался в истерику. Гас Леви управляет компанией? Гас Леви — на коне? Что же она скажет Сьюзан и Сандре? Что же она сможет сказать самому Гасу Леви? И что станет с нею? — Фонд, я полагаю, тоже отправляется коту под хвост?

— Разумеется, нет. — Про себя мистер Леви улыбнулся. Наконец, руль выбит из рук супруги, и она пытается проложить хоть какой-то курс по морю смятения — и направление спрашивает у него. — Мы учредим премию. За что там их следовало вручать — за похвальную службу и храбрость?

— Да, — смиренно вымолвила миссис Леви.

— Вот. Вот тебе храбрость. — Он взял газету и ткнул пальцем в негра, стоявшего над поверженным юным идеалистом. — Вот он первую награду и получит.

— Что? Преступник в темных очках? Субъект

с Коньячной улицы? Прошу тебя, Гас. Только не это. Леон Леви лишь несколько лет как умер. Пусть хоть упокоится в мире.

— Это очень практично — такой маневр и сам Леон Леви бы совершил. Большинство наших работников — негры. Нам нужны хорошие общественные связи. Не пройдет много времени, и мне, видимо, потребуется больше лучших работников. А это создаст благоприятный климат для найма.

— Но не *этому* же. — Похоже, миссис Леви тошнило всухую. — Наши награды — для *приличных* людей.

— А где же тот идеализм, за который ты всегда столь рьяно выступаешь? Мне казалось, тебя интересуют группы национальных меньшинств. По крайней мере, ты всегда об этом заявляла. Как бы там ни было. Райлли спасать стоило. Он привел меня к подлинному виновнику.

— Ты не сможешь всю жизнь прожить на одной злобе.

— Это кто тут живет на одной злобе? Я, наконец, делаю что-то конструктивное. Мисс Трикси, где у вас телефон?

— Кого? — Мисс Трикси как раз углубилась в наблюдения за сухогрузом из Монровии, от-

чаливавшим с палубой, забитой тракторами «Международный Комбайн». — У меня нет телефона. Есть в бакалейной лавке за углом.

— Ладно, миссис Леви. Сходи в лавку. Позвони доктору Ленни и в газету: не знают ли они, как отыскать этого Джоунза, хотя у таких людей телефонов обычно не бывает. Попробуй и через полицию тоже. Уж они-то должны знать. Номер дашь мне. Я позвоню ему лично.

Миссис Леви не сводила глаз с супруга: ее раскрашенные ресницы даже не вздрагивали.

— Если пойдете в лавку, можете мне и ветчины на Пасху купить, — проскрежетала мисс Трикси. — Я хочу видеть эту ветчину прямо у себя дома! И никаких лживых разговоров на этот раз не потерплю. Если вам от меня нужно признание, начинайте платить за него.

И она зарычала на миссис Леви, обнажив зубы так, точно они служили каким-то символом, жестом вызова.

— Вот видишь, — сказал мистер Леви супруге. — У тебя есть три причины, чтобы сходить в лавку. — Он протянул ей бумажку в десять долларов. — Я подожду тебя здесь.

Миссис Леви взяла деньги:

— Я полагаю, теперь ты счастлив. Теперь я буду

твой служанкой. Ты занес это над моей головой, как меч. Одна-единственная крохотная недооценка — и мне приходится так страдать.

— Одна крохотная недооценка? Обвинение в клевете на полмиллиона долларов? От чего ты страдаешь? Ты просто идешь в бакалейную лавку за углом.

Миссис Леви повернулась и наощупь двинулась по проходу. Дверь за нею хлопнула, и мисс Трикси, точно тяжелое бремя спало с ее плеч, моментально погрузилась в детскую дрему. Мистер Леви прислушивался к ее храпу и наблюдал за монровийским сухогрузом, выходившим из гавани и сворачивавшим по течению в сторону Залива.

Впервые за несколько дней разум его успокоился, и в сознании поплыли некоторые события, связанные с этим злополучным письмом. Он припомнил написанное Абельману — и перед мысленным взором его явилось другое место, где он слышал подобные выражения. Двор дурачка Райлли, всего час назад. «Ее следует высечь хлыстом». «Монголоид Манкузо». Так значит, в конце концов, письмо написал он. Мистер Леви с нежностью посмотрел на маленькую обвиняемую, храпевшую над своей коробкой голладского

печенья. Ради всех нас, подумал он, вас придется объявить недееспособной и вынудить признаться во всем, мисс Трикси. Вас подставили. Мистер Леви расхохотался вслух. Почему же мисс Трикси созналась так искренне?

— Тишина! — рявкнула мисс Трикси, мгновенно проснувшись.

Дурачка Райлли в самом деле стоило спасать. А он спас себя, мисс Трикси, да и мистера Леви впридачу — по-своему, по-дурковатому. Кем бы ни был этот Бирма Джоунз, щедрую премию он заслужил… или вознаграждение. Предложить ему работу в новых «Шортах Леви» — так будет еще лучше для связей с общественностью. Премию и работу. Хорошее освещение в прессе, увязанное с открытием «Шортов Леви». Ловкий трюк или как?

Мистер Леви смотрел, как сухогруз пересекает устье Промышленного Канала. Скоро миссис Леви тоже окажется на пароходе — на пути в Сан-Хуан. Навестит свою мамашу на пляже — будет смеяться, петь и танцевать. Миссис Леви не очень впишется в новый план «Шортов Леви».

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Игнациус весь день не выходил из комнаты — спазмодически задремывал, а когда часто и тревожно приходил в себя, то набрасывался на свою резиновую перчатку. Весь день телефон в прихожей звонил, не переставая, и с каждым звонком его тревога и нервы расходились все сильнее. Он атаковал перчатку, лишая ее девственности, вонзаясь в нее, покоряя ее. Как к любой знаменитости, к Игнациусу тянулись поклонники: мамашины глазливые родственнички, соседи, люди, которых миссис Райлли не видела годами. Позвонили они все. При каждом звонке Игнациусу мерещилось, что это снова мистер Леви, но всякий раз до него доносились материнские реплики абоненту, уже ставшие душещипательно стандартными: «Ай, ну какой же ужыс, а? Что ж я буду теперь делать, а? Теперь же ж наше доброе имя совсем загибло». Когда сил терпеть это уже не оставалось, Игнациус, колыхаясь, вываливался из своей комнаты и отправлялся на поиски «Доктора Орешка». Если в прихожей ему случалось встретить мамашу, то смотрела она не на него, а, скорее, изучала

ворсистые сферы пуха, что дрейфовали по самому полу в кильватере сына. Казалось, сказать ему просто нечего.

Что же сделает мистер Леви? Абельман, к несчастью, очевидно оказался довольно низкой личностью, субъектом слишком мелким для того, чтобы принять чуточку критики, человеческой молекулой с повышенной чувствительностью. Он обратился с письмом не по адресу; воинственная и мужественная листовка была прочитана не той публике. В данный момент его нервной системе не выдержать судебного прооцесса. Он совершенно расклеится прямо перед судьей. Сколько времени пройдет прежде, чем мистер Леви накинется на него снова, он не знал. Какие маразматические загадки лопотала в уши мистеру Леви мисс Трикси? В ярости и смятении мистер Леви непременно вернется, на сей раз — полный решимости заточить его в узилище. И ждать теперь его возвращения — будто дожидаться казни. Тупая боль в голове не отступала. «Доктор Орешек» на вкус был, как желчь. Абельману явно хотелось денег — и побольше: эта стыдливая мимоза, судя по всему, сильно обиделась. Когда обнаружат подлинного автора письма, что потребует Абельман вместо пятисот тысяч? Жизнь?

«Доктор Орешек» казался кислотой, булькавшей у него в кишках. Игнациус наполнялся газом, и запечатанный клапан не давал ему вырваться наружу — зажмите в пальцах сопло воздушного шарика, и эффект окажется таким же. Монструозные отрыжки вздымались у него в горле и отскакивали вверх, к отягощенной отходами жизнедеятельности миске абажура из молочного стекла. Стоит человеку согласиться и вступить в этот жестокий век, как может прозойти что угодно. Повсюду притаились капканы — Абельман, безжизненные Крестоносцы за Мавританское Достоинство, кретин Манкузо, Дориан Грин, газетные репортеры, стриптизерки, попугаи, фотография, малолетние преступники, фашистские порнографы. А в особенности — Мирна Минкофф. Потребительские товары. Но в особенности — Мирна Минкофф. С мускусной распутницей нужно что-то делать. Как-то. Когда-нибудь. Она должна поплатиться. Что бы ни случилось, он должен будет ею заняться, пусть даже возмездие займет у него многие годы, и ему придется десятилетиями красться за ней из одной кофейни в другую, с одной песенно-народной оргии на другую, с поезда подземки на блат-хату, а оттуда — на хлопковые поля, а оттуда — на демонстрацию. Иг-

нациус призвал на голову Мирны замысловатое елизаветинское проклятие и, перевернувшись, еще раз неистово злоупотребил перчаткой.

Как смеет его мать обдумывать замужество? Только такая недалекая персона, как она, может оказаться столь вероломной. Престарелый фашист будет развязывать одну охоту на ведьм за другой, покуда от некогда полноценного Игнациуса Ж.Райлли не останется нашинкованный болбочущий овощ. Престарелый фашист даст мистеру Леви любые показания, чтобы только будущего пасынка заперли подальше, и он мог бы удовлетворять свои извращенные архаические прихоти с ни о чем не подозревающей Ирэной Райлли, мог бы осуществлять с Ирэной Райлли свои консервативные практики с полностью развязанными руками. На проституток не распространяется защита социального обеспечения и система компенсации по безработице. Вне сомнения, *roue* Робишо они столь сильно влекли. Лишь Фортуне ведомо, чему он научился в их руках.

Миссис Райлли прислушивалась к скрипу и отрыжке, извергавшимся из комнаты сына: вот не было печали, так у него еще что — припадок? Однако, на Игнациуса смореть ей не хотелось. Всякий раз заслышав, как открывается его дверь,

она спешила укрыться в своей комнате и с ним не встречаться. Пятьсот тысяч долларов — такой суммы она и представить себе не могла. Она едва ли могла вообразить то наказание, которое заслуживал бы человек, совершивший что-то столь ужасное, что оно стоило бы пятисот тысяч. Если даже у мистера Леви возник повод к подозрениям, то ей все было предельно ясно. Что бы там ни оказалось, Игнациус это написал. Какая же была бы красота, а? Игнациус с тюрьме. Спасти его можно только одним способом. Она перенесла телефон в дальний угол прихожей, насколько позволял шнур, и уже в четвертый раз за сегодняшний день набрала номер Санты Баттальи.

— Хспти, голуба моя, как ты дёргаисси, — сказала Санта. — Ну что там у тебя опять стряслось?

— Ой, боюсь, Игнациус в такую передрягу запопал, что еще хуже, чем фытография в газете, — прошептала миссис Райлли. — Я в чилифон не могу говорить. Санта, ты как же ж ты права была с самого начала. Игнациуса надо сдать в Благодарительнось.

— Ну, наконец-то. Я уж осипла вся тебе доказывать. Мне тут Клод недавно позвонил. Грит, Игнациус такую сцену в больнице закатил, когда они встретились. Клод грит, он его прям боицца,

такой Игнациус здоровый.

— Ай, ну какой же ж ужыс. В больнице сущий кошмар был. Я уже тебе рассказывала, как Игнациус начал орать. При всех сестрах прямо, при всех больных. Я чуть сквозь землю не провалилась. Клод не сильно сердится, а?

— Он не сердится, но грит, боицца за тебя, что ты одна с ним в этом доме. Спрашивал, может, нам с ним приехать, да с тобой посидеть?

— Ой, только не надо, дорогуша, — поспешно ответила миссис Райлли.

— А теперь еще в какую передрягу он у тебя попал?

— Потом расскажу. Щас могу тебе сказать тока, что про эту Благодарительнось весь день думала и наконец решила. Время пришло. Он мое единственное чадо, но мы должны его вылечить ради его же блага. — Миссис Райлли напряглась, пытаясь вспомнить ту фразу, которую постоянно произносили в судебных постановках по телевизору. — Мы объявим его временно самашетшим.

— *Временно*? — фыркнула Санта.

— Нам надо ему помочь, пока за ним не приехали и не уволокли.

— Да кто ж его уволокёт-то?

— Он, кажется, сильно нашалил, пока в «Шта-

нах Леви» работал.

— Ох ты ж Хосподи! Только этого не хватало. Ирэна! Положь трубку и позвони в Благодарительнось сейчас же, голуба.

— Нет, послушай. Я не хочу тут быть, когда они приедут. То есть, Игнациус — он же такой здоровый. С ним хлопотно будет. Я этого не вынесу. У меня невры и так ни к черту.

— Здоровый — это уж точно. Это как дикого слона ловить. Пусть тогда лучше толстую крепкую сетку захватят, — увлеченно заявила Санта. — Ирэна, лучше ты ничо придумать не могла. Я тебе так скажу. Я щас сама в Благодарительнось позвоню. А ты приежжай суда. Я и Клоду скажу, чтобы приехал. Уж как он обрадуецца, када узнает. Ууу! Уже через неделю на свадьбу приглашать всех будешь. Еще год не кончицца, а у тебя своя недвижнось заведецца, лапуся. И железодорожная пензия.

Миссис Райлли все это нравилось, но она все же спросила с легким сомнением:

— А как же эти камунясты?

В ответ Санта лишь баритонально расхохоталась.

— Мисс Энни позеленеет от зависти, как увидит, как я тут все подлатаю.

— Так ты и скажи этой тетке тогда, ну, например: «Ты тоже выйди, да мясцо свое растряси. Авось и себе недвижнось подлатаешь». — Санта гоготнула. — А таперь ложь трубку, малыша, и давай сюда. Я Благорительноси звоню. Живо давай из дому!

Санта шваркнула трубкой о рычаг прямо в самое ухо миссис Райлли.

Та выглянула в проем передних ставень. Уже было очень темно — это хорошо. Соседи немного увидят, если Игнациуса заберут среди ночи. Миссис Райлли заскочила в ванную, быстро напудрила лицо и фасад платья, нарисовала себе под носом сюрреалистическое изображение рта и кинулась в спальню за пальто. И только дойдя уже до входной двери, остановилась. Нельзя вот так вот расстаться с Игнациусом. Он ее единственное чадо.

Она подкралась к двери спальни и прислушалась к неистовому лязгу кроватных пружин — финальное крещендо, достойное «Пещеры Горного Короля» Грига. Он постучала, но ответа не последовало.

— Игнациус, — печально позвала она.

— Чего вам угодно? — наконец, донесся запыхавшийся голос.

— Я ухожу, Игнациус. Хотела до свиданья сказать.

Тот не ответил.

— Игнациус, открой дверь, — умоляюще попросила миссис Райлли. — Поцелуя же ж меня на прощанье, дуся.

— Я себя ощущаю далеко не лучшим образом. Я едва могу пошевелить членами.

— Скорее, сынок.

Дверь медленно отворилась. Игнациус высунул в прихожую жирную серую физиономию. На материнские глаза навернулись слезы, когда она снова увидела бинты.

— Поцелуй меня, дуся. Жалко же ж, что все должно так закончиться.

— И что означают все эти слезливые клише? — с подозрением осведгомился Игнациус. — С чего это вдруг вы стали так любезны? Неужели вас нигде не поджидает никакой пенсионер?

— Ты был прав, Игнациус. Ты не можешь ходить на работу. Мне надо было раньше догадаться. Надо было попробовать этот долг как-то по-другому заплатить. — По щеке миссис Райлли скользнула слеза, оставив в пудре дорожку чистой кожи. — Если позвонит этот мистер Леви, чилифон не бери. Я о тебе позаботюсь.

— О мой Бог! — взревел Игнациус. — Только этого мне еще не хватало. Одному провидению известно, что вы планируете. Куда вы собрались?

— Сиди дома и не бери чилифон.

— Это еще почему? В чем дело? — В налитых кровью буркалах сверкнул испуг. — С кем это вы там шептались по телефону?

— Об мистере Леви волноваццa не надо, сынок. Я все сама тебе сделаю. Помни только, что твоя бедная мамуля тебя близко с серцу берегёт.

— Вот этого я как раз и опасаюсь.

— И никогда — никогда не злись на меня, дуся, — сказала миссис Райлли и, подпрыгнув в туфлях для кегельбана, которых не снимала с прошлого вечера, когда ей позвонил Анджело, обняла сына и чмокнула его в усы.

Потом отпустила его и поспешила к двери. На пороге она обернулась и выкрикнула на прощанье:

— Прости, что я в тот дом въехала, Игнациус. Я тебя люблю.

Ставни хлопнули. Она ушла.

— Вернитесь, — загромыхал ей вслед Игнациус. Он рванул ставни, но ископаемый «плимут», лишившийся крыла и обнаживший одно колесо, точно гоночный автомобиль, с ревом уже прихо-

дил в себя. — Вернитесь, прошу вас. Мамаша!

— Ай, да заткнись же ты, — заверещала из тьмы мисс Энни.

Мать определенно что-то задумала — некий неуклюжий план, некий тайный замысел, призванный погубить его навсегда. Почему ей так хотелось, чтобы он сидел дома? Она ведь и без того знала, что в нынешнем состоянии он никуда пойти не в силах. Игнациус нашел номер Санты Баттальи и набрал его. Он должен поговорить с матерью.

— Это Игнациус Райлли, — произнес он, когда Санта подошла к телефону. — Ожидаете ли вы сегодня вечером у себя мою родительницу?

— Нет, не поджидаю, — холодно ответила та. — Я с твоей мамочкой сёдни весь день не говорила.

Игнациус повесил трубку. Что-то затевается. Он же слышал, как мать по крайней мере два или три раза за день по телефону называла ее по имени. А последний звонок, эти переговоры шепотом сразу перед тем, как она так поспешно выскочила из дому. Мать шепталась только с потаскуньей Баттальей — да то лишь когда они секретничали. И Игнациус немедленно заподозрил, в чем истинная причина столь душераздирающе окончательного материнского прощания. Она

ведь уже проболталась, что сводня Батталья порекомендовала устроить ему каникулы в психиатрическом отделении Благотворительной больницы. Все сходится. В клинике ни Абельман, ни Леви не смогут привлечь его к суду — или кто там закрутил все это дело. А может быть, подадут оба: Абельман — за диффамацию личности, а Леви — за подлог. Ограниченному разуму матери психиатрическая лечебница представлялась бы привлекательной альтернативой. Очень на нее похоже — с наилучшими намерениями обуздать сына смирительной рубашкой и испечь ему мозги электро-судорожной терапией. Разумеется, мамаша могла обо всем этом и не помышлять. Тем не менее, имея с нею дело, лучше всего быть готовым к самому худшему. Сама по себе ложь батской ткачихи[76] Баттальи его не слишком успокоила.

В Соединенных Штатах вы невиновны, пока не доказали вашу вину. Возможно, мисс Трикси во всем призналась. Почему тогда мистер Леви не перезвонил? Игнациуса ведь не должны упрятать в дурдом, если юридически он по-прежнему невиновен в том, что написал это письмо. Его

---

[76] notes: 76
Лживая героиня «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера.

мать в своей обычной манере отреагировала на визит мистера Леви иррациональнее и нервознее некуда. «Я о тебе позаботюсь». «Я все сама тебе сделаю». Это уж точно — позаботится. Как вдарят из брандспойта. Какой-нибудь кретин-психоаналитик попытается охватить мысленным взором всю уникальность его мировоззрения. А осознав тщету попыток, в раздражении запихнет его камеру площадью три квадратных фута. Нет. Об этом не может быть и речи. Уж лучше узилище. В тюрьме хотя бы сковывают только физически. А в клинике лезут в душу, в мировоззрение, в разум. Он никогда этого не потерпит. Мамаша же так извинялась за эту таинственную защиту, под которую собиралась его взять. Все указывало в сторону Благотворительной больницы.

О, Фортуна, паскудная девка!

Теперь он ковылял по всему домишке, точно подсадная утка. Прицелы всех мускулистых больничных головорезов устремлены на него. Игнациус Райлли, тарелочка для стрельбы. Мать, конечно, могла отправиться на свою очередную кегельную вакханалию. С другой стороны, зарешеченный грузовик мог уже нестись на всех парах к Константинопольской улице.

Бежать. Бежать.

Игнациус заглянул в бумажник. Тридцать долларов исчезли — очевидно, мамаша конфисковала их еще в больнице. Он посмотрел на часы. Почти восемь. В дреме, перемежавшейся атаками на перчатку день и вечер промелькнули довольно быстро. Игнациус обыскал всю комнату, вороша и расшвыривая блокноты «Великий Вождь», топча листы и выволакивая их кипы из-под кровати. Набралась горсть мелочи. Он обшарил ящики стола и насобирал еще несколько монет. Шестьдесят центов — такая сумма сужала его возможности и блокировала некоторые маршруты побега. Зато, по крайней мере, он мог обрести пристанище на весь остаток вечера — в «Притании». Когда же кинотеатр закроется, он мог бы незаметно пробраться по Константинопольской к дому и проверить, не вернулась ли мать.

Последовал лихорадочный приступ небрежного одевания. Красная фланелевая сорочка взлетела парусом вверх и повисла на люстре. Он вогнал ступни в сапоги пустынной модели и прыжком, насколько мог проворно, вскочил в твидовые брюки, которые едва сходились в поясе. Рубашка, шапочка, куртка. Игнациус вслепую натянул все на себя и выскочил в прихожую,

шваркая бортами по тесным стенам. Едва он протянул руку к парадной двери, как раздалось три громких удара в ставни.

Вернулся мистер Леви? Клапан Игнациуса испустил сигнал тревоги, который немедленно отозвался в руках. Он почесал мурашки на лапах и выглянул в щелочку, рассчитывая увидеть несколько волосатых больничных громил.

На крыльце в бесформенной, затасканной автомобильной куртке из оливкового вельвета в рубчик стояла Мирна. Ее черные волосы были забраны в хвост, изгибавшийся змеей под одним ухом и спускавшийся на грудь. Через плечо была перекинута гитара на ремне.

Игнациус чуть было не ринулся напролом, прямо сквозь ставни, срывая задвижки и щепки, не схватил ее за эту веревку из волос, не обмотал ей вокруг горла и не сдавил бы, покуда она бы не посинела. Но разум возобладал. Он видел не Мирну — он видел путь к спасению. Фортуна смягчилась. Она оказалась не настолько извращенной, решив не завершать этот порочный круг тем, чтобы удушить его в смирительной рубашке, запечатать его в гробнице из цементных плит, освещенной флюоресцентными трубками. Фортуне хотелось примирения. Ей как-то удалось призвать и вы-

дернуть распутницу Мирну из какой-нибудь трубы подземки, из цепочки демонстрантов, из едко воняющей постели очередного евразийского экзистенциалиста, из когтей очередного припадочного негра-буддиста, из многоречивой гущи группы групповой терапии.

— Игнациус, ты еще на этой помойке или уже нет? — спросила Мирна. Голос ее звучал монотонно, резко, немного враждебно. Она опять забарабанила по ставням, щурясь сквозь очки в черной оправе. Зрение у Мирны было хорошим, а в очки вставлено простое стекло: она носила их, чтобы доказать свою идейность и преданность цели. В болтавшихся серьгах, будто в позвякивающих украшениях китайского стекла, играли лучи уличного фонаря. — Слушай, я же знаю, что внутри кто-то есть. Я слышала, как ты топочешь по прихожей. Открывай сейчас же эти вшивые ставни.

— Да, да, я здесь, — возопил Игнациус. Он разодрал ставни, едва не снеся их с петель. — Хвала Фортуне, что ты приехала.

— Господи. Ты выглядишь ужасно. Точно у тебя нервный срыв или типа того. Зачем бинты? Игнациус, что произошло? Посмотри, сколько лишнего веса ты набрал. Я только что прочла эти

твои жалкие вывески на крыльце. Ну и досталось же тебе.

— Я прошел сквозь ад, — залепетал Игнациус, втаскивая Мирну за рукав куртки в прихожую. — Зачем ты ушла из моей жизни, распутница? Твоя новая прическа чарующа и космополитична. — Он схватил ее за хвост, прижал его к мокрым усам и с силой расцеловал. — Аромат копоти и окиси углерода в твоих волосах возбуждает меня намеками на блистательный Готам. Мы должны отправиться в путь незамедлительно. Я должен расцвести на Манхэттене полным цветом.

— Я подозревала, что что-то не так. Но *такое*. Ты в самом деле в очень плохой форме, Иг.

— Быстро. В мотель. Мои естественные импульсы исходят в крике, требуя высвобождения. У тебя есть с собой деньги?

— Хватит издеваться надо мной, — разозлилась Мирна. Она выхватила промокший хвост из лап Игнациуса и закинула за плечо. Волосы со звоном ударились о гитару. — Слушай, Игнациус. Я без гроша. Я в дороге с девяти часов вчерашнего утра. Как только я отправила тебе это письмо про то, что нужно делать с Партией Мира, я сказала себе: «Мирна. Послушай. Этому парню ведь одного письма мало. Ему нужна твоя помощь. Он быстро

идет на дно. Достаточно ли ты идейна для того, чтобы спасти разум, разлагающийся прямо у тебя на глазах? Достаточно ли ты преданна, чтобы реставрировать руины этого менталитета?» Я вышла из почтового отделения, села в машину и просто поехала. И ехала всю ночь. Прямо. В том смысле, что чем больше я размышляла об этой твоей дикой телеграмме насчет Партии Мира, тем больше расстраивалась.

Очевидно, с достойными идеями на Манхэттене у Мирны не все обстояло благополучно.

— Я не виню тебя, — возопил Игнациус. — Разве не ужасна была та телеграмма? Полоумная фантазия. Я барахтался в глубинах депрессии много недель. После всех тех лет, что я провел бок о бок с матерью, ей вдруг взбрело в голову выскочить замуж, и теперь она не хочет, чтобы я путался под ногами. Мы должны уехать. Я не вынесу этого дома более ни секунды.

— Что? Кому понадобилось жениться на *ней*?

— Хвала Господу, что ты понимаешь. Сама видишь, насколько все стало смехотворно и невозможно.

— И где она? Мне бы хотелось очертить этой женщине контуры того, что она с тобой сделала.

— В данный момент ее голос крови проходит

где-то неудачное прослушивание. Я не желаю ее больше видеть.

— Еще бы. Бедный ребенок. И что ты тут делал, Игнациус? Просто валялся в дурмане на кровати?

— Да. Много недель подряд. Я был обездвижен апатией невротического свойства. Помнишь ли ты эту мою бредовую фантазию об аварии и аресте? Я написал то письмо, когда мать впервые встретилась с этим распутным пенсионером. Именно тогда мой эквилибриум впервые покачнулся. С тех пор я непрерывно катился все дальше вниз, и перигеем стала шизофрения этой Партии Мира. Таблички, которые ты видела снаружи, стали просто еще одним физическим проявлением моих внутренних мук. Моя психотическая жажда мира, вне всякого сомнения, была просто желаемой попыткой прекратить боевые действия, развернувшиеся на этой крошечной жилплощади. Я могу быть только благодарен, что ты оказалась чутка настолько, чтобы подвергнуть анализу мою вымышленную жизнь, воплощавшуюся в тех письмах. Слава всевышнему, что эти сигналы бедствия оказались зашифрованы тем кодом, который ты смогла понять.

— Да я по одному твоему весу могу определить,

насколько пассивен ты был.

— Я набрал его, нескончаемо валяясь в постели и пытаясь обрести утоление и сублимацию в еде. А теперь нам следует бежать. Я должен покинуть этот дом. Он вызывает у меня кошмарные ассоциации.

— Я давно говорила тебе: выбирайся отсюда. Пошли, давай соберем тебе вещи. — Монотонный голос Мирны оживился. — Просто фантастика. Я знала, что рано или поздно ты вырвешься ради того, чтобы сохранить свое душевное здоровье.

— Если бы я только послушался тебя раньше, мне не пришлось бы переживать весь этот ужас. — Игнациус обхватил Мирну и едва не размазал ее вместе с гитарой по стене. Он заметил, что она вне себя от радости — она нашла, наконец, законную идейную цель, настоящую историю болезни, новое движение. — На небесах тебе найдется место, моя распутница. А теперь — скорее прочь.

Он попытался вытянуть ее за собой на крыльцо, но она сказала:

— Ты разве не хочешь ничего взять с собой?

— О, разумеется. Все мои заметки и наброски. Они не должны попасть в руки моей матери. Она может заработать на них целое состояние.

Ирония такого исхода была бы слишком велика. — Они вошли к нему в комнату. — Кстати, тебе не помешает знать, что мать моя наслаждается сомнительными знаками внимания фашиста.

— Да что ты?

— Да. Посмотри. Можешь вообразить, как они меня здесь терзали?

Он протянул Мирне одну из брошюр, которые мать подсовывала ему под дверь. «Ваш Сосед — Действительно Американец?» Мирна прочла надпись на полях обложки: «Прочтите это, Ирэна. Это полезно. В конце там есть несколько вопросов, которые можно потом задать вашему мальчику».

— Ох, Игнациус! — простонала Мирна. — Как же это все было?

— Травматично и ужасно. В данный момент мне кажется, что все они собрались где-то на бичевание какого-нибудь умеренного, выступление которого в защиту Организации Объединенных Наций мать подслушала сегодня утром в бакалейной лавке. Она бормотала об этом инциденте сегодня весь день. — Игнациус рыгнул. — Я пережил недели террора.

— Странно, что твоей матери нет. Раньше она постоянно где-то тут была. — Мирна повесила

гитару на столбик кровати и растянулась на постели. — Эта комната. Как мы с тобой тут оттягивались — обнажали друг другу свои умы и души, сочиняли манифесты против Талька. Этот наш розыгрыш наверняка в школе до сих пор вспоминают.

— Я мог бы себе вообразить, — рассеянно ответил Игнациус. Только бы Мирна слезла с постели. Вскоре разум ее захочет обнажить и другие вещи. Как бы там ни было, из дома надо поскорее выбираться. Он залез в чулан — искал дорожную сумку, купленную ему матерью перед той катастрофической поездкой в лагерь для мальчиков, где он продержался один день, когда ему было одиннадцать лет. Он рылся лапами в куче пожелтевших подштанников, как собака, откапывающая кость, дугой отшвыривая исподнее назад. — Вероятно, тебе имеет смысл восстать с ложа, моя лилейная малютка. Нужно еще уложить блокноты, собрать все записи. Можешь заглянуть под кровать.

Мирна соскочила с влажных простыней:

— Я пыталась описать тебя своим друзьям в группе групповой терапии — как ты работаешь вот в этой самой комнате, наглухо закрывшись от всего общества. Такой странный средневековый разум в своей аскезе.

— Вне всякого сомнения, это их заинтриговало, — пробурчал Игнациус. Отыскав сумку, он набивал ее подобранными с пола носками. — Вскоре они смогут лицезреть меня во плоти.

— Погоди, пока они не услышат всю эту оригинальность, так и льющуюся из твоей головы.

— Хо-хм, — зевнул Игнациус. — Возможно, мамаша оказала мне великую услугу, решив повторно выйти замуж. Эти эдиповы узы уже начали меня тяготить. — В сумку отправился йо-йо. — Очевидно, по всему Югу ты проехала в безопасности.

— У меня в действительности не было ни минуты на остановки по дороге. Почти тридцать шесть часов — гнала, гнала, гнала вперед. — Мирна складывала блокноты «Великий Вождь» в стопки. — Вчера ночью я, правда, остановилась в негритянской забегаловке, но меня не захотели обсуживать. Мне кажется, их отпугнула гитара.

— Не иначе. Тебя приняли за мужиковатую народную певицу. Мне приходилось общаться с такими людьми. Они довольно ограниченны.

— Я не могу поверить, что я *в самом деле* вытаскиваю тебя из этого подземелья, из этой дыры.

— Невероятно, правда? Подумать только — столько лет я противился твоей мудрости.

— В Нью-Йорке у нас будет сущая фантастика. Честно.

— Жду не дождусь, — ответил Игнациус, укладывая в сумку кашне и абордажную саблю. — Статуя Свободы, Эмпайр Стейт Билдинг, восторг бродвейской премьеры с моими любимыми звездами музкомедии. Треп над эспрессо в Деревне с самыми дерзкими умами современности.

— Наконец-то ты за себя взялся по-настоящему. В самом деле. Мне до сих пор не верится в то, что я сегодня за вечер услышала в этой хибаре. Мы займемся твоими проблемами. Ты вступаешь в совершенно новую витальную фазу. Бездеятельности конец. Это я точно могу сказать. Я это слышу. Ты только подумай о той великой мысли, что потоком польется из этой твоей головы, когда мы окончательно вычистим всю паутину, все табу и уродующие тебя привязанности.

— Одному господу известно, что тогда произойдет, — безразлично ответил Игнациус. — Мы должны ехать. Сейчас же. Должен предупредить тебя — моя мать может вернуться в любой момент. Если я увижу ее снова, я кошмарно регрессирую. Мы должны спешить.

— Игнациус, ты скачешь по всей комнате. Успокойся. Худшее позади.

— Еще нет, — быстро сказал Игнациус. — Мама-ша может возвратиться вместе со своей бандой. Ты бы их видела. Сторонники белого господства. Протестанты или даже хуже. Давай, я захвачу еще лютню и трубу. Все ли блокноты собраны?

— От того, что здесь написано, дух захватывает, — сказала Мирна, тыча пальцем в блокнот, страницами которого шелестела. — Жемчужины нигилизма.

— Это всего лишь фрагмент целого.

— А ты разве не оставишь матери никакой горькой прощальной записки, никакого внятного протеста — ничего?

— Едва ли это будет того стоить. На осознание написанного у нее уйдут недели. — Игнациус одной рукой прижал к себе лютню и трубу, а другой подхватил сумку. — Я тебя умоляю — только не урони вот эту папку. В ней содержится мой Дневник — социологическая фантазия, над которой я все это время трудился. Это моя самая коммерческая работа. Изумительные возможности для экранизации в руках Уолта Диснея или Джорджа Пэла[77].

---

[77] notes: 77

Джордж Пэл (1908-1980) — венгерский мастер кукольной анимации, чьи короткометражные рекламные фильмы оживляли кинопрограммы в 30-х годах.

— Игнациус. — Мирна остановилась в дверях с кипами блокнотов в руках и какое-то время просто шевелила бесцветными губами прежде, чем заговорить, точно репетировала в уме поздравительную речь. Усталыми после дороги глазами, сквозь поблескивавшие стекла очков она вглядывалась в лицо Игнациуса. — Это очень важное мгновение. Я чувствую себя так, будто кого-то *спасаю*.

— Спасаешь, спасаешь. А теперь нам следует бежать. Я тебя умоляю. Поболтаем позже. — Игнациус протиснулся мимо нее и заковылял к машине, открыл заднюю дверцу крошечного «рено» и влез внутрь, устраиваясь между плакатами и связками брошюр, которыми было завалено все сиденье. В машине пахло как в газетном киоске. — Поспеши! У нас нет времени разыгрывать перед домом *tableau-vivant*[78].

— В смысле — ты что, в самом деле собираешься тут сидеть? — озадаченно спросила Мирна, вываливая туда же своей груз блокнотов.

— Разумеется, собираюсь, — проревел Игнациус. — Я совершенно определенно не намерен лезть в смертельный капкан твоего переднего

---

[78] notes: 78
Живую картину (фр.)

сиденья для движения по скоростной трассе. Забирайся же в эти свои ходунки и увози нас отсюда.

— Погоди. Там еще много блокнотов осталось. — Мирна вбежала в дом. Гитара колотила ее по спине. Вернулась она с новой охапкой бумаг и остановилась на кирпичной дорожке, озирая дом в последний раз. Игнациус понимал, что она пытается *запечатлеть* эту сцену: Элайза на льду с чрезвычайно крупным гением на руках. Однако, в отличие от Гарриет Бичер Стоу, Мирна — источник раздражения — никуда не делась. Наконец, отозвавшись на призывы Игнациуса, она спустилась к машине и сбросила вторую порцию блокнотов прямо ему на колени. — Мне кажется, под кроватью еще есть.

— Ну их к черту! — завопил Игнациус. — Садись и заводи эту дрянь. О мой Бог. Да не суй ты мне эту гитару прямо в лицо. Почему бы тебе не завести себе ридикюль, как подобает приличной девушке?

— Засунь его себе в ноздрю, — рассвирепела Мирна. Она втиснулась на переднее сиденье и включила зажигание. — Где ты хочешь провести ночь?

— Провести ночь? — загрохотал Игнациус. —

Мы нигде не проводим никакой ночи. Мы едем прямо — и всё.

— Игнациус, да я же сейчас замертво рухну. Я со вчерашнего утра в этой машине.

— Ну, по крайней мере, давай хоть за озеро Поншартрэн заедем.

— Ладно. Свернем на дамбу и остановимся в Мандевилле.

— Нет! — Эдак Мирна завезет его прямиком в раскрытые объятья какого-нибудь психиатра в состоянии полной боевой готовности. — Туда нельзя. Там вода заражена. У них там эпидемия.

— Да? Тогда по старому мосту в Слайделл.

— Хорошо. В любом случае, так намного безопаснее. В эту дамбу постоянно врезаются баржи. Нас сбросит в озеро, и мы утонем. — «Рено», тяжело присев на заднюю ось, медленно набирал скорость. — Этот автомобиль довольно-таки мал для моих габаритов. Ты уверена, что знаешь, как ехать в Нью-Йорк? Я серьезно сомневаюсь, что смогу выдержать больше одного-двух дней в этом эмбриональном положении.

— Эй, что это вы, битники, там затеяли? — слабо донесся до них из-за ставень голос мисс Энни. «Рено» выехал на середину улицы.

— А эта старая стерва до сих пор там живет? —

спросила Мирна.

— Заткнись и увози нас отсюда поскорей!

— Ты всю дорогу будешь меня так доставать? — Мирна прожгла взглядом зеленую шапочку в зеркале заднего вида. — То есть, лучше сразу скажи.

— О мой клапан! — булькнул Игнациус. — Я тебя умоляю — только не устраивай мне сцен. Моя психика совершенно рассыпется после бомбардировок последнего времени.

— Прости. Мне просто на какой-то миг показалось, что все будет как прежде: я веду машину, а ты с заднего сиденья действуешь мне на нервы.

— Я определенно надеюсь, что на севере снега нет. Моя система просто откажется функционировать при таких условиях. И очень тебя прошу — по дороге держись подальше от туристических «грейхаундов». Они расплющат такую игрушку, как у тебя.

— Игнациус, я вдруг узнаю прежнего кошмарного тебя. Мне сразу кажется, что я совершаю гигантскую ошибку.

— Ошибку? Ну разумеется, нет, — любезно произнес Игнациус. — Осторожнее — карета скорой помощи. Стоит ли начинать наше паломничество с дорожного происшествия?

Когда они поравнялись со скорой помощью, Игнациус пригнул голову и разобрал на ее борту надпись: «Благотворительная больница». В какое-то мгновение мигалка на ее крыше плеснула на «рено» красным отблеском, когда машины разъехались. Игнациус был уязвлен — он ожидал массивного грузовика с решетками. Выслав за ним допотопную, видавшую виды карету, они его недооценили. Ему легко бы удалось расколотить все ее окна. Затем огоньки на хвостовых плавниках медицинского «кадиллака» остались в паре кварталов позади, и Мирна свернула проспект Св. Чарлза.

Теперь, когда Фортуна спасла его от одного цикла, — куда она повернет свое колесо? Новый цикл окажется столь непохожим на все, что ему доводилось испытывать прежде.

Мирна мастерски подгоняла «рено» и лавировала им в потоке машин, выбираясь с невозможно узких полос движения, пока они не миновали последний немощный фонарь последнего болотистого пригорода. Теперь, среди раскинувшихся солончаков их обступала тьма. Игнациус бросил взгляд на указатель, сверкнувший в лучах фар. Федеральная трасса 11. Табличка пролетела мимо. Он отвернул стекло вниз на пару дюймов

и набрал грудью соленый воздух, которым на болота дышал далекий Залив.

Точно глоток воздуха стал очистительной клизмой, клапан его открылся. Игнациус сделал еще один вдох — на сей раз поглубже. Тупая боль в голове отступала.

Он благодарно уставился Мирне в затылок, на хвост ее волос, невинно подметавший ему колени. Благодарно. Какая ирония, подумал Игнациус. И стиснув этот хвост одной лапой, он с чувством прижал его к влажным усам.